

С Л А В Я Н И Н Ъ,

ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Воейковъ млб.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

№. I.

Да помнишь Славянинъ,
Что онъ наперсникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ!
Друзья! опцы предъ нами:
На тѣхъ же мы цвѣшемъ поляхъ,
Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли!
Предъ нами та жъ дорога,
По коей дѣды прошекли
За Русь, Царя и Бога.

Жуковскій.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

Печатаемо въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

1 8 5 0 г о д а .

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О :

Съ тѣмъ, чшобы по папечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предспавлено было въ Цензурный Комитетъ шри экземпляра.

С. П. Б. Генваря 4 дня 1830 года.

Цензоръ *К. Сербиновичъ.*

С Л А В Я Н И Н Ъ.

Ч А С Т Ъ XIII.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е

В О Е Н Н О Е.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ АЗІАТСКОЙ
ТУРЦІИ, ВЪ 1829 ГОДУ, ДО ВЗЯТІЯ
АРЗЕРУМА.

20 Февраля. Мужественная защита крѣпости Ахалцыха. Кампанія сего года въ Азіатской Турціи открыта печальнымъ нападеніемъ Турокъ на Ахалцыхъ. Ночью на 20 число корпусъ Турецкихъ войскъ свыше 20-ти тыс. чел. пѣхоты, подъ предводительствомъ *Ахметъ-Бека* Аджавскаго, выступивъ изъ предѣловъ сего Ханства, сосѣдняго съ Ахалцыхомъ, на разсвѣтѣ ворвался въ форшпанъ сей крѣпости, бросился на штурмъ и приступилъ къ первой стѣнѣ города. Непоколебимою твердостью, командовавшаго въ крѣпости, Генераль-Маіора Князя *Бebutова* и примѣрною храбростію гарнизона, непріятель, не взирая на всѣ свои усилія, принужденъ былъ отступить съ значительнымъ урономъ, и потомъ повелъ правильную осаду.

24-ое Турки покушались взорвать часть укрѣпленій и опныть у осажденныхъ воду. Но отвѣтная вылазка, произведенная Подпоручикомъ *Лацынниковымъ* съ 30-ю солдатами, разрушила сіе предпріятіе. 1 и 2 Марта *Ахметъ-Паша* щещно требоваль сдачи. Турки потеряли при сей осадѣ до 4,000 чел. Съ нашей стороны убито 24 чел. нижнихъ чиновъ, ранено: 2 Офицера и 52 рядовыхъ, оконшужено 2 Офицера и 14 нижнихъ чиновъ.

27 Февраля. Овладѣніе первою переправою чрезъ рѣку Куру. Генераль-Адъютантъ Графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, узнавъ объ осадѣ Ахалцыха, отрядилъ въ подкрѣпленіе онаго и для прикрытія прочихъ крѣпостей, въ шой справѣ нами занятыхъ, 2 полка пѣхошты, 1 козацій полкъ и 10 орудій артиллеріи. Быстрое движеніе сего отряда, остановлено было непріятелемъ на р. Курѣ, которая, по причинѣ излучистаго теченія своего, друкратно пересѣкаетъ дорогу къ Ахалцыху. Полковникъ *Бурцовъ* съ головою колонны занялъ первую переправу чрезъ сію рѣку. Въ продолженіе 2 сутокъ, Турки усиливались овладѣть занятою переправою, но войска наши опразили

ихъ и удержали свою позицію.

2 Марша. Овладѣніе второю переправою чрезъ рѣку Куру. Полковникъ *Бурцовъ*, успроивъ поромы, переправилъ весь отрядъ свой на правой берегъ сей рѣки, дабы обойти непріятеля и завладѣть второю переправою. Движеніе сіе начашо было ввечеру 1 Марша: узкое теченіе Куры раздѣляло колонну нашу отъ огней Турокъ, коихъ даже разговоры были слышны, но войска наши шли съ такою тишиною, что не были замѣчены непріятелемъ, который, увидя на разсвѣтъ вторую переправу въ рукахъ нашихъ, и бывъ опрѣзанъ отъ Ахалцыха, разсѣлся по вершинамъ горъ и совершенно скрылся.

4 Марша. Снятіе осады Ахалцыха. Непріятель, облежавшій сію крѣпость, узнавъ о приближеніи нашего секурса, передъ разсвѣтомъ снялъ осаду и отступилъ съ поспѣшностію. Командовавшій въ крѣпости Генераль-Маіоръ Князь *Бебутовъ*, не смотря на успалость малочисленнаго гарнизона, съ 20 Февраля почти безсмѣнно находившагося на снѣгахъ, преслѣдовалъ на нѣсколько верстъ непріятеля съ 5-ью ротами пѣхотнаго Графа *Эриванскаго* полка, нанесъ ему значительную

поперю и отбилъ 4 орудія, 1 морпирю и 2 знамя, большое количество зарядовъ и множество плѣнныхъ.

4 Марша. Вытѣсненіе непріятеля изъ позиціи предъ Ацхуромъ. По вступленіи опрѣда Полковника *Бурцова* въ Ахалцыхъ, Турки хотѣли еще удерживаться въ ущельи предъ Ацхуромъ; но Полковникъ *Бурцовъ* искуснымъ маневромъ обошелъ ихъ и принудилъ оставить весьма крѣпкую позицію. *Ахметъ-Паша* не рѣшился дать полевого сраженія и отступилъ.

5 Марша. Сраженіе между г. Кинтришами и Николаевскою крѣпостью. 3-хъ-Бунчужный Паша Трапезонтскій *Кея-Оглу* съ 8,000 корпусомъ расположился между г. Кинтришами и Николаевскою крѣпостью, укрѣпивъ свой лагерь и сдѣлавъ впереди онаго три завала. Онъ ожидалъ прибытія 10-ти-тысячнаго корпуса, шедшаго къ нему изъ Трапезонта. Генераль-Маіоръ *Гессе* рѣшился предупредить непріятеля. Соединивъ часть своего опрѣда до 1,200 чел. пѣхопы и 1,300 Гурійской милиціи съ 6-ю орудіями, онъ выступилъ изъ Николаевской крѣпости и слѣдовалъ по берегу моря, приказавъ милиціи идти по верхней до-

рогъ, ведущей лѣсомъ. Первый Турецкій заваль ашакванъ былъ съ такою быспропою, что непріятель обратился въ бѣгство, очиспивъ оспальныя два завала, и скрылся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Здѣсь опрядъ нашъ встрѣченъ былъ сильнымъ огнемъ: Генераль-Маіоръ *Гессе*, съ помощію успроенной бапарей, приказалъ взять лагерь шшурмомъ. Одно шолько бѣгство спасло непріятеля опъ совершеннаго истребленія. Потеря его убишыми и ранеными просширалась до 1,000 человекъ. Мы лишились убишыми: 1 Офицера, 3 дворянъ Гурійской милиціи и 36 нижнихъ чиновъ; число раненыхъ просширалось до 150 человекъ.

2 Апрель. Поискъ на лѣвомъ флангѣ опдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Сильная паршія Куршинцевъ напала на Хамурскія деревни: Хапропикъ, Безаръ-Хана и Грыкале. Полковникъ *Шамшевъ*, расположенный съ опрядомъ у селенія Кумлуджи, для возвращенія похищеннаго у жипелей, немсденно опрядилъ шуда, подѣ командою ввѣреннаго ему полка Есаула *Карасева*, бо человекъ козаковъ и одну роту Козловскаго пѣхотнаго полка. Есауль *Карасевъ* наспигъ Куршинцевъ въ 40

верспахъ опъ селенія Аумлуджи, по дорогѣ къ Пашносу; арріергардъ ихъ, по приближеніи козаковъ, открылъ сильный ружейный огонь; но смѣлый *Карасевъ* рѣшительнымъ ударомъ смялъ ихъ совершенно, положилъ на мѣстѣ болѣе 40 человекъ и взялъ въ плѣнъ 20 человекъ съ старшиною ихъ *Ахметъ-Агою*; прочіе же спаслись бѣгствомъ. Съ нашей стороны ранено было: урядникъ 1, козаковъ 4; лошадей козачьихъ убито 3, ранено 4; козаки получили при семъ добычу изъ лошадей и разнаго оружія.

1 Мая. Сраженіе при деревнѣ Цурцахъ. Командовавшій въ Ахалцыхъ Генераль-Маіоръ Князь *Бebutovъ*, узнавъ о новомъ намѣреніи перфіяшеля напасть на сію крѣпость, для коего предположилъ онъ собрать значительнѣйшія силы въ Пацховскомъ Санджакѣ, за нѣпомъ уже *Ахметъ-Ханомъ*, отрядилъ Генераль-Маіора *Бурцова* для поисковъ на сего Хана. *Бурцовъ*, выступивъ съ 10-ью ротами, 5-ью легкими орудіями и 200 козаковъ, узналъ на пути, что *Ахметъ-Ханъ* отправился на разграбленіе Христіанскихъ деревень Ардаганскаго Санджака. Обратясь къ деревнѣ Цурцахъ, Генераль-Маіоръ *Бурцовъ* нашелъ тамъ

непріятеля со всѣми силами. Не смотря ни на чрезвычайное превосходство непріятельскихъ силъ, ни на всѣ преимущества ихъ позиціи, онъ предпочелъ атаку неприспунныхъ высотъ ими занятыхъ, опступленію къ Ахалцыху, опспоявшему болѣе 50 верстъ, и рѣшишельно ударилъ на непріятеля. Поражая его штыками и перегоняя толпы его съ одной высоты на другую, Русскій Генералъ подошелъ къ самой стѣнѣ, окружавшей деревню Цурцбахъ, и принужденъ былъ остановиться во 100 сажняхъ отъ оной. *Ахметъ Ханъ* усвремился на войска наши со всѣми силами: въ числѣ болѣе 5,000 человекъ пѣхоты, не считая кавалеріи, но опбипый на всѣхъ почкахъ, съ величайшимъ урономъ, скрылся въ деревнѣ. На разсвѣтѣ, усвращенный Ханъ обратился въ бѣгство и былъ дѣяшельно преслѣдованъ. Генералъ-Маіоръ *Бурцовъ* превратилъ въ пепель непокорныя деревни и опустошилъ весь топъ край, для пресѣченія непріятельскихъ набѣговъ на Санджаки, кои заняты были Русскими войсками.

1 Юля. Сраженіе при Подховскомъ ущельѣ. Генералъ-Маіоръ *Бурцовъ* приблизилъ часнь своего опряда къ сему ущелью, дабы при-

влечь непріятеля, расположившагося на неприступныхъ Аджарскихъ горахъ, между тѣмъ, какъ Генераль-Маіоръ *Муравьевъ* слѣдовалъ изъ Ардагана, въ намѣреніи успроить засаду и принять Турокъ въ пыль. Послѣдніе сошли съ горъ и напали на авангардъ *Бурцова*, бывшій подъ командою Полковника *Германа*, который, съ 3-мя ропами и 4-мя пушками; держался цѣлые пять часовъ противъ превосходнѣйшаго непріятеля. Къ вечеру весь отрядъ Генераль-Маіора *Бурцова* вступилъ въ дѣло, и въ то же время войска Генераль-Маіора *Муравьева* показались въ пылу Турокъ, которые пошчасъ удалились въ укрѣпленный лагерь.

2 Іюня. Взятіе приступомъ Турецкаго лагеря на Аджарскихъ горахъ. Генераль-Маіоръ *Муравьевъ*, ночью соединясь съ отрядомъ Генераль-Маіора *Бурцова*, повелъ рѣшительную атаку на непріятельскій лагерь, и послѣ упорнѣйшаго сраженія, продолжавшагося три часа, овладѣлъ онымъ приступомъ. Непріятель былъ совершенно разстроень, преслѣдованъ во всѣхъ направленіяхъ болѣе 5 верстъ и скрылся въ горахъ и ущельяхъ. Трофеи наши сего дня заключались въ богатомъ лагерѣ,

множествѣ военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, около 400 пѣнныхъ, 5-ти знаменахъ, трехъ пушкахъ и 2 мортирахъ, составлявшихъ всю непріятельскою артиллерию. Сверхъ того, Турки лишились до 1,200 человекъ убитыми и ранеными; потеря же съ нашей стороны, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, простиравшихся до 15 п. человекъ, была весьма незначительна.

16 Июля. Сраженіе по переходѣ чрезъ Саганлугскій хребетъ. Турки, изумленные нечаяннымъ появленіемъ Русскихъ, оставившихъ за собою неприсутный Саганлугскій хребетъ, заняли всѣ пущи, прилегающіе къ нашему лагерю; между тѣмъ Османъ-Паша, съ 1,200 чел. пѣхоты и 400 конницы, приблизился къ правому нашему флангу. По открытіи передовыхъ постовъ его парціею Карскихъ Армянъ, посланъ былъ противъ него 2 Мусульманскій полкъ, подкрѣпленный баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка съ 4-мя орудіями и однимъ полкомъ, подъ командою Полковника Барона *Фридерикса*. Непріятель, укрѣпясь въ каменныхъ завалахъ съ своею пѣхотою, выслалъ кавалерію впередъ. Баронъ *Фридериксъ* искусно навелъ Турецкихъ

всадниковъ на огонь нашей артиллеріи, и пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ удачными выстрѣлами, пошелъ съ барабаннымъ боемъ на завалы, устроенные на высотахъ; въ то же время Музульманскій полкъ, подкрѣпляемый козаками, понесся на непріятеля. Турки, встрѣпили противниковъ своимъ сильнымъ батальнымъ огнемъ; но Эриванскій карабинерный баталіонъ шелъ впередъ безъ выстрѣла, а командовавшій Музульманскимъ полкомъ Подполковникъ *Усковъ* ударилъ противъ Турецкой кавалеріи и опрокинувъ ее, первый проникъ въ завалы и вмѣстѣ съ козаками гналъ всю непріятельскую пѣхоту и конницу, пока дозволяло мѣстоположеніе. Уронъ непріятеля убитыми и ранеными въ семь дѣлъ простирался до 300 человекъ. У Турокъ взято 8 знаменъ, почти всѣ принадлежавшія лучшей Турецкой конницѣ Дели и Гайша и болѣе 100 чел. плѣнныхъ. Поперя съ нашей стороны была весьма незначительна.

19 Іюня. Сраженіе при селеніи Каивлы. Непреступность съ двухъ сторонъ позиціи, занимаемой лагеремъ *Гаеки-Паши*, рѣшила Главнокомандующаго обойти въ пылъ Ту-

рецкому лагерю; для чего, выступивъ съ корпусомъ своимъ 18 числа по правой Арзерумской дорогѣ и совершивъ до 50 верстъ чрезъ вершины снѣжнаго хребта и глубокіе овраги, на другой день въ 10 часовъ утра онъ достигъ главнаго спуска съ горы, внизу коего простиралась обширная долина, оканчивающаяся у горы оврагомъ. При появленіи непріятеля, вышедшаго изъ оврага двумя колоннами, войска наши построились въ боевой порядокъ. Въ часъ по полуночи, Главнокомандующій лично повелъ ихъ на непріятеля. Турки построились по всему протяженію оврага и поспѣшавъ атаковали насъ кавалерією, особливо съ праваго фланга. Спрѣлки ихъ съ яростію кидались на нашихъ спрѣлковъ, даже на скакивали на орудія, и только усиленнымъ огнемъ артиллеріи сдвинуты были въ оврагъ. Скоро они снова соединились и, подкрѣпленные многочисленною конницею, обогнули всю позицію нашу полукружіемъ, склоняясь болѣе на лѣвое наше крыло, куда изъ лагеря *Гагки-Паши* вышло скрытымъ оврагомъ отъ 5 до 6 тысячъ кавалеріи, подъ начальствомъ *Кягги-Пашинскаго*. Въ короткое время весь скалъ горы, къ подошвѣ коей

упиралось лѣвое наше крыло, подѣ командою Генераль-Маіора *Бурцова*, покрыла непріятельская кавалерія, и начала быстро обсканивать его опрѣдѣ. чпобы взять оный въ пыль. Здѣсь Турки нападали на нашихъ съ немовѣрною дерзостью: спрѣлки ихъ безпрестанно врѣзывались въ цѣпь нашихъ спрѣлковъ, копорые принуждены были опбивать ихъ шпыками, даже насканивали на бапаліонное каре, и полько сильнымъ бапаліоннымъ огнемъ были оспанавливаемы. Въ сіе время, Главнокомандующій оборонилъ, споявшіе въ центрѣ чешыре полубапаліона пѣхоты и 8 орудій аршиллеріи, въ поль-оборопа на право, и поставивъ ихъ лицомъ къ выгнутому непріятельскому центрѣ, апаковавшему его съ величайшею запальчивостью, разрѣзалъ непріятельскія войска на двое: бросивъ однихъ влѣво на крушыя горы и овраги, къ лагерю *Гагки-Паши*, а другихъ вправо на возвышенія. Въ слѣдъ за симъ, Генераль-Маіоръ *Раевскій*, опряженный съ конницею на лѣвое крыло непріятеля, сломилъ оное и загналъ за оврагъ, вправо на возвышеніе, съ большою поперею; а полки 2 и 3 Музульманскіе, ударили справа и погнади непріятеля по

всѣмъ направленіямъ. Между пѣмъ все еще кипѣлъ бой на правомъ крылѣ Турокъ, кои сосредоточивъ здѣсь всѣ свои силы, спарались взявъ въ пылъ опрядь *Бурцова*. Сей послѣдній подкрѣпленъ былъ 3-мя бапаліонами пѣхошы съ 8 орудіями, подъ начальствомъ Генераль-Маіора *Муравьева*, которому подчиненъ былъ и дѣйсвовавшій опрядь. Въ позже время Генераль-Маіоръ *Паикратьевъ*, охранявшій вагенбургъ, для принятія непріятеля во флангъ, опрядилъ изъ своей колонны Генераль-Маіора *Сергьева*, который подоспѣлъ въ пору, когда непріятель обгибалъ уже наше крыло. Херсонскіе спрѣлки вмѣстѣ съ козаками смѣло паспупали на него. Турки успѣли вывеспѣ изъ лагеря два орудія и опкрыли огонь прошивъ полка *Сергьева*. Ничто не оспановило написка храбраго Генераль-Маіора *Сергьева*. Подкрѣпляемый Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, онъ опрокинулъ и погналъ непріятеля. Турки на одной крупизнѣ выспавили опяшь орудіе; но *Сергьевъ*, не давъ сдѣлашь выспрѣла, опнялъ оное; при чемъ ранены саблями бывшіе съ нимъ: сопникъ *Шапошниковъ* и хорунжій *Евсиковъ*. Вышедшее со спороны Турокъ подкрѣпленіе и не-

приспунносшь мѣстоположенія заспавили на время прекрашисъ бой. Между пѣмъ, на скапъ горы за оврагомъ, прошивъ нашего центра, снова соединилса неприяшель въ большихъ силахъ, начавъ дѣйсшвовашъ аршиллерією и успроивашъ шанцы на большомъ просяженіи. Эшо было въ 4 часа по полудни. Генераль-Адьюпаншъ Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* узнавъ, что въ семъ мѣспѣ находисъ самъ Сераскиръ, съ 30-ши-шысячнымъ корпусомъ, шедшій на подкрѣпленіе *Гаеки-Паишь*, рѣшилса предупредисъ сіе соединеніе. Обезпечивъ себя со спороны лагеря сего послѣдняго, Главнокомандующій двинулъ свои войска према колоннами. Первыя двѣ соспоили изъ пѣхоты, подъ начальспвомъ Генераль-Маіоровъ: *Муравьева* и *Панкртьева*, и должны были обходисъ неприяшеля съ фланговъ, а послѣдняя изъ конницы, подъ командою Генераль-Маіора *Раевского*. Удачный обходъ фланговъ пошчасъ привелъ въ смяшеніе Турокъ, кошорыс, сдѣлавъ нѣсколькы бесполезныхъ выспрѣловъ изъ аршиллеріи, начали оспавляшь свои шанцы и подавашъ въ гору. Пѣхоша наша ускорила шагъ, а конница двинулась на хребешъ горы, куда и самъ Главнокомандующій прибылъ

къ передовымъ войскамъ. Турки не могли выдержашь согласнаго написка нашихъ войскъ и, когда проскакавшая впереди на высоты Донская конная артиллерія подъ начальствомъ Подполковника *Полякова*, открыла сильный и мѣткій огонь, тогда Сераскирскія войска, боясь бысть опрѣзанными слѣва, колонною Генераль-Маіора *Папкратьева*, примѣшно колебались. Въ эту минуту ударила вся наша кавалерія. Сераскиръ былъ совершенно опрокинутъ и обратился въ бѣгство въ величайшемъ страхѣ. Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* гналъ его всѣми войсками верстъ 30, до 9 часовъ, пока наступившая ночь положила конецъ блистательнымъ успѣхамъ сего дня. Весь лагерь Сераскира, вся артиллерія, состоящая изъ 12 орудій и снаряды, всѣ продовольственныя припасы, сверхъ того 2 знамя и около 300 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителей. На всемъ протяжении, слѣдъ бѣгства Сераскира означенъ былъ трупамъ его воиновъ и разбросаннымъ багажемъ.

20 Юля. Сраженіе при урочищѣ Милло-Дюзъ. По совершенномъ разбитіи Сераскира занятіемъ Ессинской долины, Главнокомандующій спалъ уже въ тылу лагеря *Гагки-*

Паши, отпрѣзавъ ему сообщеніе съ Арзерумомъ. Въ 9 часовъ утра, совершивъ 15 верстъ самой трудной дороги, войска наши заняли высопы верстахъ въ 3 отъ непріятельскаго лагеря, и построились въ боевой порядокъ. Турки открыли по нимъ огонь съ своихъ батарей, и хопя ядра ихъ не всегда долетали до нашихъ колоннъ, однако весьма часто поворали они пальбу. Между тѣмъ Главнокомандующій, въ ожиданіи прибытія колонны Генераль-Маіора *Бурцова*, слѣдовавшей позади корпуса, внимательно осмогрѣлъ позицію непріятели и узнавъ отъ одного плѣннаго изъ лагеря *Гаеки-Паши*, что войско его вовсе не знаетъ о пораженіи Сераскира, отпустилъ сего плѣннаго въ лагерь для извѣщенія о семъ событіи. Паша вступилъ было въ переговоры, но какъ въ продолженіе оныхъ Турки снова открыли пальбу, тогда Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* повелъ войска свои съ барабаннымъ боемъ на непріятели, пашью колоннами. Первая колонна, подъ личнымъ начальствомъ Главнокомандующаго, встрѣченная непріятельскимъ огнемъ съ батарей, потчасъ ворвалась въ лагерь и захватила въ передовыхъ окопахъ и близь спавки Пашинской еще

дымящіяся орудія. Устрашенный непріятель обратился въ бѣгство, пробираясь въ горы и лѣса, непроходимыя для кавалеріи и пѣхоты. Часъ впорой колонны Генераль-Маіора *Панкратьева* прошла правымъ флангомъ Турецкой позиціи и, не смотря на сильный ружейный и пушечный огонь, вошла на высоты, и овладѣла Турецкою бапареею. Орудія оной обращены были на бѣгущаго непріятели, котораго *Панкратьевъ* преслѣдовалъ въ лѣсахъ и оврагахъ, нанося ему ужасное пораженіе. Здѣсь Подполковникъ *Верзилинъ*, съ козаками сборнаго Линейнаго полка, взялъ въ плѣнъ *Гагки-Пашу*, командовавшаго всѣми войсками въ лагерьъ, со всѣми его чиновниками и свитою. Три колонны, подъ начальствомъ Генераль-Маіоровъ: Барона *Сакена*, *Муравьева* и *Леонова*, посланные вправо, встрѣпивъ глубокіе овраги и гусной лѣсъ, не успѣли совершенно перерѣзатьъ дорогу непріятелю, обратившемуся наиболѣе къ горамъ, окружающимъ долину Аракса, однако преслѣдовали его съ одной стороны до Аракса, а съ другой за Менджингершъ и Занзахъ. У Турокъ отбито было до 1,200 плѣнныхъ, 19 орудій и 16 знаменъ. На пути бѣгства многіе овраги зава-

лены были ихъ шрунами; Непрiятель попереялъ до 2,000 чел. убитыми, а остальныя войска его всѣ были разсѣяны. Онъ не увезъ съ собою ни одного орудiя; всѣ запасы достались въ руки побѣдителей, въ одномъ Манджингертѣ найдено было болѣе 1,200 чеп. запасовъ и множество пороху. Поперея съ нашей стороны, въ обоихъ сраженiяхъ 19 и 20 Юня, не превышала 100 чел. убитыми, ранеными и конпуженными.

20 Юня. Храбрая защита крѣпости Балзепта. Паша Ванскiй, прислушивъ къ сей крѣпости съ 9 п. пѣхоты, 5 п. кавалерiи, 12 пушками и 2 морширами, въ 5 часовъ утра повелъ атаку на городъ. Командовавшiй въ ономъ Генераль-Маiоръ *Поповъ* съ малочисленнымъ опрѣдомъ, выслалъ противъ непрiятеля козачiй *Шамшева* полкъ, кошорый удерживалъ его болѣе 5 часовъ и, неоднократно, опрокидывалъ конныя полки его. Наконецъ, козаки, подкрѣпленные двумя ропами пѣхоты, уступая чрезвычайному превосходству силъ, принуждены были отступить. Главная атака Турокъ усремлена была противъ восточной башарей. Паша, занявъ недоступныя скалы пѣхотою въ числѣ 2 п. чел., открылъ

огонь своихъ орудій войскамъ нашимъ въ пыль и въ крыло, а оспальную свою пѣхоту двинулъ на приступъ къ бапареѣ. Балзешскіе жители Тапарскаго кваршала, въ то же время принявъ сторону Турокъ, открыли по нашимъ войскамъ огонь изъ своихъ домовъ. Генераль-Маіоръ *Поповъ* встрѣшилъ непріятеля со всѣми войсками, спѣшивъ даже козакъ. Началось спрашное кровопролитіе и, въ продолженіе 3 часовъ жестокой битвы, апакованная бапарея четыре раза переходила изъ рукъ въ руки. Бой не прекращался до самой ночи и, по причинѣ уменьшенія нашихъ силъ, рѣшено было Военнымъ Совѣтомъ, оставя Восточную бапарею, занять только старый и новый замки и Красную бапарею, съ прилегающими къ ней высотами. На разсвѣтѣ, часть Нашебургскаго пѣхотнаго полка быстро и мужественно заняла сіи высоты; въ то же время, 12 орудій открыли сильный огонь по Тапарскому кваршалу и непрерывно продолжали оный до 11 часовъ. Непріятель принужденъ былъ, наконецъ очистишь, Тапарскій кваршалъ и искать убѣжища въ башняхъ и блокгаузахъ восточной бапареи. Тогда, высланные стрѣлки Нашебургскаго полка съ под-

крѣпленіемъ 2-хъ ропъ Козловскаго, ударилъ на непріятеля съ такою яростію, что оны потчасъ бросилъ сію бапарею и отступилъ въ 12 часовъ. Турки, снова соединясь въ числѣ 6 п. человекъ, съ бѣшенствомъ бросились къ городу, но встрѣченные перекрестнымъ огнемъ нашей артиллеріи, остановились, смѣшались и дали пылъ. Преслѣдовать было нечѣмъ: ибо четвертая часть малочисленнаго гарнизона была побита или изранена, а остальные изнурены были до крайности боемъ, 32 часа продолжавшимся. Пошера съ нашей стороны убитыми соспояла: въ 4 Оберъ-Офицерахъ и 7 нижнихъ чинахъ; ранены были: Генераль-Маіоръ *Панютинъ*; Штабъ-Офицеровъ 2, Оберъ-Офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 290; сильно контужены: Штабъ-Офицеръ 1, Оберъ-Офицеровъ 7 и нижнихъ чиновъ 16. Непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 400 шруповъ, а вся пошера его проспиралась до 2,000 убитыми.

21 Іюня. Поискъ, изъ лагеря при д. Ардоѣ. По разбитіи *Гагки-Паши*, Главнокомандующій въ то же время отправилъ впередъ при отряда, подъ начальствомъ Генераль-Маіоровъ: Князя *Бековича-Черкаскаго* и *Бурцова* и Полков-

ника Графа *Симониа*. Высланный Генераль-Маіоромъ *Бурцовымъ*, изъ лагеря при д. Ардосъ, Подполковникъ *Басовъ* съ 80-ю козаками, для открытія сообщенія съ опрядомъ Князя *Бековича-Черкаскаго*, встрѣпилъ въ одномъ ущельи парцію Турокъ въ числѣ 100 человекъ; и когда начальникъ ихъ согласился положить оружіе, ожесточенные Турецкіе войны изрубилъ его и открыли сильную пальбу по козакамъ; но Подполковникъ *Басовъ* мужественно атаковалъ ихъ, 57 человекъ положилъ на мѣстѣ, 4-хъ раненыхъ взялъ въ плѣнъ, а остальные разбѣжались.

21 Іюня. Занятіе Хоросана. Послѣ предыдущаго дѣла, Подполковникъ *Басовъ* достигнувъ Хоросана, нашелъ тамъ болѣе 800 чеш. хлѣба, 2,000 ядеръ, множество пороху и другихъ снарядовъ.

23 Іюня. Занятіе крѣпости Гассанъ-Кале. Главнокомандующій, выступивъ 21 числа со всемъ корпусомъ и обозами впередъ и, соединясь на пути со всѣми прямия опрядами, 23 въ 5 часовъ вечера получилъ извѣстіе, что Сераскирскія войска, собранныя при Гассанъ-Кале предающія бѣгству, что самъ Сераскиръ удалился въ Арзерумъ, а Паша, оставленный

для защиты Гассанъ-Кале, выбравъ опшуда все, что могъ поднять на вьюки и арбы, бѣжалъ по Арзерумской дорогѣ. Въ слѣдствіе сего, Главнокомандующій, поспѣшивъ съ авангардомъ своимъ къ оставленной Турками крепости, въ 9 часовъ вечера занялъ оную. Въ ней найдено было 29 орудій, пороховой магазинъ и довольно значительные запасы. Посланные въ ту же ночь Тапарскіе полки, преслѣдуя бѣгущихъ Турокъ верстѣ 25, отбили до 2,000 головъ скота и болѣе 50-ти Армянскихъ семействъ, увлеченныхъ изъ Гассанъ-Кале.

25 Июля. Опріятель въ деревнѣ Карбулахъ. Паца Ванскій выслалъ 5-ти-тысячный конный опрядъ для опрѣзанія рекрутъ, шедшихъ изъ Грузіи въ Баязетъ; но рекруты, остановившіеся въ сей деревнѣ, успѣли соединиться съ посланными къ нимъ на встрѣчу 3-мя ротами пѣхоты и 300-ми козаковъ съ 1 орудіемъ, подъ начальствомъ Полковника *Боровскаго*. Непрїятель не отважился напасть на сію горсть храбрыхъ, и постыдно опшудилъ.

26 Июня. Покореніе столицы Анашліи Арзерума, Главнокомандующій, 24 числа осмо-

прѣвъ занятую имъ крѣпость Гассанъ-Кале и, распорядивъ вооруженіе и оборону ея, отправилъ въ Арзерумъ съ воззваніемъ къ народу *Малишъ-Агу*, бывшаго Янычарскаго спаршину, взяшаго въ плѣнь 19 числа. На другой день получено извѣстіе, что Сераскиръ и войска возбуждаютъ еще въ народѣ волненіе; но объявленное воззваніе воспановляетъ спокойствіе. Въ 5 часовъ вечера, Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* выступилъ со всемъ корпусомъ изъ Гассанъ-Кале на легкѣ. 26 поутру на ночлегѣ, въ разсполяннн прехъ часовъ отъ Арзерума, явились къ нему Депутаты: одинъ отъ Сераскира, а другой отъ народа; послѣдній съ искренними, а первый съ обоюдными предложеніями о сдачѣ крѣпости. Это рѣшило Главнокомандующаго идти впередъ. Корпусъ, миновавъ ущеліе и перерѣзавъ хребетъ, спустился въ долину, на коей раскинуты обширныя предмѣстья Арзерума и возвышающіяся зубчатыя стѣны крѣпости и цитадели. Какъ скоро передовыя войска наши показались предъ Арзерумскими высотами, непріятельская кавалерія, въ небольшомъ числѣ, выѣхала изъ города и до самаго вечера производила снѣльбу по нашимъ пикетамъ, кошс-

рые не опвѣчали ей ни однимъ выстрѣломъ. Въ 5 часовъ вечера, Депушаты обратно посланы были въ городъ, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Княземъ *Бековичемъ-Черкасскимъ*, будучи снабжены письменнымъ опвѣщомъ къ Сераскиру и народу. 27 числа въ 9 часовъ утра, явился Градскій старшина съ извѣстіемъ, что городъ сдастся въ 4 часа по полудни. Главнокомандующій пребовалъ, чпобы Турецкія войска выведены были съ горы Топъ-Дага, съ воспочной спороны Арзерума лежащей и командующей городомъ и цитаделью: для сдачи же оныхъ назначилъ срокъ въ 3 часа по полудни. Какъ срокъ прошелъ и опвѣща не было, а между тѣмъ опкрылось, что Сераскиръ желаетъ только выиграть время въ ожиданіи подкрѣпленія: по Главнокомандующій велѣлъ войскамъ построиться въ боевой порядокъ и скорымъ маршемъ двинуться на высоты Арзерумскія. Полки наши стройными колоннами съ музыкою, со всѣхъ споронъ обходили Топъ-Дагъ; и только что показались на возвышеніяхъ, какъ Турки усилили пальбу съ батареяй. Русскіе желѣзною стѣною шли впередъ; успрашенный непріатель, опасая высоты кинулся въ городъ, а конвой

Главнокомандующаго занялъ брошенную ба-
шарю о 5-ти орудіяхъ. Доспигнувъ города,
Турки снова открыли огонь изъ всѣхъ бата-
рей, на копорый наши войска отвѣчали зал-
пами изъ своихъ орудій, поставленныхъ на
Топъ-Дагъ, и произвели въ городъ замѣща-
пельство. Вскорѣ попомъ выступили изъ го-
рода Сановники и Беглеръ-Бекъ (военный Гу-
бернаторъ) Арзерумскій поднесъ Главнокоман-
дующему ключи крѣпости и цитадели. Для
усмиренія мятежниковъ, все еще не прекра-
щавшихъ пальбы съ городскихъ батарей, ки-
нуто было нѣсколько ядеръ въ городъ и тол-
пы разсѣялись. По взятіи города, тотчасъ
присуплено было къ учрежденію новаго
правленія покоренной обласпи, а между тѣмъ
Генераль-Маіору *Панкратьеву* съ бригадами
Генераль-Маіоровъ: Князя *Бековича Черкаскаго*
и Князя *Голицына* велѣно было шоржеспвѣн-
но идти для занятія города, крѣпости и ци-
тадели. Залегшіе въ сей послѣдней Арнаушы
не хотѣли было отворить ворота, но видя
рѣшимость нашихъ войскъ идти на прис-
шупъ, сдались. Наконецъ, Русскія знамена вне-
сены были въ цитадель Арзерумскую и, въ
6½ часовъ вечера, Серакиръ прислалъ свое

знамя. Трофеи сего важнаго пріобрѣшенія возвышались плѣненіемъ самаго Сераскира, Главнокомандующаго Турецкою арміею и всею Азіяпскою Турціею съ 4-мя спаршими Пашами его. Вмѣстѣ съ нѣмъ взято было 6 знаменъ, въ томъ числѣ одно Сераскирское, служащее знакомъ власти и достоинства его, также Сераскирскій жезлъ, знакъ достоинства Главнокомандующаго. Въ крѣпости найдено болѣе 150 орудій, большіе магазины съ провіантомъ и великое множество армілерійскихъ запасовъ.

27 Іюня. Высочайшая Грамота о всеподспивѣйшемъ пожалованіи Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ Графа *Паскевича-Эриванскаго* кавалеромъ ордена св. Георгія 1-й степени:

Б О Ж І Е Ю М И Л О С Т І Е Ю
 МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
 и прочая, и прочая, и прочая.

Главнокомандующему Отдѣльному Кавказскимъ корпусомъ, Нашему Генералу отъ Инфантеріи, Генераль-Адъютанту Графу Паскевичу-Эриванскому.

Съ самаго открытія настольщей войны съ Турціею, войска Отдѣльнаго Кавказскаго кор-

пуса, предводительству вашему вверенный, не преснавали ознаменовывать себя отличнейшими подвигами, и быстрое покорение крѣпостей: Карса, Ахалкалака, Гартвиса, Попи и Баязета, наконецъ битва подъ Ахалцыхомъ и взятіе приступомъ и сей крѣпости, пославивъ военныя дѣйствія ваши въ Азіи минувшаго года, наряду съ блистательнейшими походами, приобрѣли вамъ неопъемлемую славу и полную Нашу признашельность; но искусству и военнымъ дѣйствіямъ вашимъ подлежало совершить опыты еще гораздо важнѣйшіе. Спавъ твердою ногою посреди завоеваній своихъ, съ возобновеніемъ военныхъ дѣйствій въ настоящемъ году, вы рѣшишельно успремались внутрь земли непріятельской, и не зная никакихъ преградъ, въ теченіи четырнадцати дней прошли два высокіе, снѣжные хребта, опрокинули, разбили и разсѣяли двѣ Турецкія арміи, плѣнили въ самомъ бою одного изъ Главнокомандующихъ оными, опняли два лагеря, покорили важную крѣпость Гассанъ-Кале, опбили у непріятеля всю полевую его артиллерію и, проспираясь далѣе, 27 прошедшаго Іюня водрузили побѣдоносныя Россійскія знамена на спѣ-

нахъ Арзерума; въ самомъ центрѣ могущества непріятеля на воспоукъ, взявъ въ плѣнъ самага Сераскира Арзерумскаго, Главкомаандующаго надъ Турецкою арміею и всею Азіатскою Турціею, и четьрехъ старшихъ Пашей его.

Сей новый, блистательнѣйшій подвигъ вашъ, плодъ отличныхъ военныхъ соображеній, благородной рѣшимости и примѣрной быстроты въ исполненіи, обращающъ на васъ совершенное Наше благоволеніе и особенную Монаршую признательность, во свидѣтельство чего, Всемилостивѣе жалуемъ васъ кавалеромъ Ордена *святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія первой степени*, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Мы удосповѣрены, что столь знаменитая награда усугубитъ рвеніе ваше къ продолженію отличнаго служенія, Опеческву толико полезнаго, и исполнивъ предводимыя вами войска новымъ жаромъ мужества, возбудишь въ нихъ вѣдшее соревнованіе слѣдовашь по стопамъ достойнаго вождя своего.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милосцію навсегда искренне благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Александрія, близъ Петергофа.

Отрывокъ изъ записокъ Гардемарина Мармылева, веденныхъ на сто-ти-пушечномъ кораблѣ Императоръ Александръ I, въ кампаніи 1829 года.

Кронштадтъ.

. Отсюда пошли мы на Нѣмецкое кладбище, путь увидѣлъ я надгробной памятникъ Адмирала Круза: небольшая ростральная колонна скромно возвышается надъ окрестными памятниками; эпитафія, изображенная на оной твердо врѣзалась въ мою память:

Громами опражалъ громъ,
Онъ спасъ и градъ Петровъ и домъ.

Слова сіи были написаны кругомъ портрета Императрицы Екатерины II, вставленнаго въ табакерку, богато украшенную алмазами и подаренную Адмиралу въ память блистательной побѣды при Красной горкѣ, 1790 года Мая 25 дня надъ Шведами одержанной.

Могила храбраго для юности священна! . . .

Слова сіи, нечаянно произнесенныя, такимъ сладкимъ умиленіемъ наполнили мою душу, что мнѣ на гробъ незабвеннаго Героя казалось, легко возможнымъ достигнуть подобной славы. я послѣ самъ смѣялся своему щіцѣславію и пылкости воображенія. Но, если разсудить безпристрастно; то безъ сей, рѣдкой сбывающейся надежды, безъ сего блестящаго, ослѣпляющаго призрака славы, не бросались бы пылкіе воины въ неизбѣжную опасность, не встрѣчали бы съ воспоргомъ смерти и не оставили бы намъ сполько примѣровъ героизма.

Здѣсь, сидя на ступеняхъ монумента, покрывающаго прахъ сего необыкновеннаго человека, услышалъ я чудесную судьбу его, какъ бы въ урокъ мнѣ рассказанную и слова сіи глубоко запалились въ душѣ моей: „Крузъ съ прямою пламенною душою былъ въ молодости взыскашелемъ и чрезвычайно строгъ съ подчиненными, но добрыми и благородными чувствами всегда заглаживалъ проступки, въ снремительности гнѣва учиненныя, и казалось—всѣ окружающіе любили его. Въ компаніи 1770 года въ Архипелагѣ, Крузъ былъ Капитаномъ корабля Эвстафій, подѣ флагомъ

Адмирала Спиридова. Корабль сей во время боя загорѣлся, отъ упавшей поперегъ онаго горящей грошъ мачпы Турецкаго Адмиральскаго корабля. Адмираль Спиридовъ съ штабомъ своимъ переѣхалъ на другой корабль, а Крузь въ моментиъ взрыва (*), спрыгнувъ въ воду, плылъ невредимо среди упдающихъ пушекъ, обломковъ рангоупа и членовъ корабельныхъ!

Въ глубокомъ мракѣ, покрывающемъ окреспноснѣ, встрѣпилъ онъ шлюбку, принадлежавшую его кораблю — и вмѣсто руки помощи имъ ожидавной, сильной ударъ весла, скользящій по головѣ, погрузилъ его въ воду; таковой же ударъ снова повпорился надъ несчастнымъ Крузомъ, уже изнемогшимъ въ силахъ, но Провидѣніе сохранило его. Одинъ изъ гребцовъ, мапросъ Пуспошкинъ съ благородною смѣлоснію подалъ голосъ на избавленіе погибающаго Капитана, и Крузь, давшій клятву не помнишь зла—извлеченъ изъ воды. Онъ вполнѣ сдержалъ обѣщаніе, благо-

(*) Несчастіе сіе случилось въ сраженіи при островѣ Хіосъ 24 Іюня 1770 г. При семъ погибло 14 Офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ, а спаслось только 3 Офицера и 10 мапросовъ, находившихся большею частію на гребныхъ судахъ.

пворя до самой кончины сихъ гребцовъ.

Происшествіе сіе имѣло такое вліяніе на весь составъ его, что онъ, изъ пламеннаго сангвиника, сдѣлался равнодушнымъ флегматикомъ и какъ бы соннымъ. Одни чрезвычайности могли возбудиць живоспъ его характера. Маѣрсь Пуспошкинъ, спасшій Круза, недавно скончался въ С. Петербургѣ, будучи въ отставкѣ Шхиперомъ 7-го класса,

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОХРОВАЯ РОЗА.

Парабола Круммахера.

Ангель, которій заботился о цвѣпахъ, и въ тихую ночь орошаетъ ихъ благошворною рососою,—однажды дремалъ въ весенній день подъ тѣнію розоваго куста. Проснувшись, онъ сказалъ ему съ улыбкою: „любезнѣйшій изъ „всѣхъ дѣтсей моихъ! благодарю тебя за укрѣ- „пительное пиво благоуханіе и за прохлад- „ную сѣнь твою! Еслибъ тебѣ нужно было „мое содѣйствіе: я на всё готовъ душевно.“

— „Облеки меня новою красою;“—умолялъ Ангела Духъ розоваго куста. — И Ангель украсилъ царицу цвѣтловъ проспымъ, нѣжнымъ мохомъ.

Мохровая роза пріятно цвѣла въ семь скромномъ, невинномъ украшеніи, будучи прелеснѣйшею въ своемъ родѣ.

Милая Лидія! оставь блестящіе наряды, сбрось драгоценные камни—и послѣдуй природѣ!

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

К Ъ П. * * *

Товарищъ, вопль шебъ рука!

Ты другу во время сказался!

Къ любви душа была близка;

Уже въ ней пламень загорался

Живошворитель бышя!

И жизнь опцвѣпшая моя

Надеждой снова разцвѣпала —

Опяшь о счастья мнѣ шеппала

Мечпа, знакомецъ спарины!

Дорѳгой спранникъ упопленный,

Узрѣвъ съ холма неопдаленный

Предѣль родимой спарины,

Трепещеть сердцемъ, оживаспть —

И жаднымъ взоромъ различаспть

За горизонтпомъ опчій кровъ;

И слышипть снова шумъ дубовъ,

Которые давно шумѣли

Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели

Въ виду родипельскихъ гробовъ.

Онъ небо узнаспть родное,

Подъ коимъ счастье молодое

Ему сказалося въ первой

Неизтъяснимымъ упопаньемъ,

Прискорбно-радоспнымъ желаньемъ,

Невыразимую мечпой.

Живымъ упраченное, мнипся;

Онъ снова гостъ минувшихъ дней,

И снова жизнь къ нему пѣспипся

Всей милой прелестью своей!

Таковъ былъ я одно мгновепье!

Прелестно-быспрое видѣпсь,

Давно непосѣщавшій другъ,
 Меня незапно навѣспило;
 Меня незапно уманило
 На первобытный жизни лугъ!
 Любовь мелькнула предо мною!
 Съ возобновленною душою
 Я къ лирѣ бросился моей,
 И подѣ рукой перперильной,
 Бывалый звукъ раздался въ ней
 И мертвое мнѣ спало живо!
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся, какъ Поэтъ!
 Но удались, мой посѣщитель,
 Не у меня шебѣ гостить!
 Не мнѣ о жизни возвѣспить,
 Тебѣ, священный благовѣспитель!
 Товарищъ, мной ты не забывь:
 Любовь друзей не раздружишь!
 Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ
 Едва отвѣдавшимъ душой,
 Подорожу ль передъ тобою,
 Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?
 Я вижу, молодость швола
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираешь!
 И страсть-убійца бытія
 Тебя безмолвно убиваешь!
 Давно веселости ужъ нѣтъ!
 Гдѣ оспроты пріятной живость,
 Съ копорой ты являлся въ свѣтъ?
 Угрюмый спущникъ, молчаливость —
 Повсюду слѣдомъ за тобою?
 Ты, молча, радостныхъ дичишься,
 И къ жизни охладѣвъ, дружишься
 Съ одной убійственной тоской,

Владѣльцемъ сердца одинокимъ!
 Мой другъ! съ участіемъ глубокимъ,
 Я часто на лицѣ швоемъ
 Ловлю души швой движенья!
 Болѣзнь любви безъ упоенья
 Изображается на немъ:
 Сіе смятеніе во взорѣ
 Склоненномъ робко передъ ней;
 Несвязность смущенная рѣчей
 Въ желанномъ сердцу разговорѣ;
 Перерывающійся гласъ;
 Къ тому, что окружаетъ насъ,
 Задумчивое невниманье,
 Присутствія очарованье
 И неприсутствія тоска,
 И прелесть, признакъ страсти тайной,
 Когда послышился случайно
 Любимый гласъ издалека,
 И это все, что сердцу ясно,
 А выраженью неподвластно! —
 Сія примѣты знаю я!
 Мой жребій далъ на то мнѣ право!
 Но по, въ чемъ сладость бытія,
 Должно ли быть ему оправой?
 Нѣтъ, милый, ободрись! она,
 Столь восхищительна не даромъ.
 Души глубокой чистымъ жаромъ
 Сія краса оживлена!
 Сей ясный взоръ—онъ необманчивъ,
 Не прелестью ума одной,
 Онъ чувства прелестью приманчивъ.
 Подъ сей веселостью живой
 Задумчивое что-то скрыто;
 Уныло-сладостное слипо

Съ сей оживленной красотой.
 Въ ней что-то искреннее дышащъ,
 И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа пвола
 Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
 Всему въ ней лучшему родной,
 Въ нее участіе люющій,
 И, безъ усилія, дающій,
 Ей убѣжденье и покой!
 О, вѣрь же, другъ, душѣ прекрасной:
 Уже ль природою напрасно
 Ей столько милаго дано? . . .
 Люби — любовь и жизнь одно!
 Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
 И жребій жизни соверши:
 Она пойметъ пвое мученье,
 Она пойметъ языкъ души!

К ъ Ц ы г л а н к ѣ.

Какъ ты, Египтянка прекрасна!
 Исполненъ чувства голосъ пвой;
 Скажи мнѣ: спраспи роковой,
 Служила ты? Была несчастна?
 За чѣмъ на черные глаза
 Нашла блестящая слеза?
 Не даромъ смуглыя ланипы,
 Такъ рано блѣдностью покрыты.

* * *

„Въ печальныхъ пѣсняхъ, въ грустномъ зорѣ,
 Ты слышалъ прежде мой опвѣщъ.
 Что знаешь тебѣ чужое горе:
 Иль своего на сердцѣ нѣшь?

Оставь меня съ моею поскою;
 Ни съ кѣмъ дѣлнпсья не могла:

Она сроднилася съ душою
 И шолько ей одной мила.“ — —

* * *

Пусть съ равнодушными сердцами
 Ты не дѣлилася слезами;

Но пошь, кто въ горѣ самъ живешъ,
 Кто слышалъ звуки сладкихъ пѣсней,

Кому ты пѣсень всѣхъ прелеснпй:
 Цыганка! пошь шебя пойметъ.

П.

Ц Е Н З О Р Ъ.

Б а с н я.

Когда *Ларобине* отпряли Парки годы,
 Того *Ларобине*, который въ жизни самъ,
 Былъ Паркою ума и мыслей и свободы,
 Побрелъ онъ на покой къ Нельпоспи во храмъ.
 „Кто ты?“—кричатъ ему приврашники свяшынн.
 „Яви, чѣмъ заслужилъ признапельность Богини?
 „Твой чинъ? твой формуляръ? занятя? мастерство?“— —
 — Я при Г—ѣ (†) былъ Цензоръ! молвишь онъ.
 И варугъ предъ нимъ чета кладспн земной поклонъ—
 И дври распворились сами!

Съ Франц. К. В—йй.

(*) Генераль-Полицмейстеръ Парижскій, славный невѣжесшвомъ, но еще болѣе ханжесшвомъ.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ПѢСНЯ НА СЪВЕРЬ.

Милая сердцу спрапа,
 Невинось, край благодарный,
 На вѣкъ разлученъ я съ побой!
 Яркій Моплана вѣнецъ,
 Кристальныя спруи Женевы,
 Не будущъ сверкать предо мной.
 Въ серебряной пѣвѣ пошокъ,
 Леплящій со скалъ на долину,
 Твой клокошъ не вяпешъ душѣ.
 Въ сердце закала шоска —
 Съ чела кпо шуманы разгонить?
 Отрады на съверь нѣшь!
 Мыслью помчуся шуда
 На свѣтлыхъ крымахъ вспоминая:
 И радость проснется въ дунѣ!
П. Ободовскій.

И Л Ъ Я М У Р О М Е Ц Ъ .
 Б О Г А Т Ы Р С К А Я П О Э М А .

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

(Третьи варианты).

Друзья, и шы любезный Поль,
 Прекрасный шѣломъ и душою,
 Услада гореспей и золь —
 Минутной жизни подъ луною!
 Всемлите чудныя дѣла
 Героя древноспни далѣкой,
 Копорый, доблестью высокой
 Преодолевши козни зла,
 Царю чудесный кладъ доспавилъ,

Сразилъ коварство колдуновъ,
 И о дѣлахъ своихъ заставилъ
 Гремѣшь Баяновъ-соловьѣвъ.
 Наперсница мечпы прекрасной,
 О пы, копорая всечасно
 Пльняешь новой красотой,
 Мѣняя вѣчно видъ свой дивный!
 О ложь! услышь мой гласъ призывный,
 Приди бесѣдовать со мной!
 Ты бабушку мою вдыхала,
 Когда предъ краснымъ огонькомъ,
 Зимою, долгимъ вечеркомъ,
 Старушка мнѣ повѣствовала
 Событія вѣковъ сѣдыхъ,
 Красавицъ юныхъ похищенья,
 Дѣянья выпязей лихихъ,
 И съ Бусурманами сраженья!
 Водижь пеперь моимъ смычкомъ
 По золотымъ струнамъ цѣвницы,
 И розы милой небылицы
 Разсыпь въ швореніи моемъ,
 Широкимъ лугомъ, полною думы,
 Младъ выпязь ѣхалъ на конѣ,
 Склоня на землю взоръ угрюмый;
 На зеркальной его бронѣ
 Послѣдніе лучи спирались
 И, тихо легкимъ вѣтеркомъ,
 Густыя перья колебались
 На шишакъ его спальномъ.
 Уже тяжелые туманы
 Покрыли мшистые курганы
 И, сѣрой, дымной пеленой,
 Легли надъ лугомъ и рѣкой.
 День гаснеть на закапъ аломъ,
 Темнѣеть голубой воспокъ,

Одѣпый ночи покрываломъ,
 И мѣсяць смопришся въ потокъ;
 Ужь пшицы на ночь ищупъ крова,
 Ужь волки жадною полпой
 Выходятъ изъ лѣса гушева,
 И къ спаду крадутся для лова
 Черезъ хворость хрупкій, гдѣ порой
 Мелькаетъ ихъ хребетъ съдой.
 Какъ вдругъ, съ полуночи далекой
 Возспала буря; въпръ жестокой
 Нагналъ съдыя облака;
 Вихрь въ чистомъ полѣ закружился;
 Завыла пѣнная рѣка;
 Гулъ грома глухо прокапился,
 И черной тучей облачился
 Блѣднѣя, мѣсяць золопой.
 Оспановился пупникъ мой
 И, всюду обращаю очи,
 Онъ ищетъ мѣста, гдѣ бѣ съ конемъ
 Провестъ въ покоѣ время ночи;
 Но степь унылая кругомъ,
 Дремучій лѣсъ вблизи чернѣетъ;
 А въ опдаленіи нѣмомъ
 Хребетъ угрюмыхъ скалъ съдѣетъ,
 Сянѣетъ луннымъ осребренъ;
 Нигдѣ не видно кровли дымной
 Надъ хижиной гостепріимной,
 И спадъ успалыхъ на загонъ
 Пастушій рогъ не созываетъ.
 Ужь дождикъ капать начинаетъ:
 Пріюта нѣтъ, и вопъ герой
 Въ густую бора сѣнь вступаеъ;
 Сначала гладкою спезей
 Конь бодрый медленно шагаеъ;

Но вскорѣ, въ глубинѣ лѣсной
 Кривая пропка исчезаетъ
 И цѣпкій периль, сплестясь стѣпой,
 Ему дорогу заграждаетъ.
 На землю выпязь соскоча,
 Повель сорапника лихова
 И спалью крѣпкаго меча,
 Сквозь дичь кушарника густова,
 Спезю невѣрную кладешъ.
 Ни зги не видя предъ собою,
 Идешъ онъ медленной спопою,
 Куда судьба его ведетъ,
 Склопн чело, безъ всякой цѣли,
 И часто головой своей
 Спучипъ объ дубы и объ ели.
 Гроза часъ опъ часу сильнѣй
 Ревешъ надъ лѣсомъ, будпо хочешъ
 Разспроишь весь природы чинъ;
 За громомъ грозно громъ грохочешъ,
 И эхомъ бора и долинь
 Въ спокрапныхъ гулахъ раздаешъ;
 Перунъ, раздвинувъ облака,
 Зміями огненными вешъся,
 И дождь, сквозь лиспя, какъ рѣка,
 Шумишь съ лазури помраченной:
 Казалось Тартаръ раздраженной
 Переселился въ боръ глухой.
 Ужъ цѣлый часъ идешъ герой,
 Но буря вовсе не спихаетъ;
 Дождемъ промочень до костей,
 Дрожа невольпо, онъ внимаешъ
 Спенанье плицъ и крикъ звѣрей,
 И сердце въ немъ съ досады ноешъ:
 То волкъ вдали пропьяжно воешъ;

То слышно въщее куку,
 То вѣдма дикою сорокой
 Кричипть, качался на суку;
 То крыль совы размахъ широкой,
 Какъ вихорь въ воздухъ свисшипть;
 То филинъ въ шемногѣ блестящъ
 Своими яркими очами;
 То машеть жесткими крылами
 Ему на встрѣчу непопырь;
 То грозный лѣшій межъ кустами
 Несется съ шумомъ; то упырь
 Сзываетъ крикомъ пруболопокъ;
 То спан пагубныхъ красопокъ
 Русалокъ съ хохотомъ плешупъ
 Зеленыхъ косъ блестящи волны
 И витязя къ себѣ зовупъ:
 Но онъ задумчивый, безмолвный,
 Другой красавцею полный
 Не внемлетъ имъ и все впередъ!
 Вдругъ видипть онъ вдали туманной,
 Зардѣлся звѣздочкой румяной
 Сквозь чащу лѣса, яркій свѣпъ.
 Онъ быспрые шаги сугубипть,
 Сильнѣй кусты и корни рубипть,
 И скоро видипть предъ собой
 Полянку; надъ водой попока,
 Дубовъ подъ тѣнью въковой,
 Соломой крыпа, одинока,
 Избушка вѣхаля стоипть,
 Паденьсмъ скорымъ угрожая;
 Въ ея окошко свѣпъ блисталъ,
 По зеркалу ручья скользипть,
 И на муравку упадая,
 На ней окончину чершипть.

Вошь Богатырь, прося ночлега,
 Три раза брякнулъ въ дверь кольцомъ,
 И старецъ съ благоспшнымъ лицемъ
 И бородой бѣле снѣга,
 Выходишь слабою ногой,
 Въ дугу согнувшись надъ клюкой,
 Улыбкой гостя привѣчаешь;
 „Добро пожаловашь!“ — вѣщаетъ:
 „Гоповъ я сердцемъ и душой
 Дѣлишься хижиной съ побой!
 Орѣхи, жолуди сухія,
 Пуспыни дикіе плоды,
 И чаша свѣшлыя воды —
 Вошь яспва грубыя, проспыя. —
 Чпо можешь дашь Анахорешъ,
 Копорый цѣлыхъ придцашь лѣшь
 Провель въ тиши уединенья,
 Забывши прелести суешъ
 И свѣша шумнаго волненья?
 Здѣсь вкусишь пы спокойный сонъ
 Не на богашомъ мягкомъ ложѣ,
 Но меньше ль милъ и сладокъ онъ,
 И на звѣриной жеспкой кожѣ
 Тому, кпо духомъ не смущень?“
 Какъ хладъ росы во время зною
 Пряпень нивамъ золопымъ,
 Такъ старца рѣчь сладка герою,
 Который слѣдуешъ за нимъ.
 Хозяинъ госпя дорогова
 У огонечка посадилъ,
 И скромный ужинъ предложилъ;
 И оба кушала ни слова. —
 За косякомъ сверчокъ поешъ;
 Вокругъ пуспынника сѣдова,

Мурлыча, вьепся жирный котъ:
 То подъ рукой его пройдешь,
 То на колѣни смирно сядешь,
 Пушистымъ поводя хвостомъ,
 То спину выгнешь колесомъ
 И ждешь пока его погладишь.
 „О сынъ мой!“ наконецъ прервалъ
 Старикъ глубокое молчанье:
 „За чѣмъ ты въ юности избралъ
 Сполъ пляжкой жизни соспоанье?
 Честей ли, славы ли желанье,
 Любовь ли къ дѣвушкѣ какой,
 Гоненья ль мачихи-судьбины,
 Другія ль тайныя причины,
 Тебя принудили—покой
 Покинуть съ хижиной родной,
 По свѣту бѣлому скипаешься,
 Сносишь морозы, голодъ, зной
 И всемъ напасямъ подвергаешься?
 Откройся, кто ты? И на свѣтъ,
 На своды неба голубые
 Гдѣ ясный взоръ открылъ впервые?
 И ежели ты жертва бѣды,
 Быть можешь, слезы соспраданья
 Смягчатъ души твоей терзанья.“
 —И витязь мой вздохнувши разъ,
 Такъ началъ старцу свой разсказъ:
 „На берегу рѣки широкой,
 Въ струяхъ которой Волхвъ жестокой
 Обрѣлъ конецъ пресупныхъ дней,
 Живеетъ Рославъ, старикъ почпенной,
 Опъ нѣжной юности своей
 На службу родинѣ безцѣнной
 Онъ долгій вѣкъ свой посвяпилъ;

Но съ старостью лишившись силъ,
 Сокрылся въ край усдиненной,
 Гдѣ возраспалъ я вмѣстѣ съ нимъ
 И чпилъ опцемъ его моимъ.
 Едва румяною зарею
 Воспламенялись небеса,
 Я съ гибкимъ лукомъ и стрѣлою
 Спѣшилъ въ дремучіе лѣса;
 И тамъ за прыжкими звѣрями
 Гонялся быспрыми погами;
 Или на легкомъ челнокѣ,
 Безстрашно рѣя по рѣкѣ,
 Бросалъ я уду роковую;
 Когда же полдень наступалъ
 И зной паллицій разливалъ,
 Укрывшись въ хижину простую
 Готовилъ пищу я съ опцомъ,
 И послѣ крапкаго обѣда
 Работалъ съ нимъ въ саду своемъ;
 А въ тихій вечеръ, предъ огнемъ,
 Его пріяпчал бѣсѣда
 Меня учила — какъ добромъ,
 Плапипь за зло врагамъ коварнымъ;
 Несчастнымъ, слабымъ помогашь,
 И новыми — неблагодарнымъ —
 Благодѣяпьями опмщашь.
 „Мой сынъ! имѣй всегда терпѣнье,
 Твердилъ онъ часпо мнѣ: — „учись
 Не падашь духомъ въ заключеньѣ;
 Невѣрнымъ счастьемъ не гордись!
 И чпи богатствомъ—добродѣпель!“
 Или повѣспивовалъ онъ мнѣ
 Объ опдаленной старинѣ,
 О бипвахѣ, коимъ былъ свидѣпель;

И я въ восторгѣ препеналъ
 Внимая пвердоспѣ Святослава,
 Когда къ дружинамъ онъ взывалъ:
 — Друзья, погибнемъ! съ нами слава,
 Костямъ холоднымъ итьпъ спыда!— —
 И время въ сладостяхъ труда
 Неслось спрьлою быспролетной;
 Я въ девятнадцатой веснѣ
 Себя увидѣлъ непримѣтно,
 И вспыхнулъ новый жаръ во мнѣ.
 Забилось сердце ретивое
 Желаньемъ славы и чеспей,
 И я, въ бездѣйственномъ покоѣ,
 Уже не видѣлъ красныхъ дней.
 Какой то гласъ неизьяснимой
 Въ душѣ тоскующей вѣщалъ:
 И вопъ, изъ хижины родимой
 Къ спранѣ далекой опзывалъ.
 Однажды, въ сумрачной дубравѣ
 Заснулъ я, съ мыслями о славѣ,
 И видѣлъ непоспижный сонъ:
 Спарикъ, лѣпами опягченной,
 Предсталъ мнѣ, свѣтомъ окружень,
 Возрѣлъ съ улыбкой благосклонной
 И тихимъ гласомъ говорилъ:
 „Илья, исполни приказанье!“
 — Прости, хозяинъ, я забылъ,
 Сказать тебѣ мое названье—
 „Оставь безвѣстный уголокъ,
 „Гдѣ юный возрастъ твой протекъ,
 „ И къ Кіеву спѣши опселъ:
 „ Тамъ храброспѣ окажи на дѣлѣ
 „ И будешь славою высокъ.“
 Тушь онъ умокъ и вдругъ сокрылся . . .

Я въ удивленнн пробудился
 И къ доброму опцу бѣжалъ
 Сказаць все видѣнное мною;
 Онъ съ горестною меня внималъ
 И крошкѣй взоръ блеснулъ слезою.
 — Илья! — печально онъ вѣцалъ
 Неумолима судьбина
 Велишь разлуку намъ спосипь,
 И ужъ въ послѣднѣй имя сына
 Къ тебѣ могу я обратишь.
 Склони къ рѣчамъ моимъ внимаще:
 Я не отецъ твой! пупъ рыдаше
 Пресѣкло рѣчь его; а я,
 Какъ громомъ, пораженный сю
 И горькихъ слезъ источникъ лья,
 Упалъ безъ чувствивъ къ нему на шею.
 И долго были мы въ такомъ,
 Подобномъ смерти, состоянн,
 Не помня ничего. Потомъ
 Онъ продолжалъ повѣствоваше:
 Однажды, въ сумракѣ ночномъ
 Я возвращался къ мирной кровлѣ,
 Проведши цѣлый день на ловлѣ,
 И вдругъ спарикъ явился мнѣ;
 Его ты видѣлъ безъ сомнѣнн
 Въ своемъ пророчественномъ снѣ;
 Спокойный взоръ внушалъ почтенне,
 И обнаженное чело
 Небесной благоспнью цвѣло.
 Глубокимъ сномъ младенецъ спящн
 Въ его объятняхъ лежалъ,
 И добрый конь за нимъ бѣжалъ,
 Неся доспѣхъ, во тмѣ блестящн.
 — „Рославъ, онъ молвилъ, будь опцемъ

Сего невиннаго созданья;
 Учи его владычь мечемъ;
 Наставь на добрыя дѣла, и
 И пѣжныя твои старанья
 Богъ не оставитъ безъ награды.
 Когда весна цвѣты по лугу
 Разсыплеть девятнадцать крапъ,
 Тогда вручи ему кольчугу.
 Сей щипъ, сей шлемъ и сей булатъ;
 Ни панцырь, ни шоломъ косматый,
 Его удара не снесутъ:
 Онъ рубитъ ихъ, какъ хрупкій пруть;
 А эти блестящія лапы
 Волшебной силой созданы,
 Безвреденъ попь, на комъ опи;
 Ни спрълъ свистящихъ градъ пернатый,
 Ни копіе, ни острый мечъ
 Не могутъ спали ихъ разсѣчь.
 Пусть ѣдетъ онъ, покрытый ими,
 Блуждая подъ ясною луной
 И ницетъ храбрыми своими
 Дѣлами — славы вѣковой.“

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ.

Жилъ юный опшельникъ и въ кельѣ молясь,
 Священную книгу читалъ углубясь.

*

Въ день Пасхи прочелъ онъ, что тысяча лѣтъ,
 Какъ день передъ Богомъ, мелькнетъ и пройдетъ.

*

Монахъ палъ въ сомнѣнье, спалъ думая о томъ,
 Какъ тысячу лѣтъ поравнять съ однимъ днёмъ?

Не въришь, въ священную книгу глядишь,
И видишь, что въ келью вдругъ ппичка лепишь.

*

Вся блещеть, сілеть! И, прелеснь для глазъ,
Какъ яхонты перья, а пухъ какъ алмазь.

*

Когда же вдругъ крылья она распахнеть,
То радугой свѣишь, шо злапомъ сверкнеть.

*

Прекрасная ппичка въ полетъ легка,
Быспрѣе, рѣзвѣ весны вестерка.

*

Лешать переспала, у двери сидишь
И радоспно юный опшслыникъ глядишь.

*

Не слышно подходишь, молчишь, недохнеть;
Лишь шолько бѣ схватить, птничка вдругъ отпорхнеть.

*

Она опъ него, а опшслыникъ за ней . . .
И вопъ онъ изъ кельи выходишь свосй.

*

Идешь за ограду и полемъ идешь,
А ппичка-шо свищеть, какъ будпо зоветь.

*

Но вопъ монастырь за пригоркомъ исчезъ,
А инокъ за ппичкой идешь въ сѣнь дровесъ.

*

Тамъ взоръ восхицають весны красоты,
Древа разнообразы, душисны цвѣты.

*

И съ вѣпки на вѣпку гес ппичка впередъ,
Г орхаешь, лешаетъ и сладко поешь.

*

Туда и сюда надъ цвѣтами кружась,
Какъ звездочка въ воздухъ свѣпшишь носокъ.

*

На дуба вершинѣ присѣла она,
И пѣвемъ чудеснымъ вся роца полна.

*

Распроганный сердцемъ, въ восторгѣ душой,
Внимася безмолвно монахъ молодой.

*

И мигъ наслажденья боюсь поперяпъ,
Звукъ каждый онъ ловишь, и жаждешь внимать.

*

Забылся! оправно забвенью его,
Не слышишь, не видишь вокругъ ничего.

*

Но вдругъ все умолкло; опомнился онъ,
Гдѣ жъ пшичка пѣвица? Пропала какъ сонъ.

*

Ахъ! пшичка взвилася, какъ будто стрѣла,
И въ небѣ исчезла, была не была!

*

Вдохнулъ добрый инокъ и въ келью спѣшилъ,
Казалось ему—часъ въ оплучкѣ онъ былъ.

*

Боишься, что онъ опоздаетъ въ пупни,
Что къ пиратезъ ждущъ, и пора бы придти.

*

Но вопъ монастырь только чудно ему,
Что ограда не та, непоспивно уму.

*

За оградой новая церковь видна,
И дивишься, откуда взялася она?

*

Онъ спучипъ въ вороша, и приврапникъ идепъ,
Но ему не знакомъ: прежде былъ, да не шопъ.

*

Не пускаепъ монаха въ обипель его:
„Ты чужой; не видалъ я лица пвоего.“

*

И тебя я не знаю. — „Приврапникъ.“ — Нъпъ,
Приврапникъ здъсь молодъ, а ты спаръ и съдъ.

*

Я вышелъ опсюда, не болъ какъ съ часъ,
Съ чего же вдругъ новый приврапникъ у насъ?

*

Или Спасовъ не здъсь монастырь? „Онъ и еспъ.“ —
Такъ поди же къ Игумну, и дай мнѣ опвѣпъ!

*

Дивипся приврапникъ, Игумна зовепъ,
И вопъ за Игумномъ весь причепъ идепъ!

*

Опшельникъ предъ нимъ преклонилъ лщомъ,
Но только Игумень ему не знакомъ.

*

Межъ брапѣи пакже знакомаго нъпъ,
Онъ смоприпъ онъ ищепъ своипъ не найдсть!

*

И мудрый Игумень пришельца спросилъ:
Какое онъ имя межъ брапѣй носилъ?

*

„Анпони́смъ названъ въ иночеспвѣ я,
При мнѣ былъ Игумень, спецъ Илія.“

*

И всѣ изумилъсь по книгамъ глядяпъ,
Нашли имена ихъ — *лѣтъ триста* назадъ.

*

Анпони́й — въ день Пасхи безвѣспно пропалъ,
Такъ писано въ книгъ, Игумень сказалъ.

И тайну проникъ, и крестомъ осѣнясь,
Дивенъ Богъ въ чудесахъ! онъ сказалъ умилясь.

*

Дивенъ Богъ въ чудесахъ! такъ монахъ повпорилъ,
И вдругъ передъ всеми свой видъ измѣнилъ.

★

Въ немъ видѣль имъ спарець, взоръ юный угасть,
Предъ нимъ *триста лѣтъ*, миновали какъ часы!

*

Онъ палъ, и молился! Два дня протекли
Почилъ онъ, и съ честью его погребли. —

Б. Федоровъ

Ц В Ъ Т О К Ъ.

НА ГРОБЪ N. N.

Я зналъ ее: она была

И тѣломъ и душой мила.

Ея цвѣла прелестно младость,

И восхищя чельная радость

Сіяла на ся чель.

Увы! сбывась судьбы угроза:

Она мелькнула на землѣ

Минушной гостыею, какъ роза.

Роднымъ опрадой бывъ одной,

Она, казалось, предузнала

Конецъ свой близкій, роковой;

Но жизнь безропно скончала:

Среди семейственныхъ заботъ,

Томясь подъ бременемъ недуга,

Въ объятіяхъ пяти сиротъ

И нещастнаго супруга.

Бестужевъ-Рюминъ.

М У Д Р О С Т Ь.

Б а с н я.

Когда бессмертные пернатыхъ разобрали,
 Юпитеръ взявъ орла, Венеръ горлицъ дали,
 А бдительный пѣтухъ былъ Мудрости удѣлъ.
 Но бдительность его осталась безъ удачи,
 Нашли, что олъ имѣлъ не кстапи правъ горячій:
 Что неуступчивъ онъ, крикливъ и слишкомъ смѣлъ.
 А пуще на него все жаловались боги,
 Что самъ олъ мало спитъ и спать имъ не даетъ.
 Минерва олъ спца указъ объявленъ спрогій,
 Что должность пѣтуха сова при ней займетъ.
 Чпожъ можно заключить изъ этой были, сказки?—
 Чшо мудрецу вѣрнѣй быть мудрымъ безъ огласки.

К. Вяземскій.

Ц Ы Г А Н С К А Я П Л Я С К А.

Видалъ ли ты, какъ пляшетъ Египтянка?
 Какъ вихрь она взвиваетъ прахъ;
 Спрямилъ шаги какъ дикая Вакхалка. . .
 Ея власы какъ змѣи на плечахъ. —

Какъ пѣсня вольная она прекрасна!
 Какъ пѣсня нежности душа полна!
 Какъ поцѣлуй свиданій сладострасна!
 Какъ буйный хмель неистова она!

Лепитъ, какъ полный звукъ цѣвницы;
 Дрожитъ, какъ звонкая струна.
 И блещетъ взоръ, какъ бѣглый огонь зарницы,
 И дышетъ грудь, какъ бурная волна!

П.

С У М Е Р К И.

(Изъ Мильвуа).

Хлоя милая! ужь день
 Свѣпмый образъ свой скрываетъ,
 И прохладный вечеръ пѣнь
 По долинамъ распиваетъ.
 Ужъ пора оставить намъ
 Мѣсто тайнаго свиданья,
 Гдѣ любви очарованья
 Крылья придали часамъ!

*

Улыбнись, Амуръ, украдкой,
 Если Хлоя, ангель мой,
 О минувшемъ съ мыслью сладкой
 Изъ лѣска поидеть домой!
 Улыбнись, Божокъ нескромный!
 Коль увидишь пламень томный
 Въ голубыхъ ея глазахъ,
 И листочекъ — въ волосахъ!

Вологда.

Сілювъ.

В Ъ А Л Ь Б О М Ъ.

(Е . . . нѣ Л . . . нѣ С . . . кой).

Тринадцать лѣтъ уже промчались,
 Какъ пылкой юности мой
 Мечпы злая минувались;
 Но память прежнихъ милыхъ дней
 Живеть со мною неизменно!
 И нынѣ, ея дорожа,
 Люблю о томъ мечтать вседневно.
 На сердце руку положи,

Какъ въ первый разъ оно любило
 Назадъ тому принадцать лѣтъ:
 Такъ любить воинъ спарой, хилой,
 Оставляя поприще побѣдъ,
 На картѣ чуждаго владѣнья,
 Припомня мѣсяць и число,
 Опыскивать мѣста сраженья,
 Гдѣ былъ онъ раненъ тяжело.

Вологда.

Сіяновъ.

М. Э. О.

НА ОТЪѢЗДЪ ЕГО ИЗЪ ТВЕРИ.

Прости, дивизія шесная!
 Прости, добрыйшій Генераль!
 Прости, скажу еще вздыхая!
 Какъ насъ въ Твери ты утѣшалъ!
 Чтوبъ безъ тебя былъ нашъ ваксаль (1)?
 Твои Орфеи музыканты
 Обворожали памъ нашъ слухъ,
 А Офицеры, Адьюпанты
 Тверь обращали въ Песербургъ.
 При нихъ и нашъ Ваксаль убогой
 Въдь походилъ на лѣшній садъ
 Большой аллеей, нль дорогой,
 Гдѣ по краямъ спояли въ рядъ
 Кущы брадапы, величавы,

(1) Ваксаль, или публичный садъ въ Твери достопримѣчательность тѣмъ, что при устройствѣ онаго сколько посажено деревьевъ, сколько было дворянъ при открытіи Тверскаго Намѣстническаго Преданія увѣряешь, будшо каждый дворянинъ посадилъ по дереву.

Смирены дѣвы, златоглавы (2),
 Ихъ маменьки въ цвѣпныхъ плашкахъ
 Съ двумя концами на спинахъ.
 Куда ни обратимъ мы взоры.
 Гдѣ, гдѣ у насъ теперъ шапцоры?
 Одинъ Уланъ лишь мазуристъ!
 Теперъ, хотъ не танцуйте дамы!
 Играйте всѣ въ боспонтъ, да въ вистъ!

Изобрѣтатель гидрорамы,
 Усапый Краузе мудрецъ (3),
 Когда бъ въ стакачикъ съ водою
 Представить могъ передъ побою
 Все, что у насъ внутри сердецъ:
 То право бы ты удивился,
 Какъ мы привязаны къ тебѣ.
 Хотъ ты давно съ двумя зпѣздами
 И заслуженный Генералъ;
 Но ты не важничалъ предъ нами
 И носа вверхъ не поднималъ,
 Не важничалъ и не гордился,
 Съ душой открытою, прямой
 Въ Твери ты съ нами обходился;
 Какъ жаль, что ѣдешь ты домой,
 Дай Богъ тебѣ съ пвоей подругой,
 Съ пвоею умницей суругой,
 Всѣхъ радостей, всѣхъ благъ земныхъ,

(2) Тверскія дѣвицы носятъ остроконечныя шапочки изъ золотой парчи, а замужнія повязываютъ на головы большія плашки, кошорые сзади распускаются двумя широкими концами.

(3) Соперникъ знаменитаго Пипетина, бывшій во многихъ справахъ Европы и даже въ Персїи. Гидрорама-ящикъ въ кошорый вснавливаеися стаканъ воды. Въ немъ, посрединномъ опинки, представляюся въ уменьшеномъ видѣ наснующіе предметы, живощыя, люди.

Прости! позволъ себѣ сжать руку.
 П . . . а въ поруку
 Даю, что почно какъ родныхъ
 Мы любимъ васъ и почитаемъ
 И вамъ есго добра желаемъ.
 Ты истинный Христіанинъ,
 Или топъ *Израильянинъ*
 Правдивый, съ нель же лести нтъу.
 Повѣрь нельспивому Поэту.
 Прости же, Богъ съ шобой, процай!
 И къ намъ опяшь въ Тверь прѣзжай.
 14 Сент. 1827

ДВА ЭКСПРОМТА.

1.

Чтобъ не влюбляться каждый часъ
 Мнѣ въ ваши прелести напрасно,
 Я буду думать ежечасно,
 Что я не думаю о васъ.

Савурскій.

2.

Вы мнѣ сказали не шупля,
 Что я такъ молодъ, какъ диня.
 Тупъ нѣтъ бѣды, я съ тѣмъ согласенъ,
 Сердечный пупъ мой безопасенъ:
 Я все обдѣлаю шупля.

Савурскій.

Т Е М И Р Ъ В Й Е Р Ъ,
ВЪ АЛЬБОМЪ, ИСПИСАННЫЙ СТИХАМИ ХЛЫСТОВА
и СВИСТКОВА.

(1 8 2 1).

За чѣмъ зашли сюда,
Въ пѣни забвенія писавшіе Поэты —
Сыны зачашаго труда
И неподвижной Лесты —
Хлыстовъ,
Свистковъ?

Мнѣ, право, превзойти ихъ трудно,
И я не дописавъ, бросаю со стыдомъ,
Тупыми перьями испачканный Альбомъ
Темиры оспроумисй.

В.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА.

В л а д и м и р ъ и А н е т а.

Г Л А В А I.

„Нѣтъ, надоѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ
„И съ маскерадами, съ балами,
„Въ немъ счастья прямаго нѣтъ!“ —
Такъ, съ полусонными глазами,
Держа записочку въ рукахъ,
Въ халатъ, въ желтыхъ сапогахъ,
Владимиръ Стрельскій на диванъ,
Успалый, лежа разсуждалъ.
„Охоша парисься какъ въ банъ,
„Вершись куда не упалъ.
„Теперь съ постели только вспалъ,
„Еще на вечеръ приглашаютъ!

„А я, того они не знаютъ,
 „Что сряду три ночи не спалъ;
 „Но отказаться невозможно:
 „Хоть нехотя, а потъжай,
 „День цѣмый мучься и зѣвай,
 „А ночью не успеешь какъ должно.“

Что балъ не служишь ни къ чему
 Я въ томъ съ Владиміромъ согласенъ,
 Но, какъ Корнету моему
 Осьмнадцать лѣтъъ, собой прекрасенъ
 И очень мило танцовалъ:

А потому его на балъ
 Въ столицѣ часто приглашали.

Танцуя рѣзвый копыльщъ
 Корнета вѣчно выбирали,

И весь дѣвичій легіонъ
 (Какъ лѣпописи увѣрjali)

Въ него безъ памяти влюбленъ.
 Мужья иные женъ бранили . . .

И я слыхалъ, какъ говорили,
 Что будто—только за секретъ —
 Причиной ссоры былъ Корнетъ.

II.

Опець его, бояринъ знапный,
 Не помню только гдѣ служилъ,
 Былъ человекъ весьма пріятный

И въ Петербургѣ вѣчно жилъ
 Съ своею доброю женою:

„Все тлѣнно, други, подъ луною!“
 Мудрецъ какой-то говорилъ,

Иванъ Андрѣичъ схоронилъ
 Свою почтенную супругу,

Ей монументъ соорудилъ
 и вырѣзалъ: *женѣ* и *другу!*

Онъ искренно ее любилъ,

И молвить правду, такъ за дѣло!
Такой супруги поискашь:

Вѣрна, рачительная машь,
У ней въ рукахъ все, все кипѣло;
Всѣмъ угождать она умѣла,
За всѣмъ ходила и смотрѣла;
Но простудилась и слегла.
Хворала только двѣ недѣли,
Собрашь *Консиліумъ* хопѣли,
Какъ вдругъ больная умерла.
„*Втрыварь Савинишь не стало!*“
Разносился по дому слухъ,
Опгь баръ доходитъ и до слугъ:
И все въ лакейской зарыдало
„*Ахъ, доброй бѣрѣиши не стало!*“

III.

Иванъ Андреичу въ залогъ
Однгъ *Владимиръ* оставался,
И чшобы онъ не баловался
И послужить подъ староспъ могъ
Ощу подпорой и надеждой,
При помъ, чшобъ не былъ и невѣждой,
Ему наставника сыскалъ,
Снабдилъ *Monsieur Furet* одеждой,
И въ годъ по пысячи давалъ.
Самъ, день опгь дня позабывалъ
Поперю женщины прекрасной,
Кладбище рѣдко посѣщалъ
И вынуждалъ слезу напрасно.
Онъ наконецъ ее забылъ;
Но рокъ за то сму опшспилъ.
Иванъ Андреичъ, недовольный
Своимъ вдовствомъ, зѣвалъ, сучалъ,
За то и горе испыталъ,

Когда къ супругъ покойной
Онъ въ ланы шаякъ попалъ.

IV.

Проходятъ мѣсяцы и годы:
Владимиръ быстро выросалъ,
Онъ по Французски ужъ читалъ
Романсы, пѣсенки и оды,
И всѣ Крестовые походы
Онъ по Миллоту твердо зналъ.
Исторью Русскаго народа
Онъ восемсонъ шеещаго года
Почти до нынѣшнихъ временъ
Всю проходитъ весьма пространно,
Всѣхъ Государей по имени
Онъ зналъ, гдѣ прахъ ихъ погребенъ,
Когда, къмъ Кіевъ раззоренъ.
Хоть не поэтъ, а сочинялъ
Въ Альбомы дѣвушкамъ сонеты,
Одной, я помню, написалъ
На глазки славный мадригалъ
И въ милые попалъ поэты.
Что зналъ онъ много кой-чего
Не стану я распространяться;
Теперь, позвольте мнѣ заняться
Почтеннымъ батюшкой его. —

V.

Однажды, было по весною
И помню вѣрно какъ сей часъ
(Я насмѣху читатель васъ):
Съ сѣдой и лысой головою
Иванъ Андригъ былъ любимъ
Одной почтенною вдовою,
Какъ спростшимъ голубкамъ двоимъ
Имъ плакать слаще о потерѣ;

Припомъ же у него былъ сыпъ
 Сыпъ молодой, да и одинъ,
 За нимъ смотрѣль, по крайнѣй мѣрѣ,
 Жена могла, и для того
 Онъ наконецъ на ней женился.
 Нельзя винить за то его,
 Всякъ сдѣлать это бы рѣшился!
 Онъ, правда, самъ въ нее влюбился.
 Она на *взглядъ* была, скромна,
 Такъ какъ въ пятнадцать лѣтъ стыдлива,
 Такъ какъ младенецъ послулива,
 Ну, словомъ, кладъ а не жена.
 Онъ ея бредилъ, восхищался;
Владимиръ думалъ, что отецъ
 Въ лѣтахъ преклонныхъ, наконецъ
 Въ умъ немного помѣшался.—

VI.

Иванъ Андреевъ, ахъ, узналъ
 Когда лишь съ нею обвѣчался;
 Что онъ въ большой просякъ попался,
 Когда смпреницей считалъ
 Сороколѣпную подругу.
 Ее совсѣмъ и не узнать:
 Лишь обвѣчалась и супругу
 Ни въ чемъ не спала поцакать;
 Служанокъ бьещъ всѣхъ безъ пощады:
 Шумить, бранишя и кричитьъ,
 У мужа денегъ на паряды,
 На щильки просить, на помады.
Иванъ Андреевъ молчитъ
 Покорно деньги ей считаешъ
 И въ кабинетъ разсуждаешъ
 О горькой участи своей.

Всѣ люди въ домѣ разбѣжались,
 Такой хозяйки испугались,
 Одинъ *Владиміровъ* лакей
 (Которой послѣ пригодится)
 Остался барину служить,
 Съ Владиміромъ привыкъ онъ быть,
 И чтобы съ нимъ не разошлись
 Готовъ побой былъ сносить.
 Еще Владиміръ оставался
 Опъ мачихи бурливой цѣль.
 Хоть уживался съ ней умѣль,
 И пошъ опъ ней не отыгрался;
 И пошъ съ терпѣньемъ распрощался;
 Съ ней въ домѣ жить не захотѣлъ —
 И на семнадцатомъ не боля
 Въ Кавалергарды онъ пошелъ,
 И счастье памъ себѣ нашелъ.
 Его завидовали долъ:
 Осьмнадцать минуло — и онъ
 Въ корнепы былъ произведёнъ.

VII.

Владиміръ Стрѣльскій восхищался
 Своимъ корнепствомъ, и подъ часъ,
 Онъ въ день пятнадцать, двадцать разъ
 Въ мундиръ военный одѣвался
 И передъ зеркаломъ споялъ.
 То галсукъ выше подымалъ,
 То опустить его старался,
 То шнагу, шпоры поправлялъ,
 И недовольнымъ оставался.
 Такъ точно иногда Поэтъ,
 Спихами новыми прельщенный,
 Пять разъ на дню ихъ перечтеть,
 Напишетъ чище, изорветъ,
 И, снова ими восхищенный,
 Въ цензуру строгую несеть.

А. Севериновъ.

Р О М А Н С Ъ.

Гдѣ ты, дѣвица красы?
 Вспомни дни очарованья,
 Вспомни сладкія лобзанья —
 Пылкой юности часы!

* * *

Гдѣ всѣ кляпвы, увѣренья,
 Оршанныя слезой —
 Какъ залогъ любви свяпой?
 Гдѣ восшоргъ и уносня? —

Всѣ исчезло, миновалось!
 Мнѣ душою не цвѣсти:
 Ты другому ужъ досталась.....
 О, на вѣкъ прости, прости!
 И—ъ В—ъ.

Р А З Л У К А.

К. И. Б--му.

Я вижу топть край, гдѣ пустынное небо
 Покровомъ туманнымъ надъ моремъ виситъ;
 Гдѣ огненный щипъ лучезарнаго Феба
 Въ волнахъ Оксана пожаромъ горитъ.
 Тутъ древніе билися крабро Славяне
 За вѣру опцевъ и къ свободѣ любовь;
 Баяны ихъ пѣли въ воинственномъ спанѣ
 И звали на смертныя сѣчи враговъ
 Тутъ, вѣчно задумчивъ, брожу одинокій,
 И помню послѣдній небесный привѣтъ
 Оставленной дѣвы въ опчизнѣ дамѣкой:
 Подъ небомъ полночи волшебницы итъ!

Не свѣшаютъ мнѣ дѣвы прекрасныя очи:
 Подъ бурями рока въ далекой странѣ
 Ихъ скрыла разлука завѣсою ночи, —
 И счастья зоря не взойдетъ уже мнѣ!
В. Краинскій.

УМИРАЮЩІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

(Изъ Ламаринга.)

Что слышу? Надо мной звучитъ священна мѣдь!
 Какою окруженъ полною я печальной?
 Кому надгробный гимнъ и факелъ погребальной?
 Не ты ль, въ послѣдній разъ, ко мнѣ взываешь, смерть?
 Такъ тихо: узнаю призывъ я твой унылый —
 И пробуждаюся въ преддверіи могилы.

О лучъ божественный благаго Существа!
 Душа, безсмертная жилища персти брешной!
 Сбрось узы тяжкія, покинь ты мръ сѣи тлѣной;
 Пари свободною къ престолу Божества:
 Кто пону бѣдъ земныхъ и горестей слагаешь
 Въ могилу мрачную, уже ль пошь умираешь?

Ужъ время мой конецъ пробило на часахъ;
 И лучезарныя посланники небесны
 Гоповы неспь меня въ чертогъ мнѣ неизвѣстный!
 Ужъ свѣша вѣчнаго я плаваю въ волнахъ;
 Проспранстно ширится предъ тусклыми очами,
 И, кажется, земля исчезла подъ ногами!

Но что, въ тотъ мигъ, когда взношусь къ Творцу душой,
 Мнѣ поражаютъ слухъ и стоны и рыданья!

ыбы плачете о мнѣ, сопутники изгнанья!
А л, межъ шѣмъ, испилъ изъ чашн роковой
 Забвенье золь, и духъ мой, полный восхищенья,
У же у пристанн небеснаго селенья!
 Вологда.

Словъ.

У В Я Д Ш И Й Ц В Ъ Т О К Ъ .

Ты увяль, цвѣтокъ мой милой,
Ты безвременно поблекъ.
 Но какой зловредной силой
У мерщвленъ ты, мой цвѣпокъ?

О, не бурею жестокой,
 Мой цвѣпочикъ, ны убить;
 Нѣтъ — оградю высокой
Ты опъ бури (быль) укрыть.

Иль палящими лучами
Въ знойный полдень ны сожжешь?
 Нѣтъ, деревъ гусныхъ въшвами
Ты опъ зноя защищешь.

Тамъ подъ небомъ раскаленнымъ
 Песей пламенной звѣзды,
 Дикимъ правкамъ испощеннымъ
Долго съ неба нѣтъ воды.

Но заботливой рукою
Ты моей лелѣять былъ.
 Чистой свѣжсю спруею
Я всегда тебя росилъ.

Ахъ! напрасны попеченья,
Рокъ тебѣ не пощадилъ:

Червь подземный, сынъ исплѣня
Корешокъ пвой подточилъ.

Такъ фортуны сынъ надменный
Среди благъ земныхъ цвѣтеть;
Но, какъ часто, сокровенный
Сердце червь его грызеть.

И. Палминъ.

А. Е. БАЖАНОВОЙ.

На игру ея въ роли Лесты, Днѣпровской

Русалки.

Волшебнымъ звукомъ ты рѣчей,
Огнемъ плѣнительныхъ очей,
Царицу ль *Лесту* представляешь,
Иль дочь цвѣтошницы простой:
Ты всѣхъ сердца обворожаешь,
И всѣхъ мечешь въ *гертогъ златой!*

И. В—ъ.

Э П И Г Р А М А.

Брани меня, не бойся драки;
Лишь сдѣлай милость, не хвали:
Не спрашенъ громкій лай собаки,
Но страшень тихій свистъ змыи.

—НК—

Н Е В С Е П Р О Ш Л О

Не все прошло; еще дунѣ запыхшей
 Мнръ чувствъ, мечты не вовсе измѣнилъ,
 И, къ раннему безстрастию привыкшей,
 Порою ей по прежнему онъ милъ.

Хоть рѣдко, но порой улыбка дѣвы
 Опять ее взволнуетъ и смущитъ,
 И сладки вновь ей стануть Музы папѣвы,
 И чувства огонь во глубь ея всплывъ.

Но эпитъ огонь памяти; напоминая
 Печальный лѣтъ и опыта законъ,
 Лишь вспыхнетъ — и, безсильный, умирая
 Невольный вздохъ въ груди пробудитъ онъ.

А. Глбозъ.

ПЕРЕВОДЪ ГОРАЦІЕВОЙ ОДЫ.

К ъ Л и ц и н и ю -

Rectius vives, Licini, etc.

Спокойнѣй будешь жить, Лициній,
 Не вѣчно прави въ глубь валовъ;
 Равно безумно, вѣрь, изъ трепета пучины
 Держаться слишкомъ береговъ.

Тотъ, кто умеренность златую
 Всѣмъ благамъ въ мнръ предпочтетъ,
 Не посягнется тотъ ни въ хижину простую
 И не въ чертогахъ онъ живешь.

Высоки сн вихрь качася,
 И башня, гордая челомъ,
 Звучише въ прахъ съ высотъ обрушася упадешъ,
 И въ шема горъ бьешъ чаще громъ.

Мудрецъ готовъ на бой съ несчастьемъ,
 Страхитесь въ счастьи: Зевесъ
 Природы ясный ликъ туманитъ въ хладъ несчастьемъ,
 И вновь весна лепитъ съ небесъ.

Коль нынѣ бѣдствіе спѣсплетъ,
 Минетъ оно какъ грозный сонъ:
 Оживъ цитру иногда подъ пѣснь одушевляетъ,
 Не вѣчно лукъ его слячѣтъ.

Мужайся въ тяжкія минуны,
 Фортуны стрѣлы презирай;
 Равно и въ парусъ пивой, шебъ попутно воздушный,
 Не слышдомъ вѣтеръ уловляй.

В. Оливъ.

П О Р Т Р Е Т Ъ С А Ш Е Т Ы.

Изображеніе Санеты
 Хотите, Хмоя, вы имѣть!
 Не масперъ я писанъ портреты,
 Но какъ отъказываю вамъ смѣть?
 Она, какъ вы, всегда свободна,
 Какъ вы—любезно-весела,
 Какъ вы—добра и благородна,
 Подобно вамъ—проста, мила.
 Подобно вамъ — она, не зпал,
 Цѣпляю друга окустъ,
 И скорбь его не разгадаю
 Въ его отраду слезы льещъ.
 Когда жъ смѣяться вамъ угодно,
 И я предъ вами, то клянусь,
 Межъ вами все такъ чудно сходно,
 Что обманушся я боюсь!

Но вы—веселою порою
 Не прочь о чувствахъ говорить,
 И упоенно о мечтаною
 Беседа пихую жиеить.
 И ваней рѣчью увлеченный,
 (Еъ сгогь признаи я не лживъ),
 Всегда и робкй и смиренный,
 Тогда л спановлюсь болпавъ: —
 А съ пюю,—признаюсь, невольпо
 Не смю молвишь слова я,
 И простъ и глупъ я... добровольпо
 И можно сквозь прочестъ меня.

Карлеофъ.

ОТРЫВОКЪ изъ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ ПОЭМЫ
 ИСНЕЛЬ И АСЛЕГА.

Соч. *Парни.*

Эгилль продолжаетъ свое повѣствованге:

Дневныхъ огней лучъ гаснесть припуленный;
 Ночная мгла гуспѣетъ поспешенно
 И мраками бойцы разведены.
 На темный срокъ къ холмамъ удалены,
 Въ замьну дня намъ свѣтитъ дубъ зажженный.
 Спѣшимъ сложить съ себя досѣхъ стальной
 И рапники гоповятъ пиръ военный
 И оживляя пиръ храбрыхъ голосъ мой:

„За чашею раздайся наше пѣнье!
 И пей и пой, безстрашный Скандинавъ!
 Для воиня пиры въ опдохновеенье,
 И храброму пристальъ веселый нравъ.

„И человекъ природу обвивлепъ;
 Въ упынь, ей за жребій свой пѣнясть.
 Избраннику чего недостаетъ?
 Ему даны: бумасть, любовь и медь.“

„За чашею раздайся намъ пѣнье!
 И пей и пой, безстрашный Скандинавъ!
 Для война пиры въ отдохновець,
 И храброму приспалъ веселый правъ.“

„Мы спанемъ пить за здравье несравненныхъ
 Отсутственныхъ и памяти священныхъ!
 За пѣжный даръ обыповъ дорогихъ;
 Но въ сердць мы удержимъ имя ихъ.“

„За чашею раздайся намъ пѣнье!
 И пей и пой, безстрашный Скандинавъ!
 Для война пиры въ отдохновець,
 И храброму приспалъ веселый правъ!“

„И спанемъ пить за брагье въ смертью взлтыхъ,
 Убийственнымъ сружіемъ пожапыхъ!
 Ихъ имени хвала! Въ Оденвъ домъ
 За облака на пиръ ушелъ ихъ сонмъ.“

„За чашею, раздайся намъ пѣнье!
 И пей и пой, безстрашный Скандинавъ!
 Для война пиры въ отдохновець
 И храброму приспалъ веселый правъ.“

Межь тѣмъ, Испель тревожными очами,
 Казалось, снѣпалъ друзей своихъ

„Почто, спросилъ: Эвроль не между нами?
 Онъ близъ меня сѣдитъ въ пирахъ моихъ.“

Что медлитъ? Гдѣ? . . . Молчанье! . . . Онъ носимый,
 Какъ бурею, я зрѣлъ, щипы крушилъ

Другъ дѣшева! ты исчезнуть поспѣшилъ!
О, война предѣлъ неизбѣжимый!

Поп. окъ, онъ все разрушитъ и уйдетъ
И слѣдъ его лишь Скальдъ распознаетъ.

Сни мирнымъ спомъ, невнемлющій мнѣ болѣ! . . .
Приди, Эгилъ! мой духъ ушибъ, смущенъ;
Могущесшвенъ глаголъ твоихъ успенъ:
Да скорбь души не угнешася доль.“

Приближась, я въцаю: „Разъ Оденъ,
Каратель злвхъ, вьльв юному Эльвену
Является. Безстрашный вождь смятешъ . . .
Склонилъ чело Власшипея къ колѣну.

И рекъ ему такъ грозный богъ Оденъ:
Я пвого безстрашнѣ въ бояхъ —
Небуйнаго, холоднаго свидѣтель.

Въ признательныхъ несчастія слезахъ
Не разъ пвою читалъ я добродѣтель.

Ты спрашнику медъ, пиво наливаешь;
Богащый домъ пвой сиропы обипель,
И данныхъ словъ заботливый хранитель;
Ты кляпвенныхъ камней не оскверняль.

Коль пунника вдругъ спужа заспигала:
Твоя рука нагаго облекала

Въ пуниспый мѣхъ. На небъ суждено
Эльвену дать благое воздаянне.

Чего бъ хотѣль? Произнеси желанье:
И будетъ мной исполнено оно.

— „Желаніемъ, нерѣдко безразсуднымъ,
Мы, слабые, дерзали оскорблять

Боговъ благихъ! Награду мнѣ избрать,
Цѣнишель дѣль! Тебѣ не будетъ труднымъ.“

— *Полугиши, знай, первѣйшее изъ благъ!*

Въ топъ самый день сверкнули на холмахъ
Мечи: Эльвецъ на битву поспѣшася . . .

И первал спрѣла его сражаетъ.
Паль, кончили дни съ улыбкой на ухахъ.

Л

ЛУЧШІЙ ЧАСЪ ВЪ ЖИЗНИ.

Такъ, помню я, порой моихъ весеннихъ дней,
На крыльяхъ времени дней скоро унесенныхъ:
Я дружень былъ — съ одной... въ бесѣдахъ ош-
кровенныхъ
Неопытность моя вѣрять любила ей
Нагѣвы слабые младаго дарованья.
И что жъ я пѣлъ тогда? И страхи, и желанья,
Что въ возрастѣ надеждъ такъ волновали насъ;
Мигъ нашихъ радостей и долгія спржданья.
Лишь образомъ ся исполнены мечтанья.
Лишь съ именемъ ся былъ слышимъ робкій гласъ!
Счастливы, когда она взоръ ласковый бросала
Наградою за стихъ, что въ сердце удержала.
Вспрѣчаюсь съ ней потомъ въ бездушныхъ
пѣхъ кругахъ
Въ которые влечетъ насъ праздность въ городахъ;
Я съ ней, ей говорю: въ сердцахъ у насъ молчанье
О! нашихъ радостей прошедшихъ воспоминаье!
Надеждъ при Любви велики боги жить;
Но поспоянисво съ ней забыли поселить.
Нашъ въ жизни лучшій часъ есть самый быспропечный!
Однажды, полюбя, за чѣмъ любилъ невѣчно?

Л

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ
В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ ПРОИСШЕСТВІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ
ТУРЦИИ, ВЪ 1829 ГОДУ, ПОСЛѢ ВЗЯТІЯ
АРЗЕРУМА.

4 Июля. Сдача крѣпости Хниса. Для занятія сего укрѣпленія, лежащаго во спа-версѣ по дорогѣ къ Мушу, назначена была экспедиція, подъ командою Полковника *Лемана*; но еще до отправленія оной, явились къ Главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ *Депушашы* изъ сей крѣпости, съ ключами оной и съ просьбою жишелей, принять ихъ подъ покровительство. Въ слѣдствіе сего крѣпость *Хнисъ*, вооруженная 6 пушками была занята нашими войсками.

7 Июля. Занятіе крѣпости Бейбурта. Генераль-Маіоръ *Бурцовъ*, выступивъ изъ лагеря при Арзерумѣ 5 числа и приближась на разстояніе 4 или 5 часовъ отъ Бейбурта, узнавъ, что Клягя Сераскирскій, имѣвъ при себѣ 5,000 ч. войска, изъ коихъ до 2,000 разо-

шлись уже по домамъ, рѣшился съ оспальными силами защищать сей городъ, и что сверхъ того, до 500 вооруженныхъ людей собрано для защиты мѣдныхъ заводовъ, лежащихъ въ 2 часахъ отъ Бейбурта. Генераль-Маіоръ *Бурцовъ* рѣшился прежде всего овладѣть заводомъ. Опряженный для сего Маіоръ *Зассъ* со 100 чел. конницы и подкрѣпленный пѣхотою, сначала встрѣченъ былъ ружейнымъ огнемъ, но вскорѣ жипели, большею частію Греки, бросивъ оружіе, встрѣтили дружелюбно побѣдителей, и заводъ былъ занятъ нашими войсками. По высвупленіи отсюда опряда Генераль-Маіора *Бурцова* къ Бейбурту, въ 12 верстахъ отъ города, встрѣтили его пять старшинъ и представили актъ отъ всѣхъ жипелей, коимъ они обязывались сдать городъ и крѣпость и обезоружить всѣхъ городскихъ и деревенскихъ жипелей. Въ Бейбуртѣ найдено было 4 орудія, запасъ пороха и значительный провіантскій магазинъ.

19 Іюля. Сраженіе у деревни Хартъ. Генераль-Маіоръ *Бурцовъ*, командовавшій опрядомъ въ Бейбуртѣ, узнавъ о сборѣ непріятельскихъ войскъ отъ 10 до 12 п. по дорогѣ къ Тра-

пезонту, рѣшился предупредить нечаяннымъ нападеніемъ на Турокъ всякое покушеніе на Бейбурштъ, защищавшійся только семью ротами пѣхоты. На сей конецъ, оставивъ въ городѣ двѣ роты, онъ съ прочими пятью ротами выступилъ ночью 18 числа по дорогѣ къ Хюмишъ-Хане. На разсвѣтѣ, встрѣтивъ непріятеля у селенія Харпъ, мужественно вступилъ съ нимъ въ бой и вытѣснилъ его изъ глубокаго предъ деревнею оврага; но приближась къ самой деревнѣ, нашелъ непріятеля гораздо превосходнѣйшаго. Желая смять толпы рѣшишельнымъ натискомъ, Генераль-Маіоръ *Бурцовъ* ударилъ на него со всѣмъ своимъ отрядомъ и лично повелъ въ атаку, бывшій съ нимъ Музульманскій конный полкъ; но въ пылу сраженія получилъ смертельную рану пулею въ грудь на вылетѣ, почему отрядъ нашъ вынужденъ былъ прскрапшить бой. Впрочемъ, пораженіе, нанесенное имъ непріятелю, было столь значительно, что сей не осмѣлился прслѣдовать его, не смоя на его малочисленность, и отрядъ сей прибылъ на другой день въ Бейбурштъ. Отважный сей подвигъ стоилъ однако чувствительной потери: храбрый Генераль-Маіоръ *Бурцовъ*, къ

общему сожалѣнію, 23 Іюля умеръ опъ полученной имъ раны.

27 Іюля. Пораженіе Турецкихъ войскъ въ деревнѣ Харпъ и занятіе оной. Главнокомандующій, получивъ извѣстіе о дѣлѣ, происходившемъ 19 Іюля, поспѣшилъ въ Бейбуртъ для истребленія собравшагося въ окрестныхъ деревняхъ непріятеля. Въ деревнѣ Харпъ засѣло до 3,000 самыхъ опчаянныхъ Лазовъ, кои обрекли себя на смерть для защищенія ввѣреннаго имъ поста и, по Воспочному обычаю, надѣли на себя саваны. Въ 2 часа по полудни, Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* повелъ свой корпусъ къ Харпу. Непрѣшель, къ которому ночью и рано поутру прибыло сильное подкрѣпленіе 4 или 5^ю опрядами, при появленіи Русскихъ покрылъ всю лѣвую скалу своей деревни, засѣлъ въ башняхъ, занялъ всѣ завалы передъ деревнею, и на сѣверныхъ возвышеніяхъ ожидалъ нашего приближенія; на лѣвой споронѣ выказалась прѣмя опрядами пѣхоны и кавалерія его, угрожая нападеніемъ на флангъ, и еще ближе въ деревнѣ Балахоръ споялъ опрядъ Османъ Паши съ 2-мя орудіями. Въ 5 часовъ по полудни, опкрытъ былъ огонь изъ 12 орудій по шан-

цамъ деревни Харпъ и продолжался около получаса. Въ то же время составились двѣ сильныя непріятельскія засады на флангъ и съ тыла нашего корпуса. Посему, Главнoкомандующій рѣшился напередъ очистить укрѣпленія. Выдвинутые впередъ баталіоны: Грузинскаго гренaдерскаго полка съ 2-мя Донскими орудіями, и Графа *Паскевича-Эриванскаго* съ 6-ю орудіями, скоро привели въ замѣшательство дѣйствіемъ своей артиллеріи непріятеля, какъ въ шанцахъ, такъ и въ засадѣ находившагося. Тотчасъ придвинута была къ шанцамъ центральная батарея съ ея прикрытіемъ, а баталіонъ Грузинскаго Гренaдерскаго полка съ 4-мя горными единорогами, подкрѣпленный дивизиономъ драгунъ, устремился въ обходъ къ засадѣ. Шанцы не болѣе какъ въ полчаса были заняты нами. Грузинскій баталіонъ вынесъ на штыкахъ Лазовъ на весьма крутой скалѣ. По очищеніи всей правой стороны деревни Харпъ отъ непріятеля, войска наши обратились къ занятію конической высоты въ тылу деревни. Баталіонъ Эриванскаго полка съ 9-ю орудіями двинулся скорымъ шагомъ, выпѣснилъ Турокъ штыками изъ шанцовъ и прѣслѣдовалъ ихъ;

а между пѣмъ, дивизионъ драгунъ, два Музульманскихъ полка, и 2 сотни полка линейнаго съ 2-мя Донскими орудіями, объжавъ рысью скапь горы, перерѣзали имъ дорогу. Лазы, пославленные между двухъ огней, дрались съ ужаснымъ оспервѣненіемъ и всѣ легли на мѣстѣ. Они были въ такомъ изсшупленіи, что нѣсколько человекъ изъ нихъ, окруженные со всѣхъ споронъ, выпустивъ всѣ заряды, выхвапили кинжалы и сами себя переклоли. Около 10 часовъ ночи *Османъ-Паша*, командовавшій опрядомъ до 2,000 человекъ, совокупясь въ пылу за горами со всѣми прочими Лазами, пытался возстановить бой нечаяннымъ нападеніемъ, но не смотря на опважность своихъ воиновъ, былъ оспановленъ карпечными выстрѣлами и принужденъ опспупись. Въ ту же ночь Турки бѣжали изъ деревни, поперявъ весьма много убитыми. При чемъ Музульманскіе наши полки взяли въ плѣнъ 16 чел. и опбили 3 знамя, бывшія деревнѣ Харштъ. Спрѣлки наши заняли сію деревню еще до разсвѣта, гдѣ наши нѣсколько Турокъ; изъ нихъ 12 взяли въ плѣнъ, а прочихъ, нехопѣвшихъ сдаться, побили.

28 Июля. Сраженіе близъ деревни Балахоръ.

Въ 6 часовъ утра, Генераль-Маіоръ *Раевскій* опряженъ былъ съ кавалерією, состоявшею изъ драгунъ, уланъ, Ташаръ и 4 Донскихъ орудій, для осмотра прочихъ окрестныхъ деревень и открытія непріятеля. Кавалерія сія раздѣлилась на два опрыда, изъ коихъ одинъ взялъ влѣво, а другой вправо. Пройдя вершъ 10, Генераль-Маіоръ *Раевскій* съ своимъ опрыдомъ встрѣпилъ непріятельскую пѣхоту отъ 800 сотъ до 1,000 человекъ, копорые потчасъ предались бѣгству и укрылись на такихъ высокыхъ скалахъ, куда не могли достигать пушечные выстрѣлы. Передовые Ташары лѣваго опрыда Полковника *Анрепа*, въ ущельѣ, гдѣ находился деревня Балахоръ, сошлись съ 3 тыс. Турецкой кавалеріи и пѣхоты, коими командовалъ самъ *Османъ-Паша*. Въ семь мѣспѣ споялъ и лагерь его. 2-й Музульманскій полкъ, бывшій впереди, потчасъ вспунилъ въ дѣло съ Турецкою кавалерією, копорая дралась съ величайшимъ упорствомъ, и будучи гораздо многочисленнѣе нашего Ташарскаго полка, заспавляла его два раза опспупанъ. Генераль-Маіоръ *Раевскій* послѣшилъ къ нему на помощь со всею своею колонною и, при появленіи 1-го Музульманскаго

полка, непріятель отступилъ за деревню Балахоръ, оставивъ въ оной пѣхоту и 2 орудія. Наша Музульманская конница, поддерживаемая частію регулярной кавалеріи, полетѣла въ атаку прямо на деревню; другіе два дивизіона регулярной кавалеріи двинулись въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, артиллерія дѣйствовала на центръ. Совокупное дѣйствіе сіе рѣшило успѣхъ: непріятель былъ опрокинутъ и преслѣдованъ въ горы, доколѣ позволяла возможность. Въ семь дѣлъ было отбито 2 орудія, въ коихъ заключалась вся его артиллерія, одно знамя, весь лагерь Османъ-Паши, весь непріятельскій обозъ съ имуществомъ многихъ деревень, уходившихъ въ горы, болѣе 5 тыс. артиллерійскихъ снарядовъ, множество пороха, большое количество скота; сверхъ того, Татары наши опнили множество лошадей у непріятельской конницы, копорая бросая оныхъ, спасалась пѣшая бѣгствомъ въ горы. Побито было въ семь дѣлъ болѣе 300 Турокъ, въ томъ числѣ начальникъ Округа, Гюмишь-Хане-Али-Бекъ-Учумджи Оглы, копорый находился здѣсь съ 1,000 всадниковъ; въ плѣнъ взято 150 человекъ, между коими находились чиновники Османъ-Паши и

многіе начальствовавшіе Беки.

Съ нашей спороны въ продолженіе обоихъ сраженій 27 и 28 числа, убито было нижнихъ чиновъ 6, и ранены: 1 Шпабъ-Офицеръ, 2 Оберъ-Офицера и до 60 нижнихъ чиновъ.

6 Августа. Сраженіе при урочищѣ Муха-Эспапъ. Жишели Кабулешскіе, подспръжаемые бывшимъ Анапскимъ Пашею *Тусхи-Оглы*, коего Капуджи-Баши находился въ ихъ округѣ съ 8,000 отрядомъ Турецкаго войска, подняли противъ насъ оружіе и расположились укрѣпленнымъ лагеремъ при означенномъ урочищѣ. Посему, Генераль-Маіоръ *Гессе* 4 Августа двинулся двумя колоннами, отправивъ первую, подъ командою Полковника *Поцховскаго*, по берегу моря на Лимани, а другую повелъ самъ прямымъ путемъ. На третій день, онъ явился у непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря, и послѣ упорнаго сраженія овладѣлъ онымъ со всѣмъ находившимся въ ономъ имуществомъ, отбилъ 2 знамя и одно орудіе, между тѣмъ какъ отрядъ непріятельскій, находившійся противъ Полковника *Поцховскаго*, узнавъ о занятіи лагеря, бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ чрезъ укрѣпленія Кинприши, оставивъ въ ономъ всю свою

артиллерію, изъ 4 орудій состоявшую, всѣ снаряды и припасы.

13 Августа. Занятіе крѣпости Хюмишь-Хане. Графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, послѣ сраженія при селеніи Харпъ, разсѣявшаго полпы Лазовъ и войска Трапезонтскаго Паши, извѣспился, что новыя значительныя силы сего Паши собираются въ горахъ и сосредоточиваются у крѣпости Хюмишь-Хане. Для занятія сего пункта опряженъ былъ Полковникъ Графъ *Симонигъ* съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, 3-мя ротами піонеръ и 4-мя орудіями артиллеріи. Опрядъ сей, преодолевъ на пути неимовѣрныя трудности, 12 Августа открылъ непріятеля на укрѣпленной горѣ Гяуръ-Даугъ, и вступивъ съ нимъ въ бой, разсѣялъ его, преслѣдовалъ до самаго вечера и, на другой день на разсвѣтѣ, подступилъ къ Хюмишь-Хане. Устрашенные войска Турецкія оставили сію крѣпость, и жипели, большею часпію Греки, встрѣпили побѣдителей съ св. Иконами и поднесли Полковнику *Симонигу* ключъ крѣпости.

22 Августа. Прибытіе Опдѣльнаго Кавказскаго корпуса на мѣсто, называемое Каракабанъ. Графъ *Паскевичъ-Эриванскій* для боль-

шаго разсѣянiя непрiятеля и обозрѣнiя Трапезонтской дороги, выступивъ 17 Августа изъ лагеря своего при селенiи Темля, по направленiю Балахоръ, соединился здѣсь съ отрядомъ Полковника *Симонича*. Графъ *Паскевичъ*, оставя всѣ тяжесты и даже артиллерию, продолжалъ слѣдованiе свое къ Трапезонту. Чѣмъ далѣе вдавался онъ въ горы, тѣмъ болѣе находилъ препятствiй: надлежало переходить безпрестанно огромныя крутизны и скалы по пропинкамъ, слѣды коихъ часто перялись въ густыхъ лѣсахъ, и узкiя ущелiя, заваленныя огромными каменьями. Преодоливъ всѣ препятствiя, Главнокомандующiй Опдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ достигъ 22 числа, мѣста, называемаго Каракабанъ, въ 40 верстахъ отъ Трапезонта. Отсюда дорога ведетъ по самымъ скаламъ, не произрастающимъ даже травѣ. Удостоверясь въ невозможности слѣдовать далѣе, какъ по затруднительности пуши, такъ и по приближенiи осени, которая въ семъ гористомъ мѣстѣ начинается гораздо ранѣе, Графъ *Паскевичъ-Эриванскiй* возвратился въ Арзерумъ:

27 Сентября. Вторичное занятiе крѣпости Бейбурта. По заключенiи мира въ Адриано-

полѣ, отправлены были съ извѣстіемъ о семъ къ Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ два курьера, одинъ сухимъ путемъ, а другой моремъ. Сей послѣдній, Адъютантъ Графа *Дибига* Гвардіи Поручикъ *Могучій*, по прибытіи къ Трапезоншу, не былъ выпущенъ на берегъ и принужденъ былъ отправиться къ другимъ портамъ. Между тѣмъ, въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ получено было извѣстіе, что новый Сераскиръ Арзерумскій сосредоточилъ въ оставленномъ нами городѣ Бейбуртъ до 18,000 чел. пѣхоты и конницы. Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, желая однимъ ударомъ отвлечьъ все послѣдствія его предпріятія, 24 Сентября двинулся изъ Арзерума двумя колоннами, и на третій день соединился въ назначенномъ пунктѣ близъ мѣднаго завода, лежащаго въ 15 верстахъ отъ Бейбурца. Отдѣльный Кавказскій корпусъ продолжалъ соединенное слѣдованіе по ущелью, ведущему по печенію рѣки Чорохи прямо къ городу. Въ 4 верстахъ отъ онаго, авангардъ нашъ встрѣнилъ непріятельскую кавалерійскую паршію до 1,000 человекъ. Толпы непріятельскія, расположившіяся

по берегамъ Чорохи, были атакованы и прогнаны часпію въ шанцы и завалы, устроенныя по прямой дорогѣ въ Бейбуртъ, а часпію на гребень крупныхъ горъ, образующихъ лѣвый берегъ рѣки. Какъ симъ успѣхомъ открывалась возможность совершить фланговое движеніе въ обходъ городу, то корпусъ нашъ оспановился въ занятой позиціи. Полученное извѣстіе о близости Сераскира отъ Бейбурта, заставило ускорить атаку. Графъ *Пискевичъ*, 27 числа въ 5 часовъ утра, обошелъ городъ сей влѣво. Авангардъ нашъ, подъ командою Генераль-Маіора *Сергѣева*, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ онаго, встрѣшилъ до 1,000 чел. непріятельской конницы на высотахъ передъ деревнею Арузга. Козаки выгнали Турокъ изъ сей деревни и съ бою заняли первую высоту, въ 2 верстахъ отъ города. Между тѣмъ, непріятель безпрестанно высылалъ новыя подкрѣпленія, стоявшему на противоположной высотѣ, своему войску. Главнокомандующій, давъ усилился непріятелю, ударилъ на него тремя колоннами, подъ начальствомъ Генераль-Маіоровъ: *Муравьева*, Князя *Голицына* и *Сергѣева*. Когда первая колонна двинулась къ занятой непріятелемъ высотѣ, а вторая, за

спушивъ ея мѣсто, открыла черезъ нее огонь изъ орудій, тогда Турки смѣшались и, открывъ ружейный огонь, начали опіступать съ одной высоты на другую, а наконецъ обрашились въ бѣгство. Кавалерія 2-й колонны понеслась за ними и, раздѣливъ пѣхоту ихъ отъ конницы, первую отбросила на шанцы, а послѣднюю, не допустивъ въ городъ, преслѣдовала далѣе. Пѣхота и артиллерія въ 50 саженьяхъ поддерживала сіе движеніе, а кавалерія наша, выдержавъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, перескочила чрезъ шанцы непріятельскія и приступомъ заняла двѣ батареи, на коихъ отбила 3 орудія. Генераль-Маіоръ *Гилленшмидтъ*, бывшій съ артиллерією въ первой пѣхотной линіи, подоспѣлъ съ конными орудіями и билъ по бѣжавшему въ улицы города непріятелю, обративъ на него собственныя орудія. Въ то же время пѣхота устремилась въ городъ, за разсѣявшимся по улицамъ и засѣвшимъ въ домахъ непріятелемъ, а потомъ поспянулась за нимъ въ горы къ сторонѣ Ипсиры. Пришедшій въ то время изъ резерва Эриванскій полкъ, подъ начальствомъ Полковника *Кошкарева*, довер-

шилъ очищеніе города, взявъ 3 знамя и много плѣнныхъ.

Сраженіе въ ущельѣ Чорохи. Турки, оставя Бейбурштъ, раздѣлились на три части: одни попянулись въ горы къ споронѣ Исперы, другіе на нашу лѣвую спорону, чѣобы пробиться на Харпскую равнину, а третьи на сѣверную часть города къ ущелью Чорохи, желая соединиться со впорыми. За первыми пошло преслѣдованіе пѣхоты, впорыхъ остановилъ Полковникъ *Анрепъ* съ дивизиономъ уланъ и обратилъ ихъ назадъ чрезъ городъ къ помянутому ущелью; третимъ отпрѣзалъ путь Генераль-Маіоръ *Сергѣевъ* и обратилъ ихъ также на городъ. Такимъ образомъ, въ ущельѣ Чорохи, соединились послѣднія двѣ толпы числомъ до 5,000 человекъ, часть ихъ засѣла на кладбищѣ и на крутой скалѣ по лѣвую спорону рѣки. Маіоръ *Парадовскій*, съ дивизиономъ уланъ, встрѣченный сильнѣйшимъ огнемъ изъ за скалы и карпечью изъ орудія, споявшаго на кладбищѣ, спѣшилъ свой отрядъ и, въ соединеніи съ Полковникомъ *Анрепомъ*, спѣшившимъ также своихъ уланъ, ударили съ двухъ споронъ на непріятеля, гораздо многочисленнѣйшаго, который лишился

болѣе 100 чел. убитыми, 220 плѣнными, орудія своего и 2 знаменъ. Приближеніе Грузинскаго гренадерскаго полка, заставило Турокъ кинуться въ одно изъ предмѣспевъ Бейбурша и въ горы къ споронѣ Испары; но Подполковникъ *Поляковъ* съ 2-мя Дѣнскими орудіями очистилъ сады и косогоръ, а съ появленіемъ полубашаліона Эриванскаго жарабинернаго полка съ 4-мя орудіями, подъ командою Генераль-Маіора Барона *Фридерикса*, непріятель обратился въ бѣгство. Преслѣдованіе его продолжалось болѣе, нежели на 16 верстѣ, не взирая на трудность мѣсположенія и прекращено не прежде, какъ по совершенномъ разсѣяніи онаго. Въ дѣлѣ семь непріятель лишился до 800 чел. убитыми, въ плѣнъ взято было 1,236, опбито 6 орудій и 12 знаменъ. Съ нашей спороны, потеря убитыми и ранеными простиралась до 100 человекъ.

Занятіе крѣпости Ольши. Генераль-Фельдмаршалъ Графъ *Паскевичъ-Эриванскій*, въ одно время съ движеніемъ на Бейбурпъ, направилъ небольшой отрядъ на крѣпость Ольши къ Карсу, для разсѣянія собравшагося тамъ непріятеля. Отрядъ сей, составленный изъ

части Музульманской конницы и одной пионерной роты съ Кегорновыми мортирами, подъ начальствомъ Подполковника Князя *Аргутинскаго-Долгорукаго*, исполнилъ съ совершеннымъ успѣхомъ данное ему порученіе. Особенно отличилась въ семь случаевъ Музульманская конница: опрокинувъ превосходнаго непріятеля, она опияла съ бою 5 знаменъ, взяла нѣсколько плѣнныхъ, положила на мѣстѣ болѣе 100 человекъ и получила въ добычу много оружія и лошадей. Поперя ея заключалась въ одномъ убитомъ всадникѣ и 9 раненыхъ. Между тѣмъ пионерная рота, подойдя къ крѣпости, открыла по ней огонь, на который гарнизонъ хотя и отвѣчалъ пушечными и ружейными выстрѣлами, но извѣстия о разбитіи отряда, имѣвшаго дѣло съ Музульманскою конницею, сдался военноплѣннымъ. Въ крѣпости Ольши найдены были двѣ мортиры большаго калибра, 6 пушекъ и нѣкопорый запасъ сварядовъ.

29 Сентября. Прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Азіянской Турціи. Сераскиръ чрезъ нарочнаго чиновника своего просилъ Графа *Паскевича* о заключеніи перемирія, въ слѣдствіе полученнаго имъ частнаго извѣстія о

возстановленіи мира между Россією и Поршою. Для удостовѣренія въ справедливости сихъ слуховъ и для заключенія въ такомъ случаѣ перемирія, отправленъ былъ къ Сераскиру изъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, состоящій при Главнокомандующемъ онаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Влангали*, который прибывъ въ станъ Турецкій, нашель уже тамъ и курьера нашего Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитана *Дюгамеля*, посланнаго изъ Адрианополя сухимъ путемъ. Посему Графомъ *Паскевичемъ* тотчасъ отправлены были повелѣнія о повсемѣстномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій, и онъ вошелъ въ сношеніе съ Сераскиромъ объ исполненіи спашей мирнаго договора, касательно поспешнаго вывода войскъ нашихъ изъ возвращаемыхъ Поршѣ Пашалыковъ.

Мирный договоръ, заключенный въ Адриано-
поль 2 Сентября 1829 года.

Божією поспѣшествоющею милостію Мы
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодер-
жецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Вла-
димірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь

Аспраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Гаврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогипскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ: Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Вишебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелипель и Государь Иверскія, Карпалинскія, Грузинскія, Кабардинскія земли и Области Арменскія, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдныи Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Стормарскій, Динмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе, кому о помъ вѣдашь надлежитъ, чпо з числа Сентября мѣсяца 1829 года, между Нашимъ Императорскимъ Величествомъ и Его Величествомъ Императоромъ Османскимъ, Преизрядныхъ Сулпановъ Великимъ и Почтеннѣйшимъ, Королемъ Люпоцнѣйшимъ, Мек-

скимъ и Медияскимъ и Защищителемъ Святаго Иерусалима, Королемъ и Императоромъ пространнѣйшихъ Провинцій, населенныхъ въ спранахъ Европейскихъ и Азіятскихъ и на Бѣломъ и на Черномъ морѣ, Свѣшлѣйшимъ Державнѣйшимъ и Великимъ Императоромъ, Султаномъ сыномъ Султановъ, и Королемъ и сыномъ Королей, Султаномъ Махмудъ-Ханомъ, сыномъ Султана Абдуль-Гамидъ-Хана, въ силу данныхъ съ обѣихъ сторонъ Полномочій, а именно: съ Нашей Сіапсельнѣйшему и Высокопревосходипельному Графу *Ивану Ивановичу Дибичу-Забалканскому* Нашему Генераль-Фельдмаршалу и Генераль-Адъютанту, Главнокомандующему Нашею 2-ю Арміею, Шефу пѣхопнаго имени своего полка, Члену Государственнаго Совѣща и Кавалеру всѣхъ орденовъ нашихъ, а также Императорско-Австрійскихъ: Маріи Терезіи меньшаго креста, Леопольда большаго креста и Королевско-Прусскихъ: Чернаго Орла, Краснаго Орла 1-го класса и военнаго достоинства, имѣющему золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью за храбрость, медали: за кампанію 1812 года, за взятіе Парижа 1814 и за Персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ;

а со стороны Его Величества Императора Опшоманскаго Превосходительнымъ и Высокопочтеннымъ Господамъ: Мегмедъ Садикъ-Ефендію, Дѣйствительному Великому Дефтердарю Блистательной Порты Опшоманской, и Абдулъ-Кадиръ-Бейю, Кази-Аскеру Анаподійскому, послановленъ и заключенъ Договоръ вѣчнаго мира между обѣими Имперіями, состоящій въ шестнадцать статей, которыя отъ слова до слова гласятъ тако:

Во имя Бога Всемогущаго.

Его Императорское Величество, Всепресвѣплѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и Его Величество Всепресвѣплѣйшій и Державнѣйшій Великій Императоръ Опшоманскій, движимые равнымъ желаніемъ положить конецъ бѣдствіямъ войны и воспановить на прочномъ и незыблемомъ основаніи миръ, дружбу и доброе согласіе между своими Державами, единодушно положили довѣрить сіе спасительное дѣло смѣрнѣю и руководству обоюдныхъ Уполномоченныхъ, а именно: Его Величество Императоръ Всероссійскій, Сіятельныйшаго и Высокопревосходительнаго Графа *Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго* и Его

Величества Генераль-Адьюпанца, Генерала опъ Инфантеріи, Главномандующаго 2-ю Арміею, Шефа пѣхопнаго имени своего полка и Члена Государспвеннаго Совѣта, Кавалера Орденовъ всѣхъ Россійскихъ, Императорско-Авспрійскихъ: Маріи Терезіи меньшаго креста, Леопольда большаго креста, и Королевско-Прусскихъ: Чернаго Орла, Краснаго Орла 1-го класса и военнаго достоинства; имѣющаго золошую шпагу съ надписью за храброспъ, алмазами украшенную, медали: за кампанію 1812, за взятіе Парижа 1814 года и за Персидскую войну 1826; 1827 и 1828 годовъ, кошорый, по силѣ Высочайше дарованнаго ему полномочія назначилъ и наименовалъ Полномочными опъ Императорскаго Россійскаго Двора Сіапельныхъ и Высокопочпенныхъ Господь: Графа Алексѣя Орлова, Его Императорскаго Величества Генераль-Адьюпанца, Генераль-Лейтенанца, Командующаго 1-ю Кирасирскою Дивизіею, Кавалера Орденовъ: Россійскихъ Св. Анны 1-й степени, алмазами украшенной, Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени и золошой шпаги за храброспъ, алмазами украшенной;

Императорско-Австрійскаго Леопольда 3-го класса; Королевско-Прусскихъ Краснаго Орла 1-го класса, за достоинство и Желъзнаго Крестна; Королевско-Баварскаго Максимилиана 2-го класса, имѣющаго медали: серебряную и бронзовую за кампанію 1812 года, и другую серебряную же за взятіе Парижа 1814гола,— и Графа *Теодора Палена*, Тайнаго Совѣтника и Кавалера орденовъ Россійскихъ: Св. Благо-вѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Св. Анны 1-й степени, и Св. Іоанна Іерусалимскаго, а Его Величество Императоръ Опшоманскій Превосходительныхъ и Высокопочтенныхъ Господь: Мегмедъ-Садикъ-Ефендія Дѣйствительнаго Великаго Дефтердаря Блистательной Порты Опшоманской, и Абдулъ-Кадиръ-Бей, Кази-Аскера Анаполійскаго. Оные Полномочные, собравшись въ Адрианополь, по размѣнѣ своихъ полномочій, поставили нижеслѣдующія спашьи:

С т а т ь я I.

Всякая вражда и несогласіе, существовавшия доселѣ между обоими Имперіями, опнынѣ прекращающіяся на сушѣ и на моряхъ; и да будетъ на вѣки миръ, дружба и доброе согласіе между Его Величествомъ Императо-

ромъ и Падишахомъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Императоромъ и Падишахомъ Опшоманскимъ, Ихъ Наслѣдники и Премники, а также и между ихъ Имперіями. Объ Высокія Договаривающіяся Стороны будутъ особенно пещись о предупрежденіи всего, что могло бы возродить непріязнь между обоюдными подданными. Онѣ исполняютъ въ точности всѣ условія наспоящаго мирнаго Договора, и будутъ равномерно наблюдать, чтобы оный не былъ опнюдь нарушаемъ ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ.

С т а т ь я II.

Его Величество Императоръ и Падишахъ Всероссійскій, желая удостовѣрить Его Величество Императора и Падишаха Опшоманскаго въ искренности своего дружественнаго расположенія, возвращаетъ Блистательной Порты Княжество Молдавію въ тѣхъ границахъ, какія оно имѣло до начала войны, наспоящимъ мирнымъ Договоромъ прекращенной. — Его Императорское Величество также возвращаетъ Княжество Валахію и Краіовскій Банатъ безъ всякаго изъятія, Булгарію и землю Добридже опъ Дуная до моря, и купно съ тѣмъ Силиспрію, Гирсово, Мачинь,

Исакчу, Тульчу, Бабадагъ, Базарджикъ, Варну, Праводы и другіе города, мѣстечка и селенія, въ той землѣ состоящія, все проспераншено хребта Балканскаго отъ Эмине-Буру до Казана, и всѣ земли отъ Балкана до моря, а также Селимво, Ямболи, Айдосъ, Карнабашъ, Мисимврию, Анхіяли, Бургасъ, Сизополь, Киркисси, городъ Адрианополь, Люле-Бургасъ, наконецъ всѣ города, мѣстечка и селенія, и вообще всѣ мѣста занятыя въ Румелии Россійскими войсками.

С т а т ь я III.

Границею между обѣими Имперіями, по прежнему, будетъ рѣка Прушъ, отъ самаго ея впаденія въ Молдавію до соединенія въ Дунаемъ. Ошполъ Черна границы долженъ сплвуетъ слѣдовать теченію Дуная до впаденія Георгіевскаго гирла въ море, такъ, что всѣ острова, образуемые различными рукавами сей рѣки, будутъ принадлежать России; правый же ея берегъ, по прежнему, останется во владѣніи Порты Османской. Между тѣмъ постановляется, что оный правый берегъ, начиная съ точки, гдѣ гирло Георгіевское отдѣляется отъ Сулинскаго пребудеть незаселеннымъ на разстояніи двухъ

часовъ пупи опъ рѣки, и что на немъ не будетъ никакихъ заведеній; а также и на островахъ, переходящихъ во владѣніе Двора Россійскаго, не будетъ дозволено устраивать никакихъ заведеній или укрѣпленій, кромѣ карантинныхъ. Купеческимъ судамъ обѣихъ Державъ предоставляется свободное плаваніе по всему теченію Дуная, разумѣя, что таковыя суда подъ флагомъ Опшоманскимъ, могутъ не возбранно входить въ гирла: Килійское и Сулинское, и что гирло Георгіевское оспашеся общимъ для военнаго и купеческаго флаговъ обѣихъ Имперій. Однако же Россійскіе военные корабли не должны ходить вверхъ по Дунаю далѣе мѣста его соединенія съ Прупомъ.

С т а т ь я IV.

Грузія, Имеретія, Мингрелія, Гурія и многія другія Области Закавказскія съ давнихъ уже лѣтъ присоединены на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи: сей Державъ уступлены также пракшомъ, заключеннымъ съ Персією въ Туркменчаѣ 10 Февраля 1828 года, Ханства: Эриванское и Нахичеванское. А потому, обѣ Высокія Договаривающіяся Стороны признали необходимымъ учредить между

обоюдными владѣніями, по всей помянутой чертѣ, границу опредѣлительную и способную отвратить всякое недоразумѣніе на будущее время. Равнымъ образомъ приняли онѣ въ соображеніе средства, могущія положить неодолимую преграду набѣгамъ и грабежамъ сопредѣльныхъ племенъ, доселѣ споль частно нарушавшихъ связи дружбы и добраго сосѣдства между обѣими Имперіями. Въ слѣдствіе сего положено признавать отнынѣ границею между владѣніями въ Азіи Императорскаго Россійскаго Двора и Блистательной Порты Опшоманской черту, которая, слѣдуя по нынѣшнему рубежу Гуріи отъ Чернаго моря, восходитъ до границы Имеретіи, и опшуда въ прямѣйшемъ направленіи до почки, гдѣ граница Ахалцыхскаго и Карскаго Пашалыковъ соединяется съ Грузинскою, такимъ образомъ, чтобы городъ Ахалцыхъ и крѣпость Ахалкалаки остались на сѣвѣрѣ отъ помянутой черты, и въ разстояніи не ближе двухъ часовъ пути отъ оной.

Всѣ земли, лежащія на югъ и на западъ отъ вышесказанной граничной черты къ споронѣ Карскаго и Трапезондскаго Пашалыковъ съ большею частію Ахалцыхскаго Пашалыка,

оспанулся въ вѣчномъ владѣнн Блистательной Порпы: земля же, лежащая на сѣверъ и на воспокъ отъ оной черпы къ спороу Грузин, Имеретин и Гурин, а равно и весь берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до приспаня Св. Николая включительно, пребудушь въ вѣчномъ владѣнн Россійской Империи.

Въ слѣдствіе того, Императорскій Россійскій Дворъ отдаеть и возвращаетъ Блистательной Порпѣ оспальную часть Пашалыка Ахалцыхскаго, городъ Карсъ съ его Пашалыкомъ, городъ Баязидъ съ его Пашалыкомъ, городъ Арзерумъ съ его Пашалыкомъ, а также и весь мѣсна, занятыя Россійскими войсками и находящіяся внѣ вышепоказанной черпы.

С т а т ь я V.

Поелику Княжесства: Молдавское и Валахское подчинили себя особыми Капитуляціями верховной власти Блистательной Порпы: и поелику Россія приняла на себя ручательство въ ихъ благоденствіи; шо нынѣ сохраняюся имъ все права, преимущесства и выгоды, дарованныя въ пѣхъ Капитуляціяхъ, или же въ Договорахъ, между обонми Императорскими Дворами заключенныхъ, или наконецъ въ Хашши-Шерифахъ, въ разныя вре-

мена изданныхъ. По сему онымъ Княжествамъ предоспавляется свобода Богослуженія, совершенная безопасность, народное независимое управленіе, и право безпрепятственной торговли. Дополнительныя къ предшедшимъ договорамъ статьи, признанныя необходимыми для того, чтобы сіи Области непременно воспользовались правами своими, изложены въ Отдѣльномъ Актѣ, который есть и будетъ почитаемъ равносильною съ прочими частію настоящаго Договора.

С т а т ь я VI.

Обстоятельства, послѣдовавшія за Акерманскою Конвенціею, не дозволили Ближайшей Порты занятья немедленно приведеніемъ въ дѣйство постановленій Отдѣльнаго Акта о Сербіи, приложеннаго къ V статье той Конвенціи, а пошому Порты торжественнѣйшимъ образомъ обязуется исполнить оныя безъ малѣйшаго отлагательства и со всею возможною скоростію, а именно: возвратить немедленно Сербіи шесть округовъ, отъ сей Области отпоргнутыхъ, и такимъ образомъ на всегда обезпечить спокойствіе и благосостояніе вѣрнаго и покорнаго народа Сербскаго. Утвержденный Хащ-

пи-Шерифомъ фирманъ, о приведеніи въ дѣйствіе вышесказанныхъ постановленій, будетъ изданъ и официально сообщенъ Императорскому Россійскому Двору, въ теченіи одного мѣсяца со дня подписанія настоящаго мирнаго договора.

С т а т ь я VII.

Россійскіе подданные будутъ пользоваться во всей Опшоманской Имперіи, на сушѣ и на моряхъ, полною свободою торговли, предоставленною имъ въ Тракиапахъ, донинѣ между обѣими Высокими Договаривающимися Державами заключенныхъ. — Сія свобода торговли опшюдь не будетъ нарушаема или спѣсняема ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, ни посредствомъ какихъ либо запрещеній, ниже по поводу какихъ либо учрежденій и мѣръ, вводимыхъ но часпи внутренняго управленія или законодательства. — Россійскіе подданные, ихъ суда и повары, будутъ ограждены опъ всякаго насилія и припязанія: первые исключительно будутъ состоять подъ судебнымъ и полицейскимъ заведываніемъ Министра и Консуловъ Россійскихъ, а суда Россійскія не будутъ подлежать никакому внутреннему досмотру со стороны Опшоманскихъ властей ни въ опкрытомъ

морѣ, ни въ гаваняхъ, приспаняхъ или на рейдахъ Турецкой Имперіи; повары же всякаго рода, или припасы, Россійскимъ подданнымъ принадлежащіе, по очищеніи установленною тарифомъ таможенною пошлиною, безпретяпспвенно могутъ быть проданы, сложены на берегахъ въ магазейны хозлевъ или ихъ повѣренныхъ, или перегружены на другое судно, какой бы то Державы ни было, такъ, что о семъ Россійскіе подданные не обязаны извѣщать мѣстныя Начальства, а еще менѣе испрашивать на то ихъ дозволенія. При томъ постановляется, что сіи преимущества простираются и на торговлю хлѣбомъ, вывозимымъ изъ Россіи, и къ свободному провозу онаго никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ дѣлаемо запрудненій или помѣшательствъ.

Сверхъ того, Блиспательная Порта обязуется наблюдать тщателью, чтобы торговля, и особенно плаваніе по Черному морю, не подвергались какимъ либо претяпспвіямъ. На сей конецъ, она признаетъ и объявляетъ, что ходъ чрезъ Конспантинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ совершенно свободенъ и открытъ для Россійскихъ судовъ подъ

купецскимъ флагомъ, съ грузомъ или съ баласпомъ, имѣющихъ приходнишь изъ Чернаго моря въ Средиземное, или изъ Средиземнаго въ Черное. Сии суда, если будутъ только купеческія, не взирая ни на величину ихъ, ни на количество ихъ груза, не будутъ подвергаться ни ошановкѣ, ни припѣсненію, согласно съ пѣмъ, какъ выше постановлено. Оба Императорскіе Двора войдутъ между собою въ согласіе объ удобнѣйшихъ средствахъ отвратить всякую медленность въ снабженіи судовъ надлежащими видами при ихъ отправленіи.

На семъ же основаніи, и при соблюденіи пѣхъ же условій, какія постановлены для судовъ подъ Россійскимъ флагомъ, ходъ чрезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ объявляется свободнымъ и открытымъ для купеческихъ судовъ и всѣхъ Державъ, состоящихъ въ дружбѣ съ Высокою Портою, будутъ ли оныя суда плыть въ Россійскія гавани, на Черномъ морѣ лежащія, или возвращающься ошшуда съ грузомъ или баласпомъ.

Наконецъ блистательная Порта, предоставляя Императорскому Россійскому Двору

право пользоваться таковою совершенною свободою торговли и плаванія по Черному морю, торжественно объявляешь, что съ своей стороны и ни подь какимъ предлогомъ не будетъ тому противуставлять на малѣйшей препоны. Порша особенно общаець впредь никогда не задерживать или останавливать суда съ грузомъ или съ балластомъ, принадлежащія какъ Россіи, такъ и другимъ Державамъ, съ коими Опшоманская Имперія не состоить въ объявленной войнѣ, когда оныя проходятъ будущеъ чрезъ Константинопольскій каналъ, или Дарданельскій проливъ, изъ Чернаго моря въ Средиземное, или же изъ Средиземнаго въ Россійскія Черноморскія гавани. И если (отъ чего Боже сохрани) какое либо изъ содержащихся въ сей статьѣ постановленій будетъ нарушено, и на представленіе о семъ Россійскаго Министра не послѣдуетъ совершеннаго и скорого удовлетворенія; то Блистательная Порша предварительно признаешь, что Императорскій Россійскій Дворъ имѣеть право принять такое нарушение за непріязненное дѣйствіе, и немедленно поступить въ отношеніи къ Имперіи Опшоманской по праву возмездія.

С т а т ь я VIII.

Поспановленія, учиненныя предъ симъ въ VI Спашь Акерманской Конвенціи, касатель-но опредѣленія и удовольстворенія преребаній взаимныхъ подданныхъ о вознагражденіи за пошери, въ разныя времена понесенныя съ войны 1806 года, доселъ не были приведены въ исполненіе, и Россійское купечество, по заключеніи вышеписанной Конвенціи, прере-пѣло еще новыя значительныя убытки въ слѣдствіе мѣръ, принятыхъ относитель-но плаванія по Босфору. По чему нынѣ признано и положено, что Порша Опшоманская, въ вознагражденіе за означенныя убытки и пошери, заплатитъ Императорскому Россійско-му Двору, въ теченіе 18 мѣсяцевъ и въ сро-ки, кои въ слѣдъ за симъ имѣютъ бытъ опре-дѣлены, одинъ милліонъ пять сотъ тысячъ Голландскихъ червонцевъ; съ шѣмъ, что уп-лаша сей суммы положитъ конецъ всѣмъ взаимнымъ обѣихъ Договаривающихся Спо-ронъ преребаніямъ и домогательспшамъ по поводу помянутыхъ выше обстоятельспвъ.

С т а т ь я IX.

Поелику продолженіе войны, копорой на-столицимъ мирнымъ Договоромъ полагаешя

благополучный конецъ, причинило Императорскому Россійскому Двору значительныя издержки; но Блистательная Порша признаеть необходимымъ доставить сему Двору приличное за то вознагражденіе.—А попому, сверхъ сказанной въ IV статьѣ уступки небольшого участка земли въ Азіи, которую Дворъ Россійскій соглашаеть принять въ счетъ упомянушаго вознагражденія, Блистательная Порша обязуеться еще заплатить Оному сумму денегъ, какая опредѣлена будетъ съ обоюднаго согласія.

С Т А Т Ь Я X.

Блистательная Порша, объявляя, что она совершенно согласна на постановленія Договора, заключеннаго въ Лондонѣ 24 Іюня (6 Іюля) 1827 года между Россією, Великобританією и Францією, прислунаеть равномѣрно и къ тому Акту, который, по взаимному согласію оныхъ Державъ, состоялся 10 (22) Марта 1829 года на основаніи упомянушаго Договора, и содержишь подробное изложеніе мѣръ, относящихся до окончательнаго приведенія онаго въ дѣйствіе. Немедленно по размѣнѣ Рапификацій наспоящаго Договора, Блистательная Порша назначишь Уполномо-

ченыхъ для соглашенія съ Полномочными Дворовъ Императорскаго Россійскаго, а также Англійскаго и Французскаго, о приведеніи въ исполненіе помянуемыхъ мѣръ и постановленій.

С т а т ь я XI.

Въ слѣдъ за подписаніемъ наслоящаго мирнаго Договора между обѣими Имперіями и по размѣнѣ Рапификацій Обоихъ Государей, Блистательная Порца немедленно приступитъ къ скорому и почному исполненію содержащихся въ ономъ постановленій, а именно: статей III и IV, относительно границъ, долженствующихъ раздѣлять обѣ Имперіи въ Европѣ и Азій, и статей V и VI, касательно Княжествъ: Молдавіи и Валахіи, равно какъ и Сербіи, и коль скоро сіи различныя статьи признаны будутъ исполненными: то Императорскій Россійскій Дворъ приступитъ къ выводу войскъ своихъ изъ владѣній Имперіи Опшоманской, согласно съ начертанными въ Опдѣльномъ Актѣ основаніями, сосставляющими равносильную съ прочими частъ наслоящаго мирнаго Договора. До совершеннаго же очищенія занятыхъ земель: управленіе и порядокъ, кои тамъ нынѣ введены, подъ вліяніемъ Императорскаго Россійскаго Двора, оспа-

нупся въ своей силѣ, и Блиспапельная Порша Опшоманская опнюдь не будетъ въ шо вмѣшивашься.

С т а т ь я XII.

Немедленно, послѣ подписанія мирнаго Договора, дано будетъ Начальникамъ обоюдныхъ войскъ повелѣніе, прекращить на сушѣ и на моряхъ военныя дѣйствія. Тѣ же дѣйствія ихъ, кои послѣдуютъ по подписаніи наспоющаго Договора, будутъ почтены какъ бы не случившимися, и не причинятъ никакой перемѣны въ постановленіяхъ, содержащихся въ ономъ. Равнымъ образомъ все, что въ сей промежутокъ времени будетъ завоевано войсками той или другой изъ Высокихъ Договаривающихся Державъ, будетъ возвращено безъ малѣйшаго оплагательства.

С т а т ь я XIII.

Высокія Договаривающіяся Державы, возобновляя между собою союзъ искренняго дружества, даруютъ общее прощеніе и совершенную амнистію всѣмъ своимъ, какого бы званія они ни были, подданнымъ, которые въ продолженіи войны, нынѣ благополучно прекращенной, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, или обнаруживали поведеніемъ или

мнѣніями своими приверженность къ которой либо изъ двухъ Договаривающихся Державъ. А пошому, никшо изъ шаковыхъ лицъ, за прежніе пошупки свои, не подвергнешся безпокойству или преслѣдованіямъ въ опношеніи ни къ личности, ни къ имуществу; но каждому изъ нихъ предоспавляется право, снова вступитъ во владѣніе прежнею своею собственностью, спокойно, подъ покровительствомъ законовъ, пользовашься оною, или, не опасаясь никакихъ припязаній и припѣсненій, продашь оную въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ, если пожелаешь переселишься, съ своимъ семействомъ и движимымъ имуществомъ, въ другую страну по его избранію. — Сверхъ того, обоюднымъ подданнымъ, жительствующимъ въ Облацияхъ, возвращаемыхъ Высокой Поршѣ или уступаемыхъ Императорскому Россійскому Двору, даешся также осьмнадцати-мѣсячный срокъ, считая оптъ размѣна Ратификацій настоящаго мирнаго Договора, дабы они, если признають нужнымъ, могли сдѣлать распоряженія касательно собственности, ими пріобрѣтенной до войны или послѣ оной, и перейши съ своими капиталами и движимымъ имуществомъ во

владѣнія той или другой изъ Договаривающихся Державъ.

С т а т ь я XIV.

Всѣ, находящіеся въ обѣихъ Имперіяхъ военно-плѣнные, какого бы они ни были народа, званія или пола, немедленно, по размѣнѣ Ратификацій наспоящаго мирнаго Договора, должны бытъ выданы и возвращены безъ малѣйшаго выкупа или платы. — Изъ сего исключаются Хрисііане, добровольно принявшіе въ Облацияхъ Блистательной Порты Магомешанское исповѣданіе, и Магомешане, пакже добровольно принявшіе Вѣру Хрисііанскую въ предѣлахъ Россійской Имперіи,

Такимъ же образомъ будетъ поступлено и съ тѣми Россійскими подданными, кои, по подписаніи наспоящаго мирнаго Договора, по какому либо случаю попали въ плѣнъ и находящіяся въ Облацияхъ Блистательной Порты. Императорскій Россійскій Дворъ по же самое общаешъ исполнить въ отношеніи къ подданнымъ Блистательной Порты.

За суммы, кои употреблены на содержаніе плѣнныхъ обѣими Договаривающимися Спорами, не будетъ требовано никакого платежа. Опъ каждой Державы они будутъ снаб-

жены всѣмъ нужнымъ на путевыя издержки до границы, гдѣ и будущъ размѣнены обоюдными Коммисарами.

С т а т ь я XV.

Всѣ Договора, Конвенціи и Поспановленія, соспоявшіяся и заключенныя въ разныя времена между Императорскимъ Россійскимъ Дворомъ и Блиспапельною Порпою Оппоманскою, за исключеніемъ спашей, опмѣненныхъ наспоящимъ мирнымъ Договоромъ, подпверждающя во всей своей силѣ и пространствѣ, и обѣ Высокія Договаривающіяся Спороны обязующя хранишь оныя свято и ненарушимо.

С т а т ь я XVI.

Наспоящій мирный Договоръ будешъ рапификованъ обоими Высокими Договаривающимися Дворами, и размѣнъ Рапификаціей между ихъ Полномочными послѣдуешъ чрезъ шестъ недѣль или, буде возможно, и прежде.

Наспоящій мирный Акпъ, кошорый содержишь въ себѣ шестнадцатъ спашей, и кошорый будешъ окончашельно ушвержденъ размѣномъ обоюдныхъ Рапификаціей въ поспановленный срокъ, мы, по силѣ нашихъ Полномочій, подписали, печати наши приложили и размѣняли оный на другой подобный, ко-

торый подписали вышеупомянутые Полномочные Блиспапельной Порты Општоманской и приложили къ оному свои печати.—Въ Адрианоцолѣ; Сентября 2 дня 1829 года.

Подписали:

Графъ Алексѣй Орловъ (М. П.)

Графъ Ѳ. Палень (М. П.)

Того ради Наше Императорское Величество, по довольномъ разсмопрѣнїи вышепрописаннаго Договора вѣчнаго мира, подтвердили и ратификовали оный яко же симъ за благо прїемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ, во всемъ его содержанїи, общая Императорскимъ Нашимъ словомъ, за насъ и Наслѣдниковъ нашихъ, что все, въ ономъ Договорѣ постановленное, наблюдаемо и исполняемо нами будетъ венарушимо. Во увѣренїе чего, Мы сію Ратификацію, подписавъ своеручно, повелѣли утвердити Государственною Нашею печатью. Дана въ Санктпетербургѣ: Сентября 29 дня 1829 года; Государствованїя же Нашего въ четвертое лѣто.

Подлинная подписана собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Н И К О Л А Й.

Контрасигнировалъ: *Вице-Канцлеръ Графъ Нессельродъ.*

О Т Д Ъ Л Ъ Н Ы Й А К Т Ъ .

Божією поспѣшествующею милоспію Мы НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Липовскій, Волинскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Гьлоспокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Росповскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кандійскій, Вишебскій, Мспиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія, Кабардинскія земли и Области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладапель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Спормарнскій, Дипмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе, кому о томъ вѣдашь надлежитъ, что 2 числа Сен-

1-го числа мѣсяца 1829 года, между Нашимъ Императорскимъ Величествомъ и Его Величествомъ Императоромъ Опшоманскимъ, Преизрядныхъ Сулпановъ Великимъ и Почпеннѣйшимъ, Королемъ Льпотнѣйшимъ, Мекскимъ и Мединскимъ и Зацципипелемъ Свяшаго Иерусалима, Королемъ и Императоромъ пространнѣйшихъ провинцій, населенныхъ въ Европейскихъ и Азіяпскихъ, и на Бѣломъ и на Черномъ морѣ, Свѣплѣйшимъ, Державнѣйшимъ и Великимъ Императоромъ, Сулпаномъ сыномъ Сулпановъ и Королемъ и сыномъ Королей, Сулпаномъ Махмудъ-Ханомъ, сыномъ Сулпана Абдуль-Гамидъ-Хана, въ силу данныхъ съ обѣихъ споронъ Полномочій, а именно: съ Нашей, Сіяпельнѣйшему и Высокопревосходительному Графу *Ивану Ивановичу Дибичу-Забалканскому*, Нашему Генераль-Фельдмаршалу и Генераль-Адъютанту, Главнокомандующему Нашею 2-ю Арміею, Шефу пѣхотнаго имени своего полка, Члену Государственнаго Совѣща и Кавалеру всѣхъ Орденовъ Нашихъ, а также Императорско-Авспрійскихъ: Маріи Терезіи меньшаго Креста, Леопольда большаго Креста и Королевско-Прусскихъ: Чернаго Орла, Краснаго Орла 1-го класса и военнаго достоинства;

имѣющему золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью: „за храбрость,“ медали: за кампанію 1812 года, за взятіе Парижа 1814 года, и за Персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ, кошорый, по силѣ Нами дарованнаго ему Полномочія, назначилъ и наименовалъ Полномочными опть Императорскаго Россійскаго Двора Сіапельныхъ: Графа Алексѣя Орлова, Нашего Генераль-Адъютанта, Генераль-Лейптенанта, Командующаго 1-ю Кирасирскою Дивизією, Кавалера Орденовъ: Россійскихъ, Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Святыя Анны 1-й степени, алмазами украшенной, Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени, Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-й степени и золотой шпаги за храбрость, алмазами украшенной; Императорско-Австрійскаго Леопольда 3-го класса; Королевско-Прусскихъ: Краснаго Орла 1-го класса, за достоинство и Желѣзнаго Креста, Королевско-Баварскаго, Максимилиана 3-го класса; и имѣющаго медали: серебряную и бронзовую за кампанію 1812 года, и другую серебряную же за взятіе Парижа 1814 года, — и Графа *Феодора Палена*, Нашего Тайнаго Совѣтника

и Кавалера Орденовъ Россійскихъ: Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Святыя Анны 1-й степени и Святаго Юанна Иерусалимскаго; а со стороны Его Величества Императора Опшманскаго Превосходительнымъ и Высокопочтеннымъ Господамъ: Мегмедь-Садикъ-Ефендію, Дѣйствительному Великому Дефтердарю Блиспапельной Поршы Опшманской, и Абдуль-Кадиръ-Бею, Кази-Аскеру Анаполійскому, послановленъ и заключенъ назначенными на сей конецъ Уполномоченными Опдѣльный Акшъ, копорый опъ слова до слова гласитъ шако:

Во имя Бога Вселогущаго.

Объ Высокія Договаривающіяся Державы, подшверждая все, послановленное Опдѣльнымъ Акпомъ Акерманской Кѡнвенціи, касательно избранія Господарей Молдавіи и Валахіи, признали необходимымъ дать управленію сихъ Областей прочтѣйшее основаніе и наиболѣе соопвѣпствующее насюящимъ пользамъ оныхъ. На сей конецъ согласились и положили, чтообъ время правленія Господарей не ограничивалось, какъ прежде, семи-лѣтнимъ срокомъ; но чтообъ они впредь возводимы были

въ сіе званіе на всю жизнь ихъ, исключая случаи добровольнаго опреченія ихъ, или опрѣшенія за пресупленія, о коихъ упомянуто въ вышеозначенномъ Отдѣльномъ Акерманскомъ Актѣ.

Господарямъ предоставляется власть постановлять все, относящееся до внутреннихъ дѣлъ въ Княжесствахъ, по совѣщанію съ Диванами, не нарушая однако же ни въ чемъ правъ, дарованныхъ симъ двумъ Облациямъ Тракшапами или Хашши-Шерифами, и въ управленіи семъ не будутъ они затрудняемы какими либо поведѣніями, прошивными симъ правамъ.

Блиспашельная Порша обѣщаетъ и обязуется строго наблюдать, дабы права и преимущества, дарованныя Молдавіи и Валахіи, не были никакимъ образомъ нарушаемы пограничными ея Начальствами, и дабы они, ни подъ какимъ предлогомъ, не вмѣшивались въ дѣла того и другаго Княжества, воспрещающая при томъ жителямъ праваго берега Дуная дѣлать какое-либо вторженіе на земли Молдавскія и Валахскія. — Всѣ острова, прилежающіе къ правому берегу Дуная, будутъ составлять нераздѣльную часть сихъ земель,

и спержень (пальвегъ) сей рѣки, начиная опъ впеченія оной въ Оппоманскоія владѣнія до соединенія ея съ Прупомъ, будетъ границею обоихъ Княжествъ. Для вѣщаго обезпеченія неприкосновенности земель Молдавскихъ и Валахскихъ, Блишпанельная Порша обязуется не оспавлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная никакого укрѣпленнаго мѣста и не позволять Мусульманскимъ своимъ подданнымъ имѣть какія-либо на ономъ заведенія. Въ слѣдствіе сего постановлено за непремѣнное, чтобы на пространствѣ всего того берега, въ большой и малой Валахіи, равно какъ и въ Молдавіи, ни одинъ Магомешанинъ никогда не имѣлъ жилищельства, и чтобы шуда допускаемы были съ надлежащими фирманами одни купцы, которые прибудутъ для покупки въ Княжествахъ, на собственный свой счетъ, припасовъ, нужныхъ для Конспаншинополя, или другихъ предметовъ.

Турецкіе города, находящіеся на лѣвомъ берегу Дуная съ принадлежащими къ нимъ округами (раями), будутъ возвращены Валахіи и навсегда присоединены къ сему Княжеству; а укрѣпленія, доселѣ существующія на пространствѣ того берега, никогда не должны

быть возобновляемы. Мусульмане, владѣющіе не насильственно пріобрѣшенными отъ частныхъ лицъ недвижимыми имѣніями, въ самыхъ ли пѣхъ городахъ, или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу Дуная, обязаны продать оныя природнымъ жителямъ того края, въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ.

Правительство обоихъ Княжествъ, по силѣ правъ и преимуществъ независимаго внутренняго управленія, можетъ, для охраненія общественнаго здравія, проводить цѣпи и учреждать карантинныя вдоли по Дунаю и въ другихъ внутри земли мѣстахъ, гдѣ попребуется того надобность, такъ, что иностранцы, какъ Мусульмане, такъ и Христіане, при вѣздѣ въ предѣлы Княжествъ, не должны уклоняться отъ строгаго соблюденія карантинныхъ правилъ. Для службы по содержанію карантинныхъ, охраненію безопасности границъ, соблюденію добраго порядка въ городахъ и селеніяхъ и исполненію законовъ и уставовъ, Правительству каждаго Княжества предоспавляется право имѣть вооруженную спражу, въ такомъ числѣ, какое необходимо будетъ для всѣхъ описанныхъ предметовъ. Число и содержаніе сего Земскаго

войска будепъ опредѣлено Господарямъ, съ согласія ихъ Дивановъ, сообразно съ древними примѣрами.

Блистательная Порта Оттоманская, искренно желая доставить Княжествамъ всевозможное благосостояніе, и удостовѣрясь въ злоупотребленіяхъ и прихъсеніяхъ, происходившихъ при сборѣ различныхъ запасовъ для продовольствія Конспаншинополя и крѣпостей, лежащихъ на Дунаѣ, равно какъ и для потребностей арсенала, нынѣ совершенно отказывается отъ такового права. А потому Валахія и Молдавія на всегда будутъ освобождены отъ поставки хлѣба и другихъ припасовъ, овецъ и спроеваго лѣса, что до сего времени Княжества обязаны были доставлять. Равнымъ образомъ Порта ни въ какомъ случаѣ не будетъ требовать отъ сихъ Княжествъ ни рабочихъ для крѣпостей, ниже другихъ, какого бы то рода ни было, земскихъ нарядовъ, Въ вознагражденіе же ущерба, который можетъ послѣдовать для Султанской казны отъ такового совершеннаго отреченія отъ ея правъ, Молдавія и Валахія, сверхъ ежегодной подати, которую Княжества обязаны платить Блистательной Портѣ, подъ наименованіями *Харага*, *Идіе* и *Рекіабіе* (на основаніи Хашши-Шерифовъ 1802 года) будутъ вносить ежегодно Блистательной Портѣ каждую такую сумму денегъ, которая вслѣдъ за симъ съ общаго согласія

опредѣлена будетъ. Сверхъ того, при каждой перемѣнѣ Государей, по случаю ихъ кончины, отреченія или законнаго отрѣшенія, Княжество обязано будетъ, когда то послѣдуешь, заплачивать Блистательной Портѣ сумму равную ежегодной подапи, постановленной съ Области Хашпи-Шерифами.

Кромѣ сихъ суммъ, не будетъ никогда требовано ни отъ Княжесствъ, ни отъ Государей, никакой другой подапи, повинности или даровъ, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было.

Въ силу упомянушаго постановленія объ уничтоженіи вышеописанныхъ повинностей, жители того и другаго Княжества будутъ пользоваться совершенною (опредѣленною Опдѣльнымъ Актомъ Акерманской Конвенціи) свободою торговать произведеніями своей земли и промышленности, безъ всякихъ ограниченій, исключая тѣхъ, кои Господари, съ согласія своихъ Дивановъ, признаютъ необходимымъ постановить для обезпеченія продовольствія края. Жителямъ сихъ Княжествъ предоставляется право свободно плавать по Дунаю на собственныхъ своихъ судахъ, съ паспортами своего Правительсва, и производить торговлю въ другихъ городахъ или гаваняхъ Блистательной Порты, не подвергаясь никакимъ со стороны сборщиковъ Харача приписаніямъ, или другимъ какимъ-либо притѣсненіемъ.

Равнымъ образомъ Блистательная Порта,

принимая въ уваженіе всѣ преперпѣнныя Молдавіею и Валахіею бѣдспвія, и будучи движи-ма особеннымъ чувствомъ челоувѣколюбія, соглашается освободить на два года жителей сихъ Княжествъ отъ плашежа ежегодныхъ подашей, кои они обязаны вносить въ ея казну, считая со дня совершеннаго выспупленія Россійскихъ войскъ изъ Княжествъ.

Наконецъ Блистательная Порты, желая обезпечить всѣми мѣрами будущее благосостояніе Молдавіи и Валахіи, шоржеспвенно обязывается утвердить учрежденія, касающіяся до управления Княжествъ, и начертанныя согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ собраніями почетнѣйшихъ обитателей края, во время занятія Княжествъ войсками Императорскаго Россійскаго Двора. Сии учрежденія должны на будущее время служить основаніемъ по управленію Княжествъ, поколику оныя не будутъ противны правамъ верховной власти Блистательной Порты.

Для сего мы нижеподписавшіеся, Полномочные Его Величества Императора и Падишаха всея Россіи, по согласію съ Полномочными Блистательной Порты Опшоманской, постановили и заключили о Молдавіи и Валахіи вышеозначенныя условія, какъ слѣдспвія Успашьи мирнаго Договора, подписаннаго нами и Опшоманскими Полномочными въ Адріанополь. А пошому сей Опдѣльный Акшъ составлень, ушвержень нашими подписями и

печапями и врученъ Полномочнымъ Блиспа-
пельной Порты. Въ Адрианополь; Септября
2 дня 1829 года.

Подлинный подписали:

Графъ Алексѣй Орловъ. (М. П.)

Графъ Ѳ. Палень. (М. П.)

Того ради Наше Императорское Величество,
по довольномъ разсмотрѣннн вышепрописан-
наго Отдѣльнаго Акта, подтвердили и рапи-
фиковали оный, яко же симъ за благо приѣм-
лемъ, подтверждаемъ и рапификуемъ во всемъ
его содержаннн, общая Императорскимъ На-
шимъ словомъ, за Насъ и Наслѣдниковъ На-
шихъ, что все, въ ономъ Отдѣльномъ Актѣ
постановленное, наблюдаемо и исполняемо
Нами будещъ венарушимо. Во увѣреннн чего
Мы снн Рапификацнн подписавъ своеручно,
Повелѣли утверднн Государспвенною На-
шею печатью. Дана въ С. Пепербургѣ Сен-
тября 29 дня 1829 года, Государспвованнн
же Нашего въ чепвертое лѣто.

Подлинная подписана собспвенною Его Им-
ператорскаго Величества рукою тако:

Н И К О Л А Й.

Контраснпгвировалъ: *Вице-Канцлеръ Графъ
Нессельродъ.*

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

СКОЛЬ СМѢШНА НАША ГЪРДОСТЬ!

Если жипели Неба, сіи существа, коихъ по-
нятія несравненно возвышеннѣе нашихъ сла-
быхъ способностей, коихъ понкія чувспва
несказанно превышаютъ наши мѣлочныя стра-
спи,—если Небесные жипели, говорю я, иног-
да занимающіяся разсмаприваніемъ нашихъ дѣлъ
и занятій: въ какомъ смѣшномъ видѣ наша
гордость представляеть насъ предъ ихъ взо-
рами!—Имъ совершенно извѣстно, сколь суеш-
ны всѣ воображаемая достоинспва, воздымаю-
щія сердце челоуѣка; имъ открыто ясно, сколь
ничтожны выгоды богатспва и знапности;
и пошому, какъ должны они удивляться, а
можеть быть и забавляться, видя всѣ при-
чуды надменнаго гордеца, который *искренно*
почитаеть себя выше своихъ собратій, хо-
пя подвержень одинаковымъ съ ними бѣд-
спвіямъ, и подчинень шочно такимъ же за-
конамъ природы, какъ и они.

Вообразимъ себѣ, напрімѣръ, будпо бы му-
равейникъ, находящійся на концѣ главной ал-
леи моего сада, обипаемъ существами разум-
ными, и чпо каждое насѣкомое, оный насе-
ляющее, (не смотря на роспъ его и сложе-
ніе шѣла) одушевлено челоуѣческими чувсп-
вами и спраспами. Какъ бы намъ смѣшны

казались ихъ рассказы о родословныхъ, объ опличіяхъ и шиплахъ, существующихъ между ими! — Вообразите себѣ, какъ бы намъ смѣшно было видѣть сію толпу муравьевъ, пороналиво раздающуюся по споронамъ, дабы дать мѣсто муравью-вельможѣ, проходящему мимо ихъ! — Но, прошу не смѣяться, развѣ вы не знаете, что эпомъ муравей знашнаго рода, и что кровь, пекущая въ его жилахъ, несравненно чище и лучше той, копорая оживляетъ прочихъ насѣкомыхъ, живущихъ въ одномъ съ нимъ муравейникѣ. Развѣ вы не замѣчаете, сколько чувствуетъ онъ сіе различіе? Посмотрите, какъ тихо и важно выступаетъ онъ впередъ, не обращая ни на кого вниманія, и какъ всѣ прочіе знаютъ свое мѣсто и удаляются отъ него!

Тамъ, вы видите другаго муравья, спящаго на пригоркѣ и смотрящаго съ высоты внизъ, на длинный рядъ земледѣльцевъ. Эпо богатѣйшее насѣкомое въ муравейникѣ: — эпомъ муравей, полный обладатель двухъ вершковъ земли; онъ содержитъ на свой счетъ нѣсколько сотъ муравьевъ, копорые работаютъ *только* для него; у него множество норъ, засыпанныхъ зернами; и хотя, кромѣ его, никто оными не пользуется, но его чрезвычайно почитаютъ за то, что онъ, чужими трудами, собралъ такое множество запасовъ. Видите ли, какъ онъ мечется на муравья,

споящаго передъ нимъ въ неподвижномъ подобострастїи? Это его прикащикъ, который слушаешь брань и переноситъ терпѣливо побои запальчиваго богача, хопя нисколько не различествуетъ опъ него ни величиною, ни цвѣтомъ, ни членами своего тѣла.

Но вопъ приближается муравей заслуженный, осыпанный почестями! И вы можете въ томъ увѣриться, если обратите вниманіе на ту соломинку, которую онъ держитъ во рту.— (Таковъ обычай награждать заслуги въ моемъ муравейникѣ!) — Съ этою соломинкою онъ не разстанется ни за какія блага на свѣтѣ: вы не можете себя предсавить, что перенесъ онъ для полученія сей соломинки! — Смотрише, съ какимъ почтеніемъ муравьи всякаго соспоянія и рода толпящя около него! — Соломинка выпала изъ его рта, другой муравей поднялъ ее; и вся толпа захопшала прежняго обладателя соломинки, дабы слѣдовать за счастливымъ его соперникомъ.

Вопъ муравей, надуный своимъ знаніемъ!!
Замѣните, какъ тяжело онъ дышетъ. Кто можетъ сравниться съ нимъ въ премудрости?— Онъ исчислилъ всѣ песчинки муравейника! Онъ дошелъ, узналъ и рѣшилъ, что если бы всѣ муравьи передвигали свои ноши головою, а не ногами, то ихъ работа шла бы впрое поспѣшиѣ! Наконецъ, о глубина познаній!— онъ доказалъ, что если бы муравьи привѣщшво-

вали другъ друга кивая головками вправо а не влево, по весь муравейникъ достигъ бы высочайшей степени блаженства! — Между шѣмъ, сей примѣрный гражданинъ моего муравейника; сей Ученый, который споль горячо любитъ собратій своихъ, посвящая въ пользу ихъ весь досугъ свой; сей почтенный муравей-сочинитель, — давитъ всѣхъ своихъ педанствомъ, пугаетъ своею ученостію, и заспавляетъ всѣхъ обходить себя за нѣскольکو шаговъ, чпобы не встрѣтить презрительнаго взгляда его и надменной его улыбки.

Однако, прошу покорно не пропускашь безъ вниманія и дамъ моего муравейника. Видише ли сего спашнаго муравья; это молодая красавица! Она слушаетъ рѣчи весьма искуснаго волокиты, и чпобы ему понравиться, дѣлаетъ самыя смѣшныя ужимки, между шѣмъ какъ онъ увѣряетъ ее, чпо въ ней нѣтъ ничего муравьиного, чпо она существо высшее, чпо глаза ея свѣплѣ солнца, чпо жизнь и смерть всѣхъ муравьевъ на свѣплѣ въ ея рукахъ! Какъ она опворачиваетъ опъ него съ принужденною заспѣнчивостію, и въ то же время обращаетъ къ нему жадный слухъ и томные взоры. — Вошь почпенная спарушка: она чупъ ползетъ опъ спарости, но вы должны знать, чпо она происходитъ опъ весьма знашной фамиліи, и попому имѣетъ чрезвычайно высокое о себѣ мнѣніе; за по

замѣтите, какъ она гордо смотритъ на всѣхъ окружающихъ ее муравьевъ. Куда имъ сравниться въ породѣ съ нею! . . . Скорѣй, скорѣй примѣчайте вопль за эпою воспрушкою; она всѣмъ кружитъ головы и перзаетъ всѣ сердца. Видите ли, какая тѣма обожателей спремится вслѣдъ за нею? Она умна до крайности, и пакъ пріятно говоритъ всякой вздоръ, что можно заслушаться.

Заключимъ сіе воображаемое зрѣлище предположеніемъ, что наконецъ смерть представала въ муравейникѣ, положимъ, — хоть въ видѣ воробья! и что заклевала она всѣхъ, безъ разбора, и знатнаго вельможу съ его льстецами, и богача, и гордаго полководца съ соломеннымъ знакомъ опличія, и надупаго педанна, и вѣхъ чиновныхъ барынь, умницъ и красавицъ муравейника.

Вся сія сцена, продолжавшаяся не болѣе нѣсколькихъ часовъ предъ глазами нашими, не заставитъ ли насъ посмѣяться безумству жипелей муравейника, которые, пользуясь споль крапкою жизнію, вмѣсто того, чтобъ помогать другъ другу, и общими трудами способствовать общей пользѣ, безразсудно сокращаютъ вѣкъ свой, обременяя себя самыми пустыми занятіями. и содѣлываются добычею смерти, не успѣвъ ни предпринять, ни исполнить ничего достойнаго примѣчанія, для счастья своихъ собратій.

Подумаемъ теперь, что существа высшія и совершеннѣйшія, находящіяся надъ нами, почто также судящъ о нашей гордости и нашемъ чванствѣ, какъ бы мы судили о гордости и тщеславіи жипелей муравейника, если бы трудолюбіе и полезная заботливостъ сихъ послѣднихъ оставляли имъ время подражать смѣшному самолюбію чловѣка!

Изъ Аддисона.

1830, 6 Января.

Москва

Перевела съ Англійскаго А. Д.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

1830 годъ.

Друзья! вопъ вамъ изъ опдаленья
 Въ спихахъ визитный нашъ билетъ,
 И съ новымъ годомъ поздравленья
 На много радостей и лѣтъ.
 Раздайся весело будильникъ
 На новой, годовой зарѣ,
 И, всѣхъ благихъ надеждъ свѣпильникъ,
 Зажгись на новомъ алтарѣ.

Друзья! по вздоху, полной чашѣ
 За старый годъ! И по тройной
 За повый! Будущее наше
 Спитъ въ колыбели роковой.
 Годъ повый! Каждый, новой страстью
 Волнуясь, молишь новыхъ благъ:

Кто радъ испытанному счастью;
 Кто опъ приволья ни на шагъ.

Судба на алчное желанье
 Въ насъ обрекла жрецовъ и жерпвъ.
 Желанье есть — души дыханье:
 Кто не жалаеть, попь ужь мерпвъ.
 Оно — въ лампадъ жизни масло;
 Какъ выгоритъ—хоть выкинь прочь!
 Жаръ и сіянье — все погасло;
 Зъвнуйъ, скажи: покойна ночь!

На все погда гяди безспрастно
 И чувство въ *убыльяхъ* пини;
 Огнивой жизни бьешь напрасно
 Въ кремень беспламенной души:
 Не выбьешь искры вдохновенной,
 Не бросишь звука въ мертвый слухъ,
 Во пмъ свящынн упрздненной
 Безъ жизни — жерпвеникъ попухъ.

Во мнъ еще живаго много,
 И сердце полно черезъ край;
 Но опытность насъ учить строга:
 Инаго про себя жалай.
 И пакъ, въ признаньяхъ задушевныхъ
 Я сердца не опорожнию;
 А изъ желаній ежедневныхъ
 Кое-что бьгло начерню.

Будь въ эпопъ годъ — бьдамъ помъха,
 А на добро — попушный въпръ;
 Будь меньше слезъ, а больше смъха;
 Будь все на *испомъ* барометръ!

Будь Счастье къ скорби сердобольно;
 Будь скорбь въ смиреніи горда;
 Будь поржесиво не своевольно,
 А слабость совѣстью пверда.

Будь, какъ у насъ бывало древле,
 На православной споронѣ:
 Другъ и Шампанское дешевле,
 А совѣсть, умъ и рѣжь въ цѣпѣ.
 Будь искренность не горькимъ блюдомъ;
 Въ храмъ счастья чистое крыльцо;
 Рубли и мысли — не подь спудомъ,
 А соръ и вздоръ — не на лицо.

Будь въ эпопѣ годъ, другимъ неравнѣй,
 Всѣ наши умники умны;
 Мольеры Русскіе забавны,
 А Кребиллоны не смѣшны.
 Будь наши истины не сказки;
 Стихи не проза, свѣтъ не тьма;
 И не пенѣта ближнихъ ласки;
 И чувства не игра ума.

На зло безграмотныхъ нахаловъ
 И всѣхъ, кто только имъ съ родни,
 Дай Богъ намъ болѣе журналовъ (*):
 Плодять читашелей они.

(*) Небо умилостививъ насъ надъ бѣдноту Русскою Словеснописью, услышало молитвы Князя Вяземскаго. Въ нынѣшнемъ году издана новыи журналъ (Олипа) и двѣ лишературныя газеты (Дельвихова и Бесшужева) и всѣ самостоятельныя, независимыя оны меркантильной снестемы. Мнѣнія о книгахъ Барона Дельвиха, Олипа и Бесшужева-Рюмина не продаются и въ наймы не продаются. Верхъ того, сн писатели имѣютъ тонкій, изящный вкусъ и благородную спрашь къ самой лишературѣ, а не къ тому, что чрезъ одну лишерашуру добывается

Гдѣ естъ повѣпріе на чпенье,
 Въ чести шамъ грамопа, перо;
 Гдѣ грамопа — шамъ просвѣщенье;
 Гдѣ просвѣщенье — шамъ добро.

Козловъ и Пушкцнъ съ Баратынскимъ!
 Кого жь еще бы къ вамъ причесшь (*)?
 Дай вамъ, подрядомъ исполинскимъ,
 Что день, стиховъ намъ ставить десть!
 А вамъ, поспавщикамъ всѣхъ бредней
 На мѣльницахъ поэмъ и одъ,
 Дай, Муза, рнемого послѣдней
 Вамъ захлебнушья въ новый годъ!

Дай Богъ, за скрѣпой и печашью,
 Свершинься прочной мировой:
 У пишущихъ — съ капризной *ягью*;
 У сердца — съ гордой головой;
 У опцвѣпающихъ красавицъ —
 Съ красавицами въ цвѣтгъ дпей;
 У юридическихъ пїявицъ —
 Съ поживкой пїяжебныхъ сѣпей.

Но какъ ни бѣгай рнемой прыпкой,
 Рнемъ ко всему прибрапъ нельзя.
 Къ поворожденному попыпкой
 Съ одной мольбой пойдемъ, друзья:
 Пустьъ все худое въ вѣчностъ канешъ.
 Съ послѣднимъ вздохомъ Декабря,
 И все прекрасное проглянешъ
 Съ улыбкой первой Января.

Клязь Вяземскій.

(*) Дельвиха, Ободовскаго, О. Н. Глинку, Подолнскаго,
 А. Е. Измайлова, Деларю, Иллчevesкаго, Счастнева. В.

Къ М. Н. С—ой.

Нѣшъ, милая, не всё ты побѣдила спраси!
 Согласенъ, надъ тобой любовь лишилась власпи,
 Прошло желаніе палашнами блистапъ,
 Плѣняпъ и ослѣпяпъ;
 Но бѣдныхъ, спраждущихъ и сирыхъ къ упѣшеню:
 Оспалась спраспъ къ благопвореню.

В.

Село Мурашово.
 1814.

НА РОЖДЕНІЕ АНДРЮШИ В.

(16 Іюля 1822 года).

Господь тебя благослови,
 Младенець нашъ новорожденный!
 Цвѣши въ его святой любви,
 Семь въ отраду обреченный.
 Спи, спи, малюпка нашъ родной,
 Спи, Ангель Божій надъ побой!
 Да колыбель швою всегда
 Хранипъ онъ благоспью своею,
 Надежды яркая звѣзда,
 Зажгися радостно надъ нею.
 Спи, спи, малюпка, и проч.
 Своимъ на счастье разцвѣшай,
 Невинный, милый и прелестный!
 Насъ всѣхъ родными ты считапъ,
 Намъ всѣмъ подарокъ ты небесный.
 Баю, малюпка, и пр.
 И, какъ цвѣпокъ, краса полей,
 Родимый край собой плѣняпъ:

Такъ сердце матери швоей

Съ шобою вмѣстѣ расцвѣтаешъ.

Баю, малюпка, и пр.

И свѣтлые веселья дни,

Младенецъ, къ намъ съ такой смѣшли;

Толпой привѣщною они

Къ швоей пѣснятся колыбелн.

Баю, малюпка, и пр.

И нѣжно въ очередь себя

И дружба и любовь качающъ;

Тебѣ сонъ сладоспный, днпя!

Они съ улыбкой пацѣвающъ.

Баю, младенецъ, и пр.

Цвѣти, младенецъ нашъ, цвѣти!

Растн, играть и веселнться,

И въ жизнь прекрасную лепн,

Какъ къ солнцу мотылекъ спремнтся.

Баю, младенецъ нашъ родной,

Спн, Ангелъ Божій надъ тобой!

Иванъ Козловъ.

Б Л Е С К Ъ О Ч Е Й.

(1 8 2 2).

Какъ весело зарн вечернее мерцаель!

Какъ мило шхое снanye

Луны прекрасной, молодой,

Когда надъ зеркальной водой

Споишъ—и ликъ ея дрожишъ на днѣ потока;

Иль дѣвой чнспою, въ безмолвнн ночей,

Гуляешъ въ голубыхъ поляхъ востока,

Въ богатыхъ шканяхъ изъ лучей . . .

Но, другъ мой, милый другъ, мнѣ *блескъ твоихъ огей*
И розовой зари и лунъ младыхъ милѣ! —

Что пышной радуги свѣплѣ,
Когда въ воздушныхъ высотахъ
Горитъ она въ семи блистающихъ цвѣпахъ,
И небо оплѣня прекрасной полосой,
Сама любитъся своею красою
Смотрясь въ серебряный ручей?
Прекрасно, но милѣй мнѣ *блескъ твоихъ огей!* —

Я видѣлъ солнце на восходѣ,
Когда, какъ будто сквозь окно,
Глядитъ съ улыбкою изъ за холмовъ оно,
И тихо дремлющей Природѣ
Даетъ свой упрепнй привѣтъ
Я зрѣлъ попомъ его великолѣпный свѣплъ,
Когда и куспъ простой, осыпанный росой,
Сияетъ дивною, чудесною красою
Въ алмазахъ, въ пурпурѣ и въ блескѣ богачей.
Все мило; но милѣй мнѣ *блескъ твоихъ огей!* —

Я видѣлъ зыбкое сіянье звѣздъ, за дымкой,
Въ часы, когда любовь гуляетъ невидимкой;
Я видѣлъ дивную игру лучей
Въ шумящихъ хрусталахъ фонпановъ и ключей:
Прекрасный, пышный блескъ! Но *блескъ твоихъ огей*
Для глазъ моихъ — луны, зари и звѣздъ милѣй! . . .

Θ. Глипка.

ДВОРЕЦКІЙ и БУФЕТЧИКЪ.

С К А З К А.

И домъ помѣщичій и дворъ
 Разбойники въ ночь окружили.
 По счастью, во время ворапа зашворили
 И на запоръ.
 Рѣшились дать опчаянный оппоръ.
 Кпо взялъ попоръ,
 Кпо косу, кпо косарь, кто вылы,
 И спали пвердо у ворапъ,
 Чпобъ отразиць враждующій народъ.
 Разбойникя, чпо есть въ нихъ силы,
 Ломающъ ворапа — прецапъ на веряхъ.
 Они ломающъ,
 А съ крышъ по нихъ спрѣляющъ
 Каменья, кирпичи бросающъ;
 Бабенки плачущъ и ругающъ.
 И крикъ и вопль, и вой и страхъ,
 И ужасъ на дворъ и даже въ чердакахъ.
 Но не перлется ни сколько дисциплина:
 Военнаго они имѣли господна.
 Полковникъ баринъ былъ. Онъ съ прубкою въ зубахъ
 И саблей оспрою въ рукахъ,
 Разбойникамъ не угрожаетъ,
 Но всемъ распоряжаетъ
 И духу придаетъ своимъ.
 Вопъ вдругъ бѣжипъ съ крыльца Максимъ,
 По званію буфетчикъ.
 Десперымъ не сладипъ съ нимъ.
 Откуда ни возмисъ Клейнгундъ, дворецкій Нѣмчикъ,
 Большой газепчикъ.
 Максима онъ оспановилъ.
 „А послъ ужина пвой рюмки перемылъ?“
 — Нѣпъ, Карлъ Крестьяновичъ, я утроемъ перемою:

Теперь позволше-ка мнѣ къ бою. —

„Нѣшь, нѣшь!

Маршь на буфешъ.

Сей часъ пошелъ, скотина!“

Сюда, Максимъ, впередъ!

Не слушай бусурмана, вретъ!

Раздался голосъ господина.

И вопшь Максимъ ужъ у воропъ.

Онъ выпацилъ запоръ, взмахнулъ, споншь и ждепъ.

Воропа распворились.

Колонна въ воропа идепъ.

Рогацины и ружья появились —

Какъ хвашипъ нашъ Максимъ запоромъ по ногамъ,

Такъ человекъ семь повалились,

И въ шо жъ мгновенье баринъ самъ

Вскричалъ: *пали!* и полешъли пули.

Разбойники вздрогнули,

Попяпились.—*Впередъ!*—На нихъ весь писнулъ дворъ.

Максимъ, опбросивъ свой запоръ,

Схвапилъ одной рукой косаръ, другой шопоръ . . .

И ну рубипъ почемъ попало.

А Нѣмчикъ, что его за рюмки шакъ бранилъ,

Со спраху шрубку уронилъ.

Колонны въ мигъ не спало.

Разсъялись *Лови ихъ! бей! вяжи! ура!*

Побѣда! шоржештво! Разбойники разбишы

А рюмки все шаки ошпалися не мышы

До самаго упра.

А. Измайловъ.

Мезень 1828.

Отчётъ, поданный матери моей за 1814 годъ.

(1 8 1 5).

Я представляю здѣсь опчѣтъ
 Подробный за минувшій годъ:
 Знакомство — книги и природа,
 Пирь давалъ — семьѣ своей,
 Всѣ выѣзды — до огорода,
 А госпи — мапушка съ сестрой,
 Забавы — вмѣстѣ бытъ съ женою,
 Желанья — больше не желашь;
 Мечты — возвысисья душою,
 Труды — обдумывашь, писашь,
 Планъ жизни — вѣра въ Провидѣнье,
 Молишва — гимнь благодаренья,
 Товарищи — добро и чешть,
 Богачество — совѣшть и свобода.
 Прикажете ль *Итогъ* подвесить?
 Мнѣ *счастье полное дохода!*

В.

Дерпшъ.

П Е С Н Я.

Други, Други!
 Поспѣшайте
 Юной жизнью
 Наслаждашья;
 Розы счастья
 Обрывайте:
 Ими вѣчно
 Не плѣняшья.
 Время мчисья
 Въ даль спрѣлою,

И уносишь
 Все съ собою;
 Дни младя
 Пролетаюшь,
 Всъ воспорги
 Исчезаюшь.

Ахъ! когда-то
 Раздавались
 Въ рѣзвыхъ играхъ
 Наши смѣхи;
 Но на вѣчно
 Знашь промчались
 Незабвенныхъ
 Дней ушъхи.

Други, Други!
 Послѣшайте
 Юной жизнью
 Наслаждайтесь,
 И любовь вы
 Увѣчайте:
 Съ нею скоро
 Намъ разспаться! . .

Бестужевъ-Рюминъ.

3 Августа 1827 г.

Каменный островъ.

У Г О Л Б.

Уголь въ горнѣ раскаленный,
 Ярче золота блиспаль,
 Но попухъ огонь мгновенный —
 Уголь черенъ, хладенъ спаль.

Человѣкъ! и ты сіяешь
 Неземною красотой,
 Если пламенемъ пылаешь
 Добродѣтели святой.

Огнь перья сей священнѣй
 Всю перлешь красоту;
 Блескъ одежды драгоценной
 Умножаетъ черноту.

И. Пальминъ.

Къ ветхому Поддѣвическому дому А. О. В—ва.
 Сей вѣпхій домъ, сей дикій садъ, глухой,
 Убъжище друзей, соединенныхъ вѣбомъ,
 Гдѣ въ радости сердце клялися передъ небомъ,
 Клялися своей душой,
 Запечапльвъ обѣщъ слезами:
 Любили Отчество и вѣчно были друзьями.

Андрей Тургеневъ.

Н. Н., при свиданіи чрезъ 8 лѣтъ.

Вы мнѣ напомнили, что я
 Васъ зналъ въ часъ лучшей бытія!
 Вы правы, я васъ зналъ когда-то —
 Съ небесной Пери на земли
 Своею прелестью богатой
 Тогда равнялся вы могли.
 Тогда вамъ былъ послушный данникъ
 Божокъ любви, — сей царь земной,
 Сей добрый Геній, Геній злой
 И міра горяго посланникъ;
 Но вопль, солдапъ я, много лѣтъ

Провелъ въ чужбинѣ, будпо спранникъ,
 И вижу вновѣ, Аглая, васъ
 Въ кругу знакомаго семейспва. —
 Гдѣ мѣрѣ волшебный? — Онѣ погасъ,
 Какъ будпо силы чародѣйспва,
 Въ опрадныхъ быляхъ спарипы.
 Всѣ люди пѣ жѣ, да вы не пѣ же,
 И восхипшительные сны
 Въ слѣдѣ за свиданьемъ съ вами рѣже,
 И какъ безъ васъ, пакъ и при васъ
 Равно печально сердце бѣспся . . .
 Въ немъ ничего не опзовепся
 На вашъ пѣнипельный расказъ! . .
 Чпо жѣ эпо значипъ? не уже ли
 Прошла моя пора любипъ,
 Съ годами ль чувства улешъли?
 Не эпо ль значипъ долго живъпъ?

Карлгофъ.

1829.

УЗНИКЪ къ МОТЫЛЬКУ.

Дипя душиспыхъ розъ и поля!
 За чѣмъ сюда ты залетѣлъ?
 Здѣсь пѣнъ и скучная неволя:
 Я ужъ терпѣнъемъ накинѣлъ;
 Забылъ о радоспяхъ въ природѣ,
 О тихомъ счаспѣн въ лѣсахъ;
 А ты сгрусипшся по свободѣ
 И по родимыхъ небесахъ.
 Лспн жѣ на волю, веселися!
 И, въ золошой разсвѣта часть,
 Святому Богу помолися
 И будъ у счаспья гопсъ за насъ!

Ө. Г.

В И Д Ъ Н І Е В О И Н А.

Р о м а н с ъ.

Звучишь труба: ряды сомкнулись въ спрой;
 Опчизны гласъ насъ призываетъ къ мести:
 Подай мнѣ мечъ непрепещной рукой!
 Я возвращусь со славой съ поля чести!
 Когда сойдуся я мечъ на мечъ съ врагомъ,
 Ты будешь мнѣ невидимый хранитель;
 Любовникъ твой бытъ долженъ побѣдитель!
 Ты бытъ должна ко славѣ мнѣ вождѣмъ!

Цвѣтами ты усѣй возвращенный путь;
 Да миръ и лавръ привѣспивуютъ Героя!
 Да склонишь онъ на шепетную грудь
 Главу свою, успалую опъ бол.
 Мой щипъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечѣмъ.
 Пусть освѣщаютъ они твою обитель!
 Пусть говорящъ, что я былъ побѣдитель,
 Что ты была ко славѣ мнѣ вождѣмъ!

Но пыль взвилась . . . подвинулись полки . . .
 Прости! Красы не омрачай слезами!
 Сей твердый мечъ, сей даръ твоей руки,
 Предвѣспникъ мнѣ побѣды надъ врагами!
 Твоя мольба предъ Вышнимъ алтаремъ —
 Сопутникъ мой и въ бурѣ битвъ хранитель!
 Любовникъ твой бытъ долженъ побѣдитель,
 Ты бытъ должна ко славѣ мнѣ вождѣмъ!

Князь Вяземскій.

С М Ъ С Б.

Х А М Е Л Е О Н И С Т И К А.

Въ N. 5 Сѣв. Пчелы 1828 года, Господа *Гречъ* и *Булгаринъ* съ жаромъ пламенной дружбы, съ краснорѣчіемъ сильнымъ вступились за Г. *Солова*.

„Въ I-мъ номерѣ *Славянина*“ — воскликнули они — „на послѣдней страницѣ Г. *Воейковъ* говоритъ, что онъ не знаетъ, существуетъ ли литераторъ *Соловъ*, и даже сомнѣвался въ его существованіи. Г. *Воейковъ* дѣлился своею неизвѣстностію, и думаетъ записать свѣдѣніе о литераторскомъ имени! Великодушно! Жаль только, что не оспро. Г. *Воейковъ* вѣроятно, хотѣлъ бы забыть Г. *Солова*, хотѣлъ бы, чтобы не было человека, который уже многократно училъ публично Г. *Воейкова* Русскому языку, и теперь въ Сѣв. Цвѣпахъ на 1828 годъ, съ подписью своего имени, оцѣнилъ по настоящему достоинству труды Г. *Воейкова* (см. Обзоръ и пр. стр. 16 и 17). Советуемъ Г. *Воейкову*, не чуждаться Г. *Солова*, а читать и перечитывать его переводъ *Записокъ Вутъе о Греціи*, и другіе переводы и сочиненія, украшающіе разные журналы. Въ сочиненіяхъ и переводахъ Г. *Солова* можно научиться грам-

машикъ, логикъ, правильному образу мыслей, испинно благородному — и словомъ многому. Вы много кое-чего не знаете, но Г. Солова знаете.“

На подлинномъ подписали:

Издатели Стъверной Пчелы.

Надобно знать, что Г. Соловъ былъ со-трудникомъ сихъ господъ, а попому, хопя и видѣлъ липературные ихъ промахи; но изъ уваженія къ своимъ хозлевамъ пожималъ плечами и молчалъ. Мы же, чипая сію, хопя неосновательную, непристойную выходку пропивъ насъ, въ защиту липературной чести Г. Солова, не могли не порадоваться, что въ сей эгоистическій вѣкъ нашъ Орестъ нашель двухъ Пиладовъ! Но

Кшо могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась превага?

Разверните N. 4 Стъв. Пчелы нынѣшняго года—и прочитайше фэльёпонъ!

„Новыя книги:

Стъверныя Цвѣты на 1830 годъ. Почши всѣ прозаическія спашьи и списхи прекрасны; но издатели, какъ видно, опасаясь повредить чипашелямъ слишкомъ сильнымъ пріемомъ изящнаго, развели составъ на водѣ, подмѣшавъ въ книжку ровно шрепью часпъ зна-

менишаго обозрѣнія (что прежде назывался *обзоръ*) Русской словесности *Ореста Мих. Солова*." — Далѣе, издатели Сѣв. Пчелы увѣдомляютъ Публику, что Г. *Соловъ* уже не имѣетъ счастья бытъ ихъ сотрудникомъ и пошомъ продолжаютъ насмѣшливымъ тономъ: „Могутъ ли наши журналы иппи хорошо безъ сотрудничества *О. М. Солова*? Слышно уже, что издатели Сѣв. Пчелы и Сына Отечества въ крайнемъ отчаяніи, и что одинъ изъ нихъ съ горя даже намѣренъ сдѣлаться элегическимъ поэтомъ; а за не умѣнемъ подбирать рѣмы, станеть писать безъ рѣемъ, въ древнемъ родѣ.“

Примѣчаніе. Въ послѣднихъ спрочахъ намѣпка на стихотворенія Барона Дельвиха, который, по большой части пишеть безъ рѣемъ, въ древнемъ родѣ. И какъ не побранишь его? Онъ думаетъ бытъ самостоятельнымъ, а не васалломъ въ словесности! Онъ дерзнулъ приняшь въ товарищи, по изданію Сѣв. Цвѣшовъ, того *Солова*, котораго объявили hors de la loi *Гречъ* и *Булгаринъ*! Онъ осмѣлился издавать въ Россіи новую либературную газету тогда, какъ одна газета, издаваемая *Гречемъ* и *Булгаринымъ* сущест-

вовашъ должна! Онъ свяпопапець: онъ не благоговѣеть предъ мнѣніемъ издапелей Сѣв. Пчелы о книгахъ . . . и даже, о верьхъ беззаконія! иногда имъ пропшворѣчшпъ и мужеспвенною рукою раздшраешъ ихъ приговоры. Какъ же не побранишь его?

Но послушаемъ розказней о Г. Сомовъ:

„При семъ долгомъ поспавляемъ опровергнушь самую несправедливую выходку издапеля *Славянина*, пропшву О. М. Сомова. Г. *Воейковъ* сомнѣвался, что на Руси сущеспвуешъ писатель сего названія. Подптверждаемъ его сущеспвованіе на поприщѣ лшперашуры спшхами изъ — *горя отъ ума*:

Въ журпалахъ можете однако опыскашь,
Его *отрывокъ*, *взглядъ* и *нѣкто*
Объ чемъ бшшь нѣчто? — Обо всемъ!“ —

Помилуйше, Господа Издапели Сѣв. Пчелы, а лучезарный переводъ *Вутъе о Греціи*? . . . А свѣпное лшперашурное имя? . . . А блестящія, благородныя мысли? . . . А шѣ сочиненія и переводы Г. Сомова, изъ копорыхъ вы совѣповали *Воейкову* учшшься граммашикъ, ршпорикъ, логикъ? . . .

„Прежде *Сомовъ* раповаль“ продолжающъ Гг. *Грешъ* и *Булгаринъ*, — „сѣ *Погодиньимъ* и *Арцыбашевымъ* въ ящшкѣ *Сына Отечества*, а

нынѣ разразился въ своемъ обзорѣни. Сужденія Г. *Солова* объ исторіи паковы, что при мысли о нихъ, у насъ невольно родилось восклицаніе стихами:

Чтобъ Карамзинъ сказалъ, когдабъ теперь онъ ожилъ?
Кто защищалъ его, кто прахъ его превожилъ!“ —

Э п и л о г ъ.

А мы желали бы знать: что скажетъ Г. *Соловъ*, прочитавъ сію спашью? Повторитъ ли онъ въ обзорѣни Россійской словесности за 1830 годъ то, что написалъ онъ о *Славянинѣ* въ нынѣшнемъ: „Слогъ эпаго *Славянина-хамелеона* былъ также *хамелеонскій*.“

Намъ оспашеся присовокупить собственнo ошъ себя, что мы бы ради въ угодность Г. *Солову* прекратили спашью, подъ заглавіемъ *Хамелеонистика*; но онъ самъ изволилъ видѣть, что это ошъ насъ не зависитъ: доколѣ въ свѣтѣ будущъ *Хамелеоны*, до тѣхъ поръ будетъ и *Хамелеонистика*.

ОДНО ЗАМѢЧАНІЕ СЛИШКОМЪ НА ПЯТЬ
ЖУРНАЛОВЪ.

Издашеля Московскаго Телеграфа въ 24-й книжкѣ на 1829 годъ немилосердо бранишь спашью, въ Славянинѣ помѣщенную, подъ заглавіемъ: Мои мысли о крипикѣ автора исторіи Русскаго народа, на исторію государства Россійскаго. Издашели Сына Отечества и Сѣв. Пчелы, также безъ милосердія хваля исторію Русскаго народа, называющъ ее въ 4-мъ Н. Сѣв. Пчелы исторією *критическою*, первою исторією *критическою*, а самаго автора первымъ Русскимъ историкомъ. Г. авторъ исторіи Русскаго народа и его Апологисшы! Что вы дѣлаешъ? Развѣ вы забыли, что спашья подъ заглавіемъ: Мои мысли о крипикѣ исторіи Русскаго народа есть собственное сочиненіе автора той исторіи слово въ слово, только размѣщенное въ приличный порядокъ съ небольшимъ поясненіемъ о Прагмашикѣ, и проч. Развѣ вы забыли, что Авторъ исторіи Русскаго народа на стр. LXXX самъ именно говоритъ, что его *исторія* не *критическая* собственно, но прагматическая. Да и нужно ли поспороннее подтвержденіе, что Г. *Полевой* первый Русскій

Испорикъ, когда самъ онъ на XXXIX стр. не обинуясь въ помъ сознается; а военные люди безъ сомнѣнiя хорошо знаютъ, что собственное признанiе лучше свидѣтелей всего Свѣта. Но, можешь быть, Г. Апологисты хопящъ пополнить изъясненiе авпора объ обстоятельствѣхъ столпотворенiя Вавилонскаго, о кошоромъ на стр. 26 и другихъ упоминаетъ, и при кошоромъ, опъ смѣшенiя языковъ не понимали люди другъ друга, ни даже самихъ себя. Господа Издатели Свѣ. Пчелы! будьте великодушны къ сей Исторiи хотя столько же, сколько къ роману Юрiй Милославскiй и поспѣшите обѣщаннымъ вами разборомъ или кришикою пополнить шу, кошорая въ Литературной газетѣ уже начаша. Вашъ трудъ не будетъ излишнимъ; въ Исторiи Русскаго народа для всѣхъ насъ довольно предметовъ: едва ли найдется хопъ одна спрока въ какомъ нибудь отношенiи не подлежащая кришикъ.

Вы, Господа Издатели Свѣ. Пчелы хвалищесь эпиграммою:

Чтобъ Карамзинъ сказалъ, когда бъ пеперь онъ ожиль?
Кто защищаль его, кто прахъ его прсвожилъ?

Это складно, но за чѣмъ же не напечащали вы другой, споль же извѣстной:

Увы, Россiйскiй нашъ Деклеркъ,
Пошелъ, свалился и померкъ;
За тѣмъ, что посвѣщиль Нибуру
Двенадцать книгъ ... „чего?“ — Сумбуру!

N. N.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ
В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ГОРОДОВЪ И КРѢПОСТЕЙ, ВЪЯТЫХЪ РУССКИМИ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ ВЪ 1828 ГОДУ.

Я с с ы.

Яссы, столица Молдавіи, лежитъ на рѣчкѣ Баглуъ, образующей собою нѣсколько прудовъ, и впадающей въ р. Прушь. Мѣстоположеніе его весьма пріятно. Онъ простирается на плодородной и покрытой виноградниками равнинѣ, у подошвы оплодотвореннаго холма. Городъ сей основанъ Молдавскимъ Княземъ *Стефаномъ Великимъ*, который перенесъ сюда столицу изъ Сущавы, для обезпеченія своихъ владѣній. Прежде считалось въ ономъ болѣе 12-ти тысячъ домовъ; но со времени основанія своего, онъ неоднократно былъ опустошаемъ частыми набѣгами Поляковъ и Татаръ. Нынѣ въ немъ находится крѣпость, впрочемъ мало важная. Домовъ считается здѣсь не болѣе 5,000, и въ томъ числѣ до 200 каменныхъ.

Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ отличают-
ся хорошею архитекпурою, но за по всѣ
прочія строенія представляютъ собою бѣд-
ныя хижины. Изъ всѣхъ зданій наиболѣе замѣ-
чательнъ Государскій Дворецъ, по своей ог-
ромности и особенному устройству: въ ономъ
находится 365 оконъ и 52 двери, по числу
дней и недѣль въ году. Въ Яссахъ состоитъ
5 монастырей съ каменными оградами, 50
церквей Греческаго исповѣданія, также Рим-
ско-Каполическая и Лютеранская. Здѣсь имѣ-
етъ мѣстопребываніе Молдавскій Архіепис-
копъ. Тамошній воздухъ весьма не здоровъ по
причинѣ вредныхъ испареній, наносимыхъ изъ
пнистой рѣчки Баглуй, и скопляющейся не-
чистоты на улицахъ: кривыхъ, узкихъ и гряз-
ныхъ. Главныя изъ оныхъ вымощены дубо-
выми досками. Число жителей въ столицѣ
Молдавіи простирается до 20 тысячъ человѣкъ,
большею частію Греко-Восточнаго исповѣда-
нія; есть также довольно Нѣмцевъ, Армянъ
и Жидовъ. Сии послѣдніе имѣютъ свои кон-
скіе заводы и производятъ значительный
торгъ лошадьми. Вообще торговля находится
въ довольно цвѣтущемъ состояніи, особливо
во время ярмарокъ. Тамошнее виноградное

вино большею частію отправляется въ Константинополь. Городъ Яссы достопримѣчательнъ также, по заключенному въ ономъ 1792 года мирному договору между Россіею и Портою. Въ 1822 году городъ сей былъ сожженъ и разграбленъ Турками. Онъ неоднократно былъ взятъ Русскими войсками.

Б у х а р е с т ь .

Бухарешти, или Бухарестъ, главный городъ Валахіи и мѣстопробываніе бывшихъ Государей ея, основанъ въ исходѣ XIV столѣтія. Онъ лежитъ на обширной равнинѣ по обоимъ берегамъ быстрой, но не судоходной рѣки Дымбовицы. Городъ сей занимаетъ большое пространство, наполняемое не столько жилыми зданіями, сколько обширными дворами и садами. Число жителей ея простирается до 80 тысячъ, исключая Болръ, купцовъ и иностранцевъ. Домъ Митрополита, 26 монастырей, 97 церквей и около 40 подворьевъ или *хановъ*, много придаютъ величія городу. Кромѣ церквей Греческаго исповѣданія, здѣсь находятся: Католическая, Лютеранская и Армянская церкви, также Жидовская Синагога; три училища и нѣсколько пансіоновъ, въ коихъ преподаются науки на Валахскомъ,

Греческомъ и другихъ Европейскихъ языкахъ. Впрочемъ, заведенія сіи весьма недоспаіпочны для образованія юношества, которое довершаепсь оное большею частію въ чужихъ краяхъ. Городъ сей въ нѣкоторомъ отношеніи походитъ на Пекинъ, или другіе города Китая: въ немъ также въ каждомъ домѣ почты найдете мѣлочную лавку. Воспочный вкусъ въ архитекпурѣ еспъ господспвующій, исключая не многихъ зданій, опличающихся изящнымъ зодчеспвомъ. Деревянныя и каменныя мостовыя, особливо для жителя Сѣверной Пальмиры, здѣсь кажутся неспносными. Баллахи получаюпть сукна и лучшую мебель изъ Авспріи по рѣкѣ Дунаю, а дорогія шали и шелковыя матеріи изъ разныхъ городовъ Европейской Турціи. Обишпатели Валахи вообще роспа средняго, смугловашы лицомъ и спройны спаномъ. Не спопря на суровую наружность, они добры и миролюбивы. Въ Бухареспѣ заключенъ былъ въ 1812 году мирный договоръ между Россіею и Порпою, по копорому первая приобрѣла Бессарабію и часть Молдавіи по рѣку Прушь.

Г а л а ц ъ.

Галацъ, древняя Анкира, еспъ важный ук-

рѣпленный городъ на Дунаѣ, между устьями впадающихъ въ него рѣкъ: Сереша и Пруша. Въ ономъ счисляется до 7,000 жителей. Городъ сей служилъ средоточіемъ шорговли Княжеспвъ: Молдавіи и Валахіи. Пристань его, по которой могутъ ходить корабли съ грузомъ въ 300 тоннъ, всегда бываетъ наполнена Россійскими, Австрійскими и Турецкими купеческими судами. Галацъ былъ неоднократно занимаемъ Русскими войсками. Въ 1789 году близъ сего города Турки разбиты были Русскими. Въ числѣ плѣнныхъ находились начальники Турецкихъ войскъ: трехбунчужный *Ибрагимъ-Паша* и двухбунчужный *Якубъ*. Городъ сей служилъ обыкновеннымъ мѣстомъ переправы чрезъ Дунай во время войнъ Россіи съ Турціею.

К р а і о в о.

Краіово, главный городъ малой Валахіи, находится въ Должевскомъ округѣ на рѣкѣ Шиль; оный построенъ въ началѣ XIII столтія, Болгарскимъ Королемъ *Ювомъ*. Здѣсь имѣетъ пребываніе Каймаканъ или Намѣстникъ Господаря Валахскаго. Въ семъ городѣ счисляется до 8,000 жителей. Они отчасти занимаются шорговлею и ремеслами. Не пода-

леку опть Краіова лежить одна изъ важныхъ соляныхъ копей, копорая доставляетъ чрезвычайное количество самородной соли.

М а ч и н о.

Мачинъ есть небольшой укрѣпленный городъ, снабженный двумя крѣпкими замками на правомъ берегу Дуная противъ Галаца. Онъ весьма важенъ потому, что ограждаетъ переправу чрезъ Дунай со стороны Галаца. Въ 1791 году онъ взятъ былъ Русскими и укрѣпленія его срыты.

И с л а к ч и.

Небольшая крѣпость съ замкомъ, лежитъ на правомъ берегу Дуная, въ Силиспрійскомъ Санджакѣ. Она неоднократно занимаема была Русскими войсками. Во время похода 1771 года, Генералъ *Вейсманъ* напалъ на сію крѣпость 14 Апрѣля съ 1,600 человекъ. Непрiятель имѣлъ довольно значительные магазины, *Вейсманъ* ворвался въ оную, испребилъ магазины, взялъ пушки и возвратился по Измаильской дорогѣ.

Б а б а д а х ѣ.

Городъ сей лежитъ посреди прекрасной долины близъ озера Разельма, между горами и болошами. Въ прежнія времена служилъ онъ

сборнымъ мѣспомъ для Турецкой арміи во время войны съ Россією; въ послѣднюю же кампанію назначенъ былъ мѣспопребываніемъ Силиспрійскаго Паши, коему ввѣрено было охраненіе сѣверныхъ предѣловъ Османской Имперіи.

Б р а и л о в ь .

Сія важная крѣпость находилась въ военномъ округѣ Валахіи и занята была Турецкимъ гарнизономъ, состоявшимъ подъ командою прехъ-бунчужнаго Паши, коему ввѣрено было главное начальство въ помянутомъ округѣ, наблюденіе за сохраненіемъ предѣловъ Имперіи и за поступками Господарей обоихъ Княжествъ. Браиловъ лежитъ противъ Мачина на лѣвомъ берегу Дуная, при впаденіи въ него рѣки Серешы. Онъ имѣетъ 27 тыс. жителей, пристань для мореходныхъ судовъ и весьма укрѣпленный замокъ. Жители его производятъ значительный торгъ, особливо хлѣбомъ, отправляемымъ болѣе въ Конспантинополь, и занимающаюся рыбною ловлею. Браиловъ при разѣ покоренъ былъ побѣдоноснымъ Русскимъ оружіемъ; въ 1790, въ 1809 году и въ прошлогоднюю кампанію, и во всѣ три раза послѣ весьма упорнаго сопротивленія. Торже-

ство о послѣднемъ покореніи оной сопровождалось особенными обстоятельствомъ, достойными навсегда сохраниться въ сердцахъ, истинно Русскихъ: 8 Іюня 1828 года въ исходѣ 6 часа получено было Гостдаремъ Императоромъ донесеніе о сдачѣ крѣпости Браилова. Первымъ движеніемъ Высокой души Монарха—такъ описывалъ сіе событіе очевидецъ—было принесеніе благодарности всеблаговому Промыслу. Войско сдвинулось на обширной равнинѣ; передъ онымъ поставленъ былъ наложъ и въ 20 минутъ 8-го часа вечера началось молебствіе, совершенное Оберъ-Священникомъ *Мозовскимъ*. Молебствію предшествовало пѣніе моливъ: *Царю небесный, утѣшителю души* и пр. Попомъ: *Съ нами Богъ, разумйте языцы и покоряйтеся* и проч. „Представьте себѣ необозримую равнину, опшляемую возвышеніемъ съ южной стороны; чистое безоблачное небо, озлащенное заходящимъ солнцемъ, тишину вечера, стройные и многочисленные ряды войскъ, посреди оныхъ Монарха нашего, окруженнаго блистательною свитою, передъ Нимъ Духовный Синклицъ, очаровательные голоса придворныхъ пѣвчихъ, торжественно раздающихся въ воз-

духъ, всеобщее, душу умиляющее благоговеніе— и вы будете имѣть хотя слабое понятіе о сей единственней, чрезвычайной карпинѣ, никогда небывалой на землѣ Сарациновъ.“

„По совершеніи молебствія, Оберъ-Священникъ съ причепомъ и пѣвчими обошолъ ряды воиновъ, осяняя оныя креспомъ и свяшою водою. Попомъ Государь, поздравивъ войска съ побѣдою, сказалъ имъ: *я увѣренъ, что и вы также отличитесь, когда будетъ надобно.* Торжественное ура! было отвѣтомъ на сіи простыя, но краснорѣчивыя, священныя слова обожаемаго Моңарха, и долго раздавались въ воздухъ. Въ сіи торжественныя минушы Государь Императоръ вызвавъ (привезшаго донесеніе о покореніи Браилова) Полковника *Бибикова* и Полковника Князя *Долгорукаго*, пакже за два дни пріѣхавшаго съ донесеніемъ изъ подъ Браилова, и шупъ же въ виду войскъ, при звукахъ пыслчи голосовъ ура, обнялъ каждого изъ нихъ. Кого не одушевитъ споль великодушное благоволеніе Виновника славы и побѣды!“

К ю с т е н д ж и.

Сія Турецкая крѣпость лежиць на Черномъ морѣ, въ 45 верспахъ оупъ рѣки Дуная. На эпомъ промежущкѣ протекаетъ Карасу или

р. Черныя воды, начинающаяся у Кюспенджи и впадающая въ Дунай у мѣстечка Черноводы. Тамъ же возвышается Траяновъ земляной валъ. Онъ идетъ опъ кр. Кюспенджи къ Рассевашъ, мѣстечку, на берегу Дуная лежащему, перерываясь плесами рѣчки Черныя воды. Пространство земли опъ Карасу, или лучше сказать: опъ Кюспенджи и Рассевапы до Дуная есть островъ. Ей справедливѣе, нежели малымъ островамъ Дуная принадлежало въ старину имя Пеуки, страны, въ которой кочевала часть плѣхъ Баспарновъ (Башкирцовъ), коихъ древніе Географы именовали Пеуками, Пеуцинами (Печенѣгами) и включали въ неопредѣленное сборное имя Скивовъ и Сарматовъ.

Но городъ Кюспенджи достопримѣчателенъ въ особеннсти плѣмъ, что построень на мѣстѣ древняго города Томи, въ который Овидій былъ започенъ Августомъ. Сей несчастный Поэтъ, описывая морское путешествіе свое опъ Рима до Томи, говоритъ, что онъ проплылъ мимо городовъ: Месемвріи, Одиссо-са, Калаписи и что городъ, назначенный ему мѣстомъ започенія, находится на берегу Чернаго моря, недалеко опъ великой рѣки Дуная. Овидій со всѣмъ не упоминаетъ о томъ, что

онъ плыль мимо Дунайскихъ успьевъ, ни о помъ, чпо онъ ихъ видѣль: по какой же причинѣ нѣкоторыя усиливаются опыскивать Томи на берегахъ Дуная, или, чпо еще несообразнѣе, на берегахъ Днѣстра, въ нынѣшнемъ Овидіополь.

Страбонъ, Плиній и Птоломей называютъ всѣ приморскіе города нижней Мизіи въ томъ же самомъ послѣдовапельномъ порядкѣ, въ которомъ споятъ они въ описаніи Овидіева путешествія. Послѣ, и шеперь сохранившаго древнее свое наименованіе, Турецкаго города Месемвріи, упомянуты Одиссоъ, Аполлонія, Калашисъ, Томи и, при успѣ Дуная, Испрополь. Съ ними одного мнѣнія и Эвтропій: ибо онъ говоритъ, — „что за 72 года до Р. Х., *Лукуллъ*, Римскій Правитель Македоніи, сдѣдалъ нападеніе на города, лежащіе при Понтѣ-Эвкинскомъ: опустошилъ Аполлонію и покорилъ Калашисъ, Пареннополь, Томи, Испръ и Бурзіанонъ, въ то же самое время, когда другою *Лукуллъ* воевалъ съ Понтійскимъ Царемъ *Митридатомъ*.

Августъ присоединилъ Понтійскую обласпь къ Римской Имперіи, совокупно съ Панноніею, въ пятомъ году по Р. Х.; а въ седьмомъ за-

почилъ въ городъ Томи *Овидіа*, который проживъ тамъ семь лѣтъ, скончалъ несносную жизнь свою.

Изъ *Овидіева* Плача извѣстно также, что Томи и тогда былъ пограничнымъ Римскимъ городомъ, что варвары простирали свои набѣги и грабежи до самыхъ востроу онаго и пускали ядовитыя стрѣлы.

Безъ всякаго сомнѣнія, надлежитъ полагать, что и въ царствованіе Императора *Траяна*, сей городъ также стоялъ на границахъ Мидіи, которыя были защищаемы земляною, высокою насыпью, называемою Траяновымъ валомъ. Другой такой же ровъ и валъ прорышъ симъ Императоромъ отъ береговъ Дуная до береговъ Днѣстра, для обороны завоеванной имъ и сдѣланной Римскою губерніею Дакии, отъ воинственныхъ дикарей, жившихъ въ Бессарабіи, древней *Геродотовой* Скиѣи.

Имя города Томи въ среднихъ вѣкахъ уже не попадается, а пошому весьма вѣроятно, что сей городъ былъ разоренъ нахлынувшими въ Восточную Имперію Готтами и другими варварами. Въ исходѣ X столѣтія, на мѣстѣ Томи, выстроень новый Греческій городъ и наименованъ Констанія; имя, которое на Турецкомъ языкѣ превратилось въ Кюспенджи.

(Продолженіе будетъ.)

Историческій взглядъ на Военное Судопроиз-
водство въ Россіи, съ показаніемъ древняго
состоянія Ратныхъ силъ.

„Россійскія Имперіи слава панпаче распро-
странилась и возвысилась вѣрностію,
храбростію и благоразумнымъ поведеніемъ
воинскаго чина.“

ЕКАТЕРИНА II.

Россія долгое время не имѣла единства въ высшихъ частяхъ Государственнаго Военнаго Управленія. Но издревле находилось особенное чиновосостояніе военное, подъ именемъ *Гридней*. Они, будучи пѣдохранителями Великихъ Князей, составляли погда первую въ Россіи Гвардію или *Дружину Государеву*, копорая, со временъ В. К. Андрея Боголюбскаго, именовалась *Дворомъ*: Бояре, Опроки и Мечники Княжескіе составляли оный. Сии *Дворяне*, первые въ Россійскомъ Государствѣ, были Думою войска. Главный Воевода именовался *Тысяцкимъ*.

Въ XIII и XIV вѣкахъ *Дворъ Великокняжескій* составляли Бояре Старшіе, Большіе и Путьвые или Помѣстные, также Окольнічіе и Дворяне. *Дружины Боярскія* или *Дѣти* составляли впорый многочисленный классъ людей ратныхъ: въ нихъ узнаемъ — говоримъ Исторіографъ—прежнихъ Боярскихъ Опро-

ковъ; и Княжескіе обрапились въ Дворянъ (1). На полѣ Куликовомъ, подъ Великокняжескимъ знаменемъ Димитрія Донскаго, уже рапоборспвовало до ста пятидесяти тысячъ воиновъ. А Василій Іоанновичъ имѣлъ приспаштысячъ Дѣшей Боярскихъ и шестидесять тысячъ сельскихъ рапниковъ. Конница соспавляла главную силу. Въ каждомъ полку были особенные Чиновники, копорые записывали имена воиновъ храбрыхъ и малодушныхъ. И Свяпшители Новгородскіе, всегда гоповые ко благу общему, отпрапляли на поле бишвы особый полкъ, называвшійся *Владычниль*. „А „конева рапъ—сказано въ Лѣтописи—не пошла къ пѣшей на срокъ въ пособье, занеже „*Владыкенъ Стягъ* не хопяду ударипись на „Княжую рапъ, глаголюще: Владыка намъ не „велѣлъ на Великаго Князя руцѣ подынушь; „послахъ насъ Владыка на Псковичъ (2).“ — Новгородцы ходили на войну, принявъ напередъ благословеніе у своего Владыки: такъ въ 1396 году они предприняли славный Успюжскій походъ (3). *Посадникъ* же Великаго Нов-

(1) Истор. Госуд. Росс. изд. 1-е, Т. V, стр. 379.

(2) Новгородс. Лѣт., стр. 400.

(3) Опышь о Посади. Новгород., М. 1821. стр. 44.

города, при содѣйствіи *Тысяскаго*, предводительствовалъ (4).

Самодержавный Іоаннъ III, преимущественно спарался объ устроении войска. Съ его времени являющіяся *Разряды*, которые ясно изображаютъ тогдашнее внутреннее образованіе Русскаго войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Спорожевскаго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; предводителемъ Большаго полка былъ *Главнымъ* (5).

Побѣдоносный Царь Іоаннъ IV, жившій для подвиговъ войны, Законодательства и Вѣры, положилъ спасительное начало образованію могущественной силы военной: образованіе — равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ состояніи Россіи. При семъ Вѣнценосцѣ-Героѣ явилась армія или рать безсмынная: *Опричные* и *Стрѣльцы* (6). Послѣдніе избирались изъ волосныхъ и сельскихъ людей. Первые Стрѣльцы, вооруженные пищалями, явились при знаменитой осадѣ города Каза-

(4) Ibid. стр. 54.

(5) Истор. Госуд. Рос. Т. VI, стр. 526.

(6) Король Французскій Карль VII, первый въ западной Европѣ учредилъ всегдашнее, нераспускное войско въ 1445 году, но Кнудъ Великій, Король Датскій, Англійскій и Норвежскій, въ XI вѣкѣ учредилъ въ Даніи безсмынную дружину пѣхохранителей; онъ первый Законодатель для сего военнаго общества. *См.*

ни (7). Иоаннъ IV, грозныя силы воинскія сближалъ въ разныхъ отношеніяхъ съ управленіемъ Европейскимъ; назначилъ всѣмъ денежное жалованье во время похода, и двойное Дѣшамъ Боярскимъ за особенную ревность къ службѣ; учредилъ *Размысловъ* или Инженеровъ и, вообще, даровалъ болѣе твердости и болѣе устройства своимъ побѣдоноснымъ ополченіямъ.

Лжедмитрій I, также имѣлъ свою гвардію, подъ именемъ *Драбантовъ*, коихъ число не превышало 300 воиновъ. Но Самозванцы, упитанные кровію Россіянь, наконецъ разрушили порядокъ, составляющій душу Государствъ, и на развалинахъ цвѣтущихъ сѣль и городовъ Русскихъ, возродили неустройство и безначаліе!

Царь Шуйскій, не имѣвъ ума и счастія освободить Отечество отъ бѣдственнаго ига Самозванцевъ, умѣлъ, по крайней мѣрѣ, образовать войско—побѣдоносное въ рукахъ юнаго Героя Скопина-Шуйскаго, — повелѣвъ въ 1607 году перевести съ Нѣмецкаго и Лашин-

(7) *Герберштейнъ* и *Товій* полагаютъ, что В. К. Иоаннъ Васильевичъ, первый учредилъ два корпуса *Стрѣлковъ* или *Пищальниковъ*: одинъ пѣхотный, другой конный. *См.*

скаго языка: *Уставъ дѣль Ратныхъ* (8): «Василій Іоанновичъ желалъ, какъ изображено въ семъ Законоположеніи, чтобы Россіяне знали всѣ новыя хитрости воинскія, коими хвалящя просвѣщенныя Европейскія Державы, и могли не только сидѣть силою, но и смыслу смысломъ прошивишя съ успѣхомъ; въ такое время, когда умъ всего бодѣе впередъ въ науку — побуждашь враговъ и хранить цѣлосць земли своей (9). „Ни чѣмъ не забываешь сей любопытной книгѣ — говоришь Исторіографъ: — даны правила для раздѣленія и образованія войска, для спуръ, похода, распавовъ, обоза, движеній: пѣхоты и конницы, спурьбы пушечной и ружейной, осады и приспуповъ, съ ясностію и точностію (10).“ Въ семъ же Уставѣ начерпано: „какъ къ Воеводѣ прѣмая вѣсь прѣдесть; что недруги приближающя и не можешъ иначе бини, развѣ что съ ними бинися, и Воеводѣ показати ся къ своимъ полчаномъ, весельми обманити, и ихъ на по. наговаривати; чтобы они идѣли, какъ добройнѣ дѣлани прѣдвѣтъ

(8) См. Уставъ Рати, Пушечн. и другихъ дѣль, касающ. до Воинской науки, изд. *Рубинскій*, С. № 6. 1777 года.

(9) *Ibid.*

(10) Исторія Госуд. Рос., Т. XII, стр. 70.

„воинскимъ людямъ и по крестному цѣлованью, на что они Государю своему и крестъ цѣловали въ правду, и *утѣшати ихъ великою доброю добычею*, чпобъ они смѣло и храбро на супостатовъ напускали, а самому бъ ему сказатися быши въ напуску первому человѣку, а какъ къ тому придетъ, что того перемѣнши не возможно, ему ихъ укрѣпши, чпобъ они по своему крестному цѣлованью и съ желаніемъ исполненіе учинили, и молвиши имъ: *лучше есть честно умрети, нежели съ безгестіемъ жити*, и такъ предаши въ руцъ Божиі (11).“

Вскорѣ, по низведеніи съ престола Шуйскаго въ 30. день августа, явилась Судная Грамота, въ коей, между прочимъ, постановлено: „А рашныя всякія большія дѣла, *вѣдать Бояромъ и Разряднымъ Дьякамъ, въ большомъ и одномъ Разрядѣ* и непы Дворянъ и Дѣшей Боярскихъ изо всѣхъ полковъ присылашь въ Большой же Разрядъ. А которые дворяне и Дѣши Боярскіе и всякіе ращные люди нынѣ подъ Москвою за православную Христіанскую Вѣру оныя Лицовскихъ людей будущъ побишы, или оны ращ

(11) Исп. Росуд. Рос. Т. XII, Примѣч. 167.

„изувѣчены, и шѣхъ убитыхъ и раненыхъ
 „записываши въ Разрядъ; а *послуги* ихъ пи-
 „сать Воеводамъ и Головамъ по полкамъ и
 „присылашь въ Большой Разрядъ за руками,
 „какъ и предъ сего было, чѣтобъ впередъ вся-
 „кихъ рапныхъ людей служба въ забвеньи не
 „была; а послуги всякимъ рапнымъ людямъ
 „писаша про себя вправду, какъ душа Богу и
 „всей землѣ дана, а не лгаша (12).“

Расцвѣла благословенная опрaслъ Романо-
 выхъ, воскресли силы военныя: они получили
 новое, лучшее устройство и образованіе. Воен-
 но-Судная часть, во многомъ, совершенно из-
 мѣнилась.—Державный Михаилъ *исправилъ* и
дополнилъ, въ 1621 году, прежній Уставъ
 дѣлъ Рапныхъ.—Мудрый Царь Алексѣй, же-
 лая болѣе возвысить устройство Военнаго
 Управленія въ Россіи, и ревнуя исполненію
 плановъ Іоанна грознаго — сдѣлалъ эпоху въ
 воинскомъ образованіи изданіемъ *Устава Рат-*
наго, въ 1649 году. Сей Уставъ заимствованъ
 болѣею частью изъ Венгерскаго Военнаго
 Учрежденія. При Царѣ Алексѣѣ увеличилось и
 войско Стрѣлцкое: при немъ было до 40,000
 Стрѣльцовъ, раздѣлявшихся на *Московскихъ* и

(12) Истор. Государ. Рос. Т. XII, Примѣч. 793.

Городовыхъ. Третья часть изъ нихъ находилась безсмынно въ Москвѣ.

Отъ Іоанна IV до Петра I представляющія намъ разныя новыя чиносостоянія, разныя судилища по части военной. Въ XVI и XVII вѣкахъ бразды Россійскаго Военнаго Управленія находились въ вѣдѣніи *Приказовъ*. *Разрядный Приказъ* посылалъ Дворянъ и другихъ Сановниковъ въ полки; онъ же и судилъ ихъ. *Стрѣлецкій*—извѣстный съ 1601 года подъ именемъ *Стрѣлцкой Избы*, преимущественно управлялъ Стрѣльцами; въ 1701 году онъ переименованъ въ *Приказъ Земскихъ дѣлъ Козакій* — распоряжалъ дѣлами Ашамановъ и вообще Козаковъ. *Рейтарскій* — завѣдывалъ Рейтарами или всадниками (15). *Полоняничный*—содержалъ плѣнныхъ. *Пушкарскій*, въ вѣдѣніи коего были Розмыслы, Пушкари, зачинщики, Головы Засѣчные и всѣ снаряды артиллерійскіе и инженерныя,—съ 1700 года назывался *Артиллерійскимъ Приказомъ*, съ 1706 *Канцелярією Артиллерійскою*, а съ 1719

(15) *Рейтарамъ* иногда называютъ вообще всѣхъ конныхъ солдатъ, исключая гусаръ и козаковъ. См. *Военный Словарь*, Туглова, М. 1818. стр. 109. — Въ 25 день Іюня 1701 года узаконено Рейтарскій Приказъ именовать *Приказомъ Рейтарскихъ Военныхъ Дѣлъ*. Соч.

Коллегію. Бронный Приказъ смотрѣлъ за дослѣхами военными. *Провіантскій*—снабжалъ войско жизненными припасами. А *Царская Дума*: сіе верховное судилище древней Россіи, по Царскому повелѣнію, развивала знамя войны или влагала мечи въ ножны.

Въ XVIII вѣкѣ, сила и власпъ сихъ Приказовъ, по манію Великаго Петра, слилась въ *Приказъ дѣлъ Военныхъ*, и наконецъ въ 1718 году въ *Государственную Военную Коллегію*, копорая, производя окончательную ревизію Военныхъ судовъ, утверждала приговоры *Крисс-ректоровъ* о всѣхъ Шпабъ и Оберъ-Офицерахъ до Полковника, и могла за преступленія лишать ихъ чиновъ и писать въ солдапы, безъ Высочайшей конфирмаціи; одни полки Гвардіи, Генералишескыя, Полковники и Офицеры, избличенные въ смерпныхъ винахъ, изъ сего были изъяпы: объ нихъ она обязана была вносить Доклады на Высочайшее утвержденіе (14).

Имперашоръ Петръ I, уничпоживъ буйную рапъ Спрѣльцовъ, учредилъ *Гвардію*, копорая въ послѣдспвіи увѣнчалась споль громкими побѣдами, и нынѣ со славою пожала

(14) Сводъ Рос. Узакъ по части Военно-Суди., С. п. б. 1820. Ч. I, стр. VI.

новые лавры! . . . Сей безсмертный Монархъ, въ 18 день Февраля 1700 года, повелѣлъ: „Всякихъ чиновъ рашныхъ людей сухаго пупи, копорые вѣдомы были въ Иноземномъ и Рейшарскомъ Приказахъ, судомъ и расправою вѣдашь Боярину Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, и учинишь ему шѣмъ дѣломъ *особой Приказъ* и списки вышепоказанныхъ чиновъ людей, и запасныя и приходныя и расходныя книги и всякія дѣла, и съ шѣми дѣлами Дьяковъ и Подьячихъ, копорые ему понадобятся, изъ Иноземнаго и Рейшарскаго Приказовъ взяшь въ шотъ *особой Приказъ*, а Иноземному и Рейшарскому Приказамъ не бышь; а пишашъ его Боярина во всякихъ письмахъ, копорые о полковыхъ дѣлахъ, *Генераломъ-Комисаромъ*. Хлѣбные (же) запасы на дачу своимъ Великаго Государя рашнымъ людямъ сборомъ и дачею на Москвѣ и въ городахъ вѣдашь Окольничему Семену Ивановичу Языкову а пишашъ его во всякихъ письмахъ *Генераломъ - Провіантомъ* (15).“

Въ 1716 году Марша 30, Петръ Великій начерпалъ новый, мудрый *Уставъ Воинскій* съ

Артикулами и Процессами, донинѣ служащей съ величайшею пользою по дѣламъ Военно-Суднымъ и Гражданскимъ. Въ ономъ Уставѣ изображены обязанности каждаго воинскаго чина; исчислены родъ и степенъ наказанія съ возможною подробностію; преступленія раздѣлены весьма естествененно и расположены въ нынѣшнемъ порядкѣ; начертаны правила и обязанности Судей. Словомъ, симъ Уставомъ дано быстрое образованіе войскамъ.

„Когда войско распорядили“ — говоритъ безсмертный Преобразователь Россіи „что какіе великіе прогрессы съ помощію Вышняго учили? Надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ? И всякъ можешь разсудить, что ни оупъ чего инаго по послѣдовало, токмо оупъ добраго порядку: ибо всебезпорядочною варварскою обычаемъ смѣху естъ достойный, и никакого добра изъ онаго ожидать не возможно. Того ради, будучи въ семь дѣлъ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли

„*Воинскій Уставъ* еже чрезъ собственнй нашъ прудъ собрано и умножено (16).“

И такъ, Петръ I положилъ швердое основаніе судоустройству и Законамъ Военно-

(16) Высоч. Маниф. при Воинск. Уставѣ, 30 Марта 1716 года.

Суднымъ, которые до нынѣ свидѣтельствуютъ и обширность Генія сего Великаго Государя, и опеческую его заботливость о благѣ своихъ подданныхъ!

Но пропекло полвѣка—и Россіяне почувствовали нужду въ новомъ, высшемъ образованіи Военнаго Управленія. Счастливыя и блистательныя побѣды—на сушѣ и моряхъ—Екатерины Великой, озарили новою славою Героевъ съзера: внутреннее же ихъ управленіе ославалось почти по же (17). Сія мудрая Монархиня наиболѣе спаралась о водвореніи въ войскахъ строгой *дисциплины*, которая, по словамъ Законодательницы—сосоставляетъ душу военной службы.

Прозорливый Павелъ, коего грозные перуны зрѣла Ишамія и — опражались въ цѣлой Европѣ,—Павелъ обратилъ Монаршее вниманіе на силы воинскія и обнародовалъ въ 1797 году, новыя *Военные Уставы о Полевой пѣхотной и Кавалерійской службѣ*. Съ изданіемъ

(17) Къ царствованію Екатерины II относятся: *Инструкція Полковникамъ* 17 Нолбря 1764 года, и незабвенный *Манифестъ объ уничтоженій педанковъ*, 21 Апрѣля 1787, исполненный мудрости, челоуколюбія и милосердія, изображеній въ ономъ съ силою краснорѣчія. *Сог.*

(*) См. Спашущъ Орденъ св. Великомуч. и Побѣд. Георгія, 25 Нолбря 1769.

сихъ Успавовъ, порядокъ Военно-Судныхъ дѣлъ во многомъ совершенно измѣнился: въ лицѣ одного *Генераль-Аудитора* учреждень *Генераль-Аудиторіатъ*, или Высшій Военный Судъ, по дѣламъ уголовнымъ для всей Арміи и Флота. Съ того времени поступили въ оный всѣ Военно-Судныя дѣла о Генералишестѣ, Шпабѣ и Оберъ-Офицерахъ, а по важнѣйшимъ преступленіямъ и о нижнихъ чинахъ (18).

По отеческой, неусыпной заботливости Вѣнценоснаго Александра, Военно-Судная часть, въ 1805 году, получила дополнителныя *Правила Аудиторіата*; а въ незабвенномъ въ лѣтописяхъ 1812 году, съ изданіемъ *Учрежденія для управленія большой дѣйствующей Арміи* (19) послѣдовали въ сихъ правилахъ нѣкоторыя измѣненія, и Аудиторіатъ раздѣленъ на *Сухопутный* и *Флотскій*, изъ коихъ первый причисленъ нынѣ къ *Главному Штабу Его Императорскаго Величества*.

Говорить о семъ благошворномъ Государственномъ учрежденіи, значить говорить о

(18) Сводъ Рос. Зак. по части Военно-Судной, С. п. б. 1820. Ч. I, стр. VII.

(19) 27 Января 1812 года. Вместе съ симъ Учрежденіемъ изданы: *Образованіе Военнаго Суда при большой дѣйствующей Арміи* и *Уставъ Полевого Судопроизводства*. — *Сог.*

мудрости и славы безсмертнаго Основателя, показавшаго предъ цѣлымъ свѣтомъ, въ полномъ блескѣ, силу и могущество побѣдоносныхъ сыновъ Россіи! Когда Миротворецъ Европы, спаситель Царей и народовъ, послѣ великой и славной брани, увѣнчанный олівами и лаврами, возвратился въ нѣдра освобожденнаго и побѣдоноснаго Своего Отечества, — въ то незабвенное время получилъ бытіе *Главный Штабъ Его Императорскаго Величества*, „Оный“—говоритъ Монархъ—„естъ средоточіе, въ которомъ соединяются всѣ части „Военнаго Управленія въ высшемъ ихъ отношеніи (20).“

Александръ Благословенный положилъ всему Штабу начало въ 12 день Декабра 1815 года—день рожденія Августѣйшаго Монарха;— а въ 1816 году даровалъ ему то прочное, твердое основаніе, на которомъ онъ донинѣ дѣйствуетъ ко благу и славы Отечества!

И. В—ъ.

(20) См. Образованіе Воен. Департ. 1815 Декабра 12, § 2.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРАСНЫЙ ПЛАЩЪ.

ПОВѢСТЪ.

(Посвящено любезному брату Ю. О. Л.)

Нашъ полкъ расположенъ былъ Херсонской Губерніи въ небольшомъ городкѣ М. Однообразная жизнь армейскаго Офицера познакомила и сдружила меня съ самимъ собою. Проведя лучшіе годы жизни въ сѣверной столицѣ, среди разсѣянiя и забавъ, у меня не оспавалось для себя ни одного часу;—я жилъ для свѣта. Зимой занимали меня спектакли, концерны, кошильоны; лѣтомъ гулялъ въ Екатерингофѣ, въ лѣтнемъ саду, на Елагиномъ. Получилъ первое признаніе любви молодой, неопытной дѣвушки, вопреки увѣщаніямъ строгой ея матери, назначилъ rendez-vous набожной кокешкѣ и усыпилъ бдительность ревниваго мужа—все это пребовало времени. Мудрено ли, что въ такой жизни я даже не зналъ себя?

Наконецъ, наскучивъ всеѣмъ, распрощался съ столицею и жилъ весьма скромно въ полку, какъ только позволяла уланская совѣсть. Въ

шумныхъ забавахъ шоварищей я рѣдко участвовалъ, занимался службою, а въ свободное время любилъ бродить въ окрестностяхъ города. Чаше всего я посѣщаль А . . садъ, принадлежавшій нѣкогда Генералу *Забольскому*. Огородъ, заросшій правою и молодыми деревьями, полуразрушившійся домъ, въ которомъ совы вили гнѣзда;—воишь что нравилось мнѣ въ эшомъ уединенномъ мѣстѣ. Особливо внушительность церкви, въ коей мѣстами сохранились еще написанныя на стѣнахъ изображенія св. Угодниковъ, влиuala въ душу невольное благоговѣнiе и располагала къ мрачнымъ размышленiямъ. Тамъ любилъ я вспоминать прошедшее, думать о настоящемъ и мечтать о будущемъ.

Въ задней части дома, еще уцѣлѣвшей отъ разрушенiя, жилъ бывшiй дворецкiй *Забольскаго*. Вскорѣ по прiѣздѣ моемъ въ полкъ, доходили до меня слухи о несчастной исторiи, случившейся въ фамили *Забольскихъ*. Но любовныишество мое всегда оставалось неудовлетвореннымъ: ибо, никто не зная цѣлаго, рассказываль по своему съ нелѣпыми прибавленiями. Въ одну изъ моихъ прогулокъ, любовныишество понудило меня посѣпить тамош-

няго старожила и войдя въ разговоръ, узнать обстоятельно фамилныя несчастія *Забольскихъ*. Въ небольшой, но опрятной комнаткѣ, на розосланной соломѣ лежалъ спарикъ, съ бѣлою, какъ лунь, бородою и отъ нечего дѣлать считалъ во рту зубы. После обыкновеннаго дружественствія, я заговорилъ съ нимъ о прежнихъ владѣльцахъ этого дома. „Помню блескъ и веселіе этихъ развалинъ,“ заговорилъ спарикъ—господа наши, вѣчный покой имъ—были добры, ласковы и привѣтливы ко всемъ. Никогда бѣдный не пропихивалъ къ нимъ даромъ руку. Съ соседями жили въ ладу; въ домѣ всего было вдоволь; баринъ любилъ жить свѣжло и весело. Какъ бывало затрубилъ въ рогъ, спускалъ борзыхъ, да и разсыпался по мѣсту, а намъ, смолришь и навезушь всякой всячины. И людямъ что было приволье; кормили хорошо, одѣвали чисто. Цари, какъ пещеръ, вижу, ходили въ зеленыхъ куріюшкахъ съ бархатными отворотами, а на шляпахъ развѣвались красныя перья. Холопы въ тюмкихъ кафтанахъ Нѣмецкаго сукна, шипыхъ золотыми галунами, а около дому смѣшныя щорожа ходили въ красныхъ плащахъ, да спускали въ доски чугуныя. По смерти ба-

рыни какъ по все перемѣнилось, баринъ спалъ посковать, да грустнѣть—и у насъ, глядя на него, было не весело на сердцѣ. Вопль уже пошелъ четвертый десятокъ, какъ я живу здѣсь одинъ однихонекъ. „И ты не боишься жить одинъ въ этихъ развалинахъ?“—„Чего же мнѣ бояться; добрые люди меня не прогаюшь; я никому зла не сдѣлалъ; мошенникамъ поживишься около меня не чѣмъ. Мерзвыхъ я по же не боюсь, хоть и рассказываютъ небывальщину, будто бы видяиъ ее и суженаго—убійцу. Добрал барышня! Я нячилъ ее на рукахъ; вся была въ мать и сердцемъ и пригожствомъ, шеперь и покояпся вмѣстѣ.“ Я упроеилъ старика показати мнѣ могилу его господъ. Мы вошли въ старую церковь, и передъ олшаремъ спарець показаль мнѣ плицу, скривавшую ихъ прахъ. „Гдѣ же схороненъ самъ *Забольскій*?“—„Не спрашивай, добрый баринъ, я спараюсь забыть несчастія моихъ благодѣтелей.“—Тутъ старикъ замолчалъ и крупныя слезы потекли по изсохшимъ щекамъ его. Трудно было снова разговаривать его. Любопытство мое подспрекалось болѣе и болѣе. Наконецъ, усиленными просьбами, ласкою и какъ бы участіемъ, мнѣ уда-

лось побѣдить его непреклонную молчаливость. „Ты мнѣ кажешься человѣкомъ добрымъ, сказалъ старикъ, „я расскажу тебѣ житіе бытіе добрыхъ господъ моихъ, садись и слушай.“

Милыя чипапельницы извиняють неровность моего слога, неправильность оборотовъ, недоспапокъ карпинъ и необдуманность цѣлаю: Это исторія старожила, а разсказъ улана, который легко и занимателенъ на конѣ, а убѣдителенъ съ булашомъ.

Генераль *Забольскій*, владѣя богатыми помѣстьями въ Малороссійскихъ губерніяхъ, избралъ мѣстомъ своего пребыванія загородный домъ, въ которомъ провелъ онъ счастливый годъ жизни въ объятіяхъ молодой супруги. Скоро оставила его незабвенная.—Давъ жизнь прекрасной Маріи, она оплелась въ лучшій міръ. Горестъ *Забольскаго* была неуполима. Въ первыхъ порывахъ оной ему приходила мысль о самоубійствѣ; но время, увѣщанія родственниковъ и друзей, бесѣды съ почтеннымъ опцемъ Инокенпіемъ, духовникомъ его, который кропкими убѣжденіями религіи поселилъ въ душу его спокойствіе, и мысль,

что единственный друг его, отходя въ вѣч-
ность, поручилъ его попеченіямъ драгоцѣн-
ный залогъ взаимной любви ихъ, возвратили
его къ жизни. Онъ оставилъ службу, совер-
шенно посвятивъ себя воспитанію Маріи.

Маріи минуло 16 лѣтъ. Марія была пре-
красна собою. Съ добрымъ, чувствительнымъ
сердцемъ, образованнымъ умомъ, соединяла
она и наружность прелестную. Русые локо-
ны украшали лилейное чело ея; въ большихъ
голубыхъ глазахъ изображалась чистая, непо-
рочная душа ея, а всегдашняя задумчивость,
обнаруживавшая мечтательный характеръ,
дѣлала ее еще прелестнѣе. Марія не любила
шумныхъ удовольствій; ее не занимали по-
бѣды, которыми она невольно дѣлала. Зависли-
вые взоры опцвѣщающихъ красавицъ, рев-
нивый шепотъ женъ; мужа, которые для
прогнанія зѣвопы, оставляя на время дорогихъ
половинъ своихъ, верпѣлись около прекрасной,
и, тяжелыми вздохами, спраспными взорами,
молча, высказывали спраданія сердець своихъ,
не обращали на себя ея вниманія. Толпа моло-
дыхъ богатыхъ жениховъ лежала у ногъ ея,
но сердце красавицы было свободно.

Хотя Марія никого не любила, однако ж она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда дѣтскія невинныя игры уже перестаютъ занимать насъ, когда сердце начинаетъ чувствоваться пусто, доподъ ему неизвѣстную, когда красавицы чаще задумываются, мечтая о счастіи бытъ въ объятіяхъ любезнаго.

„О чемъ пакъ призадумалась, моя сударушка?“—сказала старая няня Маріи, входя въ ея горницу.

„Сама не знаю, няня!“—отвѣчала красавица. Съ нѣкотораго времени мнѣ спало ужасно скучно. То, что прежде веселило меня, теперь непріятно, чему прежде смѣялась, по можетъ теперь привесити меня въ слезы.

„Понимаю,“ сказала старушка,—„вѣрно зазнобушка запала въ твое юное сердцѣ; о чемъ же тутъ горевашь, если онъ человекъ добрый, снепенный и съ доспапкомъ, пакъ откройся своему кровному, а памъ, что Богъ дастъ, увидимъ.“ —

„Нѣтъ, няня, для меня равны все мужчины, которые бывають у насъ; я никого не люблю, а грущу и сама не знаю о чемъ.“

„Да много ли ты видала пригожихъ мужчинъ?“ продолжала няня, „а пора приходишь

подумать о будущемъ. Самъ баринъ нашъ, Василій Ивановичъ, дай Богъ ему многія лѣта здравствовать, поговариваетъ объ эшомъ. Онъ спаръ, а ты еще молода; сохрани Богъ, не равенъ случай, всѣ мы грѣшные подъ Богомъ ходимъ. Нынче дѣло свяпочное“ продолжала словоохотная старушка, „загадай о своемъ суженомъ. Я съ молоду сама при раза гадала, и все мой Сафронъичъ, дай Богъ ему царство небесное, мнѣ и снился и мерещился; анъ пакъ и вышло. Худъ ли, хорошъ ли былъ покойникъ, а вѣкъ прожили вмѣстѣ.“ Короче сказавъ, старой нянѣ спойло не большаго труда уговорить Марію загадать о своемъ суженомъ.

Когда всѣ въ домѣ предались глубокому сну, Марія проспясь у дверей своей комнашы съ нянею, просила ее не уходить далеко, дабы въ случаѣ испуга, она могла поспѣшить къ ней на помощь. Робкими спонами, приближилась она къ сполу, накрышному бѣлою скапершью, на коемъ спояло зеркало съ двумя зажженными восковыми свѣчами, сѣла передъ нимъ, и долго смотрѣла не видя ничего, кромѣ своего изображенія. Наконецъ, предметы, отражавшіеся въ зеркалѣ, начали мѣ-

шались; стекло подернулось какимъ-то туманомъ—и Марія увидѣла великолѣпно освѣщенную домовую церковь свою. Хоръ пѣвчихъ возвѣстилъ о прибытіи молодыхъ; она рука объ руку приближалась къ алтарю съ любезнымъ ея сердцу; брачныя свѣчи зажглись и священникъ благословлялъ союзъ ихъ. Вдругъ мать ея съ ужаснымъ крикомъ спѣшила къ алтарю, она обняла дочь свою, какъ бы желая спасти ее отъ какого-то чудовища; свѣчи въ рукахъ молодыхъ погасли, помостъ церкви запряся . . . и густое облако скрыло отъ воровъ и ея, и мать ея. Она проснулась; холодный потъ покрывалъ чело ея, ланиты ея были омочены слезами. На крикъ ея прибѣжала няня; спарушка ахнула, увидя смертную блѣдность на лицѣ своей барышни. Она положила ее въ постель, окропила св. водою и скоро благодѣтельный сонъ успокоилъ нѣсколько ея чувства.

Изнеможенная Марія проснулась на другой день вдвое прелестнѣе. Образъ незнакомца глубоко врѣзался въ ея сердце; она чувствовала, что безъ него не можетъ быть счастлива. Но кто онъ? Существуетъ ли онъ въ мѣрѣ, или это одинъ только идеалъ пылкаго

ся воображенія? Прошли два года, въ печеніе коихъ, шщетно спаралась она вспрѣшить въ шолнѣ людей, знакомыя черпы; но впечатлѣніе сна было такъ сѣльно, что и самая безнадежность не могла испребити изъ памяти ея незнакомаго красавца.

Забольскій, будучи уже въ преклонныхъ лѣсахъ, испытавъ сильныя удары судьбы, чувствовалъ, что ему уже не долго останется жить на бѣломъ свѣтѣ. Его ужасала не смерть, но мысль оставить Марію одну, въ столь юныхъ лѣсахъ, безъ друга, безъ руководителя, который бы руководствовалъ ее на скольскомъ пути жизни. Время было помышлять о замужствѣ Маріи.

Изъ сосѣдей *Забольскаго*, всѣхъ чаще посѣщаль его оставный Полковникъ Графъ *Рамазовскій*, старинный его пріятель и храбрый сослуживецъ.—Графъ былъ мущина 40 лѣтъ, высокаго росту, черты лица имѣлъ пріятныя. Проведя лучшіе годы жизни на службѣ и, такимъ образомъ, исполнивъ обязанность гражданина, онъ вышелъ въ отставку, дабы личнымъ надзоромъ, привести въ лучшее состояніе обширныя свои помѣстья. Хо-

лоспал жизнь, ему наскучила, онъ искалъ подругу, которая бы усладила одинокую жизнь его. Онъ зналъ Марію еще ребенкомъ, и мысль о женишьбѣ всегда невольно оспанавливалась на дочери *Забольскаго*. „Лучшей партіи я не найду;“ думалъ Графъ: „Марія умна, прекрасна собою и съ соспоянїемъ. Хотя она и очень молода еще, но въ ней нѣтъ ни сколько въпренности. Правила, внушенныя ей при воспитаніи замѣняютъ недостатокъ опытности.“

Между тѣмъ, какъ Графъ высчитывалъ всѣ выгоды и невыгоды сего супружества, *Забольскій*, давно имѣя его въ виду, спарался узнать расположеніе его къ Маріи. Онъ не искалъ ей лучшаго мужа, зная *Рамазовскаго* всегда съ хорошей спороны. Къ тому жъ и самыя лѣпа его ручались за прочное счастье и постоянную любовь. Особенное вниманіе Графа къ прекрасной Маріи, не могло долго быть тайною для наблюдательныхъ взоровъ ея опца. Скоро они объяснились и *Забольскій* объявилъ Маріи свою волю. Нѣжная дочь сначала приведена была въ большое замѣшательство; но зная непреклонный нравъ опца и почипая священною обязанностію исполнять его волю, объявила свое согласіе; при томъ

же и время нѣсколько изгладило изъ памяти ея спранный сонъ, и черты незнакомаго красавца начали слабѣть въ ея памяти. Съ сего времени Графъ еще чаще посѣщала *Забольскаго*, и обращался съ Марією свободнѣе; давалъ сельскіе праздники, коихъ она всегда была царицею; старался во всемъ угождать ей, исполнялъ всѣ ея прихоти, и въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти себѣ привязанность и уваженіе Маріи. Она любила его какъ друга своего отца, уважала его умъ и благородство, плѣнялась его любезностію и была благодарна за его постоянную любовь. Скоро Марія объявлена была невѣстою Графа; назначили день обрученія, къ которому приглашены были Губернаторъ, Предводитель Дворянства, всѣ сосѣдніе помѣщики, многіе Офицеры и старинный пріятель Графа, Полковникъ Г... Командиръ А . . Гусарскаго полка, споявшаго на кварширѣ въ городѣ М.*

Длинный рядъ ярко освѣщенныхъ и богато-меблированныхъ комнапъ, представлялъ глазамъ великолѣпный видъ. За каршочными столиками, разспавленными въ госпиныхъ, усѣлись почешные госпи, убишь время за бос-

пономъ и виспомъ. Въ огромномъ панцовальномъ залѣ попарно расхаживали прелестныя граціи. Молодые Офицеры увивались около нихъ и осыпали комплименіями, между тѣмъ, какъ прелестницы съ своей стороны мучили ихъ вопросами о Владимірѣ *Заруцкомъ*, новомъ ихъ поварищѣ, копорый славился красотою и опличною ловкостію. „Скоро ли онъ будешь? Для чего вы не привезли его съ собою?“ были вопросы, на копорые Офицеры опвѣчали, что Полковникъ самъ хочеть его предспавишь, пакъ какъ онъ не имѣлъ чести бышь въ домъ *Забольскаго*.

Много было прекрасныхъ, но Марія какъ пышная роза въ роскошномъ цвѣтникѣ, зашмѣвающая красоту окружающихъ предметовъ, привлекала къ себѣ невольно взоры всѣхъ. Бѣлое апласное плащье скрывало опъ жадныхъ взоровъ бѣлоснѣжную грудь красавицы, широкая голубая лента опясывала ея гибкій станъ, а въ кашпановые локоны вплетена была безискусшвенная роза. Нарядъ былъ простъ, но на прелестной все обворожипельно. Музыка заиграла польской и счаспливый женихъ, судьбѣ коего многие завидовали, опкрыль балъ съ прекрасною Марією.

Въ это время пріѣхали Полковникъ и Владиміръ *Заруцкій*. Не желая нарушить порядка, Полковникъ ошановился въ углу зала, и ожидалъ конца польскаго, дабы представить хозлевамъ своего новаго поварища. Дѣвицы, проходя мимо ихъ, увидя Владиміра, невольно говорили про себя. Какъ онъ хорошъ! Конечно нельзя найцци мущины прелестнѣе его. *Заруцкій* былъ высокаго роста и чрезвычайно стройнаго сложенія. Черный доломанъ, облитый серебромъ, украшалъ широкую грудь его. Онъ споялъ опершись на саблю и задумчиво смотрѣлъ на группу танцующихъ. Большіе черные глаза, осянненные густыми рѣсницами, блиспали огнемъ любви. Прекрасный ротъ, украшенный рядомъ перловыхъ зубовъ, казалось, созданъ былъ для словъ: люблю тебѣ! А необыкновенная бѣлизна лица его была еще разипельнѣе, опъ прошивоположноспи черныхъ волосъ, украшавшихъ высокое чело его.

Рано лишась родителей, Владиміръ воспитывался въ Пешербургѣ, въ домѣ своего дяди опекуна. Его записали въ военную службу, но получа чинъ Корнетпа Гвардіи, Владиміръ вышелъ въ опспавку. Съ давняго времени его

занимала мысль о путешествіи. Вышедъ изъ опеки, онъ рѣшился удовлетворить своему желанію, что скоро и исполнилъ.

Путешествуя по живописной Швейцаріи, въ одну ночь Владиміръ былъ заспигнутъ сильною бурей. Крупный дождь съ градомъ падалъ на землю, порывистый вѣтеръ, казалось, хотѣлъ унести все въ своемъ стремленіи; молнія, отражаясь въ волнахъ Женевского озера, освѣщала ужасную картину бури. Сильный ударъ грома замертво повергъ почпильона; испуганныя лошади, не чувствуя болѣе вождей, помчали коляску быстрѣе вихря. *Заруцкій*, схватя вожди, пщепно спарался оспановить успрашенныхъ живопныхъ. Въ темноѣ ночи лошади набѣжали на камень, коляска опрокинулась и Владиміръ безъ чувствъ упалъ на землю.

На берегу Женевского озера, въ небольшомъ но прелесномъ мѣстечкѣ Моржѣ, проживалъ уже болѣе двухъ лѣтъ Французскій эмигрантъ Графъ Д. Опець, его, во время революціи, погиль на гильопинѣ, а мать, будучи не въ состояніи пережить постигшаго несчастія, сдѣлалась жертвою своей горести.

Молодой Графъ успѣлъ избѣгнуть своей гибели. Оставивъ опечесиво, онъ поселился въ Воадшскомъ кантонѣ. Дочь Пастора В., миловидная умная дѣвушка, составила счастье Графа, отдавъ ему свое сердце и руку. *Сортори*, такъ называлъ себя Графъ, принялъ въ домъ свой разбитаго и изнеможеннаго путешественника. Заботы и попеченія хозяевъ за больнымъ были неусыпны. И хотя черезъ три мѣсяца Владиміръ совершенно оправился, но онъ такъ шѣсно подружился съ великодушнымъ Графомъ, такъ полюбилъ его семейство и образъ ихъ жизни, что охотно склонился на усиленныя ихъ просьбы, провести еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ прекрасномъ семейномъ кругу ихъ.

Не рѣдко, въ вечернихъ прогулкахъ по живописному берегу озера, *Сортори* описывалъ Владимиру картину семейнаго его счастья языкомъ снрастнаго любовника. Послѣ сихъ разговоровъ, *Заруцкій* спановился всегда задумчивѣе и грустнѣе; любовь сдѣлалась потребностію его сердца. Находясь всегда въ лучшихъ обществахъ столицъ Россіи, Франціи и Германіи, Владиміръ много встрѣчалъ прелестныхъ, но ни одну сердце его не назвало

своею, и непонятная грусть наполняла его нѣжное сердце.

Скоро общоипельства заставили *Заруцкаго* возвратиться въ опечесство. Извѣстіе о кончинѣ дяди, смерть коего оставила его совершенно одинокимъ въ мірѣ, рѣшило его намѣреніе, не возвращаться въ столицу. Онъ опредѣлился въ А . . Гусарскій полкъ, гдѣ въ короткое время умѣлъ снискавъ уваженіе начальниковъ, любовь товарищей и привязанность подчиненныхъ. При всемъ томъ онъ не былъ счастливъ; мысль, что онъ одинъ въ мірѣ, его убивала. Дружба товарищей не могла согрѣть сердца его, созданнаго для любви страстной, пламенной и только частая переписка съ *Сортори*, облегчала нѣсколько его горестъ.

„Вопъ невѣста счастливаго моего пріятеля,“ сказалъ Полковникъ Владиміру, показывая на Марію, выходившую въ это время изъ смежной комнаты, „не правда ли, что она прелестна?“ Владиміръ, казалось, не слыхалъ ничего; взоры его какъ бы прикованы были къ прелестной; сердце его забилося сильнѣе и шепшало ему: это та подруга швоей жизни,

о которой такъ сладко мечталъ ты на берегахъ Женевскаго озера. Кровь его была въ сильномъ волненіи, и онъ долженъ былъ скрѣпить всѣ свои силы, чптобы не обнаружилъ порыва своихъ чувствъ. Но кто опишетъ положеніе Маріи, когда она узнала въ немъ черпты, давно уже знакомыя ея сердцу, и видѣнный ею сонъ живо представился ея воображенію. Это онъ, ея суженой, котораго образъ такъ сильно запечатлѣнъ былъ въ ея сердцѣ, а она обручена другому. Лице ея покрылось смертною блѣдностію, она съ ипрудомъ могла скрыть свое замѣшательство. По окончаніи польскаго, Полковникъ представилъ Владиміра *Забольскому* и его семейству. Рекомендую въ ваше благорасположеніе моего новаго сослуживца, сказалъ Полковникъ, обращаясь къ *Забольскому*, сына храбраго и почтеннаго Генерала *Заруцкаго*. Холодное пожатіе руки и сухое привѣтствіе хозяина, ясно показали Владиміру, чпто время не успѣло погасить вражды, питаемой *Забольскими* къ покойному опцу его. Начался вальсъ; гусары съ прелестными нимфами мелькали по паркету. Владиміръ пригласилъ Марію; говоритъ ли, съ какими чувствами она приняла его предложеніе.

ніе. Въ вихрѣ вальса, они забыли все окружающее; имъ казалось, что волшебною силою они перенесены въ неизвѣстный имъ дополь міръ, они слышали біеніе сердець своихъ; взоры говорили: твоя! твоя!—на вѣки! Дыханіе сливалось и, какъ небесный нектаръ, упоило сердца ихъ блаженствомъ не земнымъ и проливалось по жиламъ огненныхъ струи, вмѣсто крови.

Быстро текутъ часы въ присутствіи любезной, время кажется тогда не существуетъ. Въ эти быстролетныя минушы, копорыя только и можно называть жизнью, человекъ живетъ въ мірѣ прекрасномъ, идеальномъ, смотря съ жалостію на холоднаго, расчепливаго эгоиста; въ эти минуты сердце не знаетъ инаго чувства, кромѣ любви и облагороженныя мысли его стремятся къ Творцу. За то, какою дорогою цѣною Владиміръ вымѣнивалъ счастливыя минушы, проведенныя съ Марією, грустнымъ одиночествомъ въ полку.

Полученное Графомъ наслѣдство по смерти одного дальнаго родственника, претовало его присутствія при раздѣлѣ имѣнія. Свадьба опложена до его возвращенія, и счастливый Графъ напечатлѣлъ прощальный поцѣлуй на розовыхъ усахъ невѣсты.

Прошло два мѣсяца съ его отъѣзда; Марія старалась избѣгать встрѣчи съ Владиміромъ. Она знала, что одно свиданіе можетъ вырвать изъ груди ея признаніе въ любви и погубить ее не возвращаю. Она хотѣла оспаться вѣрною своему долгу. Обмануть надежду отца, измѣнить Графу, которому торжественно обѣщавалась принадлежать на вѣки, было противно благороднымъ ея чувствамъ. По окончаніи свадьбы, она хотѣла просить жениха уѣхать въ его помѣстья. Удалившись отъ опаснаго соблазна, Марія надѣялась заглушить въ священныхъ обязанностяхъ супруга, вопли разсерзаннаго сердца.

Непреодолимыя преграды разрушали всѣ надежды Владиміра. Но препятствія не уменьшаютъ, а воспламеняютъ любовь. *Заруцкій* сдѣлался болѣнъ; сильная горячка воспалила кровь его. Въ бреду онъ звалъ Марію, клялся убить Графа, призывая на помощь друга своего *Сортори*. Нѣсколько дней болѣзнь его продолжалась съ равною силою,—наконецъ, молодость, искусство врача и попеченія Полковника возвратили его къ жизни. Но тайна сердца

ца его уже была открыта. Полковникъ не оставявшій его постели, понялъ изъ несвязныхъ словъ причину его болѣзни. Однажды въ дружеской бесѣдѣ онъ объявилъ Владимиру, что ему все извѣстно, совѣщивалъ забыть Марію и покориться обстоятельствамъ, объявляя при томъ, что въ противномъ случаѣ готовъ все открытъ опцу ея. Владимиръ показалъ видъ, что намѣренъ слѣдовать его совѣщаніямъ, но внутренно проклиналъ, и ласки, и дружбу Полковника. Мысль о побѣгѣ, какъ единственный способъ къ достиженію блаженства, родилась въ душѣ его. Онъ рѣшился, во что бы ни стало, привести ее въ исполненіе, искалъ случая объясниться съ Марією и склонить ее къ тайному браку. Съ тѣхъ поръ Владимиръ казался спокойнымъ и веселымъ и совершенно успѣлъ истребить подозрѣнія Полковника.

На концѣ сада, въ аллеѣ, усаженной густыми пополями, находилась липовая бесѣдка. Тамъ Марія любила отдохнуть во время своихъ уединенныхъ прогулокъ. Однажды она пробывъ въ бесѣдкѣ долѣ обыкновеннаго, вдругъ шажкій вздохъ и шихо произнесенное ея имя,

вывелъ ее изъ задумчивости. Въ испугѣ она хотѣла удалиться; но кто опишетъ ея положеніе, у ногъ ея лежалъ Владимиръ, устремивъ на нее умоляющіе взоры и покрывая руку ея пламенными поцѣлуями. Марія чувствовала всю опасность своего положенія; она видѣла себя на краю пропасти — одинъ шагъ и она погибла,—пришедъ въ себя, старалась освободиться изъ его объятій, но какую непреодолимую власть, какую обворожительную прелесть имѣя въ слезы и мольбы любезнаго надъ сердцемъ слабой женщины. Тщепно хотѣла Марія бѣжать; твердость ее оставила и роковое признаніе въ любви слѣзло съ прелестныхъ устъ ея. „Марія! насъ разлучаютъ“—Полковникъ узналъ тайну моего сердца и грозитъ все открытъ обществу. Мы будемъ лишены невиннаго наслажденія видѣть другъ друга. Еслибъ я зналъ, что ожидаемый бракъ можетъ сослать твое счастье, тогда нашелъ бы въ себѣ довольно твердости отказать о тебѣ. Но можешь ли человекъ, который женился болѣе по расчету, нежели по склонности сердца, любить тебя такъ пламенно, такъ нѣжно, какъ я, сердце, котораго давно

уже принадлежишь тебѣ. Тупъ Владиміръ
 разсказалъ Маріи свою жизнь и мечпы въ
 Швейцаріи. Намъ нѣтъ никакой надежды.
 Отецъ твой никогда не согласится разорвать
 давно желаемый союзъ съ Графомъ, и фамиль-
 ная вражда, питаемая имъ къ самой памяти
 отца моего, никогда не позволишь ему назвать
 меня своимъ сыномъ. Мрачное опчальніе люб-
 ви безнадежной, вѣчное одиночество оспаец-
 ся въ удѣлъ несчастному, пока благодѣтель-
 ная смерть не примиритъ меня съ жизнью.
 Рѣшись на послѣднее средство—бѣжать! Бѣ-
 жай къ другу моему Сорпори. Тамъ, среди
 дикихъ скалъ Швейцаріи будемъ безопасны
 отъ всѣхъ гоненій. Чшо намъ мнѣніе людей,
 копорые устраивають нашу погибель: нѣж-
 ная, безпредѣльная любовь моя замѣнитъ те-
 бѣ потерю отца, несравненная Марія! Одно
 слово рѣшитъ участь мою: живи для себя,
 или умереть. Сердце Маріи во всемъ согласи-
 лось, но мысль о побѣгѣ ужасала ее. Въ пер-
 выя минуты, она рѣшилась пожертвовать
 своимъ счастьемъ сурогому долгу. Она не мо-
 гла оставить престарѣлаго отца своего; но
 можетъ ли устоять разумокъ противъ стре-
 мленія сердца, исполненнаго пылкою страстью?

Еще нѣсколько шайныхъ свиданій и полученное извѣстіе о скоромъ возвращеніи Графа, рѣшили участь спростныхъ любовниковъ.

Дорожная коляска въ чепыре лошади спояла у заднихъ воротъ сада. Пробыло полночь. Владиміръ, едва переводя дыханіе, ожидалъ прекрасную бѣгланку въ условленномъ мѣстѣ. Сердце его сильно билось. — „Въ эту рѣшительную минушу, есть ли откроютъ побѣгъ нашъ“—думалъ онъ: „то, кромѣ потери надежды обладать Марією, я навсегда запятнаю и свою и ея честь.“ Владиміръ перяетъ перпѣніе, каждая минуша кажется ему годомъ. Наконецъ, свѣтъ въ комнатѣ Маріи исчезъ. Раздался легкій шорохъ и ему внятнѣе слышались не швердые шаги челоуѣка, направленные къ условленному мѣсту. — Онъ спѣшитъ на встрѣчу — но какъ изобразить ужась и отчаяніе несчастнаго любовника? . . . Ночной часовой въ красномъ плащѣ приближался къ нему медленными шагами. Все зданіе его благополучія рушилось въ одну минушу; Марія должна была сей часъ выйти и невозможность побѣга въ самую минушу его исполненія, привела въ испуленіе *Заруцкаго*. Въ

себя, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и глубоко вонзилъ кинжалъ въ сердце адскаго спражи. Слабый женскій голосъ раздался въ ушахъ Владиміра и несчастная Марія, упоная въ крови своей, упала къ ногамъ убійцы! Она достала себѣ плащъ спражи, дабы не быть узанною дворовыми людьми въ случаѣ неожиданной встрѣчи. При семъ зрѣлищѣ, Владиміръ упалъ на землю; всѣ чувства его оспавили; онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ хладный трупъ и только судорожныя движенія показывали, что искры жизни плѣлись въ его сердцѣ. Вдругъ, какъ бы пробудясь отъ мертваго сна, онъ вскочилъ. Дикій человѣческій хохотъ вырвался изъ груди его; несчастный лишился разсудка. Схватя бездушное тѣло Маріи, побѣжалъ онъ прямо къ дому. Несчастный опецъ, не зная бѣдствія его постигшаго, приносилъ упреннюю молитву Всевышнему въ то время, какъ безумный, держа на рукахъ трупъ его дочери съ шумомъ вбѣжалъ въ комнату. „Вопъ она!“ сказалъ Владиміръ дикимъ голосомъ, „моя невѣста! Посмотри, какъ она прелесна въ эпомъ видѣ, она улыбається . . . Чшо жъ ты ничего не опвѣчаешь?“ . . . Пошомъ, положи тѣло Маріи

на софу, спалъ предъ нею на колѣни и покрывалъ его пламенными поцѣлуями. Казалось, онъ хотѣлъ вдохнуть въ нее жизнь. Крупныя слезы капились по обезображенному лицу его. Въ эти минуты, по видимому, онъ чувствовалъ свои несчастія. Вдругъ вскричалъ ужаснымъ голосомъ: „гдѣ, гдѣ ея убійца? Поведите меня къ нему! Боже! Чья кровь дымится на мнѣ? . . . Нѣтъ, не я убилъ ее! Тсъ! Она плачетъ . . . зовешь меня . . . смертное хрипѣнье раздается въ ушахъ моихъ! . . . Ужасно!“ . . . Послѣ сихъ словъ, онъ снова захохоталъ дикимъ голосомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Слуги суешились около несчастнаго *Забольскаго*, лежавшаго въ сильномъ обморокѣ, когда въѣхала на дворъ дорожная коляска Графа.

Тѣло злополучной Маріи погребено на фамильномъ кладбищѣ, возлѣ праха ея матери. *Забольскій*, продавъ домъ, въ которомъ постигли его возможныя въ жизни несчастія, окончилъ дни свои на рукахъ нареченнаго зятя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ погребенія Маріи, тѣло несчастнаго Владиміра, выброшенное волнами на берегъ озера, было найдено

мирными поселянами. Преданіе говоритъ, что долго послѣ несчастнаго сего событія, окровавленные тѣни Маріи и Владиміра блуждали на мѣстѣ преступленія и въ пустомъ домѣ, часпо въ глухую полночь слышны были рыданія и вопли погибшихъ.

Петръ Ляхманъ.

Новомиргородъ.
1829.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

ПЕРЕХОДЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ
1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА.

Отрывокъ изъ большаго стихотворенія.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ!
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый,
И на берегу покинутыя селы
Туманный мѣсяць озарялъ.
Всѣ пусто! . . . Коѣ-гдѣ на снѣгъ пруръ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь дымяся шлѣшетъ,
И, хладный какъ мершвецъ,
Одинъ среди дороги
Сидитъ задумчивый бѣгмецъ,
Недвижимъ, смушный взоръ вперивъ на мѣртвыя ноги.

И всюду пишина! . . . И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется! Гремятъ щипы, мечи и брони,
И грозно въ сумракъ ночномъ
Чернѣютъ знамена, и рапники и кони!

Несуть полки Славянъ погибель за врагомъ!
 Достигли Нѣмана — и копыя водрузили!
 Изъ снѣга возрасли безчисленны шапры!

И на берегу зазженные коспры
 Все небо заревомъ багровымъ обложили!
 И въ спань Царь молодой
 Сидѣль между вождями;
 И Спарецъ-Вождь предъ нимъ блестящій съдинами
 И бранной въ спароспи красой.

Батюшковъ.

Э П И Г Р А М М А.

Благословенный плодъ прокляпаго терпѣнья
 За цѣну сходную онъ опдаешъ въ печать;
 Но къ большей вѣрности, за чѣмъ не досказашъ:
 За цѣну сходную съ достоинствомъ пворенья?

Кн. Вяземскій

П Л А Ч Ъ С У П Р У Г А.

Э л е г і я.

Ужь нѣтъ ея! . . . одни спраданыя
 Не разлучаются со мной!
 Я часпо въ призракахъ мечпанья
 Зрю пѣнь ея передъ собой;
 И часпо въ слухъ влешаюшъ мой
 Слова: „намъ близокъ часъ свиданья!
 Не упомляй себя поской,
 И не живи безъ упованья!“

Съ пѣхъ поръ, какъ я осирошѣль,
 Меня ничпо не упѣшало;

Лишь въ ней я радость жизни зрѣлъ,
 Все безъ нее мнѣ чуждо спало!
 Желать бы чувства оживить
 Минувшихъ дней воспоминаньемъ,
 Желать бы сердце воскресить
 Оно упомяно спраданьемъ!
 Напрасно съпуютъ о мнѣ
 Мои друзья, мои родныя;
 Мечты разрушились земныя,
 И невозвратны мнѣ онѣ!
 Прискорбно видѣть сердцу милыхъ,
 Всѣхъ также мрачныхъ и унылыхъ,
 И не умѣть утѣшить ихъ!
 Напрасно нѣжное участие
 Ко мнѣ заботливыхъ родныхъ:
 Мое на вѣкъ погибло счастье!
 Увы! напрасное въ сердцахъ
 Они питаютъ состраданье,
 И истребить о прежнихъ дняхъ
 Во мнѣ хопятъ воспоминанье.
 Желая къ жизни возвратиться,
 Они хопятъ въ меня вселить
 На будущее упованье . . .
 Но облегчить не можешь по
 Души, спраданьемъ изнуренной,
 И не замѣнишь мнѣ ничшо
 Мосей Дуняши незабвенной! . .

Бестужевъ-Рюминъ.

КЪ Н. Н.

НА ПРЕДЛОЖЕНІЕ СПѢТЬ ЧТО НИБУДЬ.
 Вы пѣсни любите, а я люблю вино,
 Улада въ горести оно! —
 Не выпивъ я вина, ни къ чорпу не гожуся,
 А выпивъ чорпа не боюсь.
 Всѣ люди съ слабостью, опкрою вамъ мою:
 Чтобъ больше пѣть—я пью, чтобъ больше пить—пою!
М. Яковлевъ.

ГОРДЮШКА КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

С К А З К А.

Былъ здѣсь давно одинъ мерзавецъ
 Гордюшка, плусть - книгопродавецъ.
 По честности и по уму
 Виномъ бы порговашь ему
 Въ какойнибудь корчмѣ, и то не Христіанской,
 Въ Жидовской, иль Магометанской.
 А походилъ онъ на Жида!
 Безъ совѣсти и безъ стыда
 На бѣлый свѣтъ родился;
 Радъ удавиться и за грошъ —
 А впрочемъ, всемъ онъ былъ хорошъ;
 Немножко грамасть учился:
 Могъ двоепочіе опъ почки опличить,
 Могъ объявленіе о книгѣ сочинить;
 Любилъ для барышей душой липературу;
 Въ Оракулахъ держалъ всегда самъ корректуру;
 Учепыхъ пьлицъ онъ погоднѣ нанималъ
 И компилціи въ свѣтъ съ ними издавалъ.
 Жаль, не писалъ стиховъ Гордюшка!
 Одна почтенная старушка

По смерти мужниной вдругъ въ нищету пришла;
 Что было лишнее, кой какъ распродала,
 Въ Ломбардъ иное заложила;
 Одну лишь компанку попила —
 Такъ берегла дрова
 И деньги бѣдная вдова.

Занемогла она еще весной ненастной.

Какъ бытъ?

Лѣкарства не начто купить;
 Но добрый Лѣкаръ частный
 Старушкѣ спраждущей помочь;
 Да наградишь его самъ Богъ!
 А Онъ всегда пѣхъ награждаетъ,

Кто бѣднымъ вдовушкамъ охотно помогаетъ. —

Узналъ поргашъ Гордей,

Что послѣ мужа есть шкапъ цѣлый книгъ у ней.
 Вопъ онъ къ больной приходишь,
 Въ постель бѣдную находишь

И говоришь: „у васъ, я слышалъ, книжки есть

Хопъ порга книгами не можно нынѣ вестъ . . .

Отъ книгъ пакъ плохи аваппажи;

Что лучше продавать, повѣрыте, калачи

Но на комиссию я взялъ бы для продажи;

Позвольте посмотришь.“ — Даюшь ему ключи.

Вопъ шкапъ онъ опираетъ:

Шкапъ книгами набишь —

Гордюшка ихъ перебираетъ,

На шишулы глядишь . . .

Понюхаешь иную,

То улыбнешя плушь,

То рожу сдѣлаешь такую,

Какъ будто долгъ съ него берущъ.

Смотрѣлъ, глядѣлъ часть цѣлой;

Въ зашымкѣ почесалъ;

Попомъ съ осанкой гордой, смѣлой

Презрительно сказалъ:

„Хоть счетомъ книгъ и много,

Но разобрашь коль спрого,

Такъ мало тупь добра.

Ну что? Дѣянiя Петра,

Да Ломоносова, Державина пворенья

И Дмитриева сочиненья,

Жуковского, Карамзина

И только вѣдь изъ Русскихъ!“

—А сколько, батюшка, за то здѣсь книгъ Фран-
цузскихъ,

Латинскихъ, Греческихъ? — „Да все вѣдь спарина!

Расина, Буало, Корнеля всякъ имѣешь,

По Гречески жь не всякой разумѣешь;

А правду молвишь, и латынь

Хоть кинь!

Народъ нашъ дѣловой, порговый и вошской —

На что же намъ языкъ Латинской? . . .

Однако, пакъ и бышь,

Радъ все у васъ купить,

Коль сходно отдадите:

Ну много ли, сударыня, хопните?“

—А сколько бѣ дали вы? — „Да что васъ обижаетъ?

Извольше, дамъ я . . . двадцать пльть . . .“

—Какъ! . . . Двадцать пльть рублей? За все . . . Не
грѣхъ вамъ эшо? —

„Да разсудите: нынче лѣто,

А до зимы

Почти вѣдь не торгуемъ мы;

Не выручимъ, ей Богу! и на лавку.“

—Я лучше ихъ сожгу! Какъ? двадцать пльть! —

„Жаль васъ!

Извольше, пакъ и бышь, въ добавку

Еще пяць рубликовъ . . . и деньги сей же часъ!“
—Подите жь вонъ!—, Ну, десяць я прибавлю.

Хопите *тридцать пять*?

И шкапъ пожалуй вамъ оставлю,

Да буду, машушка, васъ вѣчно поминашь.“ —

Спарушка разсердилась,

Съ Гордюшкой побранилась

И гонить плуца вонъ.

Нейдепъ однако онъ,

Торгуется, клянется,

Что *покупателя* другаго не найдется,

И наконецъ,

За сонню книги всѣ купилъ у ней подлець.

Возрадовался мой Гордюшка,

Что имъ ограблена такъ бѣдная старушка.

А послѣ на пятакъ взялъ рубль онъ барыша.

Куда жь пойдетъ душа

Такого шоргата? —

Въ адъ, разумеется, конечно!

По приказанью прехъ безжалостныхъ сестеръ:

Изъ книгъ, имъ проданныхъ, тамъ сдѣлаютъ костеръ

И будешь жариться онъ вѣчно.

А. Измайловъ.

ДАМСКАЯ ХИМИЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДЕЛИЛЕВОЙ ПОЭМЫ: ТРИ ЦАРСТВА
ПРИРОДЫ.

О вы, красавицы, копорыхъ нѣга здѣсь
На лонѣ роскоши качаетъ и лелѣетъ!

Кто къ чернымъ очагамъ Гермеса звать васъ смѣетъ?
Уступимъ скучный пушь къ пещерамъ и горамъ

Несытымъ знаньями суровымъ мудрецамъ;
 Въ сихъ подземельяхъ Богъ скрылъ тайнства Природы.
 Не нужно покидашь чертоговъ вашихъ своды,
 Въ нихъ любопытные предметы сыщешь глазъ,
 И міръ особенный и созданный для васъ.
 Тамъ пища для души и для очей приманка:
 Не видите ли вы въ каминъ дровъ останка —
 Золу и уголь? За чѣмъ не пожелаешь
 Сокрытую вину горѣнія узнать?
 Свободный воздухъ ли и чистый поглощая,
 Огонь горитъ свои имъ силы оживляя,
 Или съ упругостью теряя чистоту,
 Приноситъ людямъ въ дань и свѣтъ и теплому;
 Иль изъ веществъ ему отданныхъ на пожранье
 Выходитъ и тепло и яркое сіянье?
 Какъ подвижной огонь въ пѣлахъ неподвижимъ?
 Какое ихъ сродство соединяетъ съ нимъ?
 За чѣмъ ярчѣй огонь, блистательный и чистый,
 Любитъ соки млечные и дерева смолисты?
 О, много Царь стихій имѣетъ тайнъ для насъ,
 Достойныхъ съ пользою занять досужный часъ.
 Сей мраморъ есть нарядъ для вашего каминя:
 Приспешельно ль не знаешь, что масть его пучина,
 Что изъ развалинъ оцъ живошныхъ произшелъ,
 И что въ землѣ, водой покинутый, созрѣлъ?
 Быть можетъ, двадцати вѣковъ усилія были
 Попребны, чтобъ моря мѣста перемѣнили.
 Вы просынаетесь, взглянули: на спѣнь
 Вся утварь въ зеркалахъ является въ двойнѣ;
 Распознаете вы карпины и уборы
 И собственныи порпиретъ вамъ поражаетъ взоры;
 Удосновѣришься жъ глазами средства нѣтъ,
 Гдѣ подражаніе, гдѣ истинный предметъ.
 Не отслушавши, зришь милаго Аглая,

Какъ онъ спойшь — её очами пожирая.
 Опколъ взялись сіи нежданшыл черты?
 Развившись по стеклу сребристыя листы
 Изъ рпуги съ оловомъ—лучи въ немъ ловашь свѣта
 И, опражая ихъ, рисують видъ предмета.
 Такъ соль правы и смѣсь очищенной земли
 Съ мешаллами—стекло на свѣтъ произвели.
 Сіе блестящее какъ жаръ паникадило
 Свѣтъ солнечный своимъ сіяньемъ замѣнило.
 Кристалъ сей медленно въками сотворешъ;
 Онъ шестигранный, въ немъ свѣтъ ярко отраженъ.
 Плѣнителенъ ихъ блескъ живой и разноцвѣпный,
 И озаряетъ вашъ чертогъ великолѣпный;
 Вашъ пиръ есть пиръ Боговъ, вашъ теремъ замокъ Фей.
 Но восхищася сіяньемъ кристалей,
 Причину дѣйствія сего узнать вамъ скучно,
 И остааетесь вы въ незнашь равнодушно.
 Вопросимъ же *Роме!* мудрецъ сей говорить:
 Въ пещерахъ влажныхъ кварцъ—творецъ сихъ
пирамидъ;
 Уже гоповые сроднились межъ собою,
 Опсѣды понкіе, онъ растворя водою,
 Сквозь камни процѣдилъ; а время, хладъ и жаръ,
 Всю влагу выпянувъ преобразили въ паръ,
 И по стѣнамъ пещеръ и сводамъ возсіяли
 И разноцвѣпные и бѣлые кристалы.
 Во пмѣ и шайнѣ прудъ сей славный совершелъ
 И долго подъ землей былъ почестей лишенъ;
 Но смерпнымъ извлеченъ кристалъ изъ бездны мрачной,
 Предсталъ какъ воздухъ чистъ и какъ вода
прозрачный:
 Оглаженъ, ограненъ искусною рукой,
 Великолѣпнаго чертога спалъ красой.
 Вазъ ослѣпительныхъ и люстръ богатыхъ чистый

Свѣтъ отражается отъ граней ихъ лучисто;
 Паникадило мракъ далеко отгоня,
 И озаря насъ сіяньемъ яркимъ дня,
 Красавицъ для побѣдъ вооружая очи:
 Звѣздою—теремовъ, и солнцемъ—пиршеспвъ ночи.
 И такъ, знакомшеся не зрѣниемъ только съ нимъ,
 И наслажденіемъ заплапипъ онъ двойнымъ.
 Но вижу, братъ его, алмазъ горипъ прелестно;
 Гдѣ колыбель свою пшамъ, теперь извѣстно.
 Онъ блещетъ на рукъ, сверкаетъ въ кудряхъ власть:
 Не знашь гдѣ вспыхнулъ онъ, простипельно ль
 для васъ?
 Вамъ скажетъ *Добантонъ*: Голконды на спремпинахъ,
 Иль въ Визапурскихъ онъ родился въ свѣтъ доминахъ,
 Нашла въ скупомъ пескѣ, приподняла со дна
 И выкапила къ намъ его на берегъ волна.
 Онъ иногда цвѣшетъ на днѣ морей глубокомъ,
 Раскрашенъ иногда мешалловъ тонкимъ сокомъ.
 Когда жъ съ него кора искуспвомъ сорвана:
 Тогда удвоенъ блескъ, возвышена цѣна;
 Могуціе земли, какъ за вѣнецъ лавровый
 Спязапъся за алмазъ прославленный гошovy.
 Сіянїемъ его блиспапельнѣе пропъ;
 Величью пышноспью, красъ убранспвомъ онъ,
 И, почестъ рѣдкая, *Невтонъ*, міры связавшій
 И имъ, блуждающимъ, дорогу указавшій,
 Взоръ быспрый кинувъ вдаль и сущность опгадамъ,
 И жребій будущій алмаза предсказамъ.
 Изъ избранныхъ спихій вѣками сопворенный,
 Изъ минеральныхъ силъ прудъ самый совершенный,
 Красавецъ, спѡипъ онъ, чпобы блестящей имъ
 Аглаъ поскучатъ, знакомясь ближе съ нимъ.
 Люблю въ сергъ жемчугъ—краевъ далекихъ диво,
 Невѣждой-роскошью повѣшеный красиво

Въ ухахъ у миленькой-невѣжды на показъ.

Быль можетъ, и она узнаетъ въ добрый часъ,
Какъ ловакъ въ безднѣ водъ, ушесовъ на вершинѣ,
И какъ воспокъ творитъ его въ морской пучинѣ.
Сн обои, вашъ млѣняющіе взоръ,

Сей пышностью для васъ разоспанный ковѣръ,
Который пощете ногою сладострастной,

И ткань узорная на упвари прекрасной
Не ужь ли никогда не вздумалось вамъ

Спросить: какъ жизнь дана симъ ппицамъ, симъ
цвѣтамъ

И симъ плодамъ рукой художника волшебной?

Здѣсь Разложеніе—изъ правъ и рудъ попробный
Составъ для красокъ всѣхъ и тѣней извлекло

И живописи въ даръ ирѣпный поднесло.

Кисть быспро по коврамъ и шканямъ пробѣжала,

И зелень и цвѣты по онымъ разбросала.

Жельзо—красный, мѣдъ—зеленый цвѣтъ даешъ,

Свинець намъ—жёлтый цвѣтъ, кобальтъ—лазур-
ный шлешъ,

Жельзо и свинець въ союзъ—порождаетъ

Топъ красножелтый цвѣтъ, которымъ восхищаетъ

Расцвѣтшій гіацинтъ. Но золоту лишь чесиъ

Дана—пурпуровый цвѣтъ яркій произвешъ,

И на картинѣ, гдѣ цвѣтникъ изобразился,

Мешаловъ царъ—цвѣшовъ царицею явился.

Взгляни на сей портретъ: въ очахъ блеститъ огонь,

Душа видна въ чертахъ! Чѣмъ нарисованъ онъ?

Составъ, изъ Марсова жельза извлеченный,

Рисуешъ цвѣтъ лица Киприды несравненный.

Но поспѣшимъ, уже вашъ туалешъ гошовъ,

Изгладимъ на лицѣ цвѣтъ блѣдный, слѣдъ годовъ.

Румянецъ, бѣлизна въ коробочкѣ сокрыты:

Вамъ стоить пожелаъ—и разцвѣтушъ ланипы.

Спѣшите . . . балъ открыть . . . вы съ торже-
ствомъ вошли . . .

И обманули всѣхъ! . . . И способы нашли,
По крайней мѣрѣ, вы трехъ люспровъ скинуть бремл.
Кто жь побѣдилъ за васъ зависпливое время?
То мѣлъ и киноварь! Такъ не грѣшно ль забыть
Предметы, кои вамъ умѣли угодить,
И дашь, въ невѣжествѣ, къ Гермесову искусству
Неблагодарности укорениться чувству?
Въ домашнемъ ли быпу, на свѣшлыхъ ли пирахъ,
Оно хранипель нашъ вездѣ во всѣхъ мѣспахъ:
Изобличаетъ яспвъ зловредныя приправы,
И хитро спряпая объдъ пріятно-здравый,
Щекочетъ безъ вреда вкусъ лакомый гостей
Ученой смѣсію кислотъ и щелочей.
Кто не былъ Химикомъ прилѣжнымъ и искуснымъ,
Не можетъ никогда и поваромъ быть вкуснымъ.
И не оно ль жезломъ, какъ сильный чародѣй,
На пышныхъ пиршествахъ опъ солнечныхъ лучей,
Спасаетъ яспвы вамъ сахарныя и вины,
И въ лѣпній зной плоды преобращаетъ въ льдины?
За чѣмъ же по его слѣдамъ за нимъ нейпишь?
Кто жизни не поспигъ: попъ не достоинъ жить!
Честь пиршествъ, наконецъ, сосуды, кубки, чаши,
Въ которыхъ искрляся кипящи вина ваши,
И брашна и плоды манящъ улыбкой васъ,
На кои холодно привычный смоприпъ глазъ,
Супъ для ученаго предметы наблюденья.
День настаетъ—и часъ пріятный пробужденья
Готовишь щегольской для завпрака приборъ.
На красномъ деревѣ уже блеститъ фарфоръ;
И жирный какао, ванилю окуренный,
Иль чай злапой налишь въ сосуды драгоценны.
Дарсетъ научишь васъ, какъ гипсъ и глину взять,

Съ какой ихъ хипросшью въ одинъ составъ
смѣшавъ,
И всыпавъ въ оный кварць въ прахъ превращенный
мелкій,

Творить чудесныя и бранныя бездѣлки.
Какъ поспешенно жаръ усилишь, уменьшишь
И въ камень мягкую пу глину превратишь;
Какіе надобно мепаллы вмѣспъ сплавинь,
Чшобъ драгоцѣнную мазь бѣлую составишь
И ею черепокъ блиспанельно одѣшь.
Онъ кончишь, давъ урокъ, какъ кистію владѣшь,
Живописующимъ карпины по фарфору.

И мнился, что плоды живые блещуть взору,
Чшо наспоющимъ мы любуемся цвѣпкомъ
И изъ букета розъ небесный нектаръ пьемъ.
Ткань, зеркало, коверъ, и бронзы и фарфоры,
Все любопытныя плѣняетъ наши взоры,
Все поучаетъ умъ: искусствъ могущій богъ
Природу заключилъ въ богатый вашъ чертогъ.

Красавицы! вамъ данъ и умъ и вкусъ и чувства
Оцѣнивать труды и красоту искусства;
Но у горнила бдѣшь оставьте мудреца
И не коптите цвѣтъ прелестнаго лица.
Быль вѣкъ, когда вашъ полъ, забывъ любви побѣды,
И пляски вечеровъ и пышныя обѣды,
Изъ смѣси воздуха съ землей, водой, огнемъ,
Любилъ производить и маленькой свой громъ,
И крошечный волканъ; наборомъ напыщенныхъ
Ученыхъ словъ, пугать супруговъ испрашенныхъ.
О миды! сія работа не по васъ:

Оставьте сборъ ретортъ, сифоновъ, колбъ и вазъ,
Орудій и махинъ для Грацій неизвѣспныхъ;
Умѣйте извлекать духъ изъ цвѣпковъ прелест-
ныхъ,

Обширность перемовъ облаговонилъ имъ,
 Знапъ имя камнямъ шѣмъ, металламъ дорогимъ,
 Кошорые у васъ на ожерельѣ блещупъ,
 Сверкаюпъ на рукъ или въ волосахъ препещупъ,
 И разказапъ, гдѣ перлъ родилъся, гдѣ алмазь.
 Вопъ ваша химія! достапочно для васъ.
 Когда намѣренъе великое не водилъ
 Венера въ кузницу Вулкана рѣдко ходилъ.

Воейковъ.

1824.

Октябръ 1.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Л Ю Б О М У Д Р І Е.

ЛОГОГРАФІЯ И ПРОИСШЕСТВІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ,
 ДОКАЗЫВАЮЩІЯ ИСТИНУ БИБЛЕЙСКОЙ ХРО-
 НОЛОГИИ.

(ИЗЪ ШАТОВРІАНА.)

Кромѣ возраженій Хронологическихъ про-
 тивъ Библіи, есть еще другія, основанныя
 какъ утверждаюпъ, даже на происшествіяхъ
 историческихъ: лжемудрецы приводятъ въ
 доказательство преданіе Фивейскихъ жрецовъ,
 кои считали осемнадцатъ тысячъ лѣтъ отъ
 основанія Египетскаго Царства, и представ-
 ляюпъ, существующій и теперъ еще, спи-
 сокъ поколѣній Государей онаго.

Плутархъ, коего не подозрѣвають, безъ сомнѣнія, въ Христіанствѣ, отвѣтспивоваль уже частію на сію задачу. „Хотя годъ ихъ,“—говоритъ онъ, разсуждая о Египтянахъ,—„по мнѣнію нѣкопорохъ писателей, состоялъ изъ чепырехъ мѣсяцевъ; однако онъ прежде состоялся изъ одного, и заключалъ одинъ только лунный кругъ. И такъ, считая мѣсяць годомъ, мудрено ли, что они удивляютъ насъ опдаленностію своего происхожденія, и хопя недавно еще живутъ на землѣ своей; но почищаются древнѣйшимъ изъ народовъ (1)? — Мы знаемъ также чрезъ Геродота (2), Діодора Сицилійскаго (3), Юспина (4) Яблонскаго (5) Страбона (6), что Египтяне тщеславились тѣмъ, что теряютъ свое происхожденіе во временахъ древнихъ, и, такъ скажутъ, скрываютъ колыбель свою въ шумахъ вѣковъ.

Множество царствованій не можеть казаться затруднительнымъ. Извѣстно, что династія Египетскія состоялись изъ Государей современныхъ; впрочемъ, одно слово

(1) Plut. in Num. 50. (2) Herodot. Lib. II. (3) Diod. Lib. I.
 (4) Just. Lib. I. (5) Jablonsk. panth. Egypt. Aib. II. (6)
 Straboni Lib. XVII.

восточныхъ языковъ, читается пятью или шестью различными образами и наше невѣдѣніе считало одно лицо пятью или шестью различными особами (*). И вопрь чшо случилось при переводѣ одного и того же имени. *Аѳѳѳ* (L'Attoth) Египетскій переведенъ въ Драмосенъ Ermogenes, чшо значить по Гречески: ученый (Lettre), какъ *Аѳѳѳ* по Египетски; и не пропустили случая сдѣлать двухъ Царей и *Аѳѳѳ* и *Гермеса* или *Гермогена* (Hermogenes), но *Аѳѳѳ* Манетонскій (de Manethon) измѣнялся еще болѣе; онъ спланился *Ѳѳѳ* (Thoth) у Платона, и слова Санхоніавона доказываютъ въ самой вещи, чшо сіе имя естъ первородное. Буква *А*, на восточныхъ языкахъ прибавляется и уничтожается по произволу. Историкъ Іосифъ переводилъ *Апахнасъ* (Arachnas) имя того же челоука, коего Африканусъ называетъ *Пахнасомъ* (Rachnas). И такъ у насъ *Ѳѳѳ*, *Аѳѳѳ*, *Гермесъ* или *Гермогенъ*, или *Меркурій*, пять

(*) Приведемъ одинъ примѣръ изъ тысячи: вепзловое имя *ѳо-ги*, божества Китайскаго, естъ по же самое, чшо *Менеса*, божества Египетскаго; впрочемъ, довольно ясно доказано, чшо буквы восточныя суть только общія знаки мыслей, кон переводить каждый на свой языкъ, какъ мы переводимъ цифры Арабскія. Такъ напримѣръ: Италіанецъ произноситъ *duodecimo*, по же Англичанинъ выражаетъ словомъ *twelve* а Французы называютъ *douze*, двенадцать.

славныхъ мужей, кои соспавляюпъ между собою около двухъ вѣковъ, и однако жъ вмѣсто всѣхъ ихъ, былъ только одинъ Египтянинъ, который, можетъ быть, не жилъ и шестидесяти лѣтъ!!! (*) —

(*) Особы, впрочемъ, можетъ быть очень свѣдущія, упрекали Евреевъ, что они псказали Историческія имена. Какимъ образомъ могли они не знать, что Греки напротивъ обезобразили всѣ имена людей и мѣстъ, и особенно на Восфоръ (Vido boch. Geog. Sac. Сеств. ou Sauch. Saur. sur la Bible. Danel, Bâyle, etc. etc.)? Греки въ семь случаевъ, какъ и во многихъ другихъ, весьма похожи на Французовъ. Вѣрите ли вы, что если бъ *Ливіусъ* воскресъ: то узналъ бы себя подъ именемъ *Титъ Ливіа* (Tite-Live)? Что еще: *Тиръ* (Tur), между восточными народами называется и по нынѣ *Асуръ* или *Суръ*. Самы Аѳиняне должвы были произносить *Туръ*: ибо сія буква, которую намъ хошълось назвать Греческимъ *И* (yггес) и произносишь за *и*, нечно другое, какъ *Ипси-лонъ* или *Ипарвуль* у Грековъ.

Теперь не трудно узнать *Даріуса* въ *Ассуерустъ*. Начальное *А*, есть такая буква, какъ мы уже сказали, которая пишется и уничтожается по произволу; остается *Суерусъ*; но *Дельта* или большое *Д* у Грековъ, похоже на самекъ или большое *С* у Евреевъ: первое треугольникъ; послѣднее же шупоугольный паралелограмъ, и даже часто паралелограмъ криволинейный на прямомъ основаніи. *Дельта* въ старыхъ рукописяхъ, на медаляхъ и памятникахъ, почти никогда не сведена въ своихъ углахъ; и такъ, *С* Еврейское перешло въ Греческое *Д*, по измѣненію буквъ, столь обыкновенному во всей древности. Если присоединяшь къ заблужденіямъ, происшедшимъ отъ образа самыхъ буквъ, ошибки въ произношеніи: то будемъ имѣть другое сильное доказательство. Положимъ, что Французъ услышавъ Англичанина, произносящаго слово *through* (*насквозь*), захошъль бы

Впрочемъ, нужно ли останавливаться на Логографическихъ спорахъ, когда довольно раскрытъ Историю, дабы увѣриться въ недавнемъ (*moderne*) происхожденіи людей? Напрасно вступали въ заговоръ съ вѣками *вымышленными*, коихъ опцомъ не было время; напрасно размножали и *предполагали* смерть, для заимствованія пѣней усопшихъ, все сіе не соспѣрѣло рода человѣческаго ни на одинъ день. Имена избрѣшателей искусствъ намъ столь же знакомы, какъ бы имена братьевъ, или предковъ нашихъ. *Гипсураний* (*Hypsuranius*) построилъ проспирниковыя кущи, гдѣ обитала первородная невинность; *Усой* (*Usois*) покрылъ нагошу свою звѣриной кожей и об-

написать его; не зная силы и образа *th*, онъ изобразилъ бы его или *zrou*, или *dstou* или просто *trou*.— Такимъ же образомъ переводили и *Салекъ* или *С* Еврейское. Произношеніе сей буквы по пунктамъ Массоретскимъ, смѣшенное, и весьма опзывающееся на *Д*, Греки, имѣющіе какъ и Англичане *th* не *С* какъ Евреи, должны были и произносить и писать *Дуерусъ* вмѣсто *Суерусъ*; изъ *Дуаруса* сдѣлать было *Даріусъ* легко: ибо извѣстно, что гласныя буквы почти ничего не значать въ эпимологіи, ибо каждый народъ измѣняетъ ихъ по своему. Ежели хотѣшь быть оспрымъ и забавнымъ на счетъ религіи, правешвенности, спокойствія народовъ и общаго счастья, то прежде, нежели предашья пагубному сему удовольствію: нужно бы было, по крайней мѣрѣ, спрашиться, дабы не обнаружилъ вмѣстѣ съ симъ грубаго невѣжества. —

новилъ море на деревянномъ обломкѣ (1); *Тубалкаинъ*, нашель людямъ желѣзо (2) *Ной* (у язычниковъ *Бахусъ*) разсадилъ виноградъ; *Каинъ* или *Триптолемъ* согнулъ первое ора-ло; *Агротесъ* или *Церера* (*Céru*) (3) собрала первую жашву. Испорія, Медицина, Геометрїя, изящныя искусствва и законы, не прежде произошли на свѣспъ. Мы обязаны за нихъ *Геродоту*, *Гипократу*, *Θалесу* (*Thales*), *Гомеру*, *Дедалу*, *Миносу*; о происхожденіи Царей и городовъ, сохранили для насъ въ Испоріи: *Моисей*, *Платонъ*, *Юстинъ*, и многіе другіе, и намъ извѣсно, когда и для чего учредились различныя образы правленія у народовъ (4). Если удивляюшся пому, что первые города въ Азіи были споль обширны и великолѣпны: по пусспъ вникнушъ сполько въ духъ воспочныхъ народовъ. Во всѣ времена города ихъ славились огромностію; но ни мало не говорили они въ пользу ихъ образованности, или древности поселенія. Аравишянинъ, вышедшій изъ пылающихъ песковъ, гдѣ

(1) Sanc: ap. Eus. Praeparat. Evang. Lib. I. cap. 10. (2) Gen' cap. 4. v. 22. (3) Sanch. loc-cil. (4) Vyd. Moys. Pent. Plat. de leg. et Tim. Just. Lib. I. Herod. Plut in Thas. Num. Lycharg Sol. etc. etc.

все блаженство его было, заключить два или три аршина тени въ шапкахъ изъ нѣсколькихъ овчинъ, эпопѣ гражданъ пустыни, воздвигъ почти въ нашихъ глазахъ исполинскіе города, въ коихъ, казалось, желалъ оградить свое уединеніе.—Китайцы, столь мало успѣвшіе въ художествахъ, имѣютъ обширнѣйшіе на земномъ шарѣ города, сады, спѣны, дворцы, озера, искусственные каналы, подобные каналамъ древнихъ Вавилонянъ (*). Наконецъ, мы сами не можемъ ли быть разительнымъ примѣромъ скорости, съ какою образуются народы? Еще нѣтъ двенадцати вѣковъ, какъ предки наши были столь же дики, какъ Гопенпопы, но мы превзошли уже Грековъ въ образованности вкуса, роскоши и художествъ.

Общая логика языковъ не представляетъ никакого доспапочнаго доказательства о древности рода человеческого. Языки (*idiome*) древняго востока, не только не показываютъ народовъ, соспарѣвшихся въ обществѣ, но еще открываютъ соспаніе ихъ весьма близкимъ къ природѣ. Составъ (*mechanisme*) ихъ

(*) Vid. le P. du Hald. Hirs. de la Ch. lest. edif. Lord Mac Amb. to ch. etc.

чрезвычайно проспъ. Гиперболы, прообразованія, пѣпическія фигуры видны на каждомъ шагу, но едва ли найдется нѣсколько словъ для Метафизики мыслей. Не возможно было бы выразить съ ясностію на Еврейскомъ языкѣ таинспвъ Хрисіанской Богословіи (*); только у Грековъ и нынѣшнихъ Аравіянъ, находяпса выраженія, коими можно выразить опвлеченныя мысли. Всѣмъ извѣстно, что Аристопель былъ первый философъ, изобрѣтшій категоріи, въ коихъ непременно помѣщающа шѣ мысли, какого бы ни были онѣ класса и качества (**).

Хотя увѣряютъ, что прежде, нежели Егип-

(*) Въ семъ можно удостовѣрпса, читая св. Опцевъ, кои писали на Сирійскомъ языкѣ, какъ на пр. св. Ефремъ, Діаконъ Эфесскій.

(**) Если языки пребуютъ столь большаго времени для совершенія своего составленія, для чего языки Канадскихъ дикихъ столь утонченны и столь смѣненны? Глаголы Гуронскаго языка (Huron) имѣютъ всѣ Греческія измѣненія; онѣ различающа, какъ и сіи послѣднія, характеристикою, прибавкомъ и пр. Они имѣютъ три падеженія, три рода, три числа, и сверхъ сего, пѣкотоую перестановку словъ, свойспвенную восточнымъ языкамъ. Но что всего непоспжимѣ, у нихъ есть четвертое личное мѣспоненіе, спощее между вторымъ и третьимъ лицомъ въ единственномъ и множественномъ числѣ. Мы не знаемъ ничего подобнаго ни въ мертвыхъ, ни въ живыхъ языкахъ, о коихъ имѣемъ хотя малѣйшее понятіе.

пляне построили храмы, опъ коихъ оспались для насъ столь живописныя развалины, народы пастырей пасли уже спада свои на другихъ развалинахъ, оставшихся послѣ нѣкоего неизвѣснаго народа: это доказывало бы чрезвычайную древность.

Для рѣшенія сей задачи, надобно узнать основательно: что это за народъ пастырей, и откуда имѣлъ онъ свое начало? Брюсъ, видѣвшій все въ Ефіопіи, выводилъ ихъ изъ сей страны; однако жъ Ефіопляне, не только что не могли распространиться внѣ своихъ поселеній, но и сами еще были, около сей эпохи, народомъ вновь поселившимся. *Aethiopes*, говоритъ Евсевій, *ab Indo flumine consurgentes juxta Aegyptum consederant.*

Манеѳонъ, въ свое шестой династіи, называетъ пастырей чужестранными Израильянами. Евсевій полагаетъ ихъ пришествіе въ Египетъ въ царствованіе *Аменоосиса*, изъ чего можно вывести сіи два заключенія: 1) что Египетъ не былъ тогда въ дикомъ состояніи, ибо Инахъ (*Inachus*) Египтянинъ перенесъ въ сіе время просвѣщеніе въ Грецію. 2) Что Египетъ не былъ покрытъ развалинами, поелку Оивы были построены, поели-

ку Аменоеисъ былъ опецъ Сезосприса, вознесшаго Египецъ на верхъ славы. По свидѣтельствъ Историка Юсифа, Теомозисъ воспрепятствовалъ пастырямъ вовсе оставить берега Нила (*).

Но сколько родилось бы новыхъ доводовъ противъ св. Писанія, если бы узнали другое историческое чудо, также относительно развалинъ, увя! какъ и вся исторія человѣческая? Не давно открыты въ сѣверной Америкѣ необыкновенные памятники на берегахъ Мускингума, Міама (Miami), Вабахи (Wabache), Огіо (Ohio) и особенно по берегамъ Скіоты (Scioto), гдѣ занимающъ они пространство на двадцать миль (Lieue) въ длину. Это земляныя стѣны со рвами, гласисами, люнепами и большими курганами, копорые служили

(*) Maneth. ad Joseph. et Afric. Herond. Lib. II. Cap. 100
Diod. Lib. I. § 48. Euseb. Chron. Lib. I. pag. 13.

Наконецъ, извѣстія о нашествіи сихъ народовъ, сообщенныя языческими писателями, объясняютъ то, что мы читаемъ въ книгѣ Бытія объ Іаковѣ и его сыновьяхъ *Ut habitare possilis in terra Gessen, quia detestantur Aegyptiu omnes pastores avium.* (Gen. cap. XLVI. v. 34).

Отсюда также можно угадывать имя Греческое Фараопъ, въ царствованіе котораго Израиль вошелъ въ Египецъ и имя втораго Фараона, при коемъ изшелъ. Св. Писаніе не только не противорѣчитъ Исторіи, но еще служилъ доказательствомъ въ испицахъ онаго.

кладбищемъ. Но тщетно разыскивали, какой народъ оставилъ здѣсь слѣды своего существованія. Человѣкъ поставленъ въ настоящемъ между прошедшимъ и будущимъ, какъ на утесѣ между двумя безднами, равно мрачными; лишь изрѣдка усматриваетъ онъ сомнительные призраки, являющіеся изъ глубины пропасти, минуша носящіеся надъ поверхностію и низвергающіеся обратно въ глубину оныя.

Какія бы ни были догадки о развалинахъ Американскихъ, когда присовокупили бы къ онымъ мечпы о первобытномъ мѣрѣ и сказки объ Апманпидѣ: народъ образованный, обработывавшій, можетъ быть, землю въ равнинахъ, гдѣ нынѣ Ирокезецъ преслѣдуетъ медвѣдей, не пребожалъ для уничтоженія своего должайшаго времени, нежели Имперія Ксеркса, Александра и Цесаря. Счастливъ, по крайней мѣрѣ, народъ, не оставившій имени своего въ Испоріи, коего доспоянїе наслѣдовали лишь дикія козы и пшицы небесныя! Никто не придетъ въ дикія пустыни сіи оприцать Бога и съ вѣсами въ рукахъ взвѣшивать прахъ умершихъ, дабы доказать существованіе ошъ вѣчности человѣческаго рода. Я же, уединенный поклонникъ природы и простосердечный

исповѣдникъ Божеспва, я возсѣдалъ на сихъ развалинахъ, я бесѣдовалъ съ останками ихъ, столь же незнаемыми, какъ и я. Смѣшенное воспоминаніе о людяхъ, и тяжелыя мечты пустынные наполнили мою душу. Ночь была среди своего теченія, все безмолствовало, и боръ, и луна, и гробы; лишь изрѣдка раздавалось паденіе деревьевъ, сокрушенныхъ сѣкурою времени во глубинѣ лѣса: такъ все падаетъ, все уничтожается.

Мы не считаемъ себя обязанными говорить не шуточно о четырехъ *Югахъ*, или вѣкахъ Индѣйскихъ, изъ коихъ первый продолжался при милліона двѣсти тысячъ; третій два милліона шесть сотъ тысячъ и четвертый, или настоящій вѣкъ продолжился четыреста тысячъ лѣтъ.

Если присоединить ко всѣмъ симъ запутанностямъ Хронологіи, Логографіи и самыхъ происшествій, заблужденія, рождающіяся отъ спрасшей Историка, или людей, о коихъ говоритъ его Исторія, — если присовокупить къ сему погрѣшности переписчиковъ и пылчи временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ: то необходимо должно будетъ согласиться, что всѣ Историческіе доводы, всѣ усилія до-

казать древность міра, — споль же неудовлешворительны, сколько и бесполезны при изслѣдованіяхъ. Не безумно ли заключить о предвѣчномъ существованіи онаго, принявъ за основаніе тому жизнь человѣческую? Какъ! Минутнымъ ли прохожденіемъ явленій можно доказать намъ дѣйствительное и продолжительное существованіе вещи! Развалинами хопящъ убѣдишь, что общество человѣческое не имѣетъ ни начала, ни конца? Много ли нужно времени для наполненія развалинъ? И сколь бы показался міръ древнимъ, если бы по онымъ считашъ годы его существованія!

пер. *Б—ій.*

З А В И С Т Ь.

„Счастливыцы міра сего!“ сказалъ хорошо одѣтый пѣшеходъ своему поварищу, указывая на блестящую карешу. „Ихъ ни дождь не мочитъ, ни солнце не печетъ, ни вѣтеръ не продуваетъ.“ —

„Счастливые люди!“ сказалъ пятнадцатилѣтній босой мальчикъ, сынъ бѣднаго семейства, смотря на пѣшеходовъ. „У нихъ такіе прекрасные сапоги! они могутъ ходить вездѣ, куда вздумаютъ!“ и побѣжалъ какъ серна по каменной мостовой.

„О счастливецъ!“ сказалъ измученный по-
дагрою старикъ, вылезая изъ той самой ка-
реты, копорой позавидовали пѣшеходы. „У
него такія здоровыя ноги.“

Ф А Р Ф О Р Ъ .

Мужикъ пришелъ въ фарфоровую лавку и,
не оспанавливаясь у вещей съ нѣжною и пріят-
ною живописью, онъ заглядѣлся на шѣ, ко-
порыя густо покрыты были позолотою.

— Люди большаго евѣта,—не смѣйтесь надъ
нимъ!—Въ вашихъ обществѣхъ шѣ, копорыя
не имѣютъ другихъ достоинствъ, кромѣ бле-
стящей кареты, звонкаго пришула и знаш-
ныхъ связей, копорыя никому не вѣтренны
сдѣлать добра, всегда окружены собесѣдника-
ми; тогда, какъ человекъ съ умомъ и серд-
цемъ, но безъ Форшунны, часто оспашаеся
одинъ, забытый всѣми.

РАЗНООБРАЗІЕ СУЖДЕНІЙ.

— Какъ вы думаете объ N. N.?

A. Онъ молодъ и еще легкомысленъ; но
имѣетъ очень образованный умъ и рѣдко бла-
городное сердце.

— Какъ вы думаете объ N. N.? —

В. Преславной малой! Когда у него ешь деньги, такъ Шампанское рѣкой льется!

— Какъ вы думаете объ N. N.? —

С. Я? О, я издавна знаю всё его семейство. За опцемъ слишкомъ тысяча душъ въ лучшихъ губерніяхъ, и ни копейки долгу.

— Какъ вы думаете объ N. N.? —

Д. (Молодая дама) Ахъ, онъ прекрасно шанцуетъ!

— Какъ вы думаете объ N. N.? —

Е. (степенная старушка) Шибко играетъ въ карты. Напрасно опецъ много присылаетъ ему денегъ.

ПАМЯТЬ ЛЮДЕЙ.

Нѣкто, получа извѣстіе о смерти милаго брата, очень долго тосковалъ. Всѣмъ своимъ знакомымъ рассказывалъ онъ о своей печали, наконецъ, думалъ, что уже всѣ объ этомъ знаютъ. Но какъ же удивлялся онъ послѣ, когда многіе, при случайныхъ о томъ разговорахъ, опзывались, что еще не слыхали, а другіе, копорымъ онъ говорилъ не одинъ разъ о смерти брата, забыли. — Случилось, что у него выпалили изъ кармана двадцать пять рублей и онъ сказалъ объ этомъ одному кому-то. Что же? Всѣмъ о томъ спало извѣстно, и послѣ, черезъ пять лѣтъ, напоминли ему: „помнише ли, кажется, у васъ украли бумажку?“

Вошь въ чемъ люди больше берутъ участія!

И. Пальминъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ
В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ГОРОДОВЪ И КРѢПОСТЕЙ, ВЪЯТЫХЪ РУССКИМИ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ, ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ ВЪ 1828 ГОДУ.

(Окончаніе.)

Г и р с о в ь .

Гирсовъ есть маловажное, укрѣпленное мѣсто, на правомъ берегу Дуная лежащее. Въ ономъ счисляется 4,000 жителей. Въ 1809 году оно почти безъ всякаго сопротивленія покорилось Русскому оружію. Въ послѣднюю кампанію противъ Турокъ, мѣсто сіе подверглось той же участи. Оно сдалось 11 Іюня, послѣ 7-ми-дневной блокады, Генераль-Лейтенаншу Князю *Мадатову*. Трофеи сего приобрѣтенія сосставляли 14 знаменъ, 92 пушки, 6 мортиръ; сверхъ того доставалось въ руки побѣдителей: 50 тыс. ядеръ, 3,500 пороху и весьма значительное количество съѣстныхъ и военныхъ припасовъ.

Т у л ч а.

Крѣпостца сія лежишь къ востоку ошь небольшого, укрѣпленнаго города Машчина, въ одномъ направленіи съ крѣпостью Исакчи, гораздо далѣе сей послѣдней. Она омывается струями Дунайскаго рукава Сулины, будучи построена на правомъ берегу онаго. Тулча служишь первою Турецкою сѣпанціею въ 4-хъ миляхъ ошь Измаила, лежащаго на лѣвомъ берегу самаго сѣвернаго рукава Дуная. Она сдалась блокировавшему ее опряду, подъ начальствомъ Генераль-Лейшенанша *Ушакова*, 19 Юня. Приобрѣтеніе сей крѣпостцы доставило Русскимъ 8 знаменъ, 91 орудіе и значительные военные и продовольственные запасы.

Б а з а р д ж и к ъ.

Базарджикъ, укрѣпленный городъ, лежишь при рѣкъ Добрудмъ, протекающей у подошвы боковой опрасли Балканъ, и впадающей въ Дунай въ небольшомъ разстояніи ошь Рассевашы. Городъ сей находится въ южной части Силистрійскаго Санджака. Онъ навсегда оспаненся свидѣтелемъ подвиговъ Генерала Графа *С. М. Каменскаго*. Въ 1820 году одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ Турецкихъ полководцевъ,

Сераскиръ Пегливанъ Баба-Паша избралъ сію позицію, вышедъ изъ Силистріи съ 5,000 всадниковъ; но Графъ *Каменскій*, съ отрядомъ своимъ взялъ городъ приступомъ, и положивъ на мѣстѣ большую часть гарнизона, полонилъ самаго Сераскира, защищавшагося еще въ одномъ изъ городскихъ строеній съ 2,000 человекъ. Въ кампанію 1828 года, Базарджикъ взятъ былъ козаками правой колонны авангарда 2-й арміи, подъ начальствомъ Генераль-Маіора *Акинфиева*.

П Р А В О Д Ы .

Мѣстечко сіе составляетъ важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи. Оно лежитъ въ 40 верстахъ отъ Шуми. Отсюда ведутъ двѣ дороги: одна въ сію крѣпость, справедливо называемую Турецкими Өермопилами, а другая двумя проходами чрезъ рѣку Камчикъ и Балканы въ г. Айдосъ. Занятіе Праводъ Русскими войсками послѣдовало 6 Іюля. Симвъ приобрьщеніемъ Русскіе обязаны были мужеству Генераль-Адъютанта *Бенкендорфа* 2-го, копорый, совершивъ знаменитый походъ въ Персію, посреди блистательнаго поприща своего, похищенъ у славы преждевременною смертію.

Р а з г р а д ъ .

Разградъ, или Гезарьградъ, естѣ худо укрѣпленное мѣстечко. Оно лежитъ при рѣкѣ Акъ-Ломъ, по дорогѣ между Руцукомъ и Шумлою. Разградъ занявъ былъ козачьимъ опрядомъ, подъ начальствомъ войска Донскаго Генераль-Маіора *Жирова*, 13 Юля. Генераль сей нашель въ городъ до 150 чел. Турецкаго войска, изъ коихъ 40 человекъ взялъ въ плѣнь, а прочихъ испребилъ и частію разсѣялъ. Къ сему опличному военному дѣйствію, присоединилъ онъ подвигъ человеколюбія: 1,000 Булгарскихъ семействъ обязаны были ему освобожденіемъ своимъ отъ неистовства Турокъ.

В а р н а . (*)

Варна естѣ приморская крѣпость и важный портовый городъ съ 4,000 домовъ, 26,000

(*) Окрестности Варны, особливо южная сторона оной весьма любопытна въ военномъ отношеніи. Съ восточной стороны стѣны ея омываются моремъ, а съ западной Лиманомъ Девио. Южную сторону крѣпости составляетъ пространство, заключающееся между рѣкою Камчиномъ, Чернымъ моремъ, Лиманомъ и рѣкою Праводою, и принадлежащее къ одному изъ сѣверныхъ отроговъ большихъ Балканъ. Сей хребетъ, перерѣзанный глубокими оврагами и почти вездѣ покрытый лѣсомъ и кустарникомъ, представляетъ собою цѣпь горъ, коей самыя возвышенныя пѣчки находятся около деревень: Хаджи-Асанларъ и Петрикой. Онъ тянется почти параллельно Лиману, и постепенно

жипелей и единственнѣмъ, на Турецкомъ берегу Чернаго моря, порпомъ, способнымъ для приспаванія большихъ военныхъ кораблей.

склоняясь, оканчиваеися у моря каменистыми утесами, а къ Камчику довольно пологими скапами. Лиманомъ Девно ограничивается сѣверная оконечность сего хребта, образуя довольно возвышенный нагорный берегъ, имѣющій предѣломъ мысь Галапа-Буржу. Лиманъ Девно, имѣющій въ длину до 25 верстѣ, образуется рѣчкою того же имени, копорая выходя изъ горъ, окружающихъ г. Козлуджи, сначала печеть довольно обширною и болотистою долиною, а потомъ, увеличиваясь по мѣрѣ приближенія къ крѣпости и морю, становится разливомъ. Самая большая ширина Лимана, между деревнями: Пейнержи и Ешекчи имѣеть около 800 сажень, съ глубиною, достапочною для удобнаго прохода мѣлкихъ судовъ. Принявъ рѣку Праводу и нѣсколько другихъ малыхъ ручьевъ, Лиманъ печеть въ юговоспочномъ направленіи и, подходя къ перешейку, соединяется съ Чернымъ моремъ двумя бололистными рукавами, въ конхъ вода опъ часпыхъ морскихъ приливовъ нѣсколько соленая. — Высоты, окружающія Варну съ сѣверной стороны, сѣставляя лѣвый берегъ и образуя широкую долину, опъ 3 до 6 верстѣ, оканчивающся у Лимана оплогими скапами, копорые будучи населены и обрабопаны, вездѣ почши пересѣкающся дорогами, по коимъ войско можетъ слѣдовать нѣсколькими колоннами и имѣеть свободныя между собою сообщенія. Берегъ сей, постепенно склоняясь, наконецъ подходитъ къ самой рѣкѣ близъ деревни Гебедже, гдѣ мѣстоположеніе болѣе перерѣзанное и вообще сообщенія менѣе удобны. Правая же сторона Лимана, состоящая изъ крупныхъ скаповъ означеннаго хребта, представляетъ довольно возвышенныя и обрывистыя скалы.

Лиманъ имѣеть два мѣста, удобныя для переправы: 1-е пропивъ деревни Гебеджи, гдѣ проходили всѣ Русскія войска, имѣеть нѣсколько бро-

Она находится на западной сторонѣ залива, при устьѣ рѣчки того же имени, которая при впадении въ Черное море, оканчивается

довъ и вновь устроенный укрѣпленный мостъ, а 2-е противъ Дебно, гдѣ находятся два хорошіе деревянные моста и до 20 водяныхъ мельницъ. Мѣста сія, представляя выгодныя переправы, важны въ военномъ отношеніи: соединеніе дорогъ при оныхъ съ сѣверной стороны доставляетъ неприятелю, овладѣвшему переправами, возможность дѣйствовать въ одно время на Базарджикъ, Шумлу и Варну, и угрожать ихъ сообщеніямъ; дороги же, ведущія отъ сихъ переправъ къ различнымъ точкамъ Балканъ, весьма удобны и для наступательнаго движенія съ нашей стороны.

Упомянутый хребетъ пересѣкаютъ при главныхъ дорогахъ: 1, большая Константинопольская, идущая изъ крѣпости Варны чрезъ Дели-Камчикъ въ Бургасъ и Мидію, 2-я отсюда же чрезъ деревни: Хадони-Асаиларъ, Акенжи и Ареикію въ м. Праводы и, наконецъ 3-я, въ Козмуджи чрезъ Гебеджи и Дебно, правымъ берегомъ Лимана. Константинопольская дорога паче всего перешейкомъ въ близкомъ разстояніи отъ моря, потомъ войдя въ ущелье, поросшее густымъ кустарникомъ, нѣсколькими излучинами поднимается на нагорный берегъ. Перейдя открытыя высоты, повелѣвающая крѣпостью и представляющая хорошую позицію, дорога сія, не доходя до деревни Айларъ, пересѣкаетъ рѣку Пашадере, потомъ поднимается по чрезвычайно крупому скапу, лѣсомъ покрытому. У деревни Пеприкію она пролегаетъ по голымъ возвышеніямъ, весьма удобнымъ для расположенія значительнаго числа войскъ, и наконецъ прогираясь лѣсомъ, изрѣдка прерываемымъ небольшими лужайками, достигаетъ рѣки Камчика, чрезъ которую ведетъ деревянный подъемный мостъ. Кромѣ сей переправы, находится ближе къ морю другая мостъ, чрезъ который ведетъ небольшая береговая дорога, способная для движе-

большимъ разливомъ или Лиманомъ. Укрѣпленія Варны состоятъ изъ трехъ стѣнъ, одна за другою построенныхъ. Внѣшняя стѣна, съ

нѣя малаго опрѣда безъ артиллеріи, а вверхъ по рѣкѣ, версахъ въ 5 опшуда, водяная мѣльница, гдѣ устроена плошина представляеть также хорошую переправу. Всѣ сіи пункты въ послѣднюю войну заняты были непріятелемъ, сомкнуты укрѣпленными, защищавшими проходъ перекрестными выстрѣдами. Дели-Камчикъ, равно какъ и всѣ горные протоки Балканъ, имѣють весьма быстрое теченіе по каменному дну, и весною и осенью поднимается на нѣсколько футовъ высоты, выходятъ изъ береговъ и уничтожають всѣ переправы. Дорога изъ Варны на м. Праводы, версахъ въ 5 опъ крѣпости, раздѣляется съ большою Константинопольскою дорогою у нѣсколькихъ фонтановъ, и простирается вдоль по вершинѣ самаго хребта. Сначала тянется она довольно открытымъ мѣстоположеніемъ, далѣе входитъ въ кустарникъ и стѣсняеть нѣсколько, по мѣрѣ приближенія своего къ д. Хаджи-Асанларъ и Акенжи, пересѣкаетъ густой дубовый лѣсъ, за которымъ спускается къ долинь рѣки Праводы. Послѣдняя дорога изъ Варны на Козлуджи, весьма важная по соединенію своему съ большою дорогою, ведущею изъ Базарджика въ Шумлу, тянется у подошвы праваго нагорнаго берега Лимана. Дорога сія представляеть два дурныхъ мѣста для прохода войскъ: 1, въ полутора верстѣ не доходя до Гебедже, гдѣ переходъ черезъ тѣсное ущелье по каменному и песчаному грунту, съ артиллеріею и военными тяжестями, требуетъ предварительной разработки дороги; а 2-ая передъ д. Ешекчи у спуска дороги, по нагорному берегу къ Лиману; у деревни Гебедже, надобно переходить р. Девио въ бродъ, потомъ слѣдуя въ близкомъ разстояніи отъ Лимана, и оставя въ споронѣ продолженіе окружающихъ Козлуджи высотъ, снова переправляясь черезъ ту же рѣку, недалеко отъ ея истока.

башнями для боковой обороны, длиною во-
кругъ по изгибамъ до 7 версипъ, имѣющъ пе-
редъ собою ровъ, а позади мѣстами располо-

Вообще пространство сіе, большею частію по-
крытое густымъ лѣсомъ и колючимъ кустарни-
комъ, перерѣзанное глубокими углубленными овра-
гами, неудобно для движенія войскъ большими оп-
рядами. Частыя пѣсины и худыя дороги, почти
вовсе непроходимыя для тяжелой артиллеріи, дос-
тавляютъ сему краю большія выгоды для оборо-
нительной войны, на каждомъ шагу затрудняя на-
ступательныя движенія. Грунтъ земли, большею
частію хрящеватый и жидкій въ долинахъ, при
малѣйшемъ дождѣ сплывающій чрезвычайно вяз-
кимъ и даже исправленные дороги скоро портящ-
ся. Деревни, расположенныя на крутыхъ скалахъ
глубокихъ долинъ и окруженныя садами, могутъ
быть удерживаемы небольшимъ опрядомъ про-
тивъ превосходныхъ силъ. Лѣсистое мѣстополо-
женіе и узкія дороги особенно затрудняютъ дѣй-
ствіе регулярныхъ войскъ, не столь привыкшихъ
къ рассыпному строю; а по нагорной дорогѣ отъ
Девно или Гебедже къ Варнѣ, даже самый малый
опрядъ не иначе можетъ развернуться и дѣйстви-
тельно артиллерію, какъ только на небольшихъ
полянахъ, находящихся при д. Хаджи-Асансаръ и
Мимисоаларъ, тогда, какъ Турки и самая кавале-
рія ихъ, будучи рассыпаны по лѣсу, часто вре-
дятъ опряду регулярныхъ войскъ, особенно его
обозамъ.

Таковы свойства всего пространства отъ Ли-
мана до д. Мимисоалера. За симъ селеніемъ, въ на-
правленіи къ Галатѣ, начинаются мѣста, болѣе
открытыя. При соединеніи большой Константино-
польской дороги съ ведущею изъ Иравадъ и Ай-
доса, находится весьма крѣпкая позиція на высотѣ,
составляющей какъ бы оконечность главнаго хреб-
та, который при сей точкѣ дѣлится на 4 опра-
сли крупными оврагами, начинающимися при вер-
шинѣ позиціи. Значительное число войскъ весьма

жены отдѣльные бастіоны и реданты, несомкнутые куртинами. Внутри сего вѣшняго неправильнаго укрѣпленія, къ восточной

выгодно можетъ расположиться на сей высотѣ, которая будучи окружена скалами, весьма удобными для дѣйствія артиллеріи, можетъ быть достаточно усилена нѣсколькими цѣпными укрѣпленіями, какъ и большой Константинопольской дороги. Слабыя точки ея, удобныя для атаки, находятся только со стороны моря, по пропаяженію открытых высотъ. Около 2 верстъ далѣе находится другая цѣпь возвышеній. Она была занята въ послѣднюю войну Русскимъ отрядомъ. Расположенныя на оной войска, обращенныя фронтомъ къ споронѣ Бургаса и Праводѣ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ морю, а правымъ къ крупному каменистому оврагу, начинающемуся опѣ ущелья Константинопольской дороги, прикрывались съ фронта небольшимъ ручьемъ, съ утесистыми берегами, чрезъ который есть только двѣ дурныя переправы, къ оборонѣ весьма удобныя. Самая возвышенная точка сей позиціи находится на правомъ флангѣ, гдѣ проходитъ большая Константинопольская дорога. Батарей, расположенныя здѣсь, дѣйствуютъ настильными выстрѣлами болѣе, чѣмъ на 200 саженьхъ. Пространство же между правымъ флангомъ и Лиманомъ, покрытое густымъ лѣсомъ, исключая небольшихъ площадокъ, и потому весьма неудобное для обороны, должно быть занято; въ противномъ случаѣ, расположенныя здѣсь войска, подвергнутся съ сей спороны обходу и опрѣзанію ихъ сообщеній. Посему, позиція сія должна простираться до деревни Пейперджи, и будучи растянута на 8 верстъ, съ раздѣленіемъ на 2 части, не имѣющія почти никакой связи, можетъ быть занята только большимъ корпусомъ войскъ, не менѣе 20 тысячъ человекъ, которые могли бы держаться на оной пропавъ 60-ти-тысячной арміи и болѣе: ибо, укрѣпивъ высоту, находящуюся пропавъ цепи сомкнутымъ окомомъ,

споронѣ, самый городъ обнесенъ неправильнымъ брустверомъ, примыкающимъ къ вѣшной прибрежной стѣнѣ. Между городской и вѣшною оградою лежитъ обширное поле, занимающее почти половину всего внутреннего пространства. Внутри городского укрѣпленія, къ югу, находится замокъ или цитадель, окруженная высокою стѣною съ башнями. Съ сѣверной спороны крѣпость окружена горами, опшолщими опъ вѣшнихъ укрѣпленій далѣе пушечнаго выстрѣла. Возвышенія сіи ближе подходятъ къ западной споронѣ, но здѣсь къ стѣнѣ примыкають сады

надлежало бы расположить авангардъ на высотахъ Турецкаго лагеря, которыя съ помощію нѣсколькихъ редантовъ были бы неприсупны, и непріятель овладѣвъ даже оными, долженъ или штурмовать сомкнутое укрѣпленіе, находящееся на одной съ нимъ высотѣ, дабы не быль подъ его выстрѣлами, или оставивъ имъ запашья возвышенія. Въ случаѣ же наступательнаго движенія противъ Варны, на сей позиціи, значительное число войскъ, обращенныхъ къ сей крѣпости, могло бы удобно быль расположено, и съ сей спороны позиція была бы неприсупна: ибо весь фронтъ прикрытъ высокимъ нагорнымъ берегомъ, перерѣзаннымъ нѣсколькими ущеліями, весьма удобными къ оборонѣ, а флаги примкнуты, правый къ Черному морю, а лѣвый къ глубокому оврагу, идущему опъ деревни Пецнерджи, и только движенія чрезъ Гебеджи и Девно, въ шылъ сей позиціи, могли бы принудить къ опешупленію войска, на оной расположенна.

и виноградники, обгороженные каменными стѣнами, копорья Туркамъ служатъ средствомъ для упорной обороны. Подступъ съ южной стороны Лимана защищается болопомъ, и потому одна только сѣверная сторона представляеть удобность къ нападенію. Положеніе крѣпости со стороны моря слѣдующее:

Варнскій заливъ ограничивается отъ сѣвера мысомъ Годровомъ, отъ юга Галапою, между коими по прямой линіи, сторона входа простирается до шести верстѣ. Отъ мыса Галапы до замка считается 5 верстѣ; отъ замка же до мыса Годрова $6\frac{1}{2}$ верстѣ. Берега залива, хотя не весьма высоки, но крупы; приспавать можно только въ Соханликской бухтѣ, находящейся въ 2-хъ верстахъ отъ мыса Годрова. Самое лучшее якорное мѣсто для флота, находится у сѣвернаго берега, между крѣпостью и Соханликомъ, гдѣ корабли отъ крѣпкихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ всегда могутъ найти безопасное убѣжище. Варнскій рейдъ, закрытый отъ самыхъ бурныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ на Черномъ морѣ, по хорошему грунту и небольшой глубинѣ отъ 5 до 10 сажень, можетъ почестъся удобною гаванью только въ лѣт-

пее время: ибо, будучи совершенно открытъ воспочнымъ въпрамъ, не со всѣмъ безопасенъ. Линейные корабли могутъ подойти на пушечный выстрѣлъ только къ 6-ши-пушечной башнѣ, защищающей сѣверо-восточный уголъ крѣпости на югъ саженъ на 300 и болѣе, самый замокъ можетъ быть атакованъ только Фрегатами, и по не на рѣшипельномъ разстояніи. Въ самой гавани, что близъ ципадеи, могутъ приставать одни мѣлкія суда: ибо глубина не болѣе 5 фузовъ глубины; сія песчаная опмѣль, образуемая рѣчкою Варною, проспирается и далѣе юго-восточныхъ стѣнъ крѣпости.

Константинопольскій проливъ лежишь ошъ Варны на юго-востокъ въ 227 верстахъ; сухимъ же путемъ нѣсколько болѣе. Варна производить незначительный поргъ виномъ и пшеницею; торговля шерстью и плодами, которыми изобилуютъ сосѣдственныя уѣзды, могла бы быть гораздо значительнѣе, если бы рѣчка Варна была судоходна.

Съ именемъ Варны соединено славное воспоминаніе для Турокъ. Въ блестящій вѣкъ Опшоманскаго могущества, Султанъ-Философъ, два раза удалявшійся на покой въ Маг-

незію, и два раза водившій храбрія свои ополченія къ побѣдѣ, Великій Амурашъ II, въ 1444 году 10 Нолбря, разбилъ подь Варною юнаго Владислава, Короля Польскаго и Венгерскаго. Достойно замѣчанія, что въ сей битвѣ сражались одинъ противъ другаго, два героя, Гуніадъ и Скандербергъ, которые различными путями, но съ одинакимъ мужествомъ, оспановили быстрыя завоеванія Амураша и Магомелпа, и на нѣкоторое время поддержали падающій колоссъ Воспочной Имперіи.

К л л а ф а т ь.

Крѣпость сія находится въ малой Валахіи. Она покорена Россійскимъ оружіемъ 15 Октября. Пріобрѣщеніемъ сего важнаго пункта мы обязаны были геройской рѣшимости Генераль-Адьюшанта Барона *Гейсмара*, совершавшей великіе подвиги съ малыми средствами. Пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на Турокъ взятіемъ Варны и пораженіемъ Паши Виддинскаго при Баллештѣ, Баронъ *Гейсмаръ* сдѣлалъ въ одну ночь переходъ 50 верстъ съ малымъ отрядомъ, и однимъ появленіемъ своимъ подь крѣпостью, разсѣялъ гарнизонъ, который полною кинулся въ Виддинъ; при чемъ значительная часть онаго погибла въ р. Дунаѣ.

Островъ Св. Анастаси.

Небольшой островъ сей лежишь въ Бургазскомъ заливѣ. Оный въ послѣднюю войну укрѣпленъ былъ бапареею и охранялся гарнизономъ. Завоеваніемъ сего острова, послѣдовавшимъ 2 Декабря 1828 года, мы обязаны мужеству Конпръ-Адмирала *Кумани 1-го*, который въ слѣдующемъ году опличился гораздо блистательнѣйшимъ подвигомъ: покореніемъ крѣпости Сизополя, опважно проникнувъ Фаросскій заливъ тогда, какъ громъ Россійскаго оружія не раздавался еще по ту сторону Балканъ.

Указъ Кавалерской Думѣ ордена св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Награждая заслуги подвизавшихся при атакъ крѣпости Очакова, въ Рескриптъ Нашемъ, данномъ Нашему Генераль-Фельдмаршалу Князю *Григорію Александровичу Потемкину-Тавригескому* ошъ 14 Апрѣля сего года, между прочимъ, всѣмъ бывшимъ на шпурмѣ Очаковскомъ Офицерамъ, которые шущъ не получили орденовъ Нашихъ, военнаго святаго Георгія, и св. Владиміра, пожаловали Мы знаки

золотые для ношенія въ пеплицѣ, на лентѣ съ черными и желтыми полосами, съ пѣмъ, чпо въ пользу награждаемаго шаковымъ знакомъ, убавляющся при года изъ числа лѣтъ, положенныхъ для заслуженія ордена военнаго; и по прошествіи сего долженъ онъ получить пошъ орденъ яко за подвигъ. Равнымъ образомъ, сію убавку въ срокъ къ полученію военнаго ордена, проспираемъ и на шѣхъ, кои за заслуги ихъ при штурмѣ Очаковскомъ пожалованы кавалерами ордена св. Владиміра, соизволя припомъ, чпобъ получающіе знаки четвертаго класса сего ордена за воинскіе подвиги, носили оныя въ пеплицѣ съ банпомъ, по образцу при семъ прилагаемому. О чемъ Кавалерской Думѣ для надлежащаго исполненія симъ знашъ даемъ.

Ноября 26 дня 1789 года.

ОСЕННИЙ ПОХОДЪ 1813 ГОДА.

КОНЕЦЪ ПЕРЕМИРІЯ.—НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
КАЦБАХСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

(Сочиненіе Г. М. Бупурлина.)

Пражскій конгрессъ только польспилъ надеждою любителей мира; въ Европѣ загорѣлась кровопролитная война; гибельный Московскій походъ не заспавилъ Наполеона быть умѣреннѣе; могущество его было сильно потрясено, но не со всѣмъ еще уничтожено. Побѣда, казалось, снова улыбнулась ему подъ Люценомъ и Бауценомъ. Пользуясь сею переменною счастіемъ, онъ принялъ опять надмѣнный шонъ, которымъ споль удачно успѣлъ порабощить Германію. Но обстоятельства переменились. Монархи, коимъ непоколебимая рѣшимость Россійскаго Императора открыла глаза, увидѣли, что имъ представлялся случай возстановить права свои: они свергнули съ себя иго, твердо рѣшась послѣдовать великодушному примѣру Александра, и содѣйствовать ему всѣми способами къ счастливому окончанію великаго подвига — освобожденія Европы.

Силезское перемиріе ни мало не предвѣщало мира, и принято было съ обѣихъ

споронъ только для того, чтобы съ новымъ жаромъ вступить въ борьбу, пѣмъ болѣе ужасную: ибо она-долженствовало бытъ рѣшительною. Всѣ пружины были приведены въ дѣйствіе: слѣдствіемъ сихъ чрезвычайныхъ усилій долженствовало бытъ паденіе одной изъ Державъ.

Франція испожила послѣдніе свои способы. *Наполеонъ*, предводительствуя арміею многочисленною, но совершенно новою и созданною какъ бы ударомъ волшебнаго жезла, надѣялся еще побѣдить или разрушить сей новой союзъ. Съ другой стороны, союзные Государя дѣлали грозныя приготовленія. Россійскія арміи значительно умножены: подкрѣпленіе ихъ было пѣмъ важнѣе, что оно состояло большею частію изъ старыхъ солдатъ, вышедшихъ изъ гошпипадей и служившихъ въ походъ 1812 года. Пруссія, пылая рвеніемъ заглавить спыдъ гибельнаго похода 1806 года, и опшояпъ свою независимость, собрала спрашную армію. Сверхъ 160 п. человекъ выславленныхъ Австріею, она служила еще превосходнымъ базисомъ операцій, представлявшимъ ей самыя выгодныя линіи для того, чтобы атаковать въ шель Французовъ,

и выпѣснишь ихъ за Эльбу безъ всякаго сраженія.

Въ союзныхъ войскахъ сначала похода считалось до 300 т. человекъ подъ ружьемъ. Въ исходѣ Іюля сіи арміи расположены были слѣдующимъ порядкомъ: 30 т. корпусъ, изъ Русскихъ, Прусаковъ, Шведовъ и Мекленбургевъ, подъ командою Русскаго Генерала Графа *Вальмодена*, находился въ Шверинѣ, что въ Мекленбургѣ. Шведскій Кронъ-Принцъ въ окрестностяхъ Берлина командовалъ 90 т. арміею, состоящею изъ Шведскихъ войскъ, Россійскихъ корпусовъ: *Винценгероде* и *Воронцова* и Прусскихъ корпусовъ: *Бюлова* и *Тауенцина*. Большая Россійско-Прусская армія, изъ 150 т. человекъ, расположена была въ Силезіи между Швейдницею и Одеромъ. Князь *Шварценбергъ* собралъ 120 т. Австрійцевъ въ окрестностяхъ Праги. Корпусъ отъ 25 до 30 т. человекъ, подъ командою Князя *Рейсса*, стоявшій близъ Линца, прикрывалъ Австрію со стороны Баваріи; наконецъ, Генералъ *Гиллеръ* съ 40 т. человекъ въ Пешпау, что въ Штирії, наблюдалъ Французскую Италіанскую армію. Кромѣ сихъ дѣйствующихъ армій, *Францъ II* сославилъ въ Пресбургъ ре-

зервъ, а Россія образовала другой, подъ командою Генерала *Беннингсена*, который готовъ былъ уже оставить берега Вислы для принятія участія въ операціяхъ сего похода.

Наполеонъ имѣлъ столь же спрашныя силы: Маршалъ *Даву*, прошивопоставленный *Вальмодену*, командовалъ въ окрестностяхъ Гамбурга 30 п. корпусомъ Французовъ и Дапчанъ. Графъ *Вреде* сосредоточилъ въ Минхенѣ 25 п. Баварцевъ, а Вице-Король Испаліанскій сославилъ въ Фріулъ армию отъ 40 до 50 п. человекъ для защиты Испаліи. Арміи, коими *Наполеонъ* наводнилъ Саксонію и Силезію, сославляли всего не болѣе 250 п. человекъ. 1 Августа арміи сіи занимали слѣдующія позиціи: 4-й пѣхотный корпусъ, Спротшау, 7-й Герлицъ, 12-й Дамъ; 3-й конный, присоединившійся къ нимъ при открытіи неприятельскихъ дѣйствій, находился еще въ Лейпцигѣ. Сіи 4 корпуса, сославлявшіе 60 п. человекъ, находились подъ командою Маршала *Удино*. 3-й корпусъ стоялъ въ Лигницѣ, 4-й въ Левенбергѣ, 5-й въ Гольдбергѣ, а 6-й въ Бунцлау; всѣ сіи корпуса заключали въ себѣ до 100 п. человекъ. 1-й, 2-й и 8-й корпуса, сославлявшіе 50 п. человекъ, сосредоточены

были въ Лузациі, въ окрестностяхъ Ципшау. 4-й корпусъ изъ 20 п. человѣкъ, подъ командою Маршала *Сень-Сира*, охранялъ въ Пирнѣ Рудныя горы. *Наполеонъ* съ своею гвардіею, болѣе нежели изъ 25 п. человѣкъ, находился еще въ Дрезденѣ. Укрѣпленія сего города, также Эрфурша и Гамбурга, приведены были въ грозное состояніе, а Вишпенбергскія укрѣпленія значительнао распространены. *Наполеонъ* близъ Пирны построилъ укрѣпленный лагерь для 50 п. человѣкъ, навелъ поншонный мостъ на Эльбъ близъ крѣпости Кенигштейна, и открылъ военное сообщеніе между сею крѣпостью и Столпеномъ. Сіи приготовленія очевидно доказывали его предчувствіе, что окрестности Дрездена будутъ шеапромя его обороны.

Союзники совершенно понимали выгоду, доставляемую имъ географическимъ положеніемъ Богеміи для нанесенія первыхъ ударовъ въ сердце Саксоніи, въ пылу Французской арміи. Въ слѣдствіе сего оставлены въ Силезіи, подъ командою Генерала *Блюхера*, для защиты сей области только 3 корпуса большой арміи, 2 Русскихъ и 1 Прусскій, составлявшіе всего 80 п. человѣкъ. Остальныя войска, состоя-

вшія изъ 4-хъ Русскихъ и 1-го Прусскаго корпусовъ, двинулись чрезъ сѣверную Богемію, на соединеніе съ споявшимися памъ 5-ю корпусами Австрійской арміи. Соединеніе сихъ силъ составило громаду изъ 200 п. человекъ, подъ командою Князя *Шварценберга*, коему надлежало идти прямо на Дрезденъ по лѣвому берегу Эльбы. Сей, съ глубокою мудростію обдуманнѣй, планъ предспавлялъ, въ случаѣ удачи, союзнымъ войскамъ возможность стать на сообщеніяхъ *Наполеона*; въ случаѣ же неудачи, они безопасно могли опспупашь къ Прагѣ. Впрочемъ, какъ кажешся, слишкомъ много войска оставлено *Блюхеру*; довольно было бы 20 или 30 п. человекъ для удержанія сообщенія большой арміи съ Вислою, а оставшіе 40 п. человекъ полезнѣе могли бытъ употреблены въ Богеміи.

29 Іюля (10 Августа нов. ст.) Министры союзныхъ дворовъ объявили, что перемиріе кончилось. Въ то же время послѣдовало объявленіе войны со стороны *Франца II*. 30 (11 Августа) первыя Русскія и Прусскія колонны вспунили въ Богемію. Главная кваршира перенесена была въ Прагу. 3 (15) Августа Императоръ прибылъ въ сей городъ; вскорѣ послѣдовали за нимъ:

Король Прусскій и Генераль *Моро*, прїѣхавшій изъ Америки для вступленія въ службу Россійскаго Императора.

По силѣ перемирія, непріятельскія дѣйствія должны были начаться спустя 6 дней послѣ объявленія, то есть 4 (16) Августа; но союзники воспользовались нѣкоторыми нарушениями спашей перемирія со стороны Французовъ, и начали свои движенія еще 2 (14) числа, дабы предупредить непріятели въ Бреславль, и избавить сей богатый городъ отъ угрожавшаго ему опустошенія. Въ тотъ же день Генераль *Сакенъ* занялъ Бреславль; на другой день *Блюхеръ* двинулъ войска свои въ неупральную землю. 5 (17) главная квартира его находилась въ Яуерѣ; на слѣдующій день, онъ рѣшился напасть на непріятели въ позиціяхъ, занимаемыхъ имъ при Кацбахъ; но Французы оставили оныя. Ночью на 6 (18) число Августа Маршалъ *Ней*, споявший въ Лигницъ, опспунилъ въ Ганау, а *Лористонъ* изъ Гольдберга въ Левенбергъ. 6 *Блюхеръ* вступилъ въ Гольдбергъ, а корпусъ *Сакена* въ Лигницъ, выпѣснивъ опшуда арріергардъ *Нея*, послѣ небольшой спычки. 7 (19) союзники продолжали наступательное движеніе

къ Бобру. На лѣвомъ крылѣ Русскій корпусъ *Ланжерона* переправился чрезъ сію рѣку въ Цобшенъ; опрядь арміи *Маждональда*, защищавшій сей пунктъ, былъ смятъ и вышѣсненъ изъ Зибенейкена. Генераль *Рудзевигъ* съ авангардомъ *Ланжерона*, дошелъ до деревни Гелле, гдѣ встрѣпился съ непріятельскою колонною, опспулавшею изъ Лана къ Лёвенбергу. *Рудзевигъ* напалъ на нее, разбилъ и опнялъ пушки и большой обозъ. Между тѣмъ *Лористонъ*, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ къ Гелле съ часпію своего корпуса. *Рудзевигъ*, не имѣя довольно силъ, чшобы дать ему оппоръ, опспунилъ въ порядкѣ къ Цобшену, куда опсправилъ уже онъ полученную имъ добычу. Въ центрѣ *Блюхеръ* съ корпусомъ *Йорка* двинулся на Лёвенбергъ. Арріергардь *Лористона*, защищавшій высоты, лежація предъ симъ городомъ, принужденъ былъ перейти за Боберъ. Въ сіе время, Маршалъ *Ней* выступилъ изъ Гарнау съ корпусомъ и конницею Генерала *Себастіани*, взявъ направленіе къ Лёвенбергу. *Блюхеръ* опрядилъ прошивъ него бригаду, подъ командою Мекленбургскаго Принца *Карла*, за которою въ небольшомъ разспояніи слѣдовали другія бригады Генерала

Йорка. Маршалъ *Ней*, будучи встрѣченъ на пуши въ Левенбергъ, остановился въ Гредицбергъ, а *Йоркъ* расположился противъ него на пушечный выстрѣлъ. На правомъ крылѣ *Сакенъ*, шедшій чрезъ Ганау на Бунцлау, встрѣшилъ корпусъ *Мармона* близъ Крейбау. Сей послѣдній крѣпко держался при Кейзервалдѣ; но послѣ весьма жаркаго дѣла сбишъ съ своего поста, и преслѣдованъ до Оберъ-Томасвальдау.

Маршалъ *Ней*, видя себя опрѣзаннымъ отъ Левенберга, опспунилъ во время ночи на 8 (20) число Августа къ Бунцлау, гдѣ переправился за Боберъ. По утру 8 (20), Сакенъ снова атаковалъ Маршала *Мармона*, принудилъ его оставишъ Томасвальдау, опспунилъ за Боберъ, взорвалъ Бунцлавскія укрѣпленія и разрушилъ мосты. Послѣ сего городъ сей занятъ Русскимъ Генераломъ Графомъ *Ливеньмъ*.

Между тѣмъ, *Наполеонъ* оставилъ Дрезденъ съ своею гвардіею 3 (15 Августа) 4 (16) онъ находился въ Бауценъ, а 6 (18) въ Герлицъ. Не имѣя достовѣрныхъ свѣденій о движеніяхъ союзныхъ армій, онъ произвелъ сильную фрекогносцировку на Богемію. 7 (19) Августа онъ самъ съ корпусомъ *Понятовскаго* прибылъ въ Ципшау, откуда шопчасъ опспра-

вился въ Габель, между пѣмъ, какъ Польскій Генераль *Уминскій* занялъ Фридландъ и Рейхенбергъ, а *Лефедръ-Денуэтъ* съ пѣхопною дивизіею и гвардейскою конницею захватилъ Румбургъ и Георгеншаль; сія операція доставила непріятелямъ полезныя открытія. Они узнали, что передъ ними спойтъ только легкая Австрійская дивизія Графа *Бубны*, и что главныя силы союзной арміи сосредоточены на лѣвомъ берегу Эльбы. Сей маневръ явно угрожалъ Дрездену, и непосредственнымъ сообщеніямъ Французской арміи съ Рейномъ. Для воспановленія оныхъ, надлежало спасти Дрезденъ, чего бы по ни спойло; но *Наполеонъ* прежде всего рѣшился иппи на *Блюхера*, чшобы опдалишь его и даже разбишь, если онъ безразсудно отважился приняшь сраженіе. Корпусъ *Вандама* оставленъ въ Румбургъ для подкрѣпленія *Лефевра-Денуэта*, а корпусъ *Виктора* въ Ципшау на помощь Князю *Понятовскому*. *Наполеонъ* съ своею гвардіею и конницею *Латуръ-Мобурга* 8 (20) въ вечеру прибылъ въ Лаубанъ; 9 (21) на разсвѣтъ вступилъ онъ въ Лѣвенбергъ и пошчасъ велѣлъ навеспи мосты на Бобръ. Въ полдень Генераль *Лористонъ* переправился

чрезъ сію рѣку; за нимъ вскорѣ послѣдоваль корпусъ *Макдональда*. Сіе наступательное движеніе и вѣспъ о прибытіи *Наполеона*, заставили оспорожнаго *Блюхера* опспупись. Онъ сосредопочиль свою армію въ Гредицбергъ. Въ попъ же день, корпусъ *Нея* переправилься на правый берегъ Бобра въ Бунцлау. 10 (22) въ полдень *Блюхеръ* поспроиль свою армію въ боевой порядокъ между Альперсдорфомъ и Пильграмсдорфомъ; но когда Французы атаковали его лѣвое крыло, по онъ опспупись за Кацбахъ. Корпуса: *Ланжерона* и *Юрка* спали въ Гольдбергъ, а *Сакеновъ* въ Лигницъ. 11 (23) Генераль *Лористонъ* двинулся на Гольдбергъ съ 5-мъ и 11-мъ корпусами; арріергарды: *Юрка* и *Ланжерона* упорно защищали сей городъ и окружныя высопы. Сраженіе завязалось на обоихъ берегахъ Кацбаха. На правомъ берегу Генераль *Жераръ* захвапись Вольфсбергъ; но покушенія его сойти внизъ съ колоннами пѣхоты, проекратно опражены были Прусскою конницею, которая блиспательное опличилась въ семь дѣлъ. Наконецъ, *Блюхеръ* рѣшился опспупись къ Ауеру, гдѣ онъ соединилься съ корпусомъ *Сакена*.

Наполеонъ видя, что *Блюхеръ* уклоняется отъ рѣшительнаго дѣла, почувствовавъ, что не перья времени, надлежитъ лептѣть на помощь Дрездену. 10 (22) гвардія его повернула назадъ, а 11 (23) корпусу *Мармона* и конницѣ *Латуръ-Мобурга* велѣно идти къ Дрездену. Въ тотъ же день *Наполеонъ*, сопровождаемый Маршаломъ *Неемъ*, оставилъ Силезію. Маршалъ *Макдональдъ* принялъ начальство надъ арміею, оставшеюся на Бобрь; она состояла изъ 3-го, 5-го и 11-го пѣхотныхъ корпусовъ и 2-го коннаго: въ отсутствіе *Нея* 3-й корпусъ ввѣренъ Генералу *Сугаму*.

12 (24) Августа Французы оставались на Кацбахъ. Сіе бездѣйствіе ясно доказывало опытіе *Наполеона*, которое впрочемъ можно было предвидѣть по движенію большой союзной арміи. Генералъ *Блюхеръ* тотчасъ рѣшился принять наступательное положеніе, пользуясь ослабленіемъ непріятельской арміи и удаленіемъ ея полководца. 13 (25) корпусъ *Сакена* двинулся къ Малишче; корпусъ *Юрка* оставался въ Яуеръ, а *Ланжероновъ* развернулся въ позиціи при Геннерсдорфъ. Французы занимали слѣдующія позиціи: корпусъ *Лорис-*

тона впереди Гольдберга,—примкнувъ авангардъ свой къ Праузницу; 11-й корпусъ позади Гольдберга, а *Сугаловъ* въ Ропкирхъ, занявъ Лигницъ 2-мя бапаліонами.

14 (26) въ два часа по полудни, *Блюхеръ* ошдалъ приказъ по всей своей арміи, двинуться впередъ для переправы чрезъ Кацбахъ, между Лигницею и Гольдбергомъ. Корпусамъ: *Сакена* и *Йорка* надлежало напасть на Генерала *Сугала*, между тѣмъ, какъ *Ланжеронъ*, взявъ направленіе вверхъ по берегу Кацбаха, долженъ былъ удерживать 2 непріятельскіе корпуса, стоявшіе близъ Гольдберга. *Макдональдъ* съ своей стороны также рѣшился атаковать въ этотъ день. *Лористонъ* пошелъ по большой дорогѣ изъ Гольдберга въ Яуеръ. 3-й корпусъ, коему велѣно идти къ тому же пункту для сокращенія пути по Лигницкой дорогѣ, двинулся чрезъ Кроичъ. *Макдональдъ* съ 11-мъ пѣхотнымъ корпусомъ взялъ то же направленіе по правому берегу быстрой Нейссы, между тѣмъ, какъ Генераль *Себастьяни* со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ двинулся по лѣвому берегу.

Проливной дождь, начавшійся на разсвѣтѣ, скрылъ ихъ движенія по обоимъ берегамъ. Но

только что союзные выступили, какъ *Блюхеръ* узналъ, что Французы переправились чрезъ Кацбахъ, и что на лѣвомъ берегу *Ланжеронъ* спремительно атакованъ *Лористонъ*. Сіе извѣстіе заставило Главкома-
нующаго остановить свои колонны позади
площадки, влѣвъ отъ селенія Эйхгольца. Сія
площадка пошчасъ занята была бапареею,
копорую приказалъ поставитъ Генераль *Са-
кенъ*. Непрiатели, видя по количеству дѣй-
ствующихъ войскъ, что это уже не одни
арриергарды, поспѣшно развернули свои линіи
между Вейнбергомъ и Клейнъ-Тинцомъ. Тогда
Блюхеръ велѣлъ итти въ атаку. Правое
Французское крыло опиралось на Нейссу, а
лѣвое совершенно было открыто. Генераль
Васильчиковъ, командовавшій конницею *Са-
кена*, весьма искусно воспользовался симъ об-
стоятельствомъ. Онъ приказалъ Генералу
Юрковскому съ двумя полками гусаръ, на-
пастъ съ фронта на непріятельскую конни-
цу, стоявшую на крайней оконечности лѣва-
го крыла ихъ, между шѣмъ, какъ Генералу
Ланскому съ двумя другими полками поруче-
но атаковать ее во флангъ, пройдя между
Эйхгольцемъ и Клейнъ-Тинцомъ. Козаки Ге-

нерала *Карпова* должны были принять непріа-
шеля въ пылъ, зайдя чрезъ Клейнъ-Тинцъ.
Русская конница произвела блисшательныя
атаки, Французская же, коей надлежало прой-
ти длиныя пѣсины Кройча и Нидеръ-Край-
на загроможденныя артиллерією, обозами и
пѣхошою 3-го корпуса, приходила медленно и
по часпямъ; она испощалась въ часпныхъ и
не связныхъ усиліяхъ. Написки ея были оп-
ражены; шщешно старались подкрѣпить ея
2 пѣхотныя бригады: онѣ опброшены вмѣ-
стѣ съ нею въ пѣснину, гдѣ Русскіе овладѣ-
ли паркомъ 1-го корпуса. Вскорѣ послѣдовалъ
всеобщій безпорядокъ. Вся Французская линія
начала опступать, и впоптана была въ Кац-
бахъ и Нейссу, разлившіяся опъ непрерыв-
ныхъ дождей; почему переправа чрезъ сіи рѣ-
ки сдѣлалась весьма запруднительною. На
лѣвомъ крылѣ *Лористонъ* спремипельно, но
безъ успѣха атаковалъ *Ланжерона* въ Ген-
нерсдорфъ; узнавъ о пораженіи главнаго кор-
пуса сей арміи, онъ пригошвился къ отступу.

Французская армія бѣжала въ величайшемъ
безпорядкѣ. Сраженіе, начавшееся въ 3 часа
по полудни, по видимому должно было кон-
читься при наступленіи ночи, но одинъ не-

чаянный случай возстановилъ бипву. *Макдональдъ*, бывъ свидѣтелемъ пораженія при Нидеръ-Крайнѣ, надѣялся произвестъ выгодный опводъ, упопробивъ на концѣ лѣваго крыла по ту сторону устья Нейссы дивизіи 3-го корпуса, оставшіяся еще у входа Кроической пѣсины. Ночь давно уже наступила, когда сіи дивизіи, подъ предводительствомъ Генерала *Таройрбера*, Начальника Шшаба 3-го корпуса, имѣя при себѣ 16 орудій, переправились чрезъ Кацбахъ въ бродъ изъ Шмехвица и взобравшись на высоты, замыкающія правый берегъ, успремилась на флангъ союзниковъ. Генералы: *Невгъровский* и Графъ *Ливень* встрѣпили ихъ и принудили пошчасъ оставишь поле сраженія съ значительнымъ урономъ.

15 (27) Августа, *Лористонъ*, опспутившій къ Вольдбергу, живо преслѣдованъ былъ *Ланжерономъ*, которій опнялъ у него 22 пушки и взялъ множество плѣнныхъ. Въ пошъ же день *Ланжеронъ* занялъ Гольдбергъ. 16-го (28) союзники переправились чрезъ Кацбахъ. Дожди все еще продолжались; опъ разлипія водъ испорпились дороги и снесены всѣ мосты. Единспвенная переправа чрезъ Боберъ

находилась въ Бунцлау; почему веѣ Французскіе корпуса принуждены были опспуашь чрезъ сей пунктъ.

14 (26) Генераль *Пютодъ* опряженъ съ своею дивизією чрезъ Шенау и Яуеръ въ тылъ союзникамъ. Узнавъ о потерѣ сраженія, онъ опспунилъ къ Гиршбергу, гдѣ щещно покушался перейти Боберъ. Мостъ былъ сломанъ, и онъ нашелся принужденнымъ попятнущься по правому берегу сей рѣки для опкрытія переправы гораздо ниже. 17 (29) онъ находился прошивъ Лёвенберга, гдѣ щещно покушался навести мостъ. Сіе замедленіе доспавило *Ланжеронову* корпусу время наспичь его. *Пютодъ* видя близкую ашаку, копорой онъ не въ состояніи былъ выдержашь, рѣшилъ освободитъсь опъ сей опасности, проникнувъ къ Бунцлау, или возврапясь къ Гиршбергу; но уже было поздно: Генераль *Рудзевичъ* успѣлъ захватитъ Бунцлавскую дорогу, а конница Генерала *Корфа*, подкрѣпляемая пѣхотою Князя *Щербатова*, заняла послѣдній его выходъ, представляемый Цобшенскою дорогою. *Пютодъ*, видя себя окруженнымъ, взялъ позицію на высотѣ Плягвицкой. Въ семъ опчаянномъ положеніи Фраунцзы рѣши-

лись дорого продать жизнь и, въ самомъ дѣлѣ, оказывали необыкновенное сопротивление соединеннымъ усиліямъ Князя *Щербатова* и *Рудзевича*. Наконецъ, будучи подавлены множествомъ, они приведены въ безпорядокъ и сброшены въ Боберъ. Генераль *Пютодъ*, 100 Офицеровъ и 3,000 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ съ двумя орлами, 12 пушками и зарядными ящиками. Остальные упонули въ рѣкѣ. Уронъ Русскихъ не превышалъ 100 человекъ. Не смотря на поражение Французской дивизіи, должно отдать справедливость мужеству ея предводителя. Сколько Генераловъ на мѣстѣ его, почли бы обязанностію сдаться безъ сраженія! *Пютодъ* предпочелъ лучше погибнуть съ честью. Его можно только упрекнуть въ томъ, что онъ ожидалъ союзниковъ въ оборонительномъ положеніи, вмѣсто того, чтобы самому напасть на *Рудзевича* для открытія себѣ шшыками Бунцлавской дороги.

Пользуясь ненастьемъ, Французы достигли береговъ Бобра, будучи слабо преслѣдуемы. 3 й корпусъ, менѣе потерпѣвшій, составилъ арріергардъ съ конницею Генерала *Себастьяни*. При всемъ томъ, ощущуя ихъ былъ спокоенъ, что они оставили часть своей

артиллеріи и почти весь обозъ! Съ 14 по 20 число они потеряли около 18 п. чловѣкъ плѣнными, 103 пушки и 250 зарядныхъ ящиковъ. 4 корпусъ арміи, споявшей при Боберѣ, въ коихъ сначала похода считалось до 80 п. чловѣкъ, заключали въ себѣ не болѣе 55 п. Силезская армія переправилась чрезъ Боберѣ не прежде 20 числа. 21 она перешла Квейсу. 22 армія *Макдональда* находилась за Цобауреръ-Вассеромъ.

Побѣда при Кацбахѣ придава столько блеска славы *Блюхера*, что безразсудно было бы разбираться поведеніе сего Генерала. Но военный писатель не долженъ уважать криковъ черни—и искренность воина не переступитъ сихъ уклонковъ, копорыя слишкомъ часто позволяють себѣ ласкательство или малодушіе. И такъ, мы безпристрастно рассмотримъ поступки *Блюхера*, и удивляясь превосходнымъ его передвиженіямъ, не скроемъ его ошибокъ.

Блюхеру предшоялъ трудный подвигъ. Когда большая армія, оставя Силезію, двинулась въ Богемію, ему надлежало подаваться впередъ съ осторожностію, чшобъ не попалъ въ средину силъ *Наполеона*; могущихъ пода-

вишь его; онъ искусно поспупилъ въ семь случаѣ. Сначала похода сильно преслѣдовалъ онъ разные корпуса, выходившіе изъ квартиръ своихъ въ Нижней Силезіи для сосредоточенія на Бобрѣ; онъ благоразумно остановился, когда узналъ, что *Наполеонъ* идетъ на него, весьма искусно уклонился отъ сраженія, къ копорому хопгли его принудить, и опспупилъ въ порядкѣ къ Яуеру, ежедневно продолжая биться съ арріергардомъ; это доставляло ему случай узнать силы высланныхъ противъ него корпусовъ. Какъ объ отбытіи *Наполеона* нельзя уже было сомнѣваться; по *Блюхеръ* рѣшился самъ атаковать Французовъ; но онъ, по видимому не имѣлъ намѣренія вспупить въ рѣшительное дѣло: ибо двинулъ свою армію не прежде 2 часовъ по полудни. Поелику ему надлежало пройти еще 15 верспъ до Кацбаха: то, до наступленія ночи, онъ не могъ ничего предпринять важнаго. Слѣдственно, не было бы сраженія, если бы сами Французы не двинулись впередъ. До сихъ поръ поведеніе его изъясно отъ всякаго нареканія; но наступательныя распоряженія его для 14 (26) числа весьма ошибчны; онъ двинулъ всѣ силы свои на лѣвое непріятель-

ское крыло; а ему надлежало сдѣлать совершенно противное пому. Онъ долженъ былъ вести всю свою армію на лѣвый берегъ Нейссы, чпобъ дѣйствовать непосредственно по большой дорогѣ изъ Яуера въ Гольдбергъ, противъ праваго непріятельскаго крыла. Очень вѣрояпно, что онъ разбилъ бы Французскіе корпуса, стоявшіе при Гольдбергѣ и потомъ привелъ бы въ затруднительное положеніе корпусъ *Сугама*, расположенный въ Ропкирхѣ и Лигницѣ: ибо союзные изъ Гольдберга могли бы предупредить его въ Бунцлау, а вмѣстѣ съ нѣмъ, отрѣзать ему всякое оппшупленіе къ Бобру. Движенія Французовъ упромъ 14 (26), доставляли большую удобность дѣйствіямъ союзниковъ. *Макдональдъ*, собравъ большую часть силъ своихъ на правомъ берегу Нейссы, совершенно открылъ свои сообщенія, которыхъ корпусъ *Лористона*, находившійся отдѣльно на дорогѣ изъ Яуера въ Гольдбергъ, не могъ оппшоять противъ большихъ силъ *Блюхера*. Французскія сообщенія начинались оппъ праваго ихъ крыла; посему очевидно, что напавъ на ихъ лѣвое крыло, нельзя было ожидать важнѣйшихъ послѣдствій, какъ только отбросить непріа-

шелей и ихъ операціонную линію; между тѣмъ, какъ успѣхи, полученные прошивъ праваго ихъ крыла, представляли возможность со всѣмъ отрѣзавъ ихъ отъ сей линіи; это долженствовало быть настоящею цѣлію хорошо обдуманнхъ военныхъ дѣйствій. Въ случаѣ неудачи, союзники безопасно могли опсшупить чрезъ Болкенгайнъ или Швейдницъ; предположивъ даже, что сей путь отрѣзанъ подоспѣвшимъ изъ Ауера непріятелемъ, опсшупъ можно было произвести чрезъ Болкенгайнъ и Ландсгутъ на Глацъ и Богемію.

Блюхеръ тѣмъ менѣе долженъ былъ обнажать свое лѣвое крыло, что онъ посредствомъ его сообщался съ Богемією и большою союзною армією, отъ которой ему опасно было отдѣляться. Что касается до преслѣдованія по окончаніи сраженія: то оно конечно было произведено весьма медленно; но упрекъ сей къ нему не относится. Дурныя дороги и разлишіе рѣчекъ, останавливали на каждомъ шагу движеніе колоннъ.

Французскій Генераль не лучше *Блюхера* выбралъ точку направленія главныхъ силъ своихъ; однѣ и тѣ же причины должныствовали заставить союзныхъ дѣйствовать лѣ-

вымъ крыломъ, а Французовъ правымъ. Дви-
нувъ главныя силы на дорогу изъ Гольдберга
въ Яуеръ, *Макдональдъ* прикрылъ бы свою
операціонную линію и угрожалъ бы важнѣй-
шему сообщенію союзниковъ, посредствомъ
лѣваго ихъ крыла съ Богемією. *Ланжеронъ* не
долго могъ бы выдержашъ усилія 2-го кавале-
рійскаго, вмѣстѣ съ 5-мъ и 11-мъ пѣхотны-
ми корпусами *Макдональда*; между тѣмъ,
какъ корпусъ *Сугама*, состоявшій изъ 38 п.
человѣкъ, занялъ бы ложными апаками кор-
пуса: *Йорка* и *Сакена*, споявшіе на лѣвомъ
берегу Рейссы. Вытѣснивъ *Ланжерона* изъ
позиціи при Геннерсдорфѣ, правое Француз-
ское крыло должно было спѣшнѣе къ Яуеру
для переправы чрезъ рѣку; союзникамъ въ
семъ случаѣ не оспавалось бы другаго сред-
ства, какъ поспѣшно опспупитъ къ Бресла-
влю и кинуться на правый берегъ Одера, ос-
павя большую часть Силезіи и драгоцѣнныя
сообщенія съ большою Богемскою армією. Но
дурной выборъ точки главной апаки не былъ
единственною ошибкою *Макдональда*; важнѣй-
шая соспояла въ раздробленіи силъ его. Дви-
женіе 3-го корпуса по дорогѣ изъ Лигница въ
Яуеръ и опряженіе дивизіи *Пютода* чрезъ

Лёнау въ пылъ союзной арміи, безъ нужды ослабили его войска въ рѣшительномъ пунктѣ и не могли имѣть никакого вліянія на участь битвы. Гораздо лучше бы поспроились 3-й корпусъ шахмамами позади лѣваго крыла арміи, котораго нельзя бы было обойти; при семъ распоряженіи, движеніе *Васильчикова* не имѣло бы столь рѣшительнаго успѣха. Впрочемъ должно признасться, что неудачу надобно приписать особенному несчастію: многія распоряженія Маршала не были исполнены; приказъ о выспуѣ войскъ поздно полученъ въ 3-й корпусъ, который, чтобы скорѣе поспѣть на линію, сполкнулся въ деревнѣ Кроичѣ съ конницею *Себастьяни*; но хотя бы и въ точности выполненъ былъ планъ его, сраженіе всё бы было проиграно; одинъ только 3-й корпусъ отступилъ бы въ цѣлости, избѣжавъ сраженія. По всѣмъ симъ ошибкамъ мы не узнаемъ того военачальника, который на берегахъ Требіо славно прошивостоялъ *Суворову*.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАЙДЕННЫШЪ.

ПОВѢСТЬ ТРОМЛИЦА.

І.

Тамъ, гдѣ быспрый Шварцбахъ низвергаетъ съ горъ, опдѣляющихъ Богемію отъ Австріи, два юныхъ война покоились подъ старымъ дубомъ, съ котораго вечерній вѣтерокъ свѣвалъ пожелтѣвшую сѣнь. Мирно сидѣла спая галокъ на полуобнаженныхъ вѣтвяхъ высокаго дерева, приготовивъ себѣ ночлегъ, между тѣмъ, какъ заходящее солнце освѣщало съдой нагорный замокъ, который въ противоположной сторонѣ гордо возвышался изъ за лѣса. Повсюду царствовала глубокая тишина, лишь изрѣдка нарушаемая карканьемъ ворона, тяжелымъ полетомъ глухаря и опдаленнымъ воемъ голоднаго волка.

Оба война, молча, сидѣли другъ подлѣ друга; шлемы и мечи лежали на правѣ; глаза ихъ неподвижно устремлены были на нагорный замокъ, и мысли ихъ, казалось, только имъ были заняты. Нельзя сказать, чѣобы они сидѣли въ дружескомъ положеніи, а одинъ къ

другому почти спиною: можно было подумать, что они поссорились. Оба они были въ цвѣтъ лѣтъ, красавцы и могучи; только лице одного выражало болѣе крепости, а въ чертахъ другаго рѣзко изображалось дикое мужество. Долго сидѣли они въ глубокой задумчивости: вдругъ позади ихъ раздаеся зыкъ рога, не громко и пронзительно, какъ обыкновенно бываетъ, когда ловчій открылъ слѣдъ дичи, но тихо. Казалось, что топъ, кто издавалъ сіи звуки, нарочно глухо прубилъ. — „А!“ воскликнулъ, быспро вскочивъ, одинъ изъ юношей: „они ѣдутъ! но все еще не видать на древней башнѣ условеннаго знака, а вошь уже начинается смеркаться.“

Другой, который все еще неподвижно сидѣлъ подъ дубомъ, ни слова не отвѣчалъ на живое восклицаніе своего товарища. „Чтожь *Рихардъ!*“ спросилъ онъ: „развѣ ты будешь вѣчно молчать? Не уже ли спрасъ такъ сильно побоею овладѣла, что опъ первой стрѣлы ея, тебя поразившей, унываешь?“ При сихъ словахъ, не безъ насмѣшки произнесенныхъ, взоръ *Рихарда* обратился къ товари-

щу, и лице его выражало скорбь, упрекъ и чувствительность.

— „Ну чтожь,“ продолжалъ потъ почти съ сердцемъ: „пвое молчаніе начинаешъ мнѣ надоѣдать. Кто просилъ тебя ѣхать со мною? Ты могъ бы ославашься въ Прагъ и оплакивать заблужденія свои, заперевшись въ стѣнахъ Капуцинскаго монастыря! — Ты мнѣ былъ не нуженъ.“

Медленно поднялся *Рихардъ* — и схватилъ мечъ и шлемъ.—„Очень радъ, Графъ, если вы во мнѣ не нуждаетесь,—сказалъ онъ, и пошелъ къ лѣсу.

„Знакъ!“ вскричалъ въ эту минуту Графъ *Турнь*. Уходящій остановился при семъ радостномъ восклицаніи, и успрямивъ взоръ на нагорный замокъ, сказалъ: въ самомъ дѣлѣ, покрывало развѣвается; она сдержала слово!

„Такъ, *Рихардъ!*“—воскликнулъ Графъ: „еще нѣсколько часовъ, и она моя, моя на вѣки!“—

— Прощайте, Графъ! — сказалъ *Рихардъ*, съ горячностью пожимая ему руку: прощайте, вѣдь я вамъ теперь не нуженъ! —

„Когда рука пвоя была мнѣ такъ нужна, какъ теперь?“ вскричалъ Графъ: „когда болѣе

необходимо было для меня присущствие друга, какъ не сегодня?" —

— Я оспаюсь,—опвѣчалъ *Рихардъ Штейнбахъ*, хотя внушрннй голосъ велишь мнѣ удалишься. —

„*Рихардъ*,“ прервалъ его Графъ, снова принявъ насмѣшливый тонъ: „если я хорошенько подумаю, то пы кажешься мнѣ большимъ глупцемъ! Какимъ образомъ пы, рожденный въ низкомъ сослояннн, могъ простирашь виды на дочь Графа? Какъ можно бышь до того самолюбивымъ, чшобы нѣсколько ласковыхъ словъ приняшь за любовь, и плакать и грустишь о потерѣ дѣвушки, которая никогда не можешъ бышь швоею?“ —

— Вы опяшь меня не понимаете, Графъ! и попому лучше оставимъ эшотъ разговоръ;“ возразилъ *Рихардъ*.

„За чѣмъ же, другъ мой?“—подхватилъ Графъ: за чѣмъ другъ другу не передавашъ свои мысли, свои чувствованія, хотя бы они не согласовались!—Ты въ опчаяннн опъ шого, что *Сидонія* для себя потеряна.“ —

— Нѣшь, нѣнъ! пока я дышу, — она для меня не потеряна! —

„Бѣдный мечшашель!“ прервалъ его Графъ

Турнь, сострадашельно улыбаясь: „мнѣ жаль тебя.“

— Я не такъ жалокъ, какъ вы думаете,— возразилъ *Штейнбахъ*: я спремлюсь къ высокому, а не къ недоступному.— *Турнь* улыбнулся съ гордымъ щцеславіемъ.— Графъ! продолжалъ раздраженный: опъ сироты безроднаго до Графини *Шликъ* разстояніе не такъ велико, какъ опъ Графской короны до Королевской! —

„*Рихардъ!*“ вскричалъ Графъ *Турнь*, быстро схватясь за рукояпъ шпаги.

— И червь крушится подъ ногою, его опирающею,— пвердо опвѣщивовалъ *Рихардъ*: въ самой опкрышой груди насмѣшка подавляетъ чувство дружбы и благодарности. Чшо я еказалъ, опъ шого не опираюсь. —

„Слова швои обидны, но я виноватъ“, сказалъ Графъ *Турнь* послѣ крашкаго размышленія: „дай мнѣ руку, *Рихардъ*; забудемъ нашу минушную вражду!“— *Штейнбахъ* подалъ ему руку; они помирились.

Опправясь къ своимъ рейшарамъ, о прибытіи коихъ возвѣстилъ имъ звукъ рѹга, они дорогою говорили о вещахъ маловажныхъ. *Турнь* не дотрогивался уже до чувствительной

струны друга, и такимъ образомъ они прибыли въ долину, гдѣ нашли свой опрядъ, состоявшій изъ 500 рейшаръ и 200 мушкеперъ, дружины храброй, испыпанной, избранной изъ полковъ: *Матвея Турна* и Графа *Шлика*.

Когда начало темнѣть, селянинъ тамошней спороны повелъ ихъ черезъ лощины и по незнакомымъ пропинкамъ къ замку, шакъ что рейшары должны были спѣшишься, и веспи лошадей своихъ за поводь; вышедъ на большую поляну, онъ оспановился.—„Баринь!“ сказалъ онъ Графу: „видите ли надъ эшою сосною темное пашно, похожее на громовую тучу? Это древняя башня замка. Когда въ одномъ изъ слуховыхъ оконъ увидите свѣшъ лампы, тогда скорѣе спѣшите впередъ; вы найдете мостъ опущеннымъ, ворота отворенными. Можеть спашься, еще пройдеишь нѣсколько часовъ: ибо до полуночи еще далеко; я покуда оспанусь при васъ.“—Графъ далъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ, попомъ сѣлъ подъ дерево, неподвижно смотря на башню и нешерпѣливо ожидая условеннаго знака. Между тѣмъ, рейшары расположились вокругъ него, а изъ пѣшихъ воиновъ въ разныхъ мѣ-

спахъ поставлены караулы, для обезпеченія опряда опъ внезапнаго нападенія.

2.

Рихардъ Штейнбахъ скорыми шагами прохаживался подъ густою сѣнью деревъ; душа его была въ сильномъ движеніи: онъ шерялся въ думахъ о своей участи. Одинъ изъ служителей Графа *Матоея Турна*, нѣкогда близъ горнаго источника нашель подкинушаго младенца, почему онъ и получилъ имя *Штейнбаха*. У мальчика ничего не найдено, что могло бы хопя нѣсколько объяснить его происхожденіе, кромѣ записки, привязанной къ шеѣ. „Несчастливая мать“—такъ сказано было въ оной—„просишь великодушную особу, копорая приметъ къ себѣ безпомощнаго младенца, воспитывать его въ вѣрѣ его предковъ, въ вѣрѣ Каполической. Кто бы онъ ни былъ: Ушраквисстъ, Кальвинистъ, или Люперанскаго исповѣданія,—Богъ наградить его, если исполнишь просьбу несчастной матери.“ — Графиня *Турнь*, женщина набожная, сострадательная, уважила просьбу матери; для ея супруга, копорый занимался болѣе земнымъ, нежели небеснымъ, все равно было, къ какому исповѣданію будетъ принадлежать сирота.

Такимъ образомъ *Рихардъ Штейнбахъ*, въ домѣ Главы Ушраквисповъ, былъ воспитанъ въ Каполической вѣрѣ. Мальчика опдали въ поварищи молодому Графу, наравнѣ съ нимъ воспитали, и такимъ образомъ оба они, всегда неразлучные, изъ отроческаго вступили въ юношескій возрастъ, но были совершенно различнаго характера. Графъ былъ суровъ, высокомернъ, вспыльчивъ какъ отецъ; сверхъ того былъ легкомысленъ, непостояненъ, и рабъ минувшаго волненія спраспей, — впрочемъ, ему доспало въ удѣлѣ и сердце матери, которое заспавляло его въ первыя минуты раскаяннѣ признавапья въ несправедливости. *Рихардъ*, съ малолѣтства всемъ обязаннѣмъ благодѣяннѣмъ Графа *Турна*, первымъ долгомъ почиталъ благодарностъ; она-то, болѣе нежели склонностъ, привязывала его къ поварищу юности, котораго гордостъ, упрямство и вѣчно своенравное обхожденнѣ, онъ часто долженъ былъ переноситъ безропотно: ибо топъ, по большой части неумышленно, суровою рукою касался чувствительнѣйшихъ спрунъ его сердца. Гдѣ прямодушнѣмъ *Рихардъ* дѣйствовалъ разсудително и оспорожно, тамъ Графъ *Турн* легкомысленно бро-

сая въ опасности, кои въ такомъ случаѣ должны были раздѣлять съ нимъ его поварищъ. *Бернгардъ Турнъ* былъ человекъ, избалованный преимуществвомъ своей породы и земными благами, еще неиспытанный Судьбою, копорый волю свою почиталъ закономъ; а людей безпомощныхъ, людей низкаго происхожденія существами, ему безусловно подвластными. *Рихардъ Штейнбахъ*, въ которомъ съ малолѣтства врожденное мужество принуждено было бороться съ внѣшними стѣгоспными отношеніями, крѣпился, шерьпѣлъ, но не могъ подавить въ себѣ гореспное чувство одиночества. Чисная душа его положила себѣ за первый долгъ признапельность—и благородное сердце его, даже вопреки гласу гордоспи, во всѣхъ испытаніяхъ сохранило сіе прекрасное чувство. —

Такимъ образомъ, оба они доспигли до того возраста, въ которомъ честлюбіе и любовь сильно волнуешь грудь юношей; въ тогдашнихъ обстоятельствахъ находили они довольно пици для сихъ спраспей. Они жили въ то время, когда въ слабое царспвованіе Императора *Матвея* зашлѣлась искра, копорая, въ послѣдствіи обрашлась въ пламень,

и цѣлые придцать несчастныхъ лѣтъ опустошала Германію. Молодой Графъ *Турнь* раздѣлялъ честолобивые замыслы отца. Съ тѣхъ поръ, онъ спалъ еще угрюмѣе и суровѣе обходиться съ товарищемъ своей юности. Нравъ его, и безъ того уже дикій, находилъ для себя новую пищу, новое поприще въ насильственныхъ мѣрахъ земскихъ чиновъ Богеміи. *Штейнбахъ*, слѣдуя по спезѣ Графа *Турна*, не принималъ однако же большаго участія въ Государственномъ переворотѣ Богеміи; онъ не имѣлъ опечесства, а вѣра его, копорой онъ былъ искренно преданъ, заславляла его смолрѣть на многое не тѣми глазами, какими взирали на по ревностные Упраквиспы. Оба юноши должны были подвергнуться первымъ испытаніямъ Судьбы.

Графъ *Гардегъ*, Тайный Совѣшникъ Короля *Фердинанда*, пріѣхалъ въ Прагу вмѣстѣ съ стариннымъ другомъ своимъ Графомъ *Шликомъ*; оба конечно совершенно съ различными намѣреніями. Первый шайно посланъ былъ опъ своего Монарха въ сполицу Богеміи, дабы, если можно, въ самомъ началѣ потушить пламя мятежа; послѣдній былъ ничто иное, какъ прошлецъ, копорый вездѣ, гдѣ

война, находить опечесство, искалъ службы у Богемскихъ чиновъ. Сіе-то привело обоихъ къ Графу *Матоею Турну*, сему могущественному Богемскому Вельможъ, и Графъ *Гардегъ* съ удовольствіемъ видѣлъ въ сынѣ *Матоея* возраждающуюся склонность къ его дочери.

Но *Елена Гардегъ* и создана была на то, чпобы съ быспропою молніи зажигать искру любви въ сердцахъ мужчинъ. Ея спройный, величественный станъ, ея черныя живые глаза, и цвѣшущія на щекахъ ослѣпительной бѣлизны розы и души исполненный взоръ, какъ будпо волшебствомъ, приковывали къ ней всѣхъ юношей, которые къ ней приближались. Ея гордая, благородная поспупь, ея быспрый, пронцапельный умъ, которій обнаруживался въ каждомъ словѣ, придавали ей видъ и осанку Царицы; она, казалось, рождена повелѣвать. И пакъ, мудрено ли, что пылкій *Бернгардъ Турнъ* не могъ безнаказанно бытъ вблизи сей волшебницы? Мудрено ли и то, что польспило ея самолюбію, видѣшь въ числѣ своихъ поклонниковъ гордаго *Бернгарда*, перваго изъ вельможъ Богемскихъ? — Спрасшь ихъ сдѣлалась взаимною, пламенною, слѣдспвіе пылгаго характе-

ра обоихъ. Родители, коимъ связь сія была непротивна, съ радостію благословили чепу сію, и только по причинѣ праура по *Еленой* матери, недавно передъ тѣмъ скончавшейся, опложено бракосочетаніе.

Рихардъ Штейнбахъ, повѣренный своего друга, въ сіе время часпо посѣщаль Графа *Гардега*, который полюбилъ скромнаго молодого человѣка. Тутъ увидѣлъ онъ *Сидонію*, Графиню *Шликъ*, дочь Полковника. Хотя она и не могла равняться въ красотѣ съ *Еленою*, но не уступала ей въ прелести. Если первая сверкала лучезарнымъ блескомъ солнца: то другая сіяла кропкимъ, тихимъ свѣтомъ привѣстной звѣзды; если первая казалась пышною розою, то другая скромною фіалкою, благоухающею въ уединеніи. Первая встрѣча *Рихарда* съ *Сидоніею* рѣшила ихъ обоюдную судьбу. Долго усна безмолствовали: ибо надежда не могла выманить сладостное признаніе; но любовь, наконецъ, открыла себѣ дорогъ—увопрекибезна дежности: они соединили безвѣстность взаимной учаспи.

3.

Въ сіе время возникли безпокойства въ Прагѣ; Графъ *Турнь* объявилъ себя главою не-

довольныхъ. Странія Графа *Гардега* склонилъ его; по кончинѣ Императора *Матвея*, на сторону *Фердинанда*, оспались тщетны, и, не смотря на связи съ вельможами, непоколебимо еще преданными законному Государю и своей вѣрѣ, онъ нашелся принужденнымъ оставить Прагу; не достигнувъ цѣли своего посольства. Подъ видомъ вельможи, впавшаго въ немилость у Вѣнскаго Двора, онъ удалился въ свой замокъ на Шварцбахѣ, дабы находясь близко отъ Богемской границы, продолжать начатые въ Прагѣ переговоры. Тотчасъ по отъѣздѣ изъ Праги, онъ рѣшительно прекратилъ связь съ семействомъ Графа *Турна*; ибо, могъ ли онъ выдать дочь свою за сына мяпежника, лишеннаго покровительства законовъ. Старый Графъ *Турнь*, въ первомъ волненіи гнѣва, отвѣчалъ имъ же пономъ, гордость обоихъ была раздражена; о примиреніи нельзя было и подумать. Но въ сердца молодыхъ людей слишкомъ сильно властвовала любовь; Графиня сказала своему другу при прощаніи: „вражда нашихъ родителей не разорветъ нашей любви, будь во мнѣ увѣренъ!“—И когда *Матвей Турнь*, по зрѣломъ размышленіи, почувствовалъ, сколь выгоденъ для

него былъ сей бракъ; сколь необходимо нужно ему во всякомъ случаѣ благорасположеніе челоуѣка, сильнаго при Дворѣ Императора *Фердинанда*, и пользующагося дружбою *Эггенберга*: тогда уступилъ онъ пылкимъ моленіямъ сына, который рѣшился, или хитростію, или силою овладѣть *Еленою*. Послѣ многихъ щепетныхъ попытокъ сблизиться съ своею невѣстою, или обманувъ бдительность отца, онъ рѣшился послать къ ней *Рихарда Штейнбаха*, дабы съ нею условиться въ планѣ, увести ее хитростію или силою изъ родительскаго замка. Благодарность и довѣренность, кои Графъ *Гардегъ*, въ бытность свою въ Прагѣ, оказывалъ *Штейнбаху*, заставили его надѣяться, что сему послѣднему не откажутъ во впускѣ въ замокъ.

Рихардъ сильно пораженъ былъ предложеніемъ друга. Онъ всегда былъ принимаемъ Графомъ *Гардегомъ* ошмѣнно ласково; въ домѣ его онъ познакомился съ *Сидонією*, тамъ узналъ счастье первой любви; тамъ, можетъ быть, впервые мѣтѣ чувствовалъ горестное сиротства, безпріютности: ибо отецъ *Елены* обходился съ нимъ шакъ ласково,

а ласка, но кончинѣ его покровительницы Графини *Турнь*, сдѣлалась ему чуждою въ домъ его благодѣтеля. Теперь онъ долженъ былъ отплатить за свое воспитаніе благодарностію, и обмануть довѣренность, которую преспарый отецъ *Елены* споль нелицемѣрно ему всегда оказывалъ. — Но слова *Бернгарда*: „ты неоднократно увѣрялъ меня, что для признапельности твоей нѣтъ слишкомъ великой жертвы: теперь докажи это на опытѣ!“ — принудили его согласиться на требованіе молодаго Графа.

Онъ отправился въ замокъ, былъ ласково принятъ Графомъ *Гардегомъ*, и сколько ни противно было сіе порученіе его чести и благородству, сколько онъ ни глубоко чувствовалъ, что за искренній пріемъ отплачиваетъ коварною неблагодарностію, но признапельность къ дому, въ коемъ онъ воспитывался, превозмогла въ немъ всѣ другія чувства; онъ условился съ *Еленою* въ планѣ къ бѣгству, которое однако не иначе могло исполниться, какъ вооруженною рукою, и, сопутствуемый благословеніями стараго Графа, оставилъ горный замокъ на *Шварцбахъ*.

Въ черное, сырое покрывало осенней ночи давно уже облеклись лѣсистыя возвышенія; вблизи на часахъ монастыря Францисканскаго пробило десять. *Штейнбахъ*, который безпокойно ходилъ взадъ и впередъ, сказалъ самъ въ себѣ: „еще два часа, и онъ счастливъ . . . а я!“—Онъ вдругъ обернулся къ Графу *Турну*, который споялъ въ глубокой думѣ, прислонясь къ дереву. „Одно слово, Графъ!“ шепнулъ онъ ему на ухо, и повелъ его въ сторону: „до этого мѣста я вамъ соупсшвовалъ, но шуда“—онъ указалъ на замокъ—„я, не могу войти, какъ непріятель съ мечемъ въ рукѣ. Тамъ Графъ *Гардегъ* принималъ меня какъ гостя, искренне меня привѣшспвовалъ, прощался со мною родителъски; я уже сяжко передъ нимъ виновенъ въ помъ, что сдѣлалъ; не хочу еще болѣе увеличивашь вину мою.“—

„Ты боишься опасности?“ возразилъ Графъ насмѣшливо: „не уже ли Офицеру пѣлохранителей *Матвея Турна* не достаешь духа, помочь сыну его похишишь свою невѣсшу?“—

— Вы сомнѣваетесь въ моей храбрости, Графъ?—спросилъ юноша съ жаромъ: „испы-

шайше мою отважность шамъ, гдѣ она можетъ съ честію оправдаться, и я вамъ докажу, что сирота, котораго нашли при Горномъ испочникѣ, который лишился всякой надежды на радости земныя, носить въ груди шу искру мужества, которая споль же пылко воспламеняется во мнѣ, какъ въ груди самаго Сіятельнаго Графа. Сверхъ того вашъ родитель, котораго да благословить господь за все добро, оказанное безпріютному сиротѣ, мой великодушный благодѣтель, а не повелитель! —

„Въ этомъ ты правъ,“ возразилъ Графъ *Турнъ* смягчивъ голосъ: „и такъ, оставайся здѣсь съ коннымъ опрадомъ, прикрывай ашаку, и заботься о томъ, чтобы не попалъ на насъ *Дампьеръ*. Если же, въ подобномъ случаѣ, тебѣ нужна будетъ моя рука, то я забуду твоей отказъ, и помогу тебѣ съ радостію.“

Бурный порывъ въпра въ сію минушу, опять доносилъ до слуха ихъ звонъ монастырскихъ часовъ; рейшары безъ шума сѣли на коней, и, въ слѣдъ за пѣхопою, опсправились къ замку Графа *Гардега*, куда вожаемымъ служилъ имъ земледѣлецъ. —

Въ исходѣ одиннадцатаго, дружины спояли уже подъ замкомъ; посланные для рекогнос-

цировки, возвратились съ извѣстіемъ, что въ темной башнѣ уже горитъ лампада, и что подъемный мостъ опущенъ. Тогда Графъ приказалъ стрѣлкамъ идти за дружиною, снабженною лѣстницами для приспупа, рейшарамъ же, числомъ до 200, спѣшиться и быть гошовыми на подкрѣпленіе первыхъ. *Штейнбаху*, командовавшему главнымъ опрядомъ, приказано остаться въ нѣкоторомъ опдаленіи и прикрывать ихъ пыль.

Безъ малѣйшаго шума подошедъ къ подъемному мосту, они нашли ворота запертыми; съ минушу медлилъ Графъ, надѣясь, что они опворятся, но вмѣсто того онъ встрѣченъ былъ убійственнымъ огнемъ, который мгновенно повергъ на землю многихъ храбрыхъ воиновъ. „На шпурмъ, на шпурмъ!“ заревѣлъ *Турнъ* и, между тѣмъ, какъ стрѣлки бесполезно оппаливались, другіе спустились въ ровъ и приспавили лѣстницы, по коимъ броненосные рейшары смѣло взбирались на стѣну. Битва сдѣлалась всеобщею; спрашно раздавался громъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. *Штейнбахъ*, который съ своимъ опрядомъ споялъ у полуобвалившейся стѣны, забылъ свою рѣшимость, гостепримство, обя-

занность. Имѣя въ виду одну опасность друга, онъ во весь опоръ поскакалъ къ замку, и держа въ рукѣ бѣлое знамя съ изображеніемъ красной башни, бросился въ ровъ, схватилъ отброшенную лѣстницу, приставилъ ее и полезъ. Почти въ одно время съ Графомъ *Турномъ* сползъ онъ на оградъ. Тутъ возгорѣлась кровопролитная битва, но превосходство побѣдило: защитники замка отступили на внутренній дворъ, ворота выломлены, откинута рогатка, и дружины Графа *Турна* вступили въ замокъ.

Наспоящій замокъ, жительство Графа, и древняя башня, гдѣ давно уже погасла лампада, еще заняты были воинами *Гардега*, когда *Штейнбахъ* во внутреннемъ дворѣ замка встрѣтился съ своимъ другомъ.— „*Бернгардъ!*“ сказалъ онъ Графу *Турну*: „прекратите кровопролитіе; позвольте мнѣ одному войти въ замокъ къ Графу; попытаюсь, не опровергнуть ли намъ добровольно воровствъ, или не выдадутъ ли намъ молодой Графини!“ —

Графъ *Турнъ*, нѣсколько подумавъ, сказалъ: „спулай съ Богомъ, *Рихардъ!*“ и съ дружиною своею отступилъ на вѣншній дворъ.

Съ бѣлымъ знаменемъ въ рукѣ, *Штейнбахъ* подошелъ къ древнему замку, и среди мятеж-

ной бури вскричалъ громогласнымъ голосомъ: „прошу впуска, для мирныхъ переговоровъ съ Графомъ *Гардегомъ!*“ — Тупь изъ высокаго окна полетѣли смоляные вѣнцы, кои ярко освѣтили шемный дворъ, и когда осажденные увидѣли одного *Рихарда*, отворилась калишка, вышелъ изъ нее лапникъ, и схвативъ его за руку, просилъ идти за нимъ: калишка быстро опять захлопнулась.

Въ рыцарской залѣ, столь ему знакомой, нашелъ онъ Графа, вооруженнаго, сидящаго у окна въ широкихъ креслахъ; мечъ висѣлъ на бедрѣ, шлемъ лежалъ подлѣ него на столѣ. *Штейнбахъ* подошелъ къ нему; Графъ всталъ, но узнавъ лице юноши, быстро отворопился. „*Вы* одни?“ сказалъ онъ съ негодованіемъ; „Васъ я здѣсь не ожидалъ!“ —

— Графъ!—отвѣтствовалъ *Штейнбахъ*, не перяя присутствія духа: я пришелъ съ миромъ. Графъ прислалъ меня къ вамъ, съ просьбою, чшобы вы исполнили ваше обѣщаніе, и ошдали бы ему обрученную его невѣсту. —

„Сстранное сватовство!“ — прервалъ его Графъ *Гардегъ*: признайся, госнода Упраквиспы приняли удивительные обычаи съ тѣхъ поръ, какъ отложились отъ законнаго Государя.“

— Сопротивленіе здѣсь напрасно, — продолжалъ *Штейнбахъ*: — боюсь, что вы погубите вашу дочь, если она принуждена будетъ съ вами расстаться вопреки вашей воли. —

„Вѣрю, вѣрю! почтеннѣйшій депушпатъ!“ горько прервалъ его Графъ: „вѣдь я часа два только тому назадъ получилъ упѣшительное извѣстіе, что дочь моя подкупила смопринселя замка и нѣкоторыхъ служивелей, чтобъ они отворили ворота ея любовнику. О! она вѣрнѣе бы жениха съ распротертыми объятіями, и черезъ трупъ опца, кинулась бы ему на шею.“

— Милоспивый государь! подхватилъ *Штейнбахъ* умоляющимъ голосомъ.

„Но, чтобы вы могли обмануть меня, вы, крошечному взору котораго я готовъ былъ вѣрить свою жизнь, чтобы вы могли спасти противъ меня вооруженною рукою, вы, котораго я люблю, какъ роднаго сына: это меня сильно огорчаетъ, ибо, теперь я въ полной мѣрѣ чувствую, что я всѣми покинутъ. — Но, такъ и бывш! шпурмуйте и зажигайте! Пусть онъ погребаетъ дочь вмѣстѣ съ опцемъ подъ развалинами замка, но живою не отдамъ ему дочери добровольно!“ —

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

О П И С А Н І Е Ц Е Р Е М О Н І И. (*)

Съ которою Турецкій Посланникъ втораго ранга Тевтердаръ (казначей) Дервишъ-Махметъ-Эфенди (**), при вѣществіи своемъ въ С. Петербургъ, провоздѣнъ былъ до пригоповденной для него квартиры, и какъ онъ у его Сіятельства Господина Вице-Канцлера, первые церемональные визиты отправилъ.

Отправленный къ здѣшнему Императорскому Двору опъ Оптоманской Порты Посланникъ, имѣющій рангъ вшораго Тевтердаря, *Дервишъ-Махметъ-Эфенди*, съ обвѣщеніемъ о восшествіи на пресшоль Оптоманскій Султана *Османа*, наконецъ, Апрѣля 12 числа, въ пригоповленную для него за городомъ, подлѣ Александровскаго монастыря подъездную квартиру, со всею свитою; въ препровожденіи посыланнаго ему на встрѣчу до Кіева Приспавъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Капитана Господина *Тютчева*, прибылъ.

Того же дня помянутый Приспавъ, учиня о томъ надлежащій рапортъ Канцлеру, по-

(*) По случаю прибытія сюда Турецкихъ Посланныхъ, неизлишнимъ счпнаемъ напечатать въ *Славянинѣ* сіе описаніе; оно весьма любопытно. В.

(**) Въ 1755 году, въ Царствованіи Императрицы Елисаветы Петровны.

лучилъ опъ Его Сіяшельства приказъ, поздравивъ со счастливымъ прїѣздомъ Господина Посланника, а припомъ и увѣдомить его, что на завтрее онъ, церемоніально въ приготовленную для него въ городъ на Васильевскомъ острову квартиру, препровожденъ будетъ.

Почему, 13 того жь Апрѣля въ чешвертокъ, собравшись поупру близъ Аничковскаго моста, всѣ назначенные къ сей церемоніи, въ 11 часовъ прїѣхалъ шуда Церемоніймейстеръ Господинъ *Олсуфьевъ*, и учредя церемоніальный кортежъ, и сѣдши попомъ въ карешу Ея Императорскаго Величества, послалъ напередъ Посланника увѣдомить, что онъ по него ѣдетъ, и чтобъ онъ по сему къ принятію его былъ въ гошовности.

При выходъ Церемоніймейстера изъ кареты, вспрѣтили его свиты посланничей чиновные люди, а на крыльцѣ самъ Посланникъ, копорый, давъ Церемоніймейстеру правую руку, пошелъ съ нимъ въ свои покои, и шамъ, по Турецкому обыкновенію сѣли на бархатныхъ подушкахъ, Церемоніймейстеръ по правую, а Посланникъ по лѣвую руку. Попомъ Церемоніймейстеръ привсавъ, объявилъ Посланнику чрезъ Переводчика, что опъ Ея

Императорскаго Величества присланъ онъ публичною церемоніею проводитьъ его въ опредѣленную ему кварпиру. Посланникъ, также привставъ, всенижайше благодарилъ какъ за сію, такъ и за всѣ прочія Ея Императорскаго Величества въ пуши и въ удовольствованіи его показанныя ему Высочайшія милоспи и щедроты. По нѣсколькихъ между ними привспівахъ и поспороннихъ разговорахъ, поднесены имъ шрубки съ курительнымъ шабакомъ, кофе и шербеть, а попомъ опрысканы розовою водою и окуриваны благовонными ароматами. И, какъ Церемоніймейсперь увѣдомленъ былъ, что кортежъ паки поспроился, тогда вспалъ съ Посланникомъ, и пошелъ съ нимъ къ постановленной у самаго крыльца Императорской каретѣ, въ которую сѣлъ сперва въ большое мѣсто по правую руку Посланникъ, а съ нимъ въ рядъ по лѣвую Церемоніймейсперь, насупротивъ же ихъ Переводчикъ *Буди*, подлѣ котораго положилъ Посланникъ ящичекъ съ Салпанскою грамопою. Попомъ кортежъ пошелъ нижеслѣдующимъ порядкомъ:

1) Двѣ шреши роты Конной Гвардіи рейтаръ съ Оберъ и Уншерь-Офицерами, имѣя

обнаженные палаши, передъ ними заводныя командовавшихъ оною ропюю господь Офицеровъ лошади подь богатыми попонами, ведены были ихъ лакеями верхами жь въ богатой ливреѣ, а за сими ѣхали два трубача, играл на трубахъ, и одинъ липаврщикъ, который билъ въ липавры.

2) Шесть министерскихъ карешъ цугами, каждая съ чепырьмя верховыми и прочими служителями: яко по егерями. скороходами и гайдуками, въ богатой ливреѣ, по спаршинству своихъ господь, а именно:

Карета Генераль-Аншефа, Сенатора, Ея И. В. Генераль-Адьюпанта, Дѣйствительнаго Камергера, Лейбъ-Компаніи Подпоручика, обоихъ Россійскихъ и Голспинскаго святыя Анны орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Петра Ивановича Шувалова*, порожня.

Карета Вице-Канцлера, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Лейбъ-Компаніи Поручика, Ея И. В. Дѣйствительнаго Камергера, обоихъ Россійскихъ, Польскаго Бѣлаго и Прусскаго Чернаго Орловъ и Голспинскаго святыя Анны орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Михаила Ларионовича Воронцова*; въ ней сидѣли свиты посланничей двое чиновныхъ людей.

Карета Генераль-Аншефа, Сенатора, Ея И. В. Генераль-Адъютанта, Дѣйствительнаго Камергера, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Подполковника и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, Его Превосходительства *Александра Борисовича Бутурлина*; въ ней сидѣли свиты посланничей двое чиновныхъ людей.

Карета Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Генераль-Прокурора, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Маіора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, Его Сіятельства Князя *Никиты Юрьевича Трубецкаго*; въ ней сидѣли свиты посланничей двое чиновныхъ же людей.

Карета Малороссійскаго Гешмана, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Подполковника, Ея И. В. Дѣйствительнаго Камергера, Императорской Академіи Наукъ Президента, обоихъ Россійскихъ, тако жь Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго свящія Анны орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Кирилы Григорьевича Разумовскаго*; въ ней тако жь сидѣли свиты посланничей двое чиновныхъ людей.

Карета Канцлера, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора, обоихъ Россійскихъ

и Польскаго Бѣлаго Орла орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина*; въ ней сидѣль Приставъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку господинъ Капишанъ *Тютчевъ*.

3) Четыре челоѣка гвардіи Сержантовъ верьхами въ гренадерскихъ шапкахъ съ перьями.

4) Двенадцать челоѣкъ дворцовыхъ лакеевъ въ шпашъ-ливреѣ верьхами.

5) Двора Е. И. В. Гофъ-Фурьеръ.

6) Ея И. В. карета цугомъ, въ копорой, какъ выше сего упомянуто, сидѣли Посланникъ съ Церемоніймейстеромъ, а насупротивъ ихъ Переводчикъ. Подлѣ оной кареты шли два дворцовые скорохода и два гайдука, а по сторонамъ ѣхали, на богато убранныхъ конюшни Ея И. В. лошадяхъ, свиты посланничей двенадцать челоѣкъ.

7) Доспальная часть роты Конной гвардіи рейпаръ съ Оберъ и Уншеръ-Офицерами.

8) Позади всего церемоніальнаго кортежа, уступя сажень на спо, слѣдовалъ посланничій обозъ, и при помъ бывшіе съ нимъ Посланникомъ въ дорогъ Уншеръ-Офицеры и солдаты.

По прибытіи къ пристани, Его Сіятель-

ства Канцлера, съли сперва помянутые свиты посланничей чиновные люди, тако жь господинъ Приставъ въ шлюбкахъ, а Посланникъ съ Церемоніймейстеромъ и съ ними Переводчикъ въ богато-убранную дворцовую двенадцати-весельную баржу, и поѣхали на Васильевскій островъ къ приспани посланничей кварширы, между тѣмъ обозъ посланничій, на приугошовленныхъ опъ Адмиралтейства шлюбкахъ и прочихъ судахъ, тако жь переправляпъ начали.

Посланникъ, по выходѣ изъ баржи, провожденъ Церемоніймейстеромъ въ вышеобъявленную его кварширу, гдѣ въ сѣняхъ опъ напольныхъ полковъ караула при одномъ Оберъ-Офицерѣ, отдана ему Посланнику честь ружьемъ на карауль. По входѣ въ покои, презрядно опъ двора убранные, съли такъ, какъ и въ подъѣзжемъ спану, на бархатныхъ подушкахъ: Посланникъ и Церемоніймейстеръ, а не много поодаль и господинъ Приставъ, и вскорѣ попомъ поднесены Посланнику и Церемоніймейстеру трубки съ курительнымъ шабакомъ: Посланникъ, по засвидѣтельствваніи за Высочайшую Ея И. В. и при семъ случаѣ оказанную ему милость всенижайшаго

своего благодаренія, вспалъ вмѣстѣ съ Церемоніймейстеромъ и проводилъ его изъ комнаты, а чиновные его провожали до самаго крыльца, и потомъ Церемоніймейстеръ, съѣвъ шу же баржу, возвратился.

Потомъ Апрѣля 15 двя поупру въ 11 часовъ, яко назначенное и приговоренное время, посланы опъ Его Сіяшельства Канцлера, для привезенія Турецкаго Посланника на визиту, двѣ баржи, чепыре шлюбки и двѣ верейки, всего восемь судовъ, на кошорыхъ Посланникъ топчасъ и пріѣхалъ, сидѣвъ самъ съ Приспавомъ въ Канцлерской баржѣ. Вышедъ на приспань, шель онъ чрезъ улицу пѣшкомъ по наспланнымъ нарочно доскамъ. Напереди шли два Сержанта Гвардіи при Приспавѣ находящіеся, за ними двое чиновныхъ Турковъ посланничей свиты. За ними Приспавъ, Капитанъ гвардіи Господинъ *Тютчевъ*, за онымъ посланничій Кегая несъ листъ въ мѣшкѣ Визирскій къ Его Сіяшельству Канцлеру.

Потомъ шель Посланникъ, веденъ подъ руки двумя его жь чиновными людьми, а попереди маленько съ лѣвую сторону переводчикъ *Буди*.

Прочіе его свиты люди шли за нимъ. На

нижнемъ крыльцѣ дому вспрѣшилъ его Секретарь *Волковъ*, имѣя за собою двухъ лакеевъ въ богатой ливреѣ, и поворопясь пошелъ съ Приспавомъ.

Въ сѣняхъ поставленный караулъ гренадеръ, какъ и сверху часовые, отдавали честь ружьемъ.

Въ залѣ поставлено было опѣ дверей до дверей, по обѣимъ сторонамъ, по двенадцати человекъ лакеевъ, да у каждой дверей по два человека гайдуковъ, и въ верхнихъ сѣняхъ швейцаръ въ своемъ уборѣ; всѣ въ богатой ливреѣ.

Въ первой за залую каморѣ поставлены были скороходы и егери, а двери до самой пріемной залы опворялись офиціантами.

Камора, гдѣ визитѣ бывъ, наполнена была по обѣимъ сторонамъ ассиспентами, а именно членами и другими въ чинахъ находящимися Коллежскими служивеями.

Уступя гораздо опѣ середины къ переднему оной каморы концу, поставленъ былъ четвероугольный столъ, покрытый зеленымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, а вокругъ онаго въ переднемъ мѣстѣ для Его Сіятельства Канцлера креслы, а по сторонамъ

два стула, на правой для Посланника, а на левой для Ассистента.

По приходѣ въ сію камору, принявъ Посланникъ о срединѣ Спашскимъ Совѣтникомъ Господиномъ *Пуговищниковымъ*, а Секретарь *Волковъ* тѣмъ временемъ пошелъ въ другую за тѣмъ камеру, рапортовать Его Сіятельству Канцлеру, что Посланникъ пришелъ. Почему Канцлеръ, погодя нѣсколько, оишуда и вышелъ; и пока еще споялъ, Посланникъ потчасъ взявъ опъ своего Кегаи лиспъ, говорилъ къ нему слѣдующую рѣчь:

„Понеже Его Сулпанское Величество Императоръ и Государь земель и морей, Державный и Вельможный Сулпанъ *Османъ*, на наисчастливыи и благополучный Оттоманскій престоль вступишь изволилъ; того ради, для подпвержденія и укрѣпленія, пребывающаго вѣчнаго мира и дружбы съ Ея И. В. Всероссийскою, опсправилъ съ пріятною вѣдомосшью свою Сулпанскую грамошу, по содержанію копорой и съ спороны Верховнаго Визиря сіе писаніе къ Вашему Сіятельству опсправлено; и такъ, Богу изволившу, ходапайспвомъ Вашего Сіятельства вышеозначенную Салтанскую грамоту Ея И. В. поднести уповаю.“—

По прочтении сего перевода Переводчикомъ *Буидіельъ*, который посланъ былъ съ боку, между Его Сіятельства Канцлеромъ и Посланникомъ, Его Сіятельства принялъ отъ Посланника помянутый Визирскій листъ, а потомъ и копию, держимой имъ на аудіенціи къ Ея И. В. рѣчи, и положи оныя на столъ, оповѣщивалъ:

„Я не оставлю о всемъ объявленномъ отъ Господина Посланника Ея И. В. всенижайше довести; и какъ его присылка, а особливо извѣстіе о благополучномъ Его Салтанова Величества на Опшоманскій престолъ восшествіи, Ея И. В. пріятно: то я не сомнѣваюсь, что и аудіенція ему не замедлится.“ —

Сей оповѣсть пересказанъ Посланнику по Турецки шѣмъ же Переводчикомъ, на что Посланникъ, оказывая свое уваженіе и благодареніе, Его Сіятельства Канцлеръ садился между шѣмъ въ креслы и показавъ Посланнику знакъ, онъ то же на столъ сѣлъ, а потомъ и Спашскій Совѣтникъ Господинъ *Пугвишиковъ*, по данному знаку, то же сдѣлалъ.

Тогда Его Сіятельства Канцлеръ началъ партикулярный разговоръ, спрашивая Посланника о здоровьи и дорогѣ, въ оповѣсть на что,

Посланникъ особливо благодарилъ за учиненныя ему приемы, и въ дорогѣ распоряженія, а особливо спаранія и попеченіе Присава Господина *Тютчева*.

Во время сихъ разговоровъ, Переводчикъ *Буди*, стоя при Его Сіяшельствѣ Канцлеръ, оныя переводилъ, Секретарь *Волковъ*, стоя у Его жъ Сіяшельства за спуломъ, принималъ его приказы и другимъ отдавалъ.

Между тѣмъ, подчиванъ Посланникъ кофею и конфекшами, а чиновные, кои его до залы вели, тѣ остались во второй антикамерѣ, послѣдовавшіе же за нимъ Чегодари въ залъ.

По многихъ паршикулярныхъ и всегда учтивыхъ разговорахъ; Посланникъ испросилъ позволеніе ѣхать, а оное получа, пошелъ ночью тѣмъ же порядкомъ, и провожденъ на другое уже внутри двора крыльцо, гдѣ паки поставленъ былъ караулъ, и отдавалъ ему также честь ружьемъ.

Сошедъ съ крыльца Посланникъ и примѣшя, что онъ Секретаремъ *Волковымъ* препровожденъ, нѣсколько ошановился и благодарилъ.

Послѣ сей первой церемоніальной визишпы, того жъ Апрѣля 15 дня, Турецкій Послан-

никъ опдалъ визиту Его Сіятельства Вице-Канцлеру. Чего для посланы по него были двѣ Его Сіятельства Вице-Канцлера парадныя каресны цугами въ спанской ливреѣ. Въ первой изъ оныхъ сидѣли шрое изъ его чиновныхъ людей, въ другой самъ Посланникъ съ Приславомъ Капитаномъ гвардіи *Тютчевымъ* и Переводчикомъ *Буиди*. Пріѣхавъ въ домъ Его Сіятельства Вице-Канцлера, опдана ему честь опъ находящагося въ домъ караула; у каресны вспрѣшилъ его Посланника Коллежскій переводчикъ *Бартлемановъ*; въ передней и другой камерѣ спояли ливрейнныя служители и другіе офиціанты, а предъ камерою, гдѣ визита опправлялась, были для ассистенціи Надворные Совѣтники, Секретари и прочіе Коллежскіе служители. Изъ оной камеры вошелъ Посланникъ съ шремя своими чиновными людьми, въ другую камеру, гдѣ Его Сіятельство Вице-Канцлеръ былъ; прочіе же его посланничей свиты оппались въ переднихъ двухъ камерахъ. По маломъ привѣтствіи, сѣлъ Его Сіятельство Вице-Канцлеръ и Посланникъ въ креслахъ, Его Сіятельство въ первомъ мѣстѣ, а Посланникъ прошивъ его. Присуществующіе при томъ, канцеляріи Со-

въпникъ *Бакунитъ*, да помянушой Приставъ Капитанъ *Тютчевъ*, съли по оспоронъ на спульяхъ. Трое чиновныхъ Турокъ и нѣсколь-ко другихъ изъ здѣшнихъ (сколько можно было безъ утѣсненія вмѣститься въ помѣ покоѣ) стояли. Визита продолжалась около трехъ четвертей часа; и во все оное время Его Сія-тельство Вице-Канцлеръ съ Посланникомъ разговаривалъ, наконецъ поднесенъ Посланни-ку кофе, а послѣ и премоу чиновнымъ его Тур-камъ. Попомъ, не много погодя, Посланникъ самъ опозвался, не обезпокоиваетъ ли онъ Его Сіяшество Вице-Канцлера, и ежели ему позволено, шо онъ репироваться хочепъ. И, какъ Его Сіяшество Вице-Канцлеръ, на шо ему велѣлъ сказащъ, что онъ ни чемъ По-сланника упруждать не намѣренъ, а остав-ляетъ на его волю, шо посланникъ вспавъ и простящъ, пошелъ, чѣмъ визита кончилась. Отвезенъ Посланникъ обратно такимъ же образомъ.

ОПИСАНІЕ ПУБЛИЧНОЙ АУДИЕНЦІИ,

На которой въ 24 день Апрѣля 1755 года, по полудни во второмъ часу, допущень былъ предъ Ея Императорское Величество въ Летнемъ Дворцѣ, Турецкій Посланникъ втораго ранга Тефтердаръ-Дервишъ-Мехмедъ-Эфендій.

Того дня по полуночи въ одиннадцатомъ часу, собрался на площади у церкви Исакія Далманскаго опредѣленный къ сей церемоніи кортежъ. Церемоніймейстеръ Господинъ *Олсуфьевъ*, получа Высочайшее Ея И. В. повелѣніе ѣхать за посланникомъ, немедленно по прибытіи своемъ на оную площадь, сѣлъ одинъ въ Императорскую карету, и послалъ напередъ, обрѣшающагося при церемоніальныхъ дѣлахъ Государственныя Иноспиранныхъ дѣлъ Коллегіи, Переводчика *Ръшетова*, увѣдомить Посланника, чрезъ Приснава Лейбъ-Гвардіи Господина Капишана *Тютчева*, что онъ ѣдетъ вести его на аудіенцію, и чтобъ потому къ приему его изготовился; а между тѣмъ весь кортежъ по порядку слѣдовалъ, чрезъ навесный на Невѣ рѣкѣ мостъ, къ посланничей квартирѣ на Васильевскій островъ. При выходѣ Церемоніймейстера изъ кареты на низу крыльца, встрѣпили его чиновные свиты

посланничей люди, а на верьху лѣспницы у порога дверей самъ Посланникъ, которьй, давъ Церемоніймейшеру правую руку, повель его въ свои покои, и шамъ на софѣ посадилъ его возлѣ себя по правую спорону, а Господинъ Приславъ сѣлъ въ споронѣ, въ нѣкоторомъ оштъ Церемоніймейшера опдаленіи. По объявленіи Посланнику причины прїѣзда Церемоніймейшера, поднесены имъ были трубки съ курипельнымъ табакомъ, кофе, шербетъ, для опрыскиванія розовая вода, и окуриваны благовонными аромапами. По семъ пошли, Посланникъ по лѣвую, а Церемоніймейшертъ по правую спорону, въ предшесствіи Господина Прислава, Кегай, которьй несъ Султанскую грамошу, и чиновныхъ свиты посланничей людей. Сошедъ съ крыльца, сѣлъ въ Имперапорскую карешу, сперва Посланникъ по правую, потомъ съ нимъ врьдъ по лѣвую спорону Церемоніймейшертъ, а на супровичъ Государспивенныхъ Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи Переводчикъ *Буиди*.

Шествіе церемоніальнаго кортежа было ниже-слѣдующимъ порядкомъ:

1) Двенадцать человекъ рейшаръ лейбъ-гвардіи Коннаго полку, съ вахмиспромъ и капраломъ съ обнаженными палащами.

2) Три Минисперскія кареты цугами, съ чепырьмя верховыми, и съ прочими ливрейными служителями въ богашыхъ ливреяхъ, по старшинству своихъ господъ, а именно:

Карета Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Генераль-Прокурора, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Маіора, и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, Его Сіятельства Князя *Никиты Юрьевича Трубецкаго*; въ ней сидѣли двое свиты посланничей чиновныхъ людей.

Карета Малороссійскаго Гетмана, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Подполковника, Ея И. В. Дѣйствительнаго Камергера, Императорскія Академіи Наукъ Президента, обоихъ Россійскихъ, пако жь Польскаго Бѣлаго Орла, и Голстинскаго святыя Анны орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Кирилы Григорьевича Разумовскаго*; въ ней сидѣли двое свиты посланничей чиновныхъ людей.

Карета Канцлера, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора, обоихъ Россійскихъ и Польскаго Бѣлаго Орла орденовъ кавалера, Его Сіятельства Графа *Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина*: въ ней сидѣлъ Приспавъ

лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Капишанъ
Тютчевъ.

3) Конюшни Ея И. В. берейтеръ *Никловіусъ.*

4) Конюшни же Ея И. В. десять заводныхъ лошадей въ богашыхъ уборахъ и подъ богашыми попонами, коихъ вели дворцовые конюхи верхами и въ богашой ливреѣ.

5) Конюшни же Ея И. В. Унтеръ-Берейтеръ,

6) Четыре человекъ лейбъ-гвардіи сержантовъ верхами въ гренадерскихъ шапкахъ съ перьями, безъ обнаженныхъ палашей.

7) Двора Ея И. В. Гофъ-Фурьеръ *Милорадовичъ* верхомъ.

8) Осьмнадцать дворцовыхъ лакеевъ верхами и въ богашой ливреѣ.

9) Посланничій Кегая, который на аргамакъ, въ собспенномъ Посланника Турецкомъ уборѣ, ѣхалъ и держалъ на рукахъ Салпанскую грамошу, а аргамака вели четверо пѣшихъ Турокъ.

10) Кареша Ея И. В., въ которой ѣхали Посланникъ и Церемоніймейстеръ, а на супрошивъ ихъ Переводчикъ; на ремняхъ оныя карешы сидѣли двое Ея И. В. пажей, по сторонамъ шли двое гейдуковъ и сполько же скороходовъ дворцовыхъ въ богашой ливреѣ,

да свипы Посланничей двенадцать Чегодарей.

12) Свипы Посланничей чиновный чело-
вѣкъ верхомъ, на аргамакъ конюшни Ея И. В.
богапоубранномъ.

22) Лейбъ-гвардіи Коннаго полка капралъ,
а за нимъ двенадцать челоуѣкъ рейшаръ съ
обнаженными палашами.

Въ проѣздъ Посланника отъ расставлен-
ныхъ по улицамъ въ два ряда съ каждой сто-
роны, начавъ отъ Адмиралшейскаго подъемна-
го мосту даже до алей лѣшняго дворца, на-
польныхъ полковъ, отдавана была ему честь
ружьемъ на караулъ, безъ барабаннаго боя.

Коршежъ, вѣхавъ въ алею лѣшняго двор-
ца, слѣдовалъ оною до крыльца, къ копорому
во время куршаговъ обыкновенно пріѣздъ бы-
ваетъ, и поворочя на берегъ рѣки Фонтан-
ки, спановилъ тамъ для обратнаго отъѣзда
въ прежній порядокъ.

Гвардіи караулъ, къ копорому присокуп-
лена была еще одна рота гренадеръ, споялъ
въ парадъ и держа ружье у ноги.

При выходъ Посланника изъ кареты, ко-
торая только одна въ покрытый подѣздъ
вѣхала, встрѣшилъ его Спашскій Совѣш-
никъ Господинъ *Хрисоскулеевъ*. Церемоніймей-

сперь, ставъ по правую, а помянутый Господинъ Спашскій Совѣтникъ по лѣвую спорону, повели Посланника въ особливую для отдохновенія его опредѣленную комнашу, въ которую только помянутыя чиновныя персоны съ нимъ впущены, а прочіе свипы его люди въ прихожей оставлены были. Въ оной комнашѣ посаженъ Посланникъ на спулѣ въ первомъ мѣспѣ, а по лѣвую спорону сѣли возлѣ него: Церемоніймейсперъ, помянутый Спашскій Совѣтникъ и Приславъ. Пока между ними происходили взаимныя привѣспшвія, всеподданнѣйше донесено Ея И. В. о прибытія Посланничемъ. Ея И. В., имѣя на главѣ меньшую Императорскую корону, прибывъ въ аудіенць-залу, на пронѣ подъ балдахиномъ сѣсть изволила въ кресло, за копорымъ спали Ея И. В. Оберъ-Егермейсперъ, Лейбъ-Компаніи Капитанъ-Поруччикъ, лейбъ-гвардіи Коннаго полку Подполковникъ, обоихъ Російскихъ, Польскаго Бѣлаго Орла и Госпашскаго свяшья Анны орденовъ кавалеръ, Его Сіашельство Графъ *Алексій Григорьевичъ Разумовскій*, и Ея И. В. Оберъ-Гофмейсперъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Російскихъ орденовъ кавалеръ, Его Превосходи-

педельство Баронъ *Минихъ*; а у нижнихъ прона ступеней съ правую сторону Его Сіятельство Канцлеръ, а съ лѣвую Его Сіятельство Вице-Канцлеръ. Нѣсколько поодаль опть прона, стояли съ правую сторону Ея И. В. Гофмейстерина, Спапсъ-Дамы, Фрейлины и прочія первыхъ пяши классовъ женскія особы въ робахъ, а по лѣвую придворные кавалеры, и какъ воинскихъ пакъ и спапскихъ чиновъ первыхъ же пяши классовъ особы, пако жь господа чужеспранные Министры втораго ранга. Церемоніймейстеръ, получа Высочайшее Ея И. В. повелѣніе, повелъ на аудіенцію Посланника, передъ копорымъ нѣсколько въ сторону несъ помянутый его Кегая Султанскую грамоту, а позади шли пяпъ чсловѣкъ чиновныхъ его людей; прочая же свита осталась въ помянушой прихожей комнапѣ.

При входѣ въ аудіенць-залу, гдѣ у самыхъ дверей Посланничьи чиновные люди и съ ними переводчикъ *Буиди* оспановились, сдѣлалъ Посланникъ Ея Императорскому Величеству, по Турецкому обыкновенію, первый поклонъ, посреди залы другой, а подошедъ къ трону на разстояніе чепѣрехъ шаговъ трешій поклонъ; и оспановаясь пушъ, взялъ Султан-

скую грамошу у своего Кегаи, (который того жь часа, не оборачиваяся спиною, опошелъ къ дверямъ залы) и держа оную предъ собою, говорилъ рѣчь на Турецкомъ языкѣ, съ которой переводъ на Россійскомъ чиналъ Господинъ Генераль-Маіоръ и Генераль-Регимейстеръ *Иванъ Ивановичъ Дивовъ*, слѣдующаго содержанія:

Рѣчь Турецкаго Посланника къ Ея Императорскому Величеству:

„Всепресвѣплѣйшій, Державнѣйшій, Величайшій, Вельможнѣйшій Султанъ земель, Императоръ морей, Султанъ сынъ Султанскій, Императоръ сынъ Императорскій, Султана Муспафы-Хана сынъ, Султанъ *Османъ-Ханъ*, къ вящшему подшверженію и продолженію аршикуловъ и кондицій, заключеннаго со Вашимъ Величествомъ Всепресвѣплѣйшею, Державнѣйшею, Великолѣпнѣйшею и Высокостепеннѣйшею Всероссійскою Императрицею и иныхъ многихъ земель Повелительницею и Обладательницею, мирнаго Императорскаго пракаша Высочайшую свою дружеско Султанскую грамошу опсправилъ, для объявленія о счастливомъ Его Величества по наследству и достоинству на высоко-Султанско-Оп-

шоманскій пресполь вступленіи и какъ для поднесенія оной, такъ и для обнадеживанія съ Его Величества спороны о непремѣнномъ наблюденіи заключеннаго между обѣими Имперіями благополучнаго вѣчнаго мира артикуловъ и кондицій отъ Высочайшаго Его Величества Двора, я нижайшій опредѣленъ и оправленъ, и сію Комиссію я за особливую себѣ славу причипаю.“

По прочтеніи сего перевода, Посланникъ поднесъ Султанскую грамоту, не доходя къ шрону на одинъ шагъ, гдѣ по Ея Императорскаго Величества повелѣнію, Канцлеръ оную принялъ, и, положи на споль, пославленный на шронъ съ правой ошъ Ея И. В. спороны и покрытый золотою парчею, опвъшествовалъ Посланнику Высочайшимъ Ея И. В. именемъ на Россійскомъ языкѣ слѣдующее:

Опвъшъ на рѣчь Турецкаго Посланника.

„Ея Императорскому Величеству восшествовіе на Опшоманскій пресполь его Султанова Величества весьма пріятно, и повелѣваешъ Ея Величество обнадежитъ о взаимномъ храненіи дружбы и вѣчнаго мирнаго шракшапа.“

Сей опвъшъ пересказанъ Посланнику на Турецкомъ языкѣ, бывшимъ въ Персіи ошъ

здѣшняго Императорскаго Двора Резидентомъ, Господиномъ *Братищевымъ*.

Посланникъ симъ опвѣстомъ такъ доволенъ былъ, что хотя и пропивъ ожиданія, однако же тотчасъ за оный благодарилъ, и паки обнадеживалъ о взаимной дружбѣ Порпы, сообщая оное попомъ и на письмѣ съ такимъ извиненіемъ, что буде онъ симъ опвѣстомъ излишне утрудилъ: то сіе произошло, какъ опъ его несвѣденія о церемоніалахъ, такъ болѣе опъ истиннаго признанія къ учиненному ему приему, и опъ ревности къ сохраненію полезной между обѣими имперіями дружбы.

Послѣ сего, Посланникъ и не оборачиваясь спиною, учиня на шѣхъ же мѣстахъ при поклона, Церемоніймейстеромъ и Спашскимъ Совѣтникомъ Господиномъ *Хрисоскульевымъ* (кои во время аудіенціи возлѣ него спояли), выпровоженъ изъ залы въ помянутую комнату отдохновенія, гдѣ подчиванъ кофеемъ, разными шербешами и конфектами. Сколь скоро, между шѣмъ, корпежъ прежнимъ порядкомъ установился предъ крыльцомъ, поведенъ Посланникъ въ карешу, и до оной, такъ какъ и при пріѣздѣ, провоженъ помянутымъ Спашскимъ Совѣтникомъ, копорому Посланникъ,

засвидѣтельствовавъ свое благодареніе, сѣлъ вмѣстѣ съ Церемоніймейстеромъ въ карету, а насупротивъ ихъ Переводчикъ *Буиди*, и прежнимъ порядкомъ и съ пою же честию опвезенъ обратно въ его кварширу. Нѣсколь-ко времени попомъ пріѣхаль шуда для угощенія Посланника Дворцовымъ столомъ Ея И. В. Гофмаршалъ, Генераль-Поручикъ и орденовъ: св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, Его Превосходительство *Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ*, копораго Посланникъ встрѣшилъ на лѣспницѣ, и давъ ему правую руку, посадилъ въ своей комнатѣ на софѣ возлѣ себя по правую спорону, и съ нимъ въ рядѣ Церемоніймейстера, а опъ нихъ нѣсколько въ споронѣ Приспавъ, и подчивалъ трубкама куришельнаго табаку, кофеемъ, шербепомъ, а попомъ опрыскиваны розовою водою, и окуриваны благовонными аромапами. Какъ, между тѣмъ, кушанье уже поставлено было, пошли садиться за столъ. Посланникъ сѣлъ въ срединѣ, по правую спорону Его Превосходительство Господинъ Гофмаршалъ, по лѣвую Церемоніймейстеръ, а насупротивъ Приспавъ Господинъ Капишанъ *Тютчевъ*. Во

время обѣда производилась музыка придворными Ея И. В. Камеръ-музыкантами; послѣ обѣда подчиванъ Посланникъ кофеемъ и чаемъ, а потомъ, засвидѣтельствовавъ Его Превосходительству Господину Гофмаршалу и Церемоніймейстеру нижайшее свое благодареніе за оказанную ему Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость, проводилъ онъ ихъ изъ своихъ покоевъ до лѣспницы, а чиновные свиты его люди провожали до низу крыльца.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ
В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ГОРОДОВЪ И КРѢПОСТЕЙ, ЗАВОЕННЫХЪ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ВЪ АЗИАТСКОЙ ТУРЦІИ ВЪ 1828 ГОДУ.

А н а п а .

Крѣпость Анапа, починая Турками ключемъ Азіатскихъ береговъ Чернаго моря, лежитъ въ большой Турецкой Абхазіи, на оконечности небольшого мыса, выдающагося въ море по направленію отъ юговоспока къ сѣрозападу. Гранишныя стѣны оной имѣють окружности около $3\frac{1}{2}$ верстъ; одна стѣна оныхъ обращена къ полю, простирающемуся до Кавказскихъ горъ; кошорыя здѣсь окончивающія морскимъ берегомъ, пуская небольшую опрасль вдоль по берегу мимо Анапы къ Бугасу, въ нѣкошоромъ разстояніи отъ моря. Съ прочихъ же споронъ крѣпость омывается моремъ, изъ горъ вырывается рѣчка Бугуръ, кошорая впадаетъ въ море, разстояніемъ на 400 сажень къ сѣверу отъ крѣпости. Вправо отъ сей рѣчки, у подошвы горъ, лежитъ болошо, занимающее пространство

болѣе одной версты и орошающее часть земли, съ прехъ споронъ защищаемую: моремъ, рѣчкою и болопомъ. Число жителей въ Анапѣ простирается до 5,000 человекъ; сила гарнизона оной опредѣляется обстоятельствомъ: въ военное время оный бываетъ многочисленнѣе, нежели въ мирное. Въ сей крепости находясь при мечети. Дома жителей построены въ Азіатскомъ вкусѣ. При каждомъ почтѣ изъ нихъ разведены фруктовые сады, коихъ обработываніе доставляетъ хозяевамъ пріятное занятіе; почва земли въ окрестностяхъ Анапы довольно плодотворна. Тамашніе жители во множествѣ разводять рогатый скотъ. Крепость сія принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Азіи. Она завоевана въ 1791 Графомъ *Гудовичемъ*, а въ 1807 году Вице-Адмираломъ *Пустошкинымъ*, который разрушилъ и срылъ укрѣпленія оной. Въ послѣднюю кампанію она сдалась 12 Іюня Князь *Меншикову*. Покореніе сей крепости, съ давнихъ временъ кровопролитною бывавшей Горскимъ Закубанскимъ хищникамъ, весьма важно для Россіи тѣмъ, что доставило способъ къ прекращенію частыхъ набѣговъ Горцевъ въ Россійскіе предѣлы, по рѣкѣ Кубани, и можетъ прину-

дипъ ихъ опдашься въ подданство Россіи. По мирному прахпапу, заключенному 2 Сентября 1829 года въ Адріанополь, крѣпость Анапа присоединена къ Россійской Имперіи.

П о т и и р е д у п ъ К а л е .

Крѣпость Попи не столь важна по своей обширности и сильнымъ укрѣпленіямъ, какъ по мѣстоположенію: она находится при устьѣ Фаза или Ріона, величайшей изъ рѣкъ, протекающихъ по симъ спранамъ. Оросіевъ Имперію, Фазъ отдѣляетъ Мингрелію отъ Гуріи.

Турки называютъ Попи Фашъ. Самая крѣпость есть ни что иное, какъ равносторонній чешвероугольникъ, обнесенный высокою зубчатою оградой, большія каменные массы по угламъ нельзя назвать ни башнями, ни бастіонами. Столь неправильныя укрѣпленія не представляютъ важной препоны осаждающимъ: ибо они не прикрываютъ взаимно одно другое. Солдаты, составляющіе гарнизонъ, живутъ тамъ семействами и, по большой части, занимаются мѣлочною торговлею: въ ихъ лавкахъ найдете вы табакъ, кофе, воскъ, мѣдь, хлопчатую бумагу, бумажныя шкани, желѣзо и краски; нѣсколько барокъ всегда споятъ въ гавани.

Крѣпость построена на выдавшейся части земли между Фазомъ, моремъ и озеромъ Палиуспумомъ. Озеро сіе изливается въ море прѣмь небольшими рѣками: Памаспумою, Дедарберою и Мошапоа, коихъ устья находятся въ 10 верстахъ къ югу отъ Попи, за 9 или за 10 верстъ каналъ соединяетъ озеро съ Фазомъ, и потому крѣпость стоитъ на островѣ. Сей островъ и всѣ мѣста, лежащія близъ озера и на правомъ берегу рѣки, покрыты болошами; во время наводненія, они бывають совершенно зашоплены.

Редутъ *Кале* на Хопіи, лежитъ въ 8 или 10 верстахъ отъ Попи. Страна, между устьемъ сей послѣдней рѣки и устьемъ Фаза также низменна, болошиста и нездорова.

Попа лежитъ на берегу острова, ближайшему къ Фазу. Между рѣкою и крѣпостью мѣстѣ, заключаешь въ себѣ около ста домовъ. Дома сіи, чисто выстроенные изъ бревенъ и покрытыя черепицею, представляютъ красивый видъ; съ рѣки, они кажутся большимъ мѣстечкомъ. Улицы вымощены, или справедливѣе сказать, на нихъ находятся прошурары, довольно высокіе и всегда чистые. Въ 1820 году Попа имѣлъ столько же лавокъ, сколько домовъ; въ каждой лавкѣ продавался

табакъ и всѣ потребности для куренія онаго: шрубки, чубуки, шрусь, огниво и проч. Въ Ріонѣ находится много прекрасной рыбы; но лѣность преяшпствовала Туркамъ употребляшь ее себѣ въ пользу. Они оставляли шакже въ покоѣ болотную дичь, которой весьма изобильно въ окрестностяхъ.

Попи не имѣеть гавани, гдѣ бы корабли могли безопасно спояшь на якорѣ. Входъ въ Фазъ шакже затруднишелень, по причинѣ мѣлей и оспрововъ оный заграждающихъ; но Турецкія плоскодонныя суда легко избѣгають сихъ преяшпствій. Во время мореплаванія, всегда находится нѣкоторое число сихъ судовъ въ гавани, гдѣ могли бы спояшь и большіе корабли, еслибъ нашли они средство шуда проникнуть. Упомянушыя суда поддерживаютъ сообщеніе съ Трапезонпомъ, Башумомъ, Сухумъ-Кале и другими городами берега Абазинскаго.

Въ 1770 году крѣпость Попи была осаждена Генералъ Маіоромъ Графомъ *Тотлебе-номъ*; гарнизонъ крѣпости соспоялъ изъ 900 Янычаръ; спѣны ея защищались пяшьюдесятью пушками. Въ 1806 году была она взята Русскими. Осада, или съ большею спра-

ведливостию, obleжаніе продолжалось 3 мѣсяца. Русскіе имѣли только 1,000 человекъ и одну пушку, которая была сбита Турками; съ ними не было никакихъ матеріаловъ нужныхъ для осады. Крѣпость же, напрошивъ того, снабжена была оружіемъ и съѣсными припасами, сила гарнизона равнялась силѣ осаждавшихъ: при всемъ томъ, крѣпость не устояла. По взятіи, найдено въ ней 34 пушки. Она была возвращена Туркамъ по мирному договору, заключенному съ ними въ 1812 году.

Въ 20 верстахъ отъ Попи впадаетъ въ море рѣка Субза. Она образуетъ островъ Тсивискаро, замѣчательный побѣдою, которую одержали Русскіе надъ шестидесятысячнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ Турокъ, Абазинцевъ и Лезгинцевъ. Они шли изъ Бапума на помощь кр. Попи, которую осаждалъ Графъ *Тотлебенъ*.

Положеніе Попи чрезвычайно выгодно для торговли странъ, ея окружающихъ. Турецкія плоскодонныя суда восходятъ по р. Фазу до Варъ-Цике, отстоящемъ на 80 верстъ отъ устья. Съѣсные припасы для войскъ, расположенныхъ въ Имеретіи, Русскіе давно уже перевозятъ по Фазу на каюкахъ, приспаяо-

щихъ къ Марани, Имерепинскому селенію, поспроенному на р. Цкени-Цкали (лошадиная рѣка, Иппось древнихъ) въ шести верспахъ ошъ успья, коимъ впадаешъ она въ Фазъ. Во многихъ мѣспахъ печеніе Цкени-Цкали загромождено древесными пнями, около коихъ образовались насыпи; но ихъ легко расчиспипъ.

Предметъ сей достоинъ того, чшобы Управленіе пушей сообщенія занялось имъ: ибо плаваніе по сей рѣкѣ важно, хопя и заключено въ маломъ пространствѣ.

К а р с ь .

Карсъ есть одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей Азіатской Турціи, особливо по своему мѣспоположенію. Она находится въ Турецкой Арменіи, будучи построена на упесиспомъ берегу рѣки Карсъ-Чая, къ юговоспоку ошъ Трапезонта и служипъ главнымъ мѣспомъ Пашалыка того же имени. Городъ и большая часть предмѣспій окружены тройною каменною спѣною съ башнями и защищаются цитаделью, возвышающеюся на упесѣ и укрѣпленной горѣ Карадагъ. Больше 150 орудій обстрѣливають его окрестности. Съ высоты цитадели на воспокъ, по крупому скашу дикой каменной горы, видны изрядныя улицы

и красивые дома, расположенные амфиатромъ. Въ 50 саженьяхъ отъ восточной стѣны крѣпости, по обширному оплодому холму открывающіяся первые дома, домики и лачуги; внизу проспирался довольно красивое и обширное предмѣстье. Съ восточной спороны онаго споясь двѣ каменныя пѣшиугольныя башни, изъ коихъ каждая вооружена 6 пушками. Они соединяются худо-складенною каменною стѣною, рвомъ и гласисомъ. Частъ южной спороны сего укрѣпленнаго предмѣстья, начиная отъ югозападной башни, высока, крута и утесиста. Противъ сей спороны черезъ рѣку, по высокому но довольно пологому берегу, разсыяны дома Армянскаго предмѣстья. Противъ сѣверной спороны крѣпости видны домъ прѣпьяго небольшого предмѣстья. Лѣвѣ онаго, на самомъ верху горы возвышающаея укрѣпленіе Карадагъ. Въ Карсѣ имѣють пребываніе Паша и Епископъ Армянскій. Крѣпость сія обороняема была 1,000 гарнизономъ, подъ начальствомъ двухъбунчужнаго Паши *Магледа-Эмина*. Русскія войска подступили подъ оную 19 Іюня, а 23 знамена ихъ развѣвались уже на стѣнахъ Карса.

А х а л к а л а х ъ .

Крѣпость Ахалкалахъ построена на узкомъ хребтѣ; между обрывистыми и неудобоприступными берегами рѣчекъ Гендара-Чай и Тапараванъ-Чай. Рѣчки сіи ниже крѣпости сливаются и получаютъ общее названіе Ахалкалахи-Чай. Дороги изъ сей крѣпости ведутъ въ Карсъ, Ахалцыхъ, Цалку и Карпалинію: по послѣдней ходятъ только вьючныя лошади. Крѣпость образуетъ неправильный чешвероугольникъ, состоящій изъ каменной стѣны съ бойницами, обороняемой круглыми и чешверугольными каменными башнями. Въ сихъ послѣднихъ устроены бревенчатые помосты для плашформъ. Съ сѣверной и южной стороны есть воропа, обитая желѣзомъ и защищаемая бойницами, сдѣланныя въ верхнихъ ярусахъ, построенныхъ надъ ними башенъ. Онѣ завалены были съ обѣихъ сторонъ камнемъ. Для лучшей обороны, Турки устроили при банкѣхъ закрытыя зданія, похожія на блокгаузы и, разломавъ почти всѣ хижины, употребили весь лѣсъ и камень оныхъ на стѣнки для прикрытія по частямъ тыла банкеша оныхъ огня осаждавшихъ. По верху стѣны вмазаны были оспроконечные камни,

разстояніемъ на аршинъ одинъ опъ другаго: къ нимъ приязаны были на ремняхъ бревна, висѣвшіе снаружи стѣны, дабы, обрѣзавъ вдругъ оба ремня, пускатъ бревна на осаждавшихъ. На стѣнѣ навалено было множество камня для бросанія внизъ; самыя стѣнки, для прикрытія тыла наскоро складенныя, доставляли много бревенъ и камня для шакогоже дѣйствія.— Ципадель очень возвышена надъ крѣпостью; всѣ башни ея въ два яруса, изъ коихъ верхній опкрытъ, а нижній прикрытъ накатникомъ, служащимъ платформами для верхняго. Изъ Ципадели ведетъ каменный со сводами ходъ къ рѣчкѣ Тапараванъ-Чай, и шакой же изъ крѣпости къ Гердара-Чай. Посреди крѣпости видны ошатики основанія длинной стѣны, проведенной опъ угла ципадели параллельно съ воспочною часпю. Если эпо въ самомъ дѣлѣ была стѣна, то она служила очень полезнымъ и необходимымъ продольнымъ шраверсомъ.— Въ крѣпости находящяся: одна мечеть, копорая по занятіи Русскими, обращена была въ гошпипаль и до 40 обывательскихъ домовъ, коихъ хозяева до прибытія Русскихъ скрылись въ горы.— Въ Ципадели ещя два деревянные магазина; по-

роховой погребъ, расположенный въ одной каменной башнѣ; нѣсколько домовъ для помѣщенія гарнизона и одинъ казематъ подъ главною башнею, въ коей весьма удобно укрывашься отъ дѣйствія бомбъ и гранатъ.—Приобрѣтеніе крѣпости Ахалкалаха имѣетъ сильное вліяніе на успокоеніе пограничной Самхетіи и Карпалиніи. Будучи поспросена близь входящаго угла, опредѣляющаго сіи двѣ области, она доставляла припонъ разбойникамъ, беспокоивавшимъ своими набѣгами Русскія кочевья и селенія, и была причиною опустошенія всего ближняго края. Нынѣ зло сіе пресѣчено присоединеніемъ сей крѣпости, по Адрианопольскому трактату, навсегда къ Россійскимъ владѣніямъ. Окрестности ея, богато одаренныя природою, и представляющія донинѣ печальный видъ опустошенія, вѣроятно въ скоромъ времени заселятся и будутъ служить примѣромъ изобилія и промышленности. Развалины прежнихъ жилищъ, вѣчно встрѣчающіяся на протяженіи Чилдырскихъ мокрыхъ горъ, свидѣтельствуютъ о давнемъ населеніи сей страны. Въ самомъ дѣлѣ, ко всѣмъ выгодамъ жизни, доставляемымъ симъ богатымъ краемъ, не доставало жителямъ

одного только внутренняго спокойствія и безопасности. Здѣшній климатъ весьма здоровъ для людей; жары, свойственныя спиранъ, лежащей подъ южнымъ небомъ, умѣряются здѣсь чрезвычайно возвышеннымъ мѣстоположеніемъ. Тучныя пастбища, покрывающія все сіе пространство, доставляютъ приволье для скотоводства и земледѣлія, озера и рѣки изобилуютъ рыбою, мѣстами расступъ огромныя лѣса, кои служатъ къ удовлетворенію потребностей разнаго рода, можно полагать, что при надлежащемъ попеченіи жителей, оныя съ успѣхомъ разведены будутъ и по всей полосѣ

Хертивсъ и его окрестности.

Поверхность Чидырскихъ горъ, разсѣкающая части Карскаго и Ахалцихскаго пашалыковъ, хотя не имѣетъ явственныхъ хребтовъ и спеленя въ различныхъ направленіяхъ; но вообще представляетъ значительное возвышеніе надъ моремъ, чему служатъ нѣкоторымъ измѣреніемъ снѣговыя полосы, сохраняемыя мѣстами въ самое знойное лѣтнее время, и быспропа рѣкъ, вытекающихъ изъ вершинъ оныхъ, изъ коихъ главнѣйшая есть Кура. Вершины сихъ горъ, по

направленію опть Карса къ Ахалкалаху, находясь близъ озера Чилдыра, распояніемъ на 30 верстѣ опть сей послѣдней крѣпости. Тамъ въ Іюль мѣсяцѣ показываются первые весенніе цвѣтшы, травы не теряютъ своей свѣжести и немного дней проходитъ безъ густыхъ тумановъ и внезапно находящихъ градовыхъ и дождевыхъ шучь. По спускѣ съ сихъ горъ, распилается значительная равнина, гдѣ горные потоки сливаясь съ ручьями, выпекающими изъ озера Тапоровани, образуютъ рѣчку сего имени, омывающую съ одной стороны сѣвны Ахалкалаха и соединяющуюся въ семь мѣстѣ съ другою рѣчкою Гендара-Чай. При Ахалкалахѣ русло сихъ рѣчекъ уже весьма глубоко; далѣе же, направляясь къ низменной долинь Куры, оно углубляется болѣе и болѣе по протяженію 30 верстѣ, и наконецъ, составляя глубочайшіе обрывы, являетъ собою спрану, равную вышеописанной долинь и совершенно прошивуположенную поверхности береговъ своихъ. На вершинахъ Чилдыра и Ахалкалахской долины непремѣнно никакого лѣса; далѣе къ Карпалинской границѣ произрастаютъ лѣса сѣвера: сосны, березы и пр. На низменныхъ

же мѣспахъ Куры и впадающей въ нее Тапорованы являюся произрашеніа жаркаго пояса: шополы, орѣхи, абрикосы, виноградъ и пр.— При сліяніи сихъ двухъ водъ, на неприступной скалѣ лежитъ крѣпость Херпвись, принадлежащая къ Ахалцыхскому пашалыку. Въ ней соединяюся дороги, ведущія изъ Ардагана, Ахалцыха и двѣ изъ Ахалкалаха, изъ коихъ ведущая по правому берегу Тапоровани хопя на пропяхеніи двухъ верспъ спускаешся къ ушесамъ, но шребуешъ менѣе значительныхъ поправокъ для перевоза Аршиллеріи, нежели другая дорога чрезъ Куру и Тапоровань. Подъ самую крѣпостью наведены довольно прочныя мосты; послѣдняя же изъ сихъ рѣкъ имѣешъ нѣсколько бродовъ, изъ коихъ самый удобный для пѣхошы находися близъ 4 мѣльницы, считая опъ моста вверхъ. По словамъ ѳжипелей, Херпвись, построенный во время владычества Грековъ въ малой Азіи, перешелъ попомъ во владѣніе Грузинъ, что свидѣшельствуешъ древняя церковь, воздвигнушая Грузинскою царицею *Тамарою*, и обращенная въ послѣдствіи въ магазинъ. Около 300 лѣтъ шому назадъ вороша крѣпости добровольно опворились Туркамъ, по взя-

и́и ими Ахалцыха.— Народныя преданія гла-
 сяшъ, что за 150 лѣтъ предъ симъ, Персидскій
 Шахъ *Талмасъ-Кули-Ханъ* безуспѣшно бом-
 бардировалъ крѣпость: мѣсто же его бапарей
 находилось на правой Ахалкалахской дорогѣ,
 на возвышеніи влѣво отъ послѣдняго спуска.
 Крѣпость сія никогда не имѣла болѣе 200
 человѣкъ гарнизона.— Укрѣпленія Херпвиса
 состояшъ изъ крѣпости и цитадели, кошо-
 рая, будучи построена на самой возвышенной
 части скалы, имѣетъ значительную поверх-
 ность надъ первою, и сообщается съ оною
 посредствомъ двухъ попернъ, находящихся
 на восточномъ и южномъ фасахъ.— Цитаде-
 ль имѣетъ четыре большія башни, изъ коихъ
 3 казематированы и снабжены Арпиллерією;
 1, западная, называемая Керпикула, состоитъ
 изъ 6 фасовъ, имѣетъ казематы только на
 шпигъ и южной сторонѣ, съ сѣверной же
 ограждена она стѣною около двухъ сажень
 высоты, при двухъ аршинахъ толщины;
 внутри ея приделанъ деревянный подмостъ
 для ружейной стрельбы. Сія башня обстрѣ-
 ливаетъ оба моста, предъ нею лежащіе, отъ
 копорыхъ она и получила свое наименованіе.
 2, Башня Джебахана состоитъ изъ 4 фасовъ,

имѣющихъ 4 сажени длины. По положенію своему и высотѣ, она можетъ служить кавальеромъ предыдущей. Въ ней помѣщенъ пороховой погребъ. 3, Башня Узунъ находится на юговоспочномъ углу цитадели и обстрѣливается весьма хорошо часть города, предъ нею лежащую. 4, Башня Топхана на южномъ фасѣ цитадели имѣетъ 6 сажень длины и четыре ширины; она обстрѣливается южныя ворота крѣпости и воспочную часть оной. Сверхъ сего Цитадель имѣетъ еще 5 малыхъ полукруглыхъ башень съ бойницами для ружейной обороны; стѣны же ея съ южной стороны до 3 сажень вышины: ибо скала съ сей стороны имѣетъ усупъ. Для усиленія обороны западной башни предъ южнымъ фасомъ цитадели, построена на усупѣ скалы каменная стѣна въ видѣ реданша, въ коей пробиты двѣ амбразуры. Внутри цитадели находящяся 6 магазиновъ для складки съспныхъ припасовъ; но какъ они деревянные, то и ненадежны противъ бомбъ. Вообще всѣ помосты, служащіе банкетами съ плашформами, опъ ветхости пришли въ негодное состояніе, и пребуютъ большой поправки.— Крѣпость ограждена каменною стѣною, имѣю-

щею отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ аршинъ вышины, при двухъ полцины, къ кошорой съ южной и восточной сторонъ примыкающъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обывательскіе дома съ бойницами; стѣна сія фланкирована 6-ю закругленными башнями, по малости своей неудобными для артиллеріи.— Крѣпость обнимаетъ только южный и восточный фасаы цитадели; въ ней находящся двое воропъ, изъ коихъ южныя называются Су-Капи (водяныя), а восточныя Царши-Капи (базарныя); одна мечеть и 20 домовъ, изъ коихъ одинъ, принадлежавшій бѣжавшему до прихода Русскихъ Наibu, весьма удобенъ для помѣщенія Гарнизона.— На сѣверномъ фасѣ, изъ крѣпости и цитадели проведены къ рѣкѣ Тапаравани два крытые каменные капонира, оканчивающіеся у берега двумя башнями съ бойницами. Посредствомъ оныхъ гарнизонъ всегда можетъ быть снабжаемъ водою.— Противъ южной спороны на горѣ Курексъ находится чепырехъ-угольная башня Тапъ-Кули съ двумя каменными эполеменшами, простирающимися на 60 сажень. Сіе укрѣпленіе имѣло цѣлю обстрѣливать фланговымъ огнемъ башню Керпи-Кули и мостъ, построенный на Курѣ; но оно можетъ нанести вредъ осажденнымъ: ибо легко обойти его съ пылу и заложить на немъ бапарею, кошорая повелѣвала бы всю крѣпостью, опущая отъ оной на малый пу-

печный выстрѣлъ, если бы предстояла возможность провести пуда Аршиллерію.— Хершвисъ былъ вооруженъ у Турокъ 14 пушками, опъ полупора до пяши фунповаго калибра, и 2-мя бо-ши-фунповыми мортирами; но станки сихъ орудій весьма неисправны и неудобны для дѣйствія. Съ южной и восточной сторонъ прилежишь крѣпости предмѣстье, окруженное обширными садами; въ немъ 80 домовъ, одна мечеть, 1 синагога, 2 бани, базаръ, на коемъ счисляющъ до 30 лавокъ и мѣльницъ, построенныхъ на рѣкѣ Тапоровани.— Народонаселеніе въ Хершвисъ простирается до 600 душъ обоого пола и состоишь изъ Турокъ, Грузинъ, Армянъ и Жидовъ. Такое различіе вѣроисповѣданій располагаетъ вообще всѣхъ жишелей къ терпимости, касательно сего предмета, и въ семъ мѣстѣ гораздо менѣе примѣнно фашизма, нежели въ прочихъ Турецкихъ городахъ. Жители опличаются даже нѣкопорымъ обхожденіемъ и привѣпливостью.— Крѣпость Хершвисъ сдалась, опряженному для взятія оной съ Ташарскимъ ополченіемъ, Полковнику *Раевскому*.

(*Будетъ окончаніе.*)

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАЙДЕННЫШЪ.

ПОВѢСТЬ ТРОМЛИЦА.

(Продолженіе.)

Тупъ *Штейнбахъ* преклонилъ коленно передъ спарцемъ: „Графъ!“ сказалъ онъ распротаннмъ голосомъ: „заклинаю васъ, не упорствуйте, не предавайтесь пагубному гнѣву. Вашего сына уже нѣтъ; *Елена* ваша единственная дочь. Покорствуйте Судьбѣ. Умоляю васъ, Графъ!“ продолжалъ онъ: „не измѣните вашему слову; отдайте жениху невѣсту, и пѣмъ сославьте счастье двухъ благородныхъ сердецъ!“—

Невольно рука Графа опустилась на голову коленно-преклоненнаго; дрожа, она на ней покоилась.— „Въ Вѣнѣ я оправданъ — и шамъ передъ Богомъ хочу быть оправданъ. Встань!“ повпорилъ онъ подавляя голосъ, и когда *Штейнбахъ* приподнялся, спарець пожалъ ему руку. „Подожди меня шупъ!“ сказалъ онъ уходя, и оставилъ его одного.

Ярко сверкали вокругъ него, при сіяніи факеловъ, свѣпло-полированные брони; волнуясь

развѣвались знамена на сквозномъ вѣтрѣ. Таинственный препенъ объялъ его, когда увидѣлъ онъ вокругъ себя древнія изображенія предковъ Гардеговыхъ, сіи памятные скрижали минувшихъ временъ; при видѣ ихъ, въ сердцѣ его закралось глубокое уныніе. Въ мірѣ семъ онъ также былъ одинокъ, какъ среди сихъ изображеній; не имѣлъ ни отца, ни матери, ни одного мѣшечка, съ копорымъ соединялось бы хотя одно привѣтное воспоминаніе о младенчествѣ. Никакіе подвиги предковъ не воспламеняли его мужества; онъ былъ одинъ и ни одна грудь для него не дышала, ни одно сердце для него не билось сладоснымъ трепетомъ. „У меня никого нѣтъ, кромѣ себя, *Сидонія*, а себя не могу я назвать своею!“ воскликнулъ онъ горестно, и жалоба его глухо отозвалась въ высокой залѣ; взоръ его уныло устремился на длинные ряды рыцарей и супругъ ихъ. „Я изгнанъ изъ круга благородныхъ!“ сказалъ онъ въ сильномъ движеніи: „судьба отпоргла меня отъ человеческой груди и предала въ добычу дикимъ звѣрямъ!“ — Быстро отворотивъ взоръ отъ древнихъ сихъ рыцарскихъ изображеній, онъ случайно остановилъ его на по-

луоткрытой двери, которой въ прежнюю бытность свою въ замкъ никогда не замѣчалъ. Онъ отворилъ ее невольно, и, какъ будто убѣгая Собранія благородныхъ рыцарей, вступилъ въ маленькую комнату, по убранству своему почти похожую на домовую часовню. На супружеской спѣль висѣла большая картина, закрывшая чернымъ занавѣсомъ; передъ нею, на маленькомъ столикѣ, лежалъ вѣнокъ изъ полупоблекшихъ аспрь.

Любопытство, а можешь бышь и предчувствіе, заставило его схватить снурокъ. Онъ дернулъ.— Занавѣсъ поднялся, и передъ нимъ явилось изображеніе дѣвицы, черны кой, исполненныя души, на минушу запымили для него даже образъ *Сидоніи*. Въ простомъ нарядѣ поселанки благословенной Италіи, стояла передъ нимъ юная, стройная дѣвица, не ослѣпительной красоты, но невыразимой прелести. Правая рука ея, полная и круглая, держала на головѣ красиво сплешенную корзинку съ пурпуровымъ виноградомъ, а лѣвая, приподнимая передникъ, покоилась на бедрѣ. Но ландшафтъ, окружавшій красавицу, вопреки виноградникамъ въ глубинѣ картины, казалось, болѣе походилъ на видъ Альпійскихъ горъ,

нежели на какую либо цвѣтущую долину Ипаліи.

Штейнбахъ, все еще споялъ углубленный въ созерцаніи карпина, какъ вдругъ услышалъ шаги. Поспѣшно, какъ будипо чувствую вину свою, вышелъ онъ изъ кабинета и припворилъ опяшь дверь. Графъ *Гардегъ* вошелъ съ *Еленою*. „Вопшь она,“ сказалъ онъ подведя ее къ *Штейнбаху*: „теперь прощайте!“

Елена хопшла было припасшь къ груди родителя; онъ нѣжно опсторонилъ ее. „Не хочю проклиная тебѣя, ради швоей матери;“ сказалъ онъ: „но кара, копорая по пяшамъ слѣдитъ всякое пресупленіе постигнетъ тебѣя—и скоро! Васъ, *Штейнбахъ*, прощаю.“— Онъ обернулся къ нимъ спиною, и поспѣшно войдя въ боковую комнату, заперъ за собою дверь.

Дико посмопрѣла вслѣдъ ему *Елена*. Когда же исчезъ онъ изъ виду,— яркая краска вспыхнула на ея прелестномъ лицѣ; попомъ она окинула взоромъ поршрепы предковъ и, когда опшановилась на изображеніи матери, на глазахъ ея навернулись слезы.— „Пойдемте, *Штейнбахъ*!“— сказала она швердымъ голосомъ и схватила его руку дрожащею рукою: „пойдемте—прощайте!“ сказала она служителямъ, мимо

коихъ проходила, однако ни слова не упомянула объ опцѣ, и сопровождаемая только горничною, вышла изъ родительскаго дома. Тупъ она пребыла минупу, попомъ пихо сказала про себя. „Боже милосердый! не суди меня спрого!“— И пошла черезъ внупренній дворъ на встрѣчу возлюбленному.

Она уже покоилась въ его объятіяхъ; громко ржалъ конь, который долженъ былъ веспи ее изъ родительскаго дома, громко привѣщивовали ее воины Графа; шупъ подошелъ къ ней паспортъ зámка, и сказалъ ласково: „*Елена!* развѣ вы хошите ѣхать, не испросивъ маперинскаго благословенія? развѣ хопите, безъ молишвы, оставить ея пихую могилу?“

При сихъ словахъ *Елена* вырвалась изъ объятій возлюбленнаго. „Пойдемте, Графиня!“ сказалъ спарець, и схвативъ ея руку, повелъ ее въ часовню, гдѣ яркій свѣтъ сіялъ сквозь росписанныя окна; Графъ *Турнь* и *Рихардъ* пошли за ними.

Елена содрогнулась, когда съ препешущимъ сердцемъ вошла въ часовню... памъ увидѣла она опца своего, благоговѣйно молящагося передъ алтаремъ; она уже оспановилась было... и хо-

пѣла воровпшья.— „Ничего, войдите,“ сказалъ Паперъ: „молишва опца бездѣтнаго возносится за васъ къ престолу Господню; войдите! Могила, въ которой покоится ваша маминька открыта и освѣщена лампою.“

Она вошла, хопѣла дрожащею сипопою пройши мимо алшаря къ могилѣ, но когда оставилась передъ Образомъ Спасителя для совершенія крашкой молишвы, тогда опецъ обернулся, увидѣлъ ее,— и непреодолимая сила засавила ее преклонить подлѣ него колѣна. „Просши меня, Боже!“ произнесла она спѣсеннымъ голосомъ.— „Какъ я ее прощаю!“ примолвилъ опецъ, возведя взоръ на небо.— Дочь преклонила голову передъ старцемъ; онъ рукою коснулся чела ея. „Будь счастливае меня,“ сказалъ онъ съ умиленіемъ: „и поѣжай шеперь съ Богомъ.“

Елена обლობызала руку опца, вспала и по звонкимъ мраморнымъ спупенямъ спустилась въ могилу.— Между шѣмъ *Рихардъ*, какъ набожный Каполикъ, благоговѣнно молился передъ Образомъ Пресвятой Дѣвы. Графъ *Турнь*, прислонясь къ одному надгробному памяшнику, казался углубленнымъ въ мрачныя думы. Графъ *Гардегъ*, подошедъ къ

нему, сказалъ распорганнымъ голосомъ: „Вы берете у меня послѣднее, мое сокровище мое единственное дитя.— Сдѣлайте *Елену* счастливою, и я васъ прощу.“—, Папинька,“ возразилъ *Бернгардъ*, до глубины сердца пронумый горестію спарца, коего слезящіе глаза осѣнялись серебристыми кудрями: „папинька, можете ли вы сомнѣваться?“—

„Графъ!“ прервалъ его *Гирдегъ* съ угрюмою важностію: „узы брачныя не всегда составляютъ наше счастье; вѣжное сердце женщины легко сокрушается. Даже благородный человѣкъ есть рабъ своихъ страстей, и вы имъ подвластны.“—

При сихъ словахъ, *Елена* вышла изъ подземелья, держа въ рукъ поблекшій миртовый вѣнокъ; она не дрожащею, но твердою спиною подошла къ отцу и возлюбленному.

„Что ты сдѣлала?“ спросилъ отецъ въ испугъ и дикимъ взоромъ посмопръѣлъ на вѣнокъ: „на что тебѣ это?“

—Свадебный вѣнокъ моей матери, которъй лежалъ на ея гробѣ,— возразила она: долженъ осѣнить и мою голову. . . .

„Опдай мнѣ его!“ вскричалъ отецъ, и пропаянулъ руку къ увядшему вѣнку: „это. . . .“

голосъ его замеръ , изъ глазъ брызнули слезы.— „Боже, пути твои неисповѣдимы!“ сказалъ онъ распроганнымъ голосомъ: „возьми его!“— —

— Конечно неисповѣдимы,— подхватилъ Пашеръ, и пошому примите за знаменіе Божіе, то, что ваша дочь не оставила зámка своихъ предковъ безъ подвѣчнаго украшенія, безъ родишельскаго, безъ паспырскаго благословленія. Теперь рѣшишесь и позволите мнѣ сочепать обрученныхъ: Графинѣ приличнѣ вѣхать отсюда съ своимъ супругомъ, нежели съ похипилемъ.—

Старый Графъ казался разсѣяннымъ; онъ вперилъ неподвижный взоръ на свадебный вѣнецъ, и наконецъ, когда Пашеръ повпорилъ свою просьбу, сказалъ: „если вы увѣрены, что это будетъ угодно Богу, то исполните священную свою обязанность.“—

Когда *Елена* обвила вокругъ кудрей своихъ поблекшій вѣнокъ: то листья съ шорохомъ опали и сквозной вѣшеръ изъ могильнаго подземелья далеко унесъ ихъ отъ алтаря, шуда, гдѣ благочестивая прародишельница *Гардеговъ*, изваянная изъ мрамора, молящаяся, сполла на своей собственной могилѣ.— „Лешите,

„лепите, поблекшіе мисья,“ сказала *Елена*: „успитайте могилу моей прародительницы; вы несетесь пуда, откуда вышли,— но при всемъ помъ, вы мнѣ драгоценны: ибо нѣкогда украшали брачный вѣнокъ моей матери.“— При сихъ словахъ *Елена*, объ руку съ женихомъ, подошла къ алтарю; она принудила себя къ улыбкѣ, но размешанные листья вѣнка пробудили въ груди ея мрачное предчувствіе.

Изъ глубины сердца изливалась проповѣдь Папера; благоговѣнно внимали ей новобрачные; даже Графъ *Турнь* забылъ, что Каполическій Священникъ на вѣки утверждаетъ его счастье. Отецъ въ горестной думѣ споялъ подлѣ отъѣзжающей дочери, а *Рихардъ*, прислонясь къ колоннѣ, умилительнымъ взоромъ смотрѣлъ на изображеніе Пресвятой Дѣвы.

Священный обрядъ кончился; дочь покоилась на груди примиреннаго отца, который съ родительскою нѣжностію благословилъ предлежавшій пухъ ея жизни. Графъ *Турнь* искренне пожалъ спарцу руку, и симъ пожатіемъ обещалъ исполнить слово: сдѣлашь жену свою счастливою; и когда *Рихардъ* подошелъ прощаться съ старымъ Графомъ: по сей заключилъ его въ объятія.— Паперъ сказалъ юношѣ

поржественнымъ голосомъ: „шебъ будетъ сопушпшованъ благословеніе Божіе!“

Вспревоженные духомъ, вынли они изъ часовни на крайній дворъ, въ сопровожденіи опца и священника.— Тупъ увидѣли они на небѣ багровое зарево; на горахъ окрестныхъ повсюду пылали огни.— „Боже правосудный! вы опоздали!“ воскликнулъ старецъ: „спѣшите Графъ, прежде, нежели подойдетъ *Дампьеръ*. Я самъ приказалъ зажечь сіи огни: они зовутъ Фельдмаршала ко мнѣ на помощь. Спѣшите,— или вы погибли!“—

—„Теперь пришла моя очередь работашъ!“— вскричалъ *Рихардъ*, и хотѣлъ вскочиць на коня, но Графъ *Турнъ* приказалъ ему, съ пѣхошою и 50 рейтарами составиць аріергардъ еще разъ *Елена* обняла опца, сѣла на своего Венгерскаго коня, и дружины съ громомъ помчались по подъёмному мосту.

5

Заря занялась; лучи восходящаго солнца оппѣсняли осенніе шуманы въ долины, гдѣ рѣзкій восточный вѣтеръ уносилъ ихъ черезъ голыя пашни; ни одна пшичка не воспѣвала упура; Природа была угрюма и сурова; одна лишь каркающая галка, ища себѣ корму, поки-

дала свое зыбкое гнѣздо, а веселый скворецъ рѣзкимъ крикомъ сзывалъ своихъ поварищей. Не видашь было ни одного поселянина на дорогѣ, ни одного привѣтнаго лица у запертыхъ оконъ Клуденца: ибо дружина проѣзжала черезъ деревню, неоднократно уже разграбленную. Но вошь Графъ *Турнь* съ молодою супругою: поджидая пѣхону, они, сопровождаемые рейшарами, медленно въѣзжали на гору. *Елена*, погруженная въ думу, въ глубокомъ молчаніи ѣхала подлѣ своего супруга, который начиналъ уже негодовать на нее за то, что она не съ такимъ жаромъ опвѣщивала его спраспнымъ воспоргамъ. Не разъ уже, когда они останавливались на вершинѣ горъ, и она съ беспокойствомъ устремляла взоръ въ ту сторону, гдѣ на высотахъ еще пылали спорожевые огни, онъ говорилъ ей почти сердито: „учись забыватьъ, прошлое, *Елена*, и радуйся наспоющему! Ты супруга Графа *Турна*: тебѣ неприлично унывать!“—

— Съ помощію Божіей не буду унывать! Не бойся этого, *Бернгардъ*!— опвѣщивала она, подавляя вырывающійся вздохъ: но поѣдемъ скорѣе; здѣсь превожашъ меня горькія воспоминанія; поѣдемъ!—

Вскорѣ опять ошановились они на горѣ, по ту сторону Клуденца, чшобы дождаться *Рихарда* съ арієргардомъ, который все еще не показывался изъ пропиволежащей долины, передъ ними проспиравшейся, и озаренной яркими лучами солнца. Тупѣ вдали раздались выстрѣлы; вскорѣ перестрѣлка сдѣлалась живѣе; они увидѣли рейпара, который во весь опоръ къ нимъ мчался; прискакавъ, онъ донесъ, что ихъ преслѣдуетъ *Дампьеръ* съ Имперскимъ коннымъ опрядомъ, и прибавилъ, что *Рихардъ* просить ихъ объ немъ не заботиться, а немедленно скакать по Таборской дорогѣ къ Весселю. Гонецъ присовокупилъ, что всякое сопрошивленіе тщетно, ибо по показаніямъ одного плѣннаго, *Дампьеръ* преслѣдуетъ ихъ съ 1,000 латниками и 2,000 Венгерцовъ.

Графъ *Турнь* задумался минушу; онъ, казалось, былъ въ борьбѣ съ собою, предоснавивъ ли одному другу опасность, или лешѣшь къ нему на помощь. Взглядъ на *Елену* рѣшилъ его недоумѣніе.— Онъ помчался и приказалъ своимъ рейпарамъ слѣдовать за нимъ, спараясь спасти себя и опрядъ свой по Таборской дорогѣ, и предоставя друга его участи.

Между тѣмъ *Рихардъ* мужественно защищалъ мостъ на разлившемся горномъ потоцѣ; стойко удержалъ напискъ кирасиръ, и черезъ то далъ другу своему время спастись бѣгствомъ. Но когда уже многіе изъ воиновъ вокругъ него пали, нѣкоторые же обратились въ бѣгство, и онъ почти увѣренъ былъ въ спасеніи друга, тогда не захотѣлъ понапрасну проливать кровь своихъ храбрыхъ товарищей и, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ, сдался Фельдмаршалу.

„Кто ты?“ спросилъ его Графъ *Дальбергъ*, отдавъ приказаніе о дальнѣйшемъ преслѣдованіи Графа *Турна*: „кто ты, который, въ продолженіе цѣлаго часа, столь опчаянно защищалъ сей жалкій мостъ, какъ будто отъ него зависѣло благоденствіе Государства?“—

— Я дѣлалъ это для спасенія друга, скромно опвѣщивалъ *Рихардъ*.

„А генералъ отдаешь мнѣ свою шпагу съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто мы вмѣстѣ ѣдемъ на балъ.“—

— Я свое сдѣлалъ, Графъ!—

„Да кто же ты?“— вѣпорично спросилъ Генералъ.

— *Рихардъ Штейнбахъ* мое имя.—

„А служишь?“—

— Иранорщикомъ шѣлохранишелей Графа *Матвея Турна*.—

„Изъ какого званія?“— *Рихардъ* молчалъ.—

„Прошу отвѣчать?“— вспыхнулъ *Дампьеръ*.

— Еслибъ я могъ,— сказалъ *Рихардъ* съ горячностью,— ахъ! еслибъ могъ отвѣчать вамъ, Генераль, но я не знаю груди, которая питала меня, не знаю отца, который далъ мнѣ жизнь: моя родина— орѣховый кустъ, моя колыбельная пѣсня— ревъ нагорнаго потока; у меня бѣднаго, безпріютнаго, не оспалось даже воспоминанія о родителехъ.—

„Не хочешь ли со мною въ Вѣну?“ спросилъ съ живостью Графъ *Дампьеръ*.

— Я долженъ слѣдовать шуда, куда вы меня пошлете; я вашъ плѣнникъ.—

„Ты меня не понимаешь,“ прервалъ его Фельдмаршалъ:— „ты повравился мнѣ; я желаю тебѣ добра; что поперяемъ въ Богеміи, то вдвое выиграемъ въ Вѣнѣ.“

— Нѣтъ, Генераль!— твердо отвѣщивовалъ *Рихардъ*: на это не могу согласиться. За мною великій долгъ,— долгъ благодарности; кто, кто призрилъ меня младенца: имѣетъ право на помощь человѣка возмужавшаго; кто, будучи

сильнымъ Вельможею позволялъ отроку и юношѣ участвовать въ его горѣ и радости, въ его младенческихъ играхъ и занятіяхъ зрѣлаго возраста, кто открывалъ ему свое братское сердце; потъ имѣешь право на его кровь: моя принадлежитъ Графу *Турну*.—

„Большой чудакъ!“ сказалъ про себя *Дампьеръ*: „но, молодой человѣкъ“, примолвилъ онъ послѣ краткаго молчанія, ласково попрепавъ его по плечу: „съ эшимъ образомъ мыслей Свѣтъ вездѣ будетъ для тебя чужой. Ты глупецъ, что привязанъ къ человѣку, который идетъ споль опасною спезею, и коего гордый, высокомерный, непоспоянный нравъ тебѣ вѣрно извѣстенъ; ты нѣкогда раскаешься. Впрочемъ дѣлай, что хочешь. Не имѣешь ли какой нибудь просьбы? Требууй! если она скромна, то будетъ исполнена.“—

—Отправьте меня въ замокъ Графа *Гардега*,— возразилъ *Рихардъ*.

„Едва ли ты будешь шамъ пріятнымъ гостемъ“, замѣнилъ *Фельдмаршалъ*.

—Какъ бышь!— отвѣчалъ *Штейнбахъ*.— И строгій, надменный *Дампьеръ*, хошя недругъ Богемцамъ, но полюбивъ *Рихарда* за его благородство и скромность, приказалъ отвести его въ замокъ.

Графъ *Гардегъ* не мало былъ изумленъ и вмѣстѣ обрадованъ, когда *Рихардъ*, въ сопровожденіи Императорскаго офицера, вѣхалъ въ замокъ. Онъ встрѣпилъ его ласково, но съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: ибо думалъ о своей дочери.— „Въ безопасности ли они?“— спросилъ онъ пихонько *Рихарда*, и когда сей послѣдній отвѣчалъ ему ласковымъ наклоненіемъ головы: то онъ, успокоясь, повелъ его въ залу, гдѣ Австрійскій офицеръ передалъ плѣнника его надзору.

Графъ *Гардегъ* нѣжно любилъ свою единственную дочь, но отношенія его къ Вѣнскому двору принудили его разорвать связи съ Графомъ *Турномъ*. Онъ видѣлъ безмѣрную горестъ дочери и зналъ ея твердый, пылкій, непреклонный нравъ; посему не поразило его извѣстіе, что Графъ *Турнъ* идетъ вооруженною рукою увести своею невѣсту. Можеть быть, что сія вѣсть была бы ему даже непропивна, еслибъ не узналъ онъ о томъ черезъ *Дампьера*, еслибъ гордость его не оскорбилась мыслию, что силою хотѣлъ увести дочь его изъ замка. Сіе побудило его принять всѣ мѣры къ оборонѣ и условиться съ *Дампьеромъ*, чптобы въ случаѣ крайности, посредствомъ сигналъ-

ныхъ огней, извѣстивъ его о прибытіи *Турна*. Поспѣшность, съ какою Графъ *Турнь* прибылъ къ своей возлюбленной, спасла ихъ: эшо сдѣлалось сущками ранѣе, нежели какъ ожидали. *Турнь* нашелъ средство, извѣстивъ о помѣ *Елену* и, такимъ образомъ, *Дампьеръ* опоздалъ и не могъ встрѣтить его съ своимъ отрядомъ.

Но послѣ того, что случилось въ замкѣ, когда уже священникъ неразрывными узами брака сочешалъ *Елену* съ Графомъ *Турномъ*,— старецъ не могъ желать, чтобы они попались *Дампьеру* въ руки; участь Графа *Турна* въ такомъ случаѣ была бы ужасна.

Послѣ обѣда, самъ Фельдмаршалъ прибылъ въ замокъ, и когда узналъ онъ ошъ *Гардега*, что сей послѣдній беретъ особенное учасіе въ молодомъ челоуѣкѣ, который снискалъ себѣ и его благорасположеніе, и сверхъ того не былъ Богемскимъ дворяниномъ, плѣненіемъ коего дорожили бы въ Вѣнѣ, онъ возвратилъ ему свободу, съ условіемъ, не прежде, какъ по прошествіи трехъ дней оставить замокъ своего покровителя, ибо съ Буквоемъ, Австрійскимъ Генераломъ, въ шо время командовавшимъ войсками противъ Богеміи, *Гардегъ* имѣлъ въ предметѣ важное предпріятіе, требовавшее глубочайшей пайны.

Во время своего пребывания въ замкѣ, *Рихардъ* болѣе и болѣе снискивалъ себѣ любовь Графа Гардега; съ каждымъ днемъ онъ спановился спарцу дороже и все гореспнѣе предспавлялась ему мысль о близкой разлукѣ.

Въ послѣдній вечеръ оба они сидѣли въ рыцарской залѣ за покалами; спарець былъ необыкновенно распроганъ, и, чпò уже не раздѣлалъ, щцепино спарался склонить *Рихарда*, чпобы онъ, покинувъ спорону Богемцевъ, поѣхалъ съ нимъ въ Вѣну, гдѣ вѣрно для него откроепся новое, блестящее поприще. Великодушный *Рихардъ* оспавался вѣрнымъ своему характеру. — —

„Долгъ благодарности меня связываетъ, чеспъ великъ мнѣ возврапиться къ моему мѣспу,“ — возразилъ онъ, и когда Графъ, схвативъ его руку и невольнò прижавъ ее къ сердцу, дружескимъ голосомъ спросилъ: „признайся, одна ли благодарность тебя удерживаетъ, *Рихардъ*? Не сильнѣйшя ли узы тебя связываютъ?“ — Тогда юноша, въ избыткѣ чувспвъ своихъ, неоспорожно признался въ любви къ Сидоніи, Графинѣ *Шликъ*, не замѣтивъ какъ спарець, вспревоженный симъ изъ-

въспіемъ, въ сильномъ движеніи поспавиль
покаль, и покачавъ головою, соспрадапель-
но смопрѣль на него.

„Бѣдный *Рихардъ!*“— сказалъ онъ нако-
пецъ: „бѣдный, обольщенный юноша!— горесп-
на будеть швоя учаспъ, быспропечны швои
мечшы!“— Онъ вспаль, безмолвно подошелъ къ
окну, и посмопрѣль на вечернее солнце, ко-
торое закапывалось за горы, увѣчанныя лѣ-
сомъ.— *Рихардъ* видѣль, какъ дрожащая ру-
ра его опирала слезы; взоръ его съ сердеч-
нымъ учаспіемъ покоился на благородномъ
старцѣ, которій, подавивъ свое волненіе, воз-
рашилъ къ нему швердою посипуью.

„Сынъ мой,“ сказалъ онъ распроганнымъ
голосомъ: „гдѣ родъ и званіе разлучающъ,
шамъ любовь соединяетъ только терниспы-
ми узами,— лиць пресшупленіемъ юканчиваетш-
ся блаженный сонъ.— Мнѣ жаль шебя!— Ахъ,
не возвращайся въ Прагу; шамъ нѣтъ для
шебя счаспія, шуда манишь шебя любовь и
влешеть въ бездну. Сынъ мой, добрый
Рихардъ! Еслибъ голосъ мой могъ предоспе-
речь шебя! Никогда Графиня *Шликъ* не мо-
жеть бышь швоею. Они шерпятъ шебя, по
шому, чшо шеперь шы имъ нужень; если па-

душѣ они: ты падешь вмѣстѣ съ ними; если возвысишься, то посмѣюся надъ безроднымъ глупцемъ, копорый былъ столь дерзокъ, что не отстаивалъ отъ ихъ полета. Сидоніи ты никогда не получишь!—

„Сступай, садись ко мнѣ ближе. Я расскажу тебѣ повѣсть о моей юности; да послужишь она тебѣ увѣщательнымъ примѣромъ!“ продолжалъ онъ, и глаза его, почти умоляя, покоились на юношѣ, копорый сильно пораженъ былъ сими пророческими словами: „садись ко мнѣ ближе, и воображай, что внимаешь родительскому голосу.— Въ швоихъ лѣпахъ я оппирался въ Инсбрукъ къ Эрцгерцогу *Фердинанду*. На пупи, проѣзжалъ черезъ Иннскую долину, внезапно слышу пронзительный вопль въ хижинѣ, близъ большой дороги; я скачу шуда, отдаю лошадь служилелю, вхожу и вижу дѣвицу, копорая, рыдая, сполпшъ на колѣняхъ передъ умирающею, и, вспревоженная моимъ приходомъ, обращаетъ взоръ ко мнѣ.—

„Что ты смолришь на меня шакъ чудно, за чѣмъ пробуждаешь во мнѣ воспоминанія?“ спросилъ спарець прервавъ свой рассказъ, и дико смолря на *Рихарда*, копорый вперилъ въ него изумленный взоръ: „Да, да!“

продолжалъ онъ, закрывая глаза дрожащими руками— „лучше пусть оно шайтся въ сердцѣ, нежели выдепъ изъ успъ.— „*Рихардъ!*“ воскликнулъ онъ внезапно: „нерѣдко случайно-сти коварно впѣсняются въ нашу жизнь и разлучающъ, разрушающъ все пакъ, что не дерзаетъ ихъ будить, когда они уснупъ въ нѣдрахъ времени.— Покойной ночи, сынъ мой, покойной ночи!“— При сихъ словахъ онъ удалился въ кабинетъ, гдѣ *Рихардъ*, за нѣсколько дней передъ тѣмъ видѣлъ изображеніе прелестной пастушки.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

П С А Л О М Ъ 40-й.

Я судъ неложный полюбилъ;
 Душой сдружился съ правопою;
 Самъ Богъ въ меня свой спрахъ вложилъ,
 Съ любовью къ истинѣ свяпою.

О, поддержи меня, мой Богъ!
 Среди пороковъ и шревогъ.

Сыны грѣха! сыны разврата!
 Почпо, въ сердечной слѣпопѣ,
 Такъ жадно ищете вы лапа,

И попонули въ суепъ? . . .

Что пакъ коварны вы и ложны? . . .

Исправшись, будьте осторожны,
 За вами Божій глазъ блюдесть:
 Поддайтесь же ему, съ смиреньемъ,
 И, въ тайнѣ почи, съ умиленьемъ,
 Пусть всякій жизнь свою пройдетъ!
 Такъ! Будьте чисты передъ Богомъ
 И уповайше на Него!
 Безумцы пягопяпся долгомъ
 Хранить вельнїя Его
 И разсуждають: „За терпѣнье,
 Чѣмъ можете насъ Онъ наградишь?“ . . .
 Но мы отбросимъ это мнѣнье:
 Награда— истину любить! . . .
 На насъ лице Его святое
 Глядишь, какъ солнце золотое!
 Мою Онъ душу согрѣль,
 Во мнѣ все весело и стройно!
 И я усну, при Немъ, спокойно.
 Подъ шучей вредоносныхъ спрѣль! . . .

Ө. Глинка.

Г И М Н Ъ Б О Г У .

ДА НЕ СМУЩАЕТСЯ СЕРДЦЕ ВАШЕ ВЪ ДОМУ ОТЦА МОЕГО
 ОБИТЕЛИ МНОГИ СУТЬ.

Іоаннѣ. гл. XIV стп. 1 п 2.

Госпово сердце славить Бога,
 Госпово сердце: я пою!
 Мои всѣ мысли— удивленье,
 Мои всѣ чувства— благодарносїя,
 Всѣ пѣснопѣнїя— хвала.

Единый, Сый, Всесовершенный!
 Безчисленность— Твое число,
 Неограниченность— прострапство:
 Ни времени, ни располпий
 Не существуетъ для Тебя.

Незаходимое свѣпило,
 Грядущей вѣчности восходъ
 И западъ вѣчности минувшей
 Ты зришь, какъ зримъ мы западъ солнца
 И восхожденіе зари.

Огромность, малость, легкость, прудность,
 Всесильный Боже! для Тебя
 Слова безъ всякаго значенья:
 Речешь— родятся Херувимы
 И пульсъ забьется муравья.

Возришь— зажгутся звѣзды въ небѣ,
 Заблещетъ подъ кустомъ свѣплякъ,
 Невпопъ чертежъ освѣшипъ міра,
 Пепръ возсілетъ на престолѣ
 И роза вспыхнетъ на лугу.

Ты слышишь, какъ опживши, гаснетъ
 Звѣзда, минушный неба цвѣпъ,
 Какъ сходитъ Римъ во мракъ могилы,
 Какъ упадетъ власть на землю,
 Какъ шевелится эемеръ.

Тебя, Владыко! славословяпъ
 Міры печепьемъ спройнымъ сферъ,
 Цвѣпты чиспѣйшимъ аромапомъ,
 Умы довѣренностью дѣпской,
 Сердца чувспвипельной слезой.

Ты совершенствами безмѣрно,
 Творецъ, опъ пвари опдаленъ;
 Но благоспью къ сынамъ Ты близокъ.
 Какъ Богъ вселенны— весь Ты сила;
 Какъ нашъ Опецъ— Ты весь любовь.

Желанъ и ждапъ въ сей мѣръ на время
 Мы брошены Твоей рукой,
 И духъ нашъ— чистый лучъ небесный—
 Томился въ прахъ заключенный,
 Какъ искра ясная въ кремнѣ.

Судьбы Твои непоспжимы!
 По пернамъ жизни пруденъ пущь,
 Тяжка година испыпанья;
 Но Ты къ намъ въ пѣспуны приспавиль
 Надежду, Вѣру и Любовь.

Съ вождами сими, руку въ руку,
 Мы не заблудимся ни гдѣ;
 Достойны будемъ— и безсмертье,
 И домъ родипельскій раздѣлимъ
 Съ сынами добрыми опецъ.

Воейковъ.

~~~~~

КЪ ОТЕЧЕСВУ.

Сыпы опечества клянущся—
 И Небо слышишь кляпву ихъ.
 О, какъ сердца въ нихъ сильно бьются:
 Не кровь печепъ, но пламя въ нихъ.
 Тебя, Опечество святое!
 Тебя любишь, тебѣ служишь—
 Вопъ наше званіе прямое.
 Мы жизнию своей купишь

Твое готовы благоденство;
 Погибель за тебя— блаженство
 И смерть— безсмертіе для насъ.
 Не содрогнемся въ спрашный часъ
 Среди мечей, на ратномъ полѣ;
 Тебя, какъ Бога призовемъ—
 И врагъ не узритъ солнца боля.
 Иль мы, сраженные, падемъ—
 И наша смерть благословишя.
 Пусшь черный гробъ сокроешь насъ:
 Когда вздохнемъ въ послѣдній разъ,
 Сей вздохъ шебъ же посвятитя!

Андрей Тургеневъ.

1800 года.

НАДГРОБІЕ Х. И. БОРИСОВУ (*).

Насправниковъ своихъ вниманье заслужилъ
 И первый жертвой смерти былъ
 Изъ всѣхъ своихъ товарищей ученья.
 Опеческія попеченья
 Начальства не могли, увы! его спасти.
 Проспи, достойный сынъ! проспи на вѣкъ, проспи!

А. Измайловъ.

В О С П О М И Н А Н І Е.

Тамъ, гдѣ богатыми коврами
 Усплалъ Украину Творецъ,
 Гдѣ лобызается струями
 Съ *Лебляжьимъ - Озеромъ* Донецъ,—
 Тамъ домъ, садами окруженной,

(*) Кондуктору Главнаго Инженернаго Училища, скончавшемуся 26 ч. Октября 1819 года.

На берегу спойшь ручья,
 И въ домъ помъ уединенно
 Живешь друзей моихъ семья.
 Туда, бывое вспоминал,
 Стремлюсь я сердцемъ и душой:
 Семь лѣтъ памъ цѣлыхъ мамъ чужал
 Была мнѣ маперью родной!
 Тамъ, удаленный отъ опчизны,
 Обрѣлъ опечесшво я вновь;
 Тамъ грудь мнѣ, въ ясный полдень жнзши,
 Созрѣли дружба и любовь!
 Подъ небомъ сей спрапы привѣпшой
 Вкусилъ я сладость быпшя:
 Текли дни жнзни непримѣпно,
 Какъ волны звонкаго ручья:
 Не зная опыпомъ мученій,
 Душа надеждъ была полна;
 Я изъ фіала наслажденій
 Пилъ наспопщее до дна!
 Но прочныхъ благъ нѣтъ подъ луною! . . .
 Ужъ годы въ вѣчноспъ ушекли,
 Какъ, разлученъ друзей съ семьею,
 Я сиропью на земли!
 Съ шѣхъ поръ, упратилъ вѣру въ счастье:
 Оно обманчиво какъ сонъ,
 Какъ друга ложнаго участие,
 Какъ пишина коварныхъ волнь!
 Съ шѣхъ поръ, нѣтъ въ мѣрѣ мнѣ опрады:
 Свинцомъ лежншь въ душѣ печаль,
 И слезъ исполненныя взгляды
 Всегда поскливо смопрятъ въ даль—
 Туда, гдѣ пышными коврами
 Успмалъ Украинну шворецъ,
 Гдѣ лобызаешся спруями
 Съ *Леблжыльмъ - Озеромъ* Донецъ.

Сіановъ.

К Р И Т И К А

З а м ѣ ч а н і я.

На Исторію Русскаго народа, сочиненную
Николаемъ Полевымъ. Москва, 1829 года.

„Историкъ, проникнувшій идеєю высшей
„испины долженъ скрыться въ своемъ созда-
„ніи. Пусть не разрушаетъ онъ нашего оча-
„рованія своимъ ничтожнымъ бытіемъ при
„великой каршинѣ бытія, которое изобра-
„жаетъ осмѣливаеся.“ Такъ пишетъ Авшоръ
исторіи Русскаго народа въ предисловіи на
стп. XXII, а потомъ на XXXII продолжаетъ:
„Никто изъ покушавшихся доньяѣ писать
„Русскую исторію не имѣлъ ни испиннаго
„понятія о дѣписаніи, ни надлежащихъ при-
„гошвленій къ труду, все сказанное о лож-
„ныхъ направленіяхъ исторіи соединено въ
„нихъ съ незнаніемъ, ошибками умышленными
„и неумышленными, погрѣшностями иногда
„даже забавными: *Татищева* сводная лѣпопись
„недостойна названія исторіи; *Ломоносовъ* до-
„стоинствомъ историка недалеко отъ *Хил-*
„*кова*; *Эминъ* показываетъ, что можетъ на-
„писатъ ограниченный, полуученый человекъ;
„швореніе *Штриттера* не имѣетъ достоин-
„ства даже вѣрной лѣпописи; *Щербатовъ*, цѣ-

„имѣя понятія объ исторической криптикѣ,
 „обманулъ общее ожиданіе, издавъ несклад-
 „ную компиляцію; *Елагина* нѣшъ терпѣнія
 „прочиташъ вполнѣ; *Карамзинъ*, увлеченный
 „ложнымъ понятіемъ о политической систе-
 „мѣ прошедшихъ временъ, жертвовавшій кра-
 „сотѣ повѣствованія истиною и криптикою
 „матеріаловъ, можешъ бышъ причисленъ къ
 „писателямъ, которые слѣдовали невѣрному
 „направленію исторіи, названному имъ авто-
 „ромъ Героическимъ.“— Послѣ сего, Авторъ
 исторіи Русскаго народа увѣренъ,— „что его
 „не обвиняшъ въ излишнемъ самолюбіи, и въ
 „шомъ, что онъ рѣшился писать вновь Россій-
 „скую исторію; пошому что въ настоящемъ
 „состояніи и направленіи учености Европей-
 „ской, едва ли сыщешся кто либо могущій
 „рѣшиться на сей подвигъ.“

Вошъ какъ Авторъ исторіи Русскаго на-
 рода скрываетъ быніе свое въ своемъ созданіи!

На стр. 151 исторіи Русскаго народа на-
 печатано: „Короспень, какъ говоритъ Г. Рус-
 „совъ въ Волынскихъ запискахъ, нынѣ Иско-
 „роспъ село Волынской губерніи въ Овруч-
 „скомъ повѣтѣ, тамъ есть высокій холмъ,
 „эшо могила Игоря. Вѣрнѣ ли?“

Можешъ бышъ, дѣйствительно, свѣдѣнія мои
 о нынѣшнемъ существованіи Искороспи, Авто-

ромъ ИРН. переименованное, недостопаочно. Душевно радъ пополнить оное, чемъ Автору угодно: если недостопаочно личнаго обзрѣнія частнаго человѣка, могу сослаться на оффиціальное розысканіе Земскимъ Начальствомъ, въ 1806 году учиненное, по письму покойнаго Исторіографа, къ бывшему тогда Волынскому Гражданскому Губернатору, Князю *Волконскому*. Оное розысканіе преименкомъ его доставлено къ Исторіографу; если и сего мало, то Искорость можно видѣть на картахъ Волынской Губерніи, изданныхъ при Императорскомъ Депо картъ. Не опречаюсь предсавить все, что только Автору будетъ угодно. Въ Волынской Губерніи существованіе Искорости извѣстно сполько же, сколько Пешербургскимъ жителямъ Ладога.

Благодаря Автора ИРН. за указаніе мнѣ недостопаочнаго извѣстія о нынѣшнемъ существованіи Искорости, долгомъ почишаю служить ему подобнымъ указаніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, показавшихся мнѣ также сомнительными, недостопаочными и даже невѣроятными въ его ИРН. Выражая истину, спспараюсь не оскорблять Авторскаго самолюбія

поспараюсь избѣгнути привязчивости, укажу на самыя грубыя ошибки, объявлю мои сомнѣнія и больше ни слова.

I

Вѣришь ли, что сочинитель ИРН., начная шекспъ ея описаніемъ Скандинавскаго полуострова, къ Россіи нашей никогда не принадлежавшаго, наполнилъ около 30 страницъ смѣсью безъ различія Исторіи отъ Пимпическихъ вымысловъ и даже отъ басней Миѳами (у Авпора стр. 33) называемыхъ, что сію смѣсь или мнимую Русскую исторію IX вѣка обогатилъ (стр. 285) физическимъ Обзорѣніемъ Европейской Россіи XIX столѣтія, назвавъ въ семъ Обзорѣніи седмую часть Россіи ш. е. Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, сѣверную часть Вятской и Пермской губерній Скандинавскою плоскостью, и что, наконецъ, къ сей исторической плоскости своей IX столѣтія, на стр. 335 приобщилъ спашиспику Славянскихъ народовъ всей Европы XIX же вѣка? Кто повѣритъ, что сіа безобразная смѣсь принадлежитъ къ Русской исторіи IX вѣка?—

На спр. 52, Авшоръ ИРН. утверждаетъ будшо бы „*лѣтописи наши положительно* гово-
„рящъ, что пришельцы, покорившіе власци
„своей обиташелей береговъ Финскаго залива
„и около лежащихъ рѣкъ и озеръ, подъ име-
„немъ Русской земли, были Варяги, жипели
„Скандинавіи.“

А я *положительно* утверждаю, что сего извѣстія въ нашихъ ш. е. Русскихъ лѣтописахъ совсѣмъ нѣтъ. Исторіографъ, имѣя предъ глазами своими всѣ лучшіе списки *Несторовой* лѣтописи, какіе во всей Россіи отыскались могли а) и, не находя въ нихъ выше приведеннаго извѣстія, на 44 спр. 1 Т. ИГР., говоритъ: „Какіе-то— то еспь, неизвѣстно какіе смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варягами, пришли и проч.“

Русскія лѣтописи не только нигдѣ не предшавляютъ положительнаго извѣстія о

а) Исторіографу открыты были всѣ, какъ публичныя, такъ и частныя бібліотеки; при томъ еще не всѣ возвращены были лѣтописи, по Высочайшей волѣ Екатерины II, объявленной въ письмѣ Полковника *Турганинова* 1778 года Октябрю 31 числа, собранныя изъ всей Россіи. Изъ нихъ лучшія, послѣ разбора, подъ вѣдѣніемъ св. Синода и подъ особою дирекцію учейнаго *Платона*, 1791 года Августа 11 числа вышребованы были къ Ея Величеству.

Скандинавскомъ происхожденіи *Рурика*, но явно по тому противорѣчатъ. 1) Онѣ утверждаютъ именно, что Варяги Русь не Шведы. а) 2) Что вообще Варяги обитали не на Скандинавскомъ только берегу Балтійскаго моря, но и на противоположащемъ, простираясь на востокъ до колѣна Симова (до Азіи) аа) 3) Слова же: за море, въ заморье, изъ заморя, совершенно ничего не доказываютъ; по тому что есть дорога черезъ море и къ берегамъ, Прусскими владѣніями нынѣ окружаемымъ. Ссылаюсь на всѣ, какъ древнія, такъ и новыя карпы: на всѣхъ карпахъ означенъ ясно узкій и длинный хребетъ песковъ чрезъ море, составляющій и нынѣ почтовую дорогу изъ сѣверной Россіи въ Пруссію.

а) Слова лѣтописей. „Идоша Славяне за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся зваху тѣи Варязи-Русь, яко се друзи зовущя Свос, друзи же Урмане, друзи Гыпе, тако и сѣи;“ т. е. Варяги назывались одни Русью, другіе Шведами, иныя Норманіями или Нордсгами (рѣшительно не знаю), Англичанами, иныя Готами, Славяне же пошли къ нѣмъ Варягамъ, кои назывались Русью; следовательно, Русскія лѣтописи положительно говорятъ, что Славяне пошли не къ Шведамъ; не къ Англичанамъ, и не къ Готамъ, но къ Руси.

аа) Слова лѣтописей. „Ляхове же и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сего къ Восноку, до предѣла Симова.“ Здѣсь безъ малѣйшаго толкованія лѣтописей нашихъ видно, что Варяги обитали не на одномъ Скандинавскомъ берегу Балтійскаго моря; но и на противоположащемъ оному.

Къ сему можно смѣло прибавить, что не только въ Русскихъ; но ни въ Византійскихъ, ни во Франкскихъ, ни въ собсшвенныхъ Шведскихъ нѣтъ ни одного слова, утверждающаго Скандинавское происхожденіе *Рурика*; но всѣ явно оному пропивоорѣчающъ.

Развязку сего вопроса надлежало бы наиболѣе искасть въ лѣтописяхъ Франковъ, кои съ Норманнами и паче съ Руриками воевали больше всѣхъ: но что же они говорятъ? У Исторіографа Т. г. прим. 98, въ извѣстїи о Король или Царь *Рурикъ* 850 года, между прочимъ изъ собранія *Дюшена* выписано: (Roricus aut Roric Nordmannorum Rex) proditionis crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est, unde fuga lapsus in fidem Ludouici Regis orientalium Francorum veniens . . . cum per annos aliquot ibi moraretur et inter Saxones, qui confines Nordmannis, mansitaret et caet. а) п. е. *Рурикъ*, Король *Нордманновъ*, ложно обвиненный въ измѣнѣ, взятъ и опосланъ подѣспражу, оп-

а) Слова, послѣ прехъ почекъ слѣдующія, находятся не только у *Дюшена*, но и въ другой, древнѣйшей Франкской лѣтописи, напечатанной въ Парижѣ въ 1588 году на стр. 56. Они не подлежатъ сомнѣнію, потому что напечатаны прежде возникшихъ по подлежащему вопросу споровъ.

куда бѣжавъ, передался *Лудовику*, Королю Франковъ восточныхъ и, нѣсколько лѣтъ находясь тамъ, бывалъ у Саксоновъ, обитавшихъ въ смежности въ Норманнами и проч. Слѣдственно, Норманны, у коихъ въ 850 году былъ Король *Рурикъ*, обитали не въ Скандинавіи, а съ Саксонами, на сторонѣ Скандинавіи пропиволежащей. О Византійскихъ и Шведскихъ лѣтописяхъ увидимъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

3

На стр. 57, Авпоръ ИРН., въ примѣчаніи говоритъ: „Есть люди, кои упорно ссивуютъ въ эпозъ; но читатели, найдущъ въ сочиненіи Г. *Погодина* о происхожденіи Руси, всѣ существовавшія донынѣ мнѣнія о томъ, кто были Варяги, и опроверженія ложныхъ мнѣній, съ показаніемъ матеріаловъ, по копорымъ можно собрать подробности.“

Нимало! Сочиненіе Г. *Погодина* содержитъ особенно опроверженіе мнѣнія *Эверса*, производящаго, *Рурика* отъ Черноморскихъ неизвѣстно какихъ, Руссовъ, и на сей случай оно очень хорошо, но доказательствъ его, относительно Скандинавскаго происхожденія *Рурика*, не удовлетворительны. Положимъ, что изъ двухъ спорящихъ одинъ доказываетъ, будто бы

Нева впадаетъ въ Каспійское море, а другой ушверждаетъ, что Нева вливается въ Сѣверный Океанъ. Въ семъ случаѣ трешій, доказавъ ясно неосновательность мнѣнія, будто бы Нева впадаетъ въ Сѣверный Океанъ, еще не ушвердилъ бы нимало того, что Нева вливается въ Каспійское море. Трешій, только тогда опкрылъ бы истину, когда бы доказалъ, что Нева впадаетъ въ Финскій заливъ: ибо, въ семъ случаѣ, первыя два мнѣнія увидѣлись бы сами собою.

4

На стр. 18, Авпоръ ИРН. говоритъ: „Въ „лѣтописяхъ (п. е. Русскихъ) найдено извѣстіе, что въ 859 году явились „Варяги въ первый разъ на берегахъ Финскихъ „и Ладожскаго озера, обложили данью шамош- „нихъ обитателей и притѣснили ихъ, что „черезъ два года были они изгнаны шугемцами „и въ 862 году призваны ими снова добровольно.“

Такъ ли? Въ лѣтописяхъ сказано: „Въ лѣто 859 имаху дань Варязи изъ за морья на Чуди и на Славенехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ — въ лѣто 860, въ лѣто 861 изгнаша Варязи за море и не даша имъ дани.“ — Гдѣ же слова: *въ первый разъ — притѣснили ихъ* — слова, смыслъ лѣтописей измѣняющія? Они *вымышлены* самимъ Авпоромъ ИРН. Слово *дань* предполагаетъ, что *Варяги* уже имѣли на

оную какое нибудь право, вѣроятно, происшедшее опъ прежнихъ сношеній. Видно, что смыслъ слова *право*, тогда уже Славяне понимали: ибо въ лѣтописи сказано опъ имени Славянъ: „Поищемъ собѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву.“— Текстъ лѣтописей можеть полковашъ Авторъ, какъ ему угодно; но кто далъ ему право: сей текстъ обезобразилъ? Мы объ этомъ еще поговоримъ ниже.

5

На стр. 30, Сочинитель ИРН., окончивъ рассказы *Твороговича* о 12 народахъ опъ рода *Измаила*, сына *Агари* происшедшихъ, и о двухъ народахъ, ведущихъ начало опъ дочерей *Лотовыхъ*, заключаетъ: „Вопъ вполне всѣ „историческія и этнографическія извѣстія „(будшобы) лѣтописей нашихъ о древнихъ „событіяхъ и проч.“

Откуда же Авторъ ИРН. опять продолжаетъ (съ стр. 43 до 50) извѣстія, также подъ названіемъ этнографическихъ свержъ которыхъ (стр. 321) находится особая спашья, подъ заглавіемъ: „IV. современная *Нестору* этнографія Сѣвера,“ и опъ сей отдѣлены особо (стр. 324 и 325) двѣ спашьи

подъ заглавіями: *о нравахъ Славянскихъ народовъ и о нравахъ разныхъ народовъ?* а)

6

Теперь слѣдуетъ отрывокъ изъ ИРН., который по собственнымъ выраженіямъ ея Автора, „написать можетъ только человекъ весьма ограниченный, къ труду своему не „пригошовленный, ничего систематически „незнающій и даже непрочитавшій съ должнымъ вниманіемъ лѣтописи *Несторовой*.“— На стр. LI, Авторъ полковаль, что „Исторію Рускаго народа долженъ только показати: „гдѣ, какъ, и когда составилъ Русскій народъ, „изложить событія, образовавшія изъ сего „народа Государство Россійское, и что далѣе „сихъ рубежей (стр. LI) не должна— переслунашь въ мракъ древнихъ вѣковъ исторія „Русскаго народа, и паче (стр. LI) не искашь „въ мракъ Мнѣологии происхожденія Индо-„Германцевъ.“ Чтожь дѣлаетъ послѣ сего условія, Авторъ ИРН?

- а) Во Французскомъ и Россійскомъ словарѣ *Татищѣва*, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1827 году, о коемъ Авторъ ИРН. отзывался въ свое время съ великою похвалою, I тома на стр. 296 напечатано: Ethnographie Описание правовъ націй; слѣдственно, не просто націй или народовъ. По сему Авторъ ИРН. допустилъ мнѣ замѣнить, что ему не совсемъ хорошо знакомъ смыслъ слова: Ethnographie и что онъ, кажется, не то писалъ, что думалъ. Касательно же извѣстій о 12 народахъ рода *Измаила*, это не Русское, но Малоазійское. См. о семъ прекрасное розысканіе Исторіографа въ прим. 64 на II Т. ИГР.

Онъ, побесѣдовавъ кратко о княженіи *Рурика* и не докончивъ онаго, скрывается въ неизмѣримостъ пространства и времени, откуда— (на стр. 33, 34; 35, 36 и 37) такъ почто, какъ въ началѣ своей исторіи, безъ хронологіи, безъ системы и безъ различія исторіи отъ басней, будто бы въ Миѳическихъ преданіяхъ Востока и Нибелунгахъ для него сохранившихся,— описываютъ двѣ вводныя эпохи переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу и. е. Германцевъ, Вепедовъ, Пелазговъ и проч., и на 38 стр. заключаютъ, что симъ пояснились, для насъ преданія нашихъ лѣтописей.

Не только симъ не пояснились, но гуспо попомнѣли преданія нашихъ лѣтописей. Что такое Миѳическія преданія Востока и Нибелунги, какъ не старинныя розказы, изъ коихъ для новости выкинушы хронологія и номенклатура? Просимъ сообразить!

Германцы или Тевтоны называютъ Родоначальникомъ своимъ Туиска а), жившаго за

а) Вотъ слова Туископоповъ или Германцевъ: Es ist gemeine Sage, der Stamm-Vater der Deutschen hätte Thuisco geheissen, dieser Thuisco würde in der Bibel Ascenas genennet, dessen Vater wäre gewesen Gomer, dessen Vater Japhet, und dessen Vater Noa. Darbey lassen wir es bewenden und setzen nur dieses noch hinzu, dass dieser Thuisco 2000 Jahr vor der Geburt Christi gelebet hat. — Theut, Thoyt Graecis Hermes, Latinis Mercurius Scriba Osiridis Regis et cet.—Suacius Germanorum Rex eo tempore, quo Osiris in Egipto regnaret, a quo Sucui dicti sunt.

2,000 лѣтъ до Р. Х. *Бруктеръ* (см. tab. aenea) нашель, что *Теутъ* или *Тотъ* былъ писемоводителемъ у *Озириса*, сына *Юпитерова* или *Белуса*, Царя Ассирійскаго, жившаго за 2,000 лѣтъ до Р. Х.— Во время Царствованія въ Египтѣ того же *Озириса*, жилъ *Севевъ* Царь Германскій. Переселенія *Венедовъ* или Нѣмецкихъ Славянъ, по шѣмъ же *Миѣамъ* и *Небелунгамъ*, отнoсится къ той же самой эпохѣ, въ которую жилъ *Туиско*; ибо Германцы послѣ *Туиска* называютъ девятымъ Царемъ Германскимъ *Вандала* а), или по выраженію *Татищева*— *Вандалоса*, который въ то же время былъ Царемъ Аргосскимъ или Аргивскимъ. Но на чемъ сіи извѣстія основаны? И въ правѣ ли, послѣ сего, Авторъ ИРН. укоряетъ *Татищева*, котораго особенная *Іоакимовская* лѣтопись взята почти изъ тѣхъ же мнимыхъ Миѣическихъ преданій Востока и Нибелунговъ, коимъ слѣдуетъ Авторъ ИРН. въ самомъ текстѣ. Авторъ ИРН. рассказываетъ о переселеніи Пелазговъ изъ Азіи въ Грецію, но кто же этому повѣритъ? Когда Пелазіи

а) Vandalus Argiuorum Rex apud Thuiscones regnavit et huius Regis Tacitus meminit. Hinc Wandalarum gens, quae lingua Slauonica utitur, denominata est die Wienden, e quibus nunc multae maxmae quae Gentes diuisae sunt, Poloni Boemi, Sclauonii, Croatiai, Uandali ad Marchiam Germaniae; Uandali in Thracia et caeter. quorum lingua Turcorum Aulici, frequenter utuntur.

были родомъ Греки? Извѣстно переселеніе Пелазговъ изъ Аркадіи (Греческой области) въ Италію. Теперь спросимъ, гдѣ Авпоръ ИРН. нашелъ историческое извѣстіе о томъ, что въ Италіи изъ смѣшенія Пелазговъ съ Аборигенами и Германцами, образовался народъ Римскій? Впрочемъ, это не наше дѣло! Пусть Пелазги (сир. 37) гонятъ Финновъ къ сѣверу; пусть Нѣмецкіе Германцы (сир. 39) сражаются съ Германцами Италіанскими. Мы лучше желали бы знать: какимъ образомъ появляются для насъ преданія нашихъ лѣтописей времени *Рурика*, жившаго въ IX столѣтіи послѣ Р. Х., баснями о событіяхъ за 5,000 лѣтъ до того происходившихъ, и ничего общаго съ Рускими лѣтописями не имѣющихъ? Начало Рускихъ лѣтописей просто, правдиво, числосердечно, ясно и вопль какъ его изъясняютъ:

Отъ изобрѣшенія письменъ до *Анаксиландра*, отъ *Анаксиландра* до *Александра Великаго*, отъ *Александра* до *Иппарха*, отъ *Иппарха* до *Птолемея Астронома*, многіе занимались географическими свѣдѣніями, употребляли даже карты; но во все сіе время географіи, въ видѣ особой или отдѣльной нау-

ки совсемъ не было. *Птоломей*, во II столѣтіи послѣ Р. Х., составивъ свою систему міра, по примѣру *Иппарха*, началъ сочинять карты по правиламъ астрономическимъ ш. е. съ означеніемъ мѣстъ широты и долготы и, въ таблицахъ своихъ, первый отдѣлилъ географію отъ исторіи въ особую науку. Хотя сія географія до возрожденія въ Европѣ наукъ была въ младенчествѣ; но проповѣдники Евангелія имѣли въ ней нужду; имъ не нравились только имена языческихъ полубогинь или нимфъ, коими означались при часпи маперика земли, тогда извѣстнаго а); а потому они, при составленіи своей новой географіи, или при сокращеніи *Птоломеевой*, выкинули имена языческихъ полубогинь и замѣнили ихъ именами Библейскими, назвавъ Азію колѣномъ *Симовымъ*, Африку или Ливію колѣномъ *Хамовымъ* и Европу *Афетовымъ* а). Они, не принимая новой тогда мысли о круглостѣ земли, вмѣсто измѣреній *Птоломеевой* географіи, пояснили, что дѣшамъ *Симовымъ* достигались по ихъ мнѣнію страны воспочныя, дѣшамъ *Ха-*

а) Западное духовенство пошло было далѣе; оно во время *Бѣды* начало было называть все созвѣздія именами Христіанскими, на пр. Овна св. Апостоломъ *Петроломъ*, Тельца святымъ *Андреемъ*, Медвѣдцу Архиспраншгомъ *Михаиломъ* и пр.

мовьми полуденныя и дѣшьямъ *Афетовымъ* западныя и полунощныя. Въ такомъ бѣдномъ положеніи всеобщую географію доспалъ изъ Византіи *Несторъ*, въ лѣтописаніи *Георгія*, а) и, не находя въ ней спранъ и народовъ, занимавшихъ погда обширный Сѣверъ, сдѣлалъ изъ нихъ, по существовавшимъ погда преданіямъ и собственнымъ свѣдѣніямъ, возможное дополненіе. Такимъ точно образомъ соспавилась всеобщая, съ XII спольшія употреблявшаяся у Россіянъ, географія, которую *Шлѣцеръ* называетъ не только для Россіи, но и для всего Сѣвера IX спольшія лучшею, досповѣрнѣйшею и важнѣйшею. Она очень коротка; но ясно показываетъ, что значатъ въ ней или въ Русскихъ лѣтописяхъ колъно: *Симово*, *Халово* и *Афетово*, гдѣ проспирались обипанія Варяговъ, гдѣ искаеть должно народа или области подъ названіемъ Руси и проч. Авторъ Испоріи Русскаго народа, изъясняя ее воспочными Мифами и Нибелунгами, кажется нарочно хотѣлъ написать что нибудь невѣроятное.

а) Онъ самъ говоритъ о томъ именно; слѣдственно, открыли *Георгія* не повѣйшіе изыскатели, а самъ *Несторъ*; изыскатели же только доказали, что *Несторъ* не лгалъ.

На стр. 58, сочинитель ИРН. спрашиваетъ самъ себя: „Имя Варяговъ было ли опличительнымъ именемъ дружинъ *Рурика* и его „преемниковъ?“ И самъ себя отвѣчаетъ: „Ни „мало; попому, что такъ называли у насъ „вообще Скандинавовъ. Лѣтописи наши въ „половинѣ XII вѣка употребляли сіе имя, когда слово: *Русь* было уже у нихъ самобытнымъ. — Варягами называли въ Греціи всѣхъ „Скандинавовъ.“

И пустьъ нѣтъ ни слова похожаго на правду! По лѣтописямъ нашимъ половины XII вѣка, Варяги обитали не въ одной Скандинавіи, но по обоимъ берегамъ Варяжскаго моря и простирались сюда, и. е. гдѣ писалъ *Несторъ*: „до колѣна *Силова*„ или до Азіи, какъ я думаю, и Русь, явно опличаясь отъ Шведовъ, принадлежала къ Европѣ, которой описанные народы, на юго-западѣ сходились съ Африкою. „Слова: называли у насъ въ половинѣ XII вѣка „Варягами вообще всѣхъ Скандинавовъ,“ и несправедливы и ничего не доказываютъ. Когда у насъ Скандинавовъ Финновъ и Лапландцевъ называли Варягами? Вообще видно, что Авторъ ИРН., предпринявъ Пермскую и прочія сѣверныя наши Губерніи называть Скандинавскою

плоскостью, самъ о Скандинавскомъ полуостровѣ не имѣешь ни малѣйшаго понятія. Онъ говоритъ: „Варягами называли и въ Греціи всѣхъ Скандинавовъ;“ но въ Греціи ни вообще, ни по частямъ Скандинавовъ никогда не называли Варягами: ссылаюсь на выписки *Штриттера* о Варягахъ. Греки называли Варягами иногда просто Варваровъ (спр. 189); иногда Баварцовъ и Нѣмешовъ (спр. 184); иногда жинелей острова Туле (спр. 203); но Скандинавія не островъ; а) она полуостровъ; иногда Кельтовъ (стр. 214. но болѣе всего Британцевъ и Англянъ спр. 206, 215 и 223. аа). Но когда всѣ вышеисчисленные народы были Скандинавами? И трудно ли было Автору объ этомъ справиться?

8

На спр. 56, Авторъ ИРН. говоритъ: „Мы должны изслѣдовать: отъ чего у насъ явилось имя Руси, коимъ названо было *Государство* „а) *Рурика*?“ и на спр. 59 продолжаетъ: „Толпы Скандинавскихъ завоевателей, или, говоря точнѣе, морскихъ разбойниковъ, вступили

а) Откуда здѣсь явилось *Государство Русское*? Вспни оно, по увѣренію Автора (спр. ХLI), начало существовать только со времени сверженія ига Монгольскаго.

аа) Теперь мы видимъ: почему *Варяжскіе законы*, напечатанные мною на Русскомъ языкѣ въ 1824 году въ С. Пешбургѣ, называются: *Lex Anglorum et Svecorum*.

„пившихъ на Финскіе берега, назвали себя
 „Русь или Русью, именемъ, неозначавшимъ
 „ни страны, ни народа. (спр. бо.) Званіе
 „морскихъ воиновъ, казавшееся именемъ народа
 „чужеземцу, было именемъ дружинъ *Рурико-*
„выхъ и оспалось именемъ всѣхъ потомковъ
 „ихъ.“

На спр. XLIV, Авторъ ИРН. обѣщаетъ—„ни-
 „чего не переносить въ IX вѣкъ изъ нынѣш-
 „нихъ временъ, обѣщаетъ предспавлять всѣ
 „слова и рѣчи въ грубой простотѣ тогдашней.“
 Чпожь говорили Славяне передъ призывомъ
 на Княженіе Варяговъ? Они говорили (см. лѣп.
 спр. 12): *поищемъ собгъ Князя иже бы воло-*
дель нами и судиль по праву. Послѣ сего,
 могли ли Славяне иппи къ разбойникамъ?
 Здѣсь обезображено мѣсто лѣпописей нашихъ,
 съ чудеснымъ сходствомъ изображающее чер-
 ты Славянскихъ нравовъ своего времени. а)

а) Вотъ какъ изображаютъ Славянъ IX вѣка иппирания
 лѣпописи: „у Мархійскихъ Славянъ всѣ Князья на сраже-
 нияхъ перебиты и разнесся слухъ, что и послѣдній ихъ
 Князь *Святополкъ* въ 871 году погибъ у *Карломана*.
 Оспался какой-то священникъ *Скалагамиръ* или *Слао-*
миръ (Славомиръ) изъ рода Княжескаго; по сей, бывъ до-
 воленъ своею участью, началъ ошговариванься ошъ предла-
 гаемой ему чести: тогда Славяне (спр. 105) *minabantur*
ei interritum, nisi ducatum super eos susciperet, n. e. грози-
ли ему смертью, если ошъ не приметъ надъ иппи Княже-
нія, et Scalagamirus necessitate coactus. assensum praebuit;
 и *Славомиръ* согласился по неволѣ. Еще—Мекленбургскій
 Князь *Албертъ* былъ задержанъ за границею подъ спра-

Толпы мнимыхъ Скандинавовъ назвали себя Русью, именемъ неозначившимъ ни страны, ни народа говоритъ Авторъ ИРН.; слѣдственно, по его мнѣнію, Шведы, Англичане, Готы и проч., назывались именами не означившими ни страны, ни народа: ибо льпописи увѣряютъ, что Русь называлась Варягами шочно также, какъ Шведы, Готы, Англичане и прочіе народы, да и во всеобщій географіи или, по выраженію *Шлѣцера*, космографіи IX вѣка, Русь стоить наряду между прочими народами; на пр. Русь, Чудь, Литва, Зимегола, Корсь, Ляхи, Прусь и проч. *Шлѣцеръ* говоритъ, что слово: Русь вспавка, или прибавка. Пусть прибавка; но къ Византійской, а не къ *Нестеровой* географіи, *Несторъ*, не находя Руси въ Византійскомъ ошривкѣ, могъ ее прибавить, и эта прибавка XI столѣтія для насъ споль же важ-

---

жею за 60,000 серибрь и за неуступку Спокгольма, общественная казна Мекленбургскаго Княжества была истощена: чтоожъ сдѣлали Славяки? Знашия жены ожерелья и прочіе золотые наряды свои и дочерей своихъ принесли въ собраніе, обратили въ деньги и Князя *Альберта* выкупили. *Albertus Nobilium in ducatu Megalopolitano virginum et facinarum monilibus, aliisque ornamentis aureis in publicum collatis redemptus est.* *Dissert. de originibus Remanorum.* Хотя сей примѣръ довольно поздній, но еще Балтійскіе Славяне говорили погда по Славянски. Къ сему любопытные могутъ чпшать у Исторіографа Т. II. стр. 10. Къ слову: Священникъ *Славомиръ*, надобно замѣнить, что въ IX вѣкѣ Славяне крещены въ маломъ количествѣ, и пѣ послѣ почти всѣ ошпадали.

на, какъ и вся лѣтопись *Нестора*, котораго самъ *Шлѣцеръ* (стр. мз) одного только называетъ наспоющимъ, полнымъ и справедливымъ лѣтописателемъ всего погдашняго верхняго сѣвера.

Припомъ, сколько разъ Русь, какъ народъ и какъ Государство задолго до IX столѣтія упоминають сами Скандинавскіе лѣтописатели *Саксо*, *Торфей*, *Снорро*, и другіе; сколько разъ по ихъ извѣстіямъ, до IX столѣтія Рускіе Цари покоряли всю Скандинавію? Положимъ, что извѣстія ихъ баснословны и соспавлены изъ самыхъ темныхъ преданій; но можно ли сіи темныя преданія сравнить съ явными вымыслами XVIII и XIX вѣка? а)

Не знаю, упоминашь ли о приходившихъ къ воспочному Императору *Феофилу* людяхъ, которые называли себя соопчичами народа Росъ, а Царя своего *Хаканомъ*, и послѣ оказались будто бы Свеонами? Если упомянушь: по

а) Сіи баснословныя и мрачныя преданія ведутъ однако къ разрѣшенію одного вопроса, надъ коимъ доселѣ спудились безуспѣшно, п. е. почему Финны называютъ Шведовъ Руссалайнами? Баснословныя преданія Шведовъ говорятъ, что Русскіе Государя, задолго до IX столѣтія, неоднократно покоряли всю Скандинавію, слѣдственно и Финновъ. Если это приять за правду; то предки *Рурика* могли брать у Шведовъ и Финновъ дани и, подобно Новгородцамъ, вмѣсто дани могли снабдить ихъ своимъ имуществомъ, которое Шведы въ послѣдствіи измѣнили, а просподушныя Финны повторяють его донныѣ.

они будущъ доказательствомъ самымъ слабымъ; пошому, что Россъ и Русь могли бытъ два народа совсѣмъ разные; если же не упомянушь, то подумаюшь, что я хочу опустить важнѣйшее доказательство, что Руссы были народъ Шведскій; но, по моему мнѣнію, сіи люди и на происхожденіе самыхъ Россовъ изъ Скандинавіи могушь бытъ доказательствомъ также очень слабымъ и всящимъ на двухъ только буквахъ, кои могли бытъ напечапаны ошибкою на пр. если вмѣсто Sueonum, въ подлинникѣ находилса Sueonum, тогда жилища или кочевья сихъ Россовъ найдутса на берегу Балтійскаго моря, проповолежащему Скандинавіи, откуда въ 782 году Гунны *Каганъ* и *Ингурръ* присылали также пословъ къ *Карлу Великому*, въ Саксоніи тогда находившемуся; но кто повѣрялъ печашную Бертинскую лѣтопись съ подлинникомъ, или по крайней мѣрѣ съ древнимъ спискомъ? а) По сему, я думаю, что *Оеофиловы* Россы, относительно Руси Опчизны *Рурика*, ничего не доказываюшь; а что сія Русь существовала

а) Впрочемъ, Латинскіе лѣтописатели и безъ ошибки иногда смѣшивали Свевовъ и Свеоновъ. См. *Гарткноха* Dissert. de originibus Romeranonum, p. 24 и 25.

до IX столѣтія какъ спрана, въ томъ нѣпъ нималѣйшаго сомнѣніа.

9

На стр. 53 сочинитель ИРН. опрѣкаетъ отвергать сомнѣніа криптики, которая, основавшись на доказательстввахъ о невѣрности лѣтописцевъ въ описаніи пришесивіа Варяговъ, будещъ ушверждать, что *Рурикъ* никогда не существовалъ, гдѣ дѣла его? Чемъ ознаменовано бытіе его, если вспомнимъ, что слово: *рикъ* имѣло символическое значеніе?

Здѣсь Авторъ ИРН. ссылаещъ на историческую криптику а), не имѣя ни малѣйшаго объ ней понятія. Между тѣмъ, исторія *Рурика* въ условія исторической криптики совершенно выдерживаетъ. Основанная на повѣствованіи лѣтописателя вѣрнаго и почти современнаго, она опъ того же писателя снабжена хронологіею, и въ ней нѣпъ ни пол-

-
- а) Главныя условія или правила Исторической криптики: 1) не замѣнять исторіи баснями и догадками; 2) все въ гражданской исторіи писанное безъ хронологіи, или безъ приурочки къ хронологическимъ происшествіямъ, относить смѣло къ баснямъ; 3) Тщательно оплнчать примѣчанія Комменпаторовъ опъ словъ самой лѣтописи и Авторъ и проч. но Авторъ ИРН. наполнилъ оную явными баснями и догадками, хронологіи не наблюдалъ, и самыя важныя событія вездѣ основывалъ на примѣчаніяхъ комменпаторовъ и, по большой части, не понимая оныхъ; слѣдственино историческая криптика ему Автору ИРН. недоступна.

слова, похожаго на сказку. *Несторъ* можетъ бытъ оспариваемъ льщописателями ему современными или древнѣйшими; но Авпоръ ИРН. не показалъ и показати не можетъ ни одного писателя въ исторіи *Рурика*, прошиворѣчащаго *Нестору*. Гдѣ дѣла *Рурика*? Вотъ они: онъ призванъ Славянами изъ заморья, укрѣпилъ города, по смерти брагъевъ въ области ихъ послалъ намѣстниковъ, двухъ Варяговъ опустилъ въ Царь-Градъ и, предчувствуя свою кончину, поручилъ малолѣтнаго сына своего и самое Княжество родичу *Олегу*; послѣ сего опошелъ къ опцамъ своимъ. Чего же больше? Въ его исторіи не видно внутреннихъ смятеній потому, что онъ владѣлъ подданными и судилъ ихъ по праву, а подданные, бывъшій доволны, вѣроятно, были ему преданы душевно. При такомъ порядкѣ вещей, сосѣдніе народы безпокоить ихъ вѣроятно не думали, опъ сего не могло бытъ походовъ, бившъ, кровопролитій и пр. Гдѣ же въ льщописцахъ невѣроятность?—

Въ имени *Рурика* часпица: *рикъ*, по мнѣнію Авпора ИРН., символическая; но шущъ не видно ни малѣйшихъ символовъ. Изъ какихъ бы часпицъ имя *Рурика* составлено ни было,

но оно въ IX вѣкѣ и около онаго на пространствѣ Европы употреблялось многократно. Могу въ Европейскихъ летописяхъ указать болѣе двадцати мѣстъ, гдѣ упоминаются Князья или Цари *Рурики* съ именами не символическими, но просто историческими; да и въ самой Россіи, послѣ перваго Князя, переходило сіе имя ко многимъ изъ его потомковъ, извѣстнымъ также по событіямъ просто историческимъ а).

10

На стр. 77, Авторъ ИРН. замѣчаетъ, что „у насъ слишкомъ рано являющіяся *Святославъ, Рохвольды, Олеги*; былили это историченныя составныя имена: *Свенд-Олафъ, Ренг-Вальдъ, Ярль-Полкъ*. Олафъ—окончаніе славъ могло измѣниться Скандинавскія *виѣз* и *рикъ*: *Алрикъ* могъ превратиться въ *Все-слава, Теодорикъ* въ *Вышеслава* и проч.“

А я думаю совсѣмъ на оборотъ; не Славяне, но иностранцы поршили иногда чисныя имена Князей Славянскихъ; потому, что *Самославъ* былъ еще въ VII столѣтіи, когда мнимые Скандинавы обѣ Волховскихъ, или Новгородскихъ Славянхъ и думать не могли.

а) Мнѣніе самаго жестокаго изъ Кришниковъ объ исторіи *Рурика* можно видѣть въ примѣчаніяхъ *Шлёцера* на *Нестора* Т. I. стр. 532.

Припомъ, Авторъ ИРН. забылъ повѣспвуемое имъ на 94 стр. о томъ, что *Ростиславъ* и *Святополкъ* посылали просить Хрисціанскихъ учипелей къ Императору *Михаилу*, царствовавшему съ 842 по 867 годъ, когда Скандинавы до Моравіи еще не достигали. Замѣтимъ еще, что сіи имена употреблялись Славянами, но письменамъ преданы они прежде лѣтописателями западными, которые порпишь ихъ не имѣли ни средства, ни надобности, и если бы сіи имена были Скандинавскія, или Готскія; то Готскіе лѣтописатели написали бы ихъ по Скандинавски съ *олофами* и *риками*; а не по Славянски съ *славою*. Согласимся на часъ, что *слава* на концѣ именъ замѣняла *олофъ* и *рикъ*; но что же замѣняла она вначалѣ именъ на пр. *Славомира*? Кто слыхалъ *Олофъ-Мира* или подобную нелѣпость?

Кстати, взглянемъ сдѣсь на хронологію Автора ИРН., на 94 и 95 страницахъ высказанную: по оной Лашинская церковь опдѣлилась отъ Греческой болѣе, нежели за 50 лѣтъ до смерти Императора *Михаила*; но всему Свѣшу извѣстно, что сіе раздѣленіе церквей послѣдовало въ 869 году: какимъ же образомъ

869 или 870 а) годы могли быть за 50 лѣтъ до смерти *Михаила*, въ 867 году приключившейся?

II

На стр. 74, Авторъ исторіи Русскаго народа говоритъ: „Варягъ былъ воинъ Князя и „продавалъ ему свою услугу за деньги или „успупку власпи, могъ носить мечъ, жищъ, „гдѣ хощѣлъ, и дѣлалъ, что ему угодно; но „Славянинъ, Лапышъ и Финнъ были собствен- „но рабами; ибо не участвовали въ Княжеской власпи.“ — И шупъ же продолжаетъ Авторъ, какъ по писанному: „заплашивъ одна- „кожь опредѣленную подать, они владѣли услов- „но своимъ имуществомъ и богатствомъ и, „опкупаясь опъ припѣсненія повелищелей, „пользовались собственно такою же свободою, „какъ и Варяги, властвуя своими рабами при- „обрѣшенными за деньги.“

Посмотримъ, что по сему предмету сказано въ лѣтописяхъ. Тамъ (сир. 14) написано: „бѣша у него (Олега) Варяги и Словяны и прочи, прозвашася Русью. Сеже Олегъ нача города спавити и успави дань Словяномъ, Кривичемъ и Мери, и Варягомъ дань

а) См. Русскій календарь на 1830 годъ, стр. 65.

дайши отъ Новгорода 300 гривень мира деля.“ Слово *дань* вообще отъ Новгорода и для мира заключаешъ ли смыслъ, что все плашившіе ее были рабы, не участвовали въ Княжеской власти и собственнымъ имуществомъ владѣли условно, откупаясь отъ повелителей? Совсѣмъ нѣтъ! Самое начало извѣстія уже показываетъ довольно ясно, что Русью назывались равно Варяги и Славяне, а въ походахъ и договорахъ, сія истина раскрывается совершенно: для заключенія договора посылались послы и гости, изъ коихъ одинъ названъ даже купцомъ; между ними находились имена неизвѣстно какія языческія; но съ окончаніями явно Славянскими, на прим: *Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Войковъ, Гудовъ, Туадовъ, Синько, Боричъ*. А посланы они отъ кого? Отъ *Игоря*, Великаго Князя Русскаго, отъ всякаго Князя и отъ всѣхъ людей Рускія земли. Пускай Авторъ ИРН. дозволишь Славянамъ, по крайней мѣрѣ, называться людьми Рускія земли, и тогда они будутъ отправлять пословъ, быть послами и участвовать въ Княжеской власти. А чтобы они лично покупали сіе право, того нигдѣ не видно. Если бы Исторія Русскаго народа заслуживала хотя

малѣйшее довѣріе, по бы я сію нелѣпость обнаружилъ собственными ея словами, на снр. тоб напечатанными. Тамъ говоритъ Авторъ ИРН., что Славяне, обiazавшись плащись *Олегу* за себя 300 гривенъ серебра а), получили первыя основанія своей независимости. Если *Олегу*, по словамъ Автора ИРН., жадный къ покоренію народовъ, къ добычѣ, къ власни, основалъ Славянамъ независимость и свободу; по, кто же ихъ уничтожилъ, когда существованіе *Рурика-кроткаго*, въ исторіи едва замѣтнаго, самъ Авторъ опровергаетъ рѣшительно? Слѣдственно—никто!

12

Авторъ ИРН. (снр 92) повѣствуетъ: „Императоръ *Василій Македонянинъ*, почивавшійся Славянами, рабами Варяговъ, Славянъ, номъ, умѣлъ возвыситъ въ глазахъ Руссовъ свои союзныя дружины Варяговъ, которыхъ награждалъ медалями съ Славянской надписью: „*Господи, помози рабу своему Василію. Аминь.*“ Изъ сихъ медалей въ наше время нашлась одна въ Черниговѣ. аа)“

Сердце радуется драгоценной находкѣ и удовлетворительному ея изъясненію; но мы знаемъ, что послѣ *Василія Македонянина* съ

а) Серебра въ летописяхъ не напечатано.

аа) Жаль, что Сочинитель ИРН. не зналъ извѣстія *Бейера*, что Императоръ *Василій Македонянинъ* былъ женатъ на *Евдокии, Игоревой* дочери.

886 года началъ царствовать *Левъ Мудрый*, а Варяги сдѣлались извѣстны въ Константинполѣ, и то подъ названіемъ Фаргановъ, не ранѣе 1034 года: какимъ же образомъ Варяги 1034 года могли составлять въ Константинополѣ дружину въ 885 году и ранѣе? Эта проклятая хронологія пожираетъ, такъ сказать, всё надрагоцѣннѣйшія открытія Автора ИРН.; не будь её на свѣтѣ— и трудная задача о Черниговской и другихъ ей подобныхъ гривнахъ рѣшена масперски; но съ хронологіею изъясненія сихъ гривенъ можно подождать еще нѣсколько десятковъ лѣтъ!

13.

Хронологія, по мнѣнію многихъ, душа исторіи; исторія связывается ею, опличается отъ басенъ; но авторъ ИРН. сію душу, перемѣсивъ на самый низъ, или конецъ книги, на стр. 284 называетъ подозрительною. Почему же? „Попому, чпо въ ней вспрѣ-, чаются какія-то *Седлицы* и дѣленіе *Сед-, миць*.“ — Авторъ (стр. 283) хочетъ насъ увѣрить, будто бы лѣтописецъ вывелъ счётъ оспальныхъ лѣтъ отъ перваго года *Михаилова* до перваго *Олегова*—28, то есть, число, которое чепыре раза дѣлится ровно на 7. Вѣритъ ли?

Посмотримъ на приводимую лѣтопись; въ ней на стр. 11, напечатано: „отъ перваго лѣта *Михаилова* до перваго лѣта *Олгова* Русскаго Князя лѣтъ КѠ.; но Славянскія буквы КѠ. означаютъ не 28, а 29; слѣдственно, *Седмицы и дѣленія Седмиць* суть вымыслы самаго Автора Исторіи Русскаго народа. Какъ назовемъ такіе вымыслы?

14.

Посмотримъ попристальнѣе на всю хронологію, къ концу I Тома, исторіи Русскаго народа *приклеенную*. На стр. 112, Авторъ говоритъ: Угры съ вежами подъ Кіевомъ въ 896, а въ хронологіи онъ же самъ напечаталъ въ 898 году: послѣднее почно такъ, какъ у Исторіографа (119 примѣчаніе къ I Тому, стр. 133). Авторъ ИРН. говоритъ: „*Олезь* скончался въ 911 году;“ а въ хронологіи своей самъ же, на стр. 365 напечаталъ, что смерть *Олега* послѣдовала въ 912 году, также, какъ у Исторіографа. На стр. 165, Авторъ ИРН. поставилъ походъ *Ярослава* на Печенеговъ послѣ 1042 года, или послѣ похода на Ямъ, а въ хронологіи, стр. 367 увѣряетъ, что сей походъ былъ въ 1036 году также, какъ у Исторіографа. Съ стр. 178, Авторъ ИРН. описываетъ двух-

лѣпнѣю войну *Святослава* съ *Цимисхѣмъ*, война кончилась и миръ заключенъ въ 971 году; и такъ, слѣдуя повѣспованію Автора ИРН. война сія началась и продолжалась въ 1970 году, а слѣдуя хронологіи сего же Автора въ 971 году, точно такъ, какъ у Исторіографа означено окончаніе сей войны. Но пойдѣмъ далѣе: на 199 стр. Авторъ ИРН., отвергая мнѣніе Исторіографа о походѣ на Камскихъ Болгарь, выкинулъ сей походъ изъ текста своей исторіи, а въ хронологіи на 135 стр. опять воскресилъ его и означилъ, что онъ происходилъ въ 985 году, точно такъ, какъ у Исторіографа. Чему вѣришь? Вышеприведенные примѣры показываютъ, что хронологія Автора ИРН. выписана изъ чужаго современнаго творенія и, безъ соображенія, *приклеена* къ другому. Припомъ, мнѣ кажешся, что хронологію, (какая бы ни была она), отдѣлишь отъ исторіи и приклеишь къ концу книги, (чего прежде никогда не бывало), значишь по же, что сшивъ плащъ безъ пуговиць, связку ихъ положишь въ карманъ, или привязашъ къ подолу, дабы брань ихъ тогда и сколько, сколько нужно будешъ застѣгнушься, смотри по погодъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

С М Ъ С Б.

Нибуръ, первый Историкъ во вселенной.

Когда Г. *Полевой*, посвящая *Нибуру* свою Исторію Русскаго народа (1) и наименовалъ его первымъ историкомъ нашего вѣка: тогда всѣ съ изумленіемъ спрашивали: кто эпошъ *Нибуръ*, похитившій пальму первенства у *Каримзина*, *Баранта*, Графа *Сигюра*, *Тіери* и другихъ знаменитыхъ дѣписателей XIX вѣка? Вошь нашъ ошвѣпъ.

Г. *Нибуръ* написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ Римскую исторію, которая напечатана недавно прешымъ изданіемъ. Сей писатель имѣетъ свои неопъемлемыя достоинства; онъ, употребленіемъ филологіи для историческихъ розысковъ, оказалъ важныя услуги исторической критикѣ и озарилъ многія тѣмныя мѣста Римской исторіи. Со всемъ тѣмъ, не всѣ выводы Г. *Нибура* вѣрны, не всѣ догадки основательны. Его Римская исторія съ 1811 года (время, когда вышло въ свѣтъ первое изданіе оной) служило предметомъ журнальныхъ споровъ. За нею и противъ неѣ написано въ десять разъ болѣе, нежели сама сія исторія. Она переведена въ минувшемъ 1829 году на Французскій языкъ Господиномъ *Гольбери* и напечатана въ Парижѣ.

(1) Г. *Полевой* увѣряетъ, что названіе Исторіи Государства Россійскаго, данное *Карамзиннымъ* своему великому творенію, ошибочно. Напротивъ, мы полагаемъ, что Г. *Полевой* не въ попадь назвалъ свое сочиненіе; ибо Исторія народа заключается въ дѣйствіяхъ его Правительства.

Блаженной памяти *Вольтеръ* сказалъ, что всѣмъ Европейскимъ языкамъ можно обучиться въ 6 лѣтъ, а своему опечеспвенному и во 100 лѣтъ совершенно не выучицца. Я извѣдалъ правду словъ Фернейскаго мудреца надъ собою, и вопъ какимъ случаемъ.

Въ N. 11 *Бабочки*, журналъ, споль же лёгкомъ, какъ его эмблема, начипалъ я вдругъ нѣсколько выраженій, можешъ бытъ весьма хорошихъ, но до пѣхъ поръ мною нигдѣ не слыханныхъ и нечицанныхъ. А именно:

1-е. „Комедія два брапа переведена *на крутую руку*.“ У насъ въ Москвѣ говаривали: *на скорую руку*.

2-е. „*Суцая бѣда* была бы подобнымъ извожденіямъ *Талии*, если бы *провѣтривать* онья—дѣльною критикою.“

3-е. Г. Сосницкій прелеспно *искупилъ* *недоилки роли* Спрѣльскаго младшаго.“

4-е. „Г-жа Бонишонъ, *старостарая* пракпирная кокепка, *сожителъствуя* съ двумя племянницами, между коими *широкая разница*.“

5-е. „*Нельзя смолгать* и обѣ опличной игрѣ Г-жи Сосницкой, хопя роль *Клодины* и не *слишкомъ просторна*.“

Въ Мѣсяцословѣ на льпо опъ Рождества Христова 1830, которое есть простое, на стр. 129 напечатано:

„Предмѣсія крѣпости Динамида:

Болдераа, имѣеть жителей обоого

пола - - 616 чел.

Валкъ - - - - - 510 —

Верро - - - - - 714 —

Вольмаръ - - - - - 612 чел.

Въ томъ же самомъ Мѣсяцословѣ сказано:

Стр. 87. Валкъ городъ Лифляндской Губерніи.

Стр. 88. Верро, то же городъ Лифл. Губерніи.

Стр. 80. Вольмаръ то же.

Которое же изъ двухъ показаній должны мы считать справедливымъ: первое, или последнее?

Оспрая шутка не есть окончательный приговоръ. * * * сказалъ, что у насъ есть три испоріи Россіи: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, прешья для *гостинаго двора*.

О П Р А В Д А Н І Е.

— Говорятъ, что ты скупъ. —

„Тѣмъ лучше, брашець! У скупыхъ обыкновенно предполагается много денегъ, а это самое выгодное мнѣніе, какое только можно податься о себѣ въ Свѣтѣ.“

— Однако, на твой счетъ смѣются. —

„Пусть лучше смѣются на мой счетъ, нежели на мои деньги.“

— Согласись, при всемъ томъ, что скупость опъ всѣхъ считается за недоспашокъ.

„Всѣ другіе пороки и недоспашки вмѣстѣ, прощаются легче, нежели одинъ недоспашокъ въ деньгахъ.“

И. Пальминъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ
В О Е Н Н О Е.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ КРѢПОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ,
ВЗЯТЫХЪ РУССКИМИ ВЪ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ
ВЪ 1828 ГОДУ.

(Окончаніе.)

А х а л ц и х ъ .

Ахалцихъ есть многолюдный, укрѣпленный городъ съ цитаделью, и главное мѣсто Пашалыка того же имени, который составляетъ нынѣ часть Анаполіи и прикасается къ Закавказскимъ владѣніямъ Россіи, разстояніемъ верстъ на 20 отъ береговъ Чернаго моря: къ Гуріи, Имеретіи, Карсалиніи, Триолети и Самхетіи, образующимъ сѣверную и восточную границу его. На югѣ граничитъ оный съ Карскимъ и Арзерумскимъ Пашалыками, а съ западной стороны прилегаютъ къ нему части Пашалыковъ Арзерумскаго и Трапезонцскаго. Въ древнія времена, область Ахалцихскаго Пашалыка составляла сѣверо-западную оконечность Арменіи, отдѣляясь р. Чорохою отъ Колхиды и Каппадокіи; потомъ

принадлежала Грузіи; нѣкоторое время соспавляла обласпъ независимую, и наконецъ покорена Турками. — Ахалцихъ лежитъ на рѣчкѣ *Посхо*, впадающей въ рѣку Куру. Въ ономъ считается 4,500 домовъ, копорые, по сравненію съ прочею частію жилищъ Турецкихъ въ малой Азіи, принадлежатъ къ числу лучшихъ. Горизонтальныя кровли въ видѣ шпирасъ, соспавляютъ общее, неизмѣняемое опличіе оныхъ во всей Азіи, но жипели Ахалциха не погружаютъ домовъ своихъ, подобно Персіанамъ, во внутрь высокихъ заборовъ; многіе изъ оныхъ имѣютъ даже опкрышыя на улицу галлерей. Обыкновенныя дома состоятъ изъ двухъ и шрехъ комнатъ, часпо опдѣленныхъ одна опъ другой глухими спѣнами. Число жипелей въ самомъ Ахалцихъ и Санджакѣ, или округѣ его, проспирается до 5 п. семействъ, или около 40 п. душъ обоого пола. Они состоятъ изъ разныхъ племенъ, какъ шо: Турокъ, Лазовъ, смѣшанныхъ съ Лезгинцами; Аджаръ, Грузинъ, Армянъ, Жидовъ, шакже кочующихъ племенъ Курдовъ, Карапахцевъ и Трухменцовъ. Нѣкоторыя Армяне исповѣдываютъ Католическую вѣру, другіе сохраняютъ вѣру опцевъ своихъ. Большая часть

Грузинъ приняли Исламизмъ или по принужденію, или по видамъ, чшобы пользоваться правами Мусульманъ; но замѣчательно, что Грузинскій языкъ удержался вездѣ въ своей чистотѣ, такъ, что съ симъ однимъ языкомъ можно проѣхать большую часть Ахалцихскаго Пашалыка. Изъ всѣхъ зданій, находящихся въ Ахалцихской цитадели, особеннаго примѣчанія достойны: главная мечеть, извѣстная подъ названіемъ *Ахмедіевой*, *Азіатскій Лицей*; также *домъ Паши*, владѣющій всею поверхностію цитадели, и *Католическая церковь*, находящаяся въ стѣнахъ крѣпости. Последнія два зданія достопамятны: первое, по особеннымъ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ праздникъ, данный Ширванскому полку новымъ Шефомъ его Графомъ *Паскевичемъ-Эриванскимъ*, а Католическая церковь должна быть памятна какъ мѣсто, гдѣ упорство Мусульманскаго фанатизма рушилось о твердокаменную грудь Русскихъ Героевъ. Мечеть *Ахмедіева* представляетъ необыкновенное зрѣлище въ Азіатскомъ городѣ: посреди спранныхъ и нескладныхъ строеній, возвышающіяся позлащенные ея куполы, произведеніе правильнаго Европейскаго зодчества

Она построена изъ песаннаго камня въ 1161 году по Магомешанскому исчисленію и, какъ увѣряють, по образцу мечети св. Софіи въ Константинополь. Обширныя ворота служатъ входомъ на дворъ сей мечети, гдѣ съ правой стороны споятъ два памятника строителя оной, Визиря *Аджи-Ахмедъ-Паши* и супруги его; посреди двора устроенъ фонтанъ, единственное водохранилище для снабженія водою цитадели. Внутренность мечети, кромѣ надписей изъ Алкорана, не имѣетъ никакихъ поспороннихъ украшеній. Спереди находится родъ небольшого алпая, обложеннаго зеленоватою яшмою, а влѣво отъ онаго возвышенное мѣсто, поддерживаемое столпами, къ которому ведетъ снаружи особенный ходъ. Сіе почетное мѣсто занималъ самъ *Ахмедъ-Паша*, который за присвоеніе сей почести, принадлежащей одному Султану, въ послѣдствіи былъ казненъ. Съ правой стороны прилегаютъ къ мечети высокій минаретъ. Пространство, занимаемое всею симъ зданіемъ, окружено съ восточной и южной сторонъ каменною, довольно красивою оградой; съ сѣвера прилегаютъ крѣпостныя стѣны, а съ запада извѣстный въ Азіатской Тур-

їи Ахалцихскій Лицей. Зданіе, въ которомъ помѣщается сіе учебное заведеніе, состоить изъ двухъ ярусовъ; въ каждомъ изъ оныхъ находится длинный рядъ комнашь; верхніе покои сообщаются галлереею, покрытою сводами, коихъ арки снизу поддерживаются длиною колонадою. Въ семъ Лицеѣ находилась одна изъ лучшихъ воспочныхъ библіотекъ, собранная прудами *Ахмедъ-Паши*. Она содержала въ себѣ до 600 рукописей и печатныхъ книгъ. Изъ сего книгохранилища выбрано 300 книгъ для умноженія учебныхъ пособій нашего опечесства.

Ахалцихъ служилъ важнымъ оплопомъ Анаполи и припономъ для хищныхъ ордъ, производившихъ набѣги на Самхепсію и Карпаливію. Жипели его славяшся въ цѣлой Азіи своею храбростію и непокорностію; въ печеніи 250 лѣтъ они не испытывали превращности военнаго счастья. Изъ исторіи управления Грузіею Россійскимъ начальствомъ видно, что уже во время Главнокомандующаго Князя *Циціанова* въ 1802 году Ахалцихскіе Паши мало признавали надъ собою вліяніе Султанскаго владычесства и даже извѣстный *Пеглесанъ-Паша*, въ недавнемъ времени по-

сланный съ 30-ти-тысячнымъ корпусомъ для наказанія своевольныхъ Ахалцихцевъ, былъ ими совершенно разбитъ. Въ 1810 году Русскіе тщетно приступали къ спѣхамъ Ахалциха. Фанатизмъ, ненависть къ Христіанамъ, и убѣжденіе, весьма естественное въ дикихъ народахъ, что Русскіе должны жестоко опмстить за претерпѣнные прежде пораженія и за грабежи, произведенные на нашихъ земляхъ, доспапочно объясняютъ причины, почему Ахалцихскіе Турки въ послѣднюю войну дѣйствовали споль согласно и съ такимъ ожесточеніемъ пропивъ Русскихъ. Съ паденіемъ Ахалциха разрушились всѣ надежды хищниковъ. Такимъ образомъ, буйные Лезгинцы добровольно перешли въ Россійское подданство. Для обезпеченія предѣловъ Закавказскихъ владѣній нашихъ, Ахалцихъ, по Адрианопольскому трактату присоединенъ навсегда къ Россіи.

А ц х у р ь.

Крѣпость Ацхуръ или Ацхаери съ цитаделью принадлежитъ къ Ахалцихскому Пашалыку, и служитъ главнымъ мѣстомъ Санджака того же имени, орошаемаго рѣкою Курою, и перерѣзываемаго отраслями горъ Ци-хеджваре. Она имѣетъ весьма крѣпкое поло-

женіе, особливо цитадель ея, кошорая поспроена на высокой скалѣ и окружена нѣсколькими ярусами стѣнъ. Число защитниковъ сей крѣпости, во время послѣдней войны, состояло изъ 500 Лазовъ и 1,000 вооруженныхъ жипелей. Но не смотря на всѣ средства обороны, участь Ахалциха и убѣжденія нѣсколькихъ жипелей сего послѣдняго смирили гордость Ацхурскаго гарнизона: крѣпость сія вмѣстѣ съ цитаделью сдалась добровольно и, по Адрианопольскому трактату, также присоединена къ Россійскимъ владѣніямъ.

А р д а г а н ъ.

Крѣпость Ардаганъ также принадлежитъ къ Ахалцихскому Пашалыку и служитъ главнымъ мѣстомъ Санджака того же имени. Рѣка Кура наполняетъ и Ардаганскій Санджакъ, а хребетъ Чылдыскій распространяетъ въ ономъ свои отрасли. Ардаганъ, послѣ Ахалциха, наиболее заслуживаетъ вниманіе по величинѣ своей, удобству спроеній и довольствію жипелей. Число сихъ послѣднихъ въ цѣломъ Санджакѣ простирается отъ 13 до 16 тысячъ челоуѣкъ обоого пола. По взятіи сей крѣпости, пребываніе въ оной Русскаго гарнизона ознаменовалось счастливымъ сбли-

женіемъ его съ жишелями, по случаю даннаго праздника Коменданпомъ ея, войска Донскаго Полковникомъ *Сергѣевымъ* въ день пезоименишства Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Павловича. Старшины и почепнѣйшіе жишели города и окреспныхъ селеній, приглашенные на церковный парадъ, поражены были удивленіемъ при семъ необычайномъ для нихъ зрѣлищѣ. Послѣ онаго, всѣ старшины и почепнѣйшіе граждане угощены были завтракомъ въ домѣ Коменданша. Чпобы познакомишь жишелей съ весельемъ Русскихъ солдатъ, Комендантъ собралъ близъ квартиры своей гарнизонъ и пѣсенниковъ, которые, среди спѣвъ Ардаганскихъ огласили воздухъ Русскими пѣснями. Жишели, оживленные симъ зрѣлищемъ, не замедлили принять участіе въ радости Русскихъ и привели свою музыку, кою привѣщспвовали Коменданша и его гостей, при появленіи ихъ на перасѣ кровли; въ слѣдъ за тѣмъ началась народная Татарская пляска. Пріятно было видѣшь, какъ Мусульмане мѣшались въ толпахъ съ Русскими и дружелюбно показывали имъ свои увеселенія. Шумные восшорги вскорѣ сдѣлались общими: Рус-

скія пѣсни, Татарскія пляски, *ура* Русскихъ воиновъ и *Алла* Мусульманъ повпорялись безпрерывно. Весь городъ пришелъ въ движеніе; молодые Турецкіе наѣзники на легкихъ скакунахъ явились за Курою и начали ристалища. Градскіе спаршины пригласили туда Комendanша и Офицеровъ, большія толпы жителей встрѣпили ихъ у ворошь съ музыкою и со всѣми изъявленіями добраго расположенія и радости; даже женщины показались на перасахъ домовъ, чпобы видѣть общее веселіе Русскихъ и своихъ. Съ вечера до полуночи, по освѣщеннымъ улицамъ Ардагана, толпы веселящихся жителей переходили изъ одного мѣста въ другое съ музыкою, плясками и писполешною спрѣльбою. Праздникъ сей сдѣлалъ споль сильное впечатлѣніе, что молва объ ономъ разнеслась во всѣхъ окрестныхъ Санджакахъ Пашалыковъ Карскаго и Ахалцихскаго.

Баязеть и его окрестности.

Одна изъ опраслей Араратскихъ горъ пропивъ главной горы Араратша, въ разспояніи 25 верстъ опъ сей послѣдней, описываетъ опъ запада на воспокъ полукружіе, извивающеея змѣею. Въ обширнѣйшемъ и скалистомъ

ея изгибѣ, по оплогоспямъ горы вершѣ на
 6, одинъ другаго превышая до самаго хребта
 горы, разбросаны холмы, бугры и между оны-
 ми чернѣющія глубокія и мѣлкія скалистые
 рышвины. На сѣверо-западъ, по оплогоспямъ
 холмовъ, открываются разбросанныя спрое-
 нія Баязета, главнаго мѣста Пашалыка того
 же имени; на верхахъ бугровъ видны 3 че-
 шверо-угольныя башни на одномъ обшир-
 номъ холмѣ, пространное Армянское кладбище
 съ полуразвалившеюся церковью и наконецъ
 два укрѣпленные зѣмка, раздѣленные глубокою
 рышвиною, чрезъ копорую вблизи нарочно по-
 спроенъ каменный мостъ. Старый зѣмокъ
 уснунами въ три яруса прилѣпленъ почти
 къ отвѣсной скалѣ, огибающей и засло-
 няющей собою Баязетъ съ восточной сто-
 роны. За 6-ти-саженными кирпичными стѣ-
 нами перваго яруса, находится большая съ
 красивымъ куполомъ и минаретомъ мечеть;
 правѣе, большія конюшни, на плоскихъ и швер-
 дыхъ крышахъ коихъ, стоятъ 4 мѣдныя, до
 100 пудовъ вѣсомъ, 6-ти-функовыя длинныя
 Турецкія пушки. Онѣ защищаютъ часть го-
 рода, разбросаннаго по холмамъ на сѣверо-за-
 падъ до самой деревни Зангезоръ и грозятъ

разрушеніемъ новому зѣмку. Семисаженныя стѣны вѣрвораго уступа складены изъ песаныхъ плитъ. За сими швердыми стѣнами, въ Азіатскомъ вкусѣ расположены комнашы Баязетскихъ Пашей, конюшни, бани и большая съ прекраснымъ куполомъ кухня. Во всѣхъ спроеніяхъ сей вѣрвой терасы, вмѣсто заднихъ глухихъ стѣнъ, служить самая скала, изъ коей въ баню и кухню чрезъ мѣдныя краны бѣжитъ свѣпная вода въ мраморныя водоемы. На плоскихъ крышахъ сего спроенія, шакже какъ и на первыхъ, поставлены двѣ мѣдныя пушки. Последняя стѣна третьяго уступа то же складена изъ песаныхъ плитъ, но выше почти 2-мя сажеными вѣрвой стѣны, и около скалы уже идетъ неправильными ломаными линіями. Здѣсь находящяся комнашы Пашинскаго гарема. Передъ двумя лучшими изъ нихъ, надъ вертикальною скалистою пропастью, висятъ два деревянныя балкона съ навѣсами; прочія комнашы прислонены къ ужасной скалѣ, на высоту до 150 сажень, съ желѣзными въ окнахъ рѣшетками. Надъ симъ последнимъ спроеніемъ, уже совершенно вертикально, до 15 сажень, возвышающяся скала оспроконечными зубцами и

наконецъ, за симъ упесиспымъ гребнемъ, позади всего замка, идетъ ужасная шрещина скалы и служитъ вмѣсто неприслупнаго сухаго рва. На всѣхъ прехъ шерасахъ замка, въ упесахъ высѣчены обширныя и глубокіе погреба для пороха, провіанша, фуража и проч. Въ каждую изъ прехъ спѣнь замка ведутъ огромныя, желѣзомъ окованныя вороша: ступени, извиристо вырубленныя въ скаль, облегчающъ шрудное между шерасами сообщеніе. Новый замокъ, полько чпо въ печеніе 40 лѣтъ оконченный, есть продолговатое 4-хъ-стороннее, весьма обширное двуэтажное строеніе, снаружи похожее на произведеніе Европейской архипектуры, но весьма простое, безъ всякихъ наружныхъ украшеній. Стѣны онаго хорошо ошпукатурены и выбѣлены; высота ихъ до 6 сажень. Красивый куполь и высокій узорчатый минарешъ мечети возвышается надъ серединою сѣверной стѣны. Съ воспочной стороны находящіяся единственныя наружныя вороша сего замка, ведущія на первый дворъ, опдѣленный отъ главнаго Пашинскаго строенія поперечною, во всю ширину замка, стѣною. На семъ дворѣ, справа споятъ конюшни, а слѣва казармы

гарнизона; далѣе, за впорыми ворошами Пашинскій дворъ, очень хорошо вымощенный дикими песаными плитами. На право подлѣ спѣнь мечети, за желѣзною рѣшеткою, сооружень памятникъ Паши, отца нынѣшняго *Балюль-Паши*, представляющій собою четырехъ-стороннюю призму, оканчивающуюся многостороннею пирамидою, на оконечности коей блещитъ вызолоченная луна. Во внутренности спроенїя заключается обширная прїемная зала, украшенная колоннами, и множество другихъ, большихъ и малыхъ комнашь, изъ коихъ каждая имѣеть особыя двери въ коридоръ, безъ всякаго между собою сообщенїемъ. Въ нѣкошорыхъ, совершенно опдѣланныхъ комнашахъ, спѣны и камины, расписанные арабесками, большія окна съ разноцвѣтными стеклами и особенно пополокъ, мастерски опдѣланный въ Азіатскомъ вкусѣ, удивляющъ своимъ разнообразїемъ и прїятностию. Подъ обоими дворами замка и внѣ онаго вырыты большіе погреба. Огромные своды ихъ служатъ прочнымъ основанїемъ сего зданїя, хранилищемъ запасовъ и убѣжищемъ отъ бомбардированїя: 5-пи-пудовыя бомбы не могутъ имъ вредить. Прошивъ за-

падной стѣны, внѣ замка, на незаспроенномъ мѣстѣ холма, поставлена бапарея о двухъ мѣдныхъ Турецкихъ пушкахъ, равно и передъ восточною стѣною спояпъ двѣ пушки, но безъ бруствера.

Баязепъ состоиптъ изъ кривыхъ переулковъ и закоулковъ, унизанныхъ мелочными лавками, гдѣ продается всякая всячина, начиная опъ луковицы до зарѣзаннаго вола, и ощъ проспой драшвы до шелковой Турецкой матеріи Аладжа. Главная улица въ городѣ довольно пряма, но шакже какъ и прочія, узка и грязна. По споронамъ оной въ придѣланныхъ къ домамъ конуркахъ работаюпъ ремесленники: сапожники, кузнецы, мѣдники и прочіе. Посреди города находится караванъ-сарай, спроеіе довольно обширное, квадрапное, но близкое уже къ паденію и пошому въ немъ не шоргуошъ; впрочемъ внушри двора, галлерей въ обоихъ ярусахъ завалены огромными, шуго набпшыми хлопчашою бумагою, мѣшками.

Баязепъ соспавлялъ пограничный городъ съ Персіею, а нынѣ Пашалыкъ его прилежитъ къ новопріобрѣщенной Россійскимъ оружіемъ Армянской обласпи. Въ 1821 году, въ послѣднюю войну между Турками и Персіянами, Аб-

басъ-Мирза, покоривъ Балзептъ двухъ-мѣсячною блокадою, взялъ съ него контрибуцію и обратился къ Арзеруму. Встрѣпивъ на пути Турецкій лагерь, составленный изъ войскъ непріязненныхъ между собою Пашей, спалъ было готовляясь къ атакѣ; но Турки бросили лагерь и обратились къ Арзеруму: Персіане кинулись грабить оставленное. Вдругъ между ими промчался слухъ, что Турки возвратились. Персіане пришли въ страхъ и въ свою очередь начали отступать. Распространившаяся скорѣ попомъ въ Персидскомъ войскѣ болѣзнь холера, принудила *Аббасъ-Мирзу* поспѣшить обратно въ Таврисъ. Причиною успѣха Персидскаго оружія въ Балзепскомъ Пашалыкѣ была зависпъ и недоброжелательство временныхъ Пашей сосѣдственныхъ Пашалыковъ къ роду нынѣшняго Баязетскаго *Баллюль-Паши*, взятаго Русскими въ плѣнъ во время послѣдней кампаніи. Родъ сей около 300 лѣтъ управлялъ симъ Пашалыкомъ и, будучи одного происхожденія съ Курпинцами, народомъ воинственнымъ, населяющимъ Баязетскій Пашалыкъ, имѣлъ на нихъ сильное вліяніе и опираясь на оное владѣлъ Пашалы-

комъ почши независимо, не плаща Султану никакой подаши.

ТОПРАКЪ-КАЛЕ и ЕГО ОКРЕСТОСТИ.

При подошвѣ одной изъ южныхъ опраслей Алихъ-Дагскихъ горъ, въ 15 верстахъ отъ Арзерумской дороги вправо, на обширномъ и довольно высокомъ холмѣ, всеильная рука природы поставила на подобіе сахарной, съ опбишою верхушкою головы, скалистую гору, возвыся ее отъ горизонта до 50 сажень. Вершина сей горы къ юго-востоку имѣетъ наклонную плоскость. На сей-то горѣ стоить замокъ Топракъ-Кале, главное мѣсто принадлежащаго къ Баязешу Алашкердскаго Санджака. Высокая каменная стѣна окружаетъ плоскую поверхность оной многостороннею неправильною фигурою. Длина укрѣпленія до 60, ширина около 30 сажень. Ворота находящя въ юго-восточной споронѣ; близь оныхъ построены казармы, магазины и прочее. Противуположная спорона укрѣпленія, весь сѣверо-западный уголъ, загромождена весьма странными спореніями, принадлежавшими Бейо, копорыя новы и крѣпки. Въ 1821 году *Аббасъ-Мирза*, по взятіи съ Баязеша консприбуціи, овладѣлъ укрѣпленіемъ Топракъ-

Кале, и осипавиль въ немъ 200 чел. гарнизона, копорый въ послѣдствіи выдержаль атаку многочисленнаго Турецкаго корпуса, удалившагося при появленіи на горахъ *Аббасъ-Мирзы*. Причиною сего опступленія была все та же ненависть, копорую сосѣдственныя Турецкія Паша пидали къ Баязетскому Пашѣ. Съ Европейскими войсками замокъ Топракъ-Кале можеть долго держаться прошивъ покушеній непріятели. Впрочемъ укрѣпленіе сіе, не смошря на свое положеніе, имѣеть большія неудобства въ разсужденіи необходимыхъ жизненныхъ пошребностей: вода достається во время блокады съ великимъ трудомъ; внутри укрѣпленія есть отверстіе, коимъ начинається ступенчатый колодезь, оканчивающійся у подошвы горы, по юго-западную сторону ея, родникомъ. Сквозь всю 50-ти-саженную высоту скалистой горы, на просяженіи 98 саженей эшопъ, криволинейный колодезь выдолблень руками человѣческими.

Окрестности Топракъ-Кале предспавляютъ пріяшнѣйшій видъ. Съ крыши дома, въ копоромъ прежде жилъ братель Паша Баязетскаго, открывається обширная плодоносная равнина;

по оплогоспямъ горъ, окружающихъ оную, спрѣмясь, рѣчки, ручейки и въ изгибахъ своихъ напоюшъ землю, совершенно обезпечивая пруды поселянина отъ засухи. Здѣсь все растетъ прекрасно, даже ленъ и пенька. Климатъ весьма здоровъ, и жипели не знаюшъ никакихъ болѣзней.

Армяне Баязетскаго Пашалыка обезпечены будушъ отъ набѣговъ Куршинцевъ, прошивъ конхъ они доселѣ и думашъ не смѣли защищать свою собствнность. Если увеличится народонаселеніе: тогда, при распространеніи и улучшеніи земледѣлія, Пашалыкъ сей будетъ жипницею Армянской области. Даже въ военное время можно покупашъ въ сихъ мѣстахъ пшеницу и ячмень "вдвое" дешевле, чѣмъ въ Эривани.

Д і а д и н ъ.

Замокъ Діадинъ, какъ и предыдущій, принадлежитъ къ Баязетскому Пашалыку. Онъ лежитъ въ 6 часахъ пущи отъ Баязета, по Арзерумской дорогѣ. Восточная, сѣверная и западная стѣны сего древняго укрѣпленія вышиною отъ 6 до 10 сажень. Частъ ихъ отъ основанія почти до середины складена очень просто изъ песаныхъ плитъ; другая поло-

вина слѣплена изъ проспой, перемѣшанной съ саманомъ, глины. Нѣсколько круглыхъ, полу-круглыхъ, 4-хъ и 5-ти-стороннихъ башенъ украшали и укрѣпляли стѣны замка, но теперь едва ли успоаятъ оцъ легкаго землетрясенія. Южную стѣну соспавляешъ крупшой, опрубисшый и скалиспый берегъ Эвфрата. Говораятъ, что въ древности на мѣспѣ перешняго Діадинскаго замка, сущеспвоваель обширный Армянскій городъ, но нынѣ слѣдовъ онаго нѣ видно: вся окреспнность даель зрѣнїя, усыпана крупными каменьями; про-тивъ сѣверной стѣны, на большомъ про-спранспвѣ, едва примѣшныя надъ поверхно-спцю земли и кое-какъ изъ каменьевъ скла-денныя стѣны хижинъ, соспавляющъ Армян-скую деревню; бѣдносп жшпелей ея превос-ходишъ всякое описаніе. Съ южной стороны замка, оцъ крупныхъ береговъ Эвфрата, про-спираешся обширное и несравненно красивѣе деревни кладбище.

Окреспнности Діадина изобилуюшъ мине-ральными водами, особливо сѣрными горячи-ми. Воды сіи изслѣдованы были назначеннымъ оцъ Россійскаго Правшпельспва Чинovníкомъ, копорый собралъ объ оныхъ весьма любо-пытныя свѣдѣнїя.

ОСЕННИЙ ПОХОДЪ 1813 ГОДА.

Происшествія подъ Дрезденомъ, до сраженія при Кульмъ.

(Сочин. Генераль-Маіора Д. П. Бупурлиша.)

Происшествія на лѣвомъ берегу Эльбы были гораздо важнѣе дѣлъ въ Силезіи. 10 (22) Августа большая союзная армія переправилась чрезъ Рудныя горы и вышла въ Саксоніи чрезъ Гопшлейбе, Алпенбергъ, Зайду и Маріенбергъ. Въ этотъ день главная квартира Россійскаго Императора и Короля Прусскаго находилась въ Цоблицъ; на другой день она перенесена въ Зайду.

У Французовъ на лѣвомъ берегу Эльбы находился одинъ полько корпусъ *Сень-Сира*, стоявшій въ окрестностяхъ Пирны, коего дивизія расположена была въ Бергъ-Гисгубель, для охраненія горъ; 12 (24) Августа корпусъ Графа *Витгенштейна*, сославлявшій правое крыло союзной арміи, двинулся по Теплицкой дорогѣ къ Пирнѣ, напалъ на Французовъ въ Бергъ-Гисгубель, и принудилъ ихъ отступить къ корпусу *Сень-Сира*, расположенному на высотахъ Оберъ-Зедлица. По приближеніи *Витгенштейна* и послѣ небольшой канонады, *Сень-Сиръ* отступилъ къ Дрездену, и въ тотъ же день Русскіе заняли городъ Пирну.

Сень-Сиръ весьма благоразумно сдѣлалъ, что не вступилъ въ дѣло съ корпусомъ, гораздо его многочисленнѣйшимъ. Сраженіе сіе не объ-

щало ему ничего, кромѣ неудачи, копорая бесполезно ослабила бы корпусъ, назначенный для защиты Дрездена. Въ пошъ самый день, какъ *Витгенштейнъ* овладѣлъ Пирною, главныя силы союзной арміи находились въ Диппольдисвальдѣ; Австрійскій корпусъ *Кленау*, соспавлявшій лѣвое крыло оной, споялъ въ Фрейбергѣ. Главная кварпира союзныхъ Монарховъ перенесена была въ деревню Рейхшпедъ. 13 (25) въ чепыре часа по полудни, союзныя войска двинулись чепырьмя колоннами къ Дрездену; первая, подъ командою Графа *Витгенштейна*, оспановилась за большимъ садомъ; вторая, соспавленная изъ корпуса *Клейста*, заняла пошъ позади деревни Спрелена; Графъ *Коллоредо* съ шрепьюю колонною расположился между деревнями Каицомъ и Рахницомъ; а Маркизь *Шастелеръ* съ чепвершою спалъ близъ Плауена. Легкая дивизія Генерала *Мецко*, соспавляющая авангардъ *Кленау*, спала позади деревни Лобды. Корпусъ *Кленау* еще не прибылъ; Русскіе и Прусскіе резервы шакже оспавались назади. Главная кварпира находилась въ деревнѣ Нопшницѣ. Укрѣпленія Дрездена починены; пять большихъ редушовъ, построенныхъ передъ

предмѣстьями, защищали апроши; плѣчь другихъ впереди Нейштапта, прикрывали моспѣ; корпусъ *Сень-Сира* споялъ въ ретраншементяхъ и гошовился дать сильный оппоръ.

Большая союзная армія, двинувшись къ Дрездену, успѣла спастъ на сообщеніяхъ *Наполеона*, слѣдственнo, положеніе его было очень сомнишельно. Только побѣда могла спасти его. Чтoбы дать выгодное сраженіе, ему не оставалось иной позиціи, кромѣ Дрездена, единственнoй почки, гдѣ онъ могъ еще переправиться чрезъ Эльбу, и развернуть свои колонны подъ защишою крѣпости. Само собою разумѣется, что союзникамъ надлежало употребить всѣ усилія къ опнятію у него сего послѣдняго средства и взять городъ до прибытія его арміи. Генераль *Жолини* совѣщавалъ принять для того мѣры, предлагая сбить нѣсколько башаліоновъ, вышедшихъ къ большому саду; долго разсуждали о сей мѣрѣ тогда, какъ надлежало дѣйствовать. Время было дорого: нельзя было сомнѣваться, что бы *Наполеонъ*, оставя Силезію, не послѣшилъ на помощь Дрездену. Къ несчастію атака, которую надлежало начать 13 (25) ввечеру, или на разсвѣтѣ 14 (26), опложена была до

прибытія корпуса *Кленау*. Медлипельность сія, прикрываемая намѣреніемъ дѣйствовать соединенными силами съ бѣльшимъ успѣхомъ, имѣла самыя гибельныя слѣдствія. Лучшее время прошло, а *Кленау* при всемъ томъ не приходилъ. Наконецъ, Князь *Шварценбергъ* рѣшился не ожидать его болѣе. Въ 4 часа по полудни прѣмя пушечными выстрѣлами поданъ знакъ къ атакѣ. Союзники двинулись къ городу шестью колоннами; впереди шла многочисленная артиллерія, коей чрезвычайно сильный огонь сбилъ часть непріятельскихъ батарей. Французы оборонялись съ рѣдкою неуспрашимостію; однако Графъ *Коллоредо* успѣлъ взять приступомъ средній редутъ близъ Диппольдисвальдскихъ воровъ. Успѣхъ сей могъ бы имѣть еще важнѣйшія слѣдствія, если бы дѣло началось нѣсколькими часами ранѣе, но уже было поздно; непріятели каждую минуточку получали значительныя подкрѣпленія, кои должны были дать дѣламъ другой оборотъ.

Наполеонъ, какъ мы уже видѣли, оставилъ Силезію 11 (23) Августа. 13 (25) онъ находился въ Столпцѣ. Гвардія его, выступившая изъ Лёвенберга 10 (22), прибыла туда

съ нимъ, равно какъ конница *Латуръ-Мобурга* со 2-мъ и 1-мъ пѣхопными корпусами. За ними слѣдовалъ корпусъ *Мармона*. 14 (26) на разсвѣтѣ, *Наполеонъ* двинулся впередъ: гвардія его сосшавляла голову колонны; за нею слѣдовали: 2-й корпусъ, конница *Латуръ-Мобурга* и корпусъ *Мармона*. Генералъ *Вандамъ*, съ 1-мъ корпусомъ возвращившійся чрезъ Бауценъ въ Сполпенъ, посланъ къ Кенигшпейну, съ приказаніемъ овладѣть Пирнскимъ лагеремъ и навесити мостъ для сообщенія съ правымъ берегомъ, чшобы щопчасъ отбить непріятеля, какъ скоро опшкроется случай. *Наполеонъ* въ 10 часовъ утра прибылъ въ Дрезденъ съ своею старою и молодою гвардіею, сдѣлавъ въ 4 дня переходъ болѣе 40 миль; но оспальныя войска его далеко отъ него опстали. Между тѣмъ, нападенія союзниковъ усиливались; они взяли два редуша и *Сенъ-Сиръ* употребилъ въ дѣло свои резервы. Гранаты и ядра очищали Дрезденскія улицы. Въ сію-по крипическую минушу молодая гвардія сдѣлала блисшашельную вылазку. *Наполеонъ* обратилъ ее прошивъ фланговъ апаки. Маршалъ *Ней* съ двумя дивизіями двинулся чрезъ Плауенскія вороса на лѣвое крыло; а Маршалъ

Мортъе, съ двумя другими вышедъ изъ Пирнскихъ воротъ, успремился на правое. Союзники въ свою очередь начали отспуупать. Прусаки, овладѣвшіе большимъ садомъ пропивъ Пирнскихъ воротъ, сбиты, и союзная армія отброшена назадъ. Ночь положила копецъ битвѣ.

Апиака въ одно время на оба фланга часто бываетъ опаснымъ маневромъ: ибо для произведенія оной должно ослабить центръ. Но *Н (полеонъ)* былъ со всѣмъ въ другихъ обстоятельстввахъ: центръ его прикрывался Дрезденскими укрѣпленіями, и потому онъ смѣло могъ дѣйствовать пропивъ обоихъ крыльевъ. Опъ сего-то расчеты его имѣли полный успѣхъ.

Союзники были совершенно опражены. Принявъ наспуупательное положеніе на разсвѣтѣ дня, они могли еще надѣяться воспрепятствовать непріятелю развернуть свои силы, и вптѣснить его въ городъ; но Князь *Шварценбергъ*, почитая за лучшее выманить его на равнину, приказалъ отспуупить войскамъ, занятымъ подъ стѣнами крѣпости; онъ построилъ армію свою въ боевой порядокъ на окружныхъ высотахъ. Оконечность праваго

крыла его, состоявшая изъ Русскаго корпуса *Витгенштейна*, простиралась отъ Эльбы до Пирнской дороги; полоса, лежащая между сею дорогою и деревнею Спреленъ, занята была Прусскимъ корпусомъ *Клейста*; Австрійскій корпусъ *Коллоредо* наполнялъ промежутокъ между Спреленомъ и Ракницею; войска Маркиза *Шастелера* расположены были по линіи, простирающейся отъ Ракница къ Плауену; дивизія *Бланки* оставалась въ резервъ за сею послѣднею деревнею; наконецъ, большой резервъ арміи, состоявшій изъ Русской и Прусской гвардіи и Русскихъ гренадеръ подъ командою Генерала *Баркляя дё Толли* стоялъ за Спреленомъ; лѣвое крыло союзной арміи простиралось за Плауенскую долину. Корпусъ Генерала Графа *Гюлау* находился между Плауеномъ и Корбицею, а оконечность лѣваго крыла, гдѣ находилась легкая кавалерія Генерала *Мецко*, распянута была отъ Корбца въ направленіи къ Призницу. Сія послѣдняя составляла авангардъ *Кленау*, котораго все еще не было. Непонятная мѣшкательность его похода была причиною, что не доставало войскъ для продолженія линіи до нижней Эльбы, и доставленія такимъ образомъ опо-

ры сему крылу, которое оспавалось со всѣмъ безъ прикрытія.

Въ ночи подоспѣли къ *Наполеону* оспальныя войска его, расположенныя имъ слѣдующимъ образомъ: правое крыло, подѣ командою *Короля Неаполитанскаго*, состоявшее изъ корпуса *Виктора* и конницы *Латуръ-Мобурга*, прикрывало Вильсдракскія воропа; самъ Императоръ командовалъ центромъ, гдѣ находились корпуса: *Мармона* и *Сенъ-Сира*, имѣя въ тылу своемъ два редута; пѣхота и конница старой гвардіи соспавляли резервъ; лѣвое крыло, подѣ командою Маршала *Нея*, составленное изъ 4-хъ дивизій молодой гвардіи, подѣ командою Маршала *Мортъе* и конницы *Келлермана* опиралась на . . . . . Надлежало побѣдись, или умереть! Одною только побѣдою можно было возспановить сообщенія арміи, захваченныя союзными войсками. И пакъ, *Наполеонъ* рѣшился произвестъ атаку и лично успремиться на ихъ лѣвое крыло. Невыгодное положеніе сего крыла, ничѣмъ неподкрѣпленного, одушевляло Французовъ справедливою надеждою разбишь оное и очистишь Фрейбергскую дорогу, для нихъ весьма важную.

15 (27) На разсвѣтъ дня стрѣлки завязали дѣло. Въ 7 часовъ утра сильная канонада предвѣщала важное сраженіе. Проливной дождь при сѣв. восточномъ вѣтрѣ, не переставалъ идти цѣлыя сутки и чрезвычайно распрививалъ союзниковъ. Неаполитанскій Король выступилъ противъ нихъ по Фрейбергской дорогѣ. Погода была ужасная; буря оптимала возможность сражаться у Австрійцевъ, менѣе привыкшихъ переносить военныя трудности. Впрочемъ, они выдерживали натискъ пѣхоты, но будучи атакваны кирасирами *Латуръ-Мобурга*, сбиты и смѣшались. Частъ лѣваго крыла союзной арміи, стоявшая за Плауенскою долиною, потерпѣла тяжкій уронъ. Въ центрѣ, гдѣ находились главныя силы союзниковъ, производилась только канонада. Напрасно Генераль *Жолини* совѣщивалъ перемѣнить фронтъ, и напасть на лѣвое непріятельское крыло, плывшее вдоль по берегу Эльбы, и между Груною и Рейкомъ находившееся въ большой опасности; маневръ сей, который могъ бы поправить дѣло, былъ отвергнутъ. На правомъ крылѣ Графъ *Витгенштейнъ* вѣсколько уступалъ, однако успѣхи непріятели въ семь мѣстъ не были значительны. Въ ту мину-

шу, какъ побѣда склонялась на его спорону, Князь *Шварценбергъ* началъ безпокоиться о своемъ правомъ крылѣ. Мы сказали, что *Наполеонъ* обрапилъ корпусъ *Вандама* къ Кенигшштейну. 14 (26) сей Генераль переправился черезъ Эльбу, а 18 (27) пошелъ на Пирну. Графъ *Остерманъ* оставался близъ сего города, для наблюденія Кенигшштейна. Онъ командовалъ корпусомъ *Принца Евгенія Виртембергскаго*, первую дивизію Русской гвардіи и двумя кирасирскими полками. Сихъ войскъ недоснаточно было для удержанія Французовъ, угрожавшихъ опрѣзать правому крылу арміи сообщеніе съ Богемією.

Этотъ день былъ несчастливъ для союзниковъ. Однако жъ они не опчаявались. Превосходное число ихъ заставляло надѣяться, что на другой день начавъ атаку, они одержать верхъ. Надлежало держаться сей мѣры до послѣдней крайности: ибо опспунъ возымѣлъ бы еще гибельнѣйшія слѣдствія. Неаполитанскій Король захватилъ Фрейбергскую дорогу, а Пирнская опрѣзана была *Вандамомъ*. И такъ, опспунъ нельзя было иначе произвестъ какъ въ промежуткѣ между ними, гдѣ дороги были чрезвычайно худы. Тогда

надобно было опасаться, чтобы неприятели, жарко пресѣдуя, не воспользовались прудностию горнаго прохода и не превратили опшупа союзниковъ въ совершенное распрройство. Князь *Шварценбергъ* почипалъ неуспѣхъ лѣваго крыла своего слишкомъ рѣшипельнымъ и, споль мало надѣялся возспановить памъ дѣла, что не смотря на прибытіе *Кленау*, положилъ войпи въ Богемію. Ночью на 16 (28) число, армія двинулась преме колопнами; первая, подъ командою Генерала *Баркляя дѣ Толли* взяла направленіе къ Фирспенвальде; *Коллоредо* со впорою пошелъ къ Алпенбургу, а *Кленау* съ трешью къ Маріенбургу. *Витгенштейнъ* командовалъ арріергардомъ, назначеннымъ для прикрытія опшупа. *Остерманъ*, пропивупоставленный *Вандаму*, опшупилъ къ Пешерсвальде. 16 (28) Россійско-Имперапорская кварпира перенесена была въ Опшенбергъ. Поутру еще неприятели, замѣтя опшупленіе союзной арміи, пресѣдовали ее во всѣхъ направленіяхъ. Неаполишанскій Король двинулся къ Фрейбергу, *Мармонъ* къ Диппольдисвальду, *Сенъ-Сиръ* къ Максену, *Мортъе* съ гвардією къ Пирнѣ, а *Вандамъ* къ Голмендорфу.

Нельзя сказать, чтобы союзники разбиты были при Дрездене: ибо, около почти половины ихъ арміи не было въ дѣлѣ; однако жь Французы съ своей стороны по справедливости могли считатьъ себя побѣдителями. Они сражались единственно для очищенія своихъ сообщений; опустивъ союзныхъ войскъ доспавимъ имъ сію выгоду. Трудно опредѣлить съ точностію число убитыхъ въ эпошъ день съ обѣихъ споронъ; 13 т. человекъ пленныхъ, все почти Авспрійцевъ, и 26 пушекъ достались въ руки Французовъ. Но самую чувствительною поперкою была для союзниковъ смерть Генерала *Моро*, которому 15 (27) ядромъ опорвало обѣ ноги. Онъ перенесенъ въ Лаунъ, что въ Богеміи, гдѣ и умеръ 21 Августа (2 Сентября).

Остановимся здѣсь на минушю и рассмотримъ со вниманіемъ поступки *Наполеона*. Очень странно, что при открытіи похода онъ не опгадалъ намѣренія союзниковъ, присоединить на Эльбѣ большую Россійско-Прусскую армію къ Авспрійской. За мѣсяць до испеченія перемирія, Авспрійское Правительство занималось уже приговорами къ принятию войскъ, долженствовавшихъ выйти

изъ Силезіи въ Богемію. *Наполеону* надлежало воспрепятствовать сему сосредоточенію силъ, которое могло быть ему гибельнымъ. Для сего, за нѣсколько дней до открытія непріятельскихъ дѣйствій, онъ долженъ былъ собрать свои войска между Лобау и Циптау, чпобы можно было ему начать походъ, выйдя изъ Богеміи чрезъ Георгенпаль и Габель на Юнгъ-Бунцлау. Опъ сего города быспро устремясь къ Нимбургу, онъ могъ еще надѣяться спастъ между двумя арміями: Австрійскою и Россійско-Прусскою, воспрепятствовать ихъ соединенію и порознь разбить ихъ. Весьма вѣроятная побѣда надъ отдѣльною Австрійскою арміею открыла бы ему дорогу къ Вѣнѣ, по которой онъ могъ бы безопасно слѣдовать. Его Дрезденская операціонная линія уже теряла свою важность и онъ, безъ всякаго опасенія, могъ допустить заняты оную Русскимъ и Прусакамъ; ибо, въ случаѣ неудачи, для него открыта была Баварія, и онъ занялъ бы гораздо ближайшую линію сообщеній съ Франціею. Нельзя однако жь опвергнуть, что если бы онъ, при открытіи похода, подступилъ съ побѣдоносною арміею подъ столицу, то отдѣльнымъ миромъ

съ Австрією не принудилъ бы ее отказаться отъ союза. Къ счастью союзниковъ, *Наполеонъ* вмѣсто того, чтобы самому начать военныя дѣйствія, рѣшился соображаться съ ихъ операціями; рекогносцировка, произведенная 7 (19) Августа въ Богеміи открыла ему глаза: онъ увидѣлъ, что нельзя уже воспрепятствовать сосредоточенію союзныхъ силъ на Эльбѣ; съ другой стороны онъ зналъ, что *Блюхеръ* приближается скорыми шагами, и такъ онъ разсудилъ попытаться прежде разбить его, или по крайней мѣрѣ отдалить на нѣкоторое время. Онъ пошелъ на него; но видя, что *Блюхеръ* опусуется, не позволяя разбить себя, онъ почувствовалъ, что какъ можно скорѣе надобно идти на большую армію, коей движенія явно угрожали Дрездену. Вмѣсто того, чтобы послѣшить на помощь сему городу, онъ поступилъ бы гораздо лучше, занявъ Богемію съ своею гвардією и 1-мъ, 2-мъ, 8-мъ и 6-мъ корпусами, подкрѣпленными 5-мъ корпусомъ.

Силезская армія, оснащенная безъ поддержки, по отбытіи *Наполеона*, должна была бы только удерживать *Блюхера* твердою дѣйствующею дефенсивою. Для сего доста-

почно было остававшихся подъ командою *Макдональда* двухъ корпусовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, большая Французская армія соспавила бы около 140 тысячъ человекъ; съ сими силами, быспро устремясь на сообщенія союзниковъ, легко было заспавить ихъ опказаться опъ своихъ видовъ на Дрезденъ, и поспѣшно опступить къ Прагъ; ибо, если бы Французамъ удалось переправиться черезъ Эльбу: то они предупредили бы, первыхъ. Одна минуша нерѣшимости союзниковъ, подвергала ихъ опасности и доставляла *Наполеону* возможность опрѣзать имъ сообщенія и ушвердиться на Эгеръ, между Будини и Саацемъ. *Наполеону* не нужно было ни мало опасаться; ибо, въ случаѣ неудачи, если бы перерѣзано было сообщеніе праваго крыла его съ Лузаціею, то ничпо не воспрепятствовало бы ему опкрыть новыя сообщенія на лѣвомъ крылѣ; спойло только опступить къ Баваріи, или чрезъ Міедо и Гейдъ въ Вейнбергъ, или же чрезъ Пильсенъ и Тейницъ въ Вальдмюнхенъ. Удивительно, что онъ не воспользовался всѣми выгодами операціи, совершенно въ духъ пѣхъ, кои приобрѣли ему славу великаго полководца. Впрочемъ

кажется, что рѣшась идти на Дрезденъ, онъ долженъ былъ соединить болѣе силъ; а онъ со всѣмъ безъ нужды оставилъ 8-й корпусъ въ Лузациі; довольно бы нѣсколькихъ легкихъ войскъ, для прикрытія со стороны Богеміи сообщенія большой арміи съ *Макдональдовою*. Онъ могъ еще усилився однимъ изъ трехъ корпусовъ *Удино*; вообще надлежитъ упрекнуть его въ томъ, что онъ употребилъ слишкомъ много средствъ для вѣроятныхъ операцій, и мало сосредоточилъ силъ въ важной точкѣ, отъ которой зависѣлъ успѣхъ похода. Къ чему послужили бы успѣхи *Удино* подъ Берлиномъ, а *Макдональда* въ Силезіи, если бь *Наполеонъ* разбитъ былъ подъ Дрезденомъ? Побѣда имъ одержанная, нимало не оправдываетъ его плана. Знаюки въ военномъ дѣлѣ уважающъ одни только обдуманые напередъ искуснымъ Полководцемъ успѣхи, а не тѣ, которыми онъ обязанъ случаю и обстоятельствомъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ вѣроятностей.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАЙДЕННЫШЪ.

Повѣсть Тромлица.

(Продолженіе.)

„Спранно!“ подумалъ самъ въ себѣ юноша, оставшись одинъ: „Увѣщательный голосъ сего благороднаго спарца снимаешь для меня покровъ съ будущности, какой я никогда не предчувствовалъ.“ — Въ глубокой думѣ ходилъ онъ взадъ и впередъ по ярко освѣщенной залѣ; минувшее и будущее его окружали. Тупъ возвелъ онъ взоръ на панцири и знамена, на безпорочные щиты, на древнія изображенія доблестныхъ рыцарей, на нѣжныя черты ихъ супруговъ и дочерей. — „Вы всѣ, подобно мнѣ, здѣсь расхаживали!“ воскликнулъ онъ горестно: „вы съ радостнымъ чувствомъ взирали на сіи памятники прежнихъ временъ, и съ гордостью могли сказать: „вотъ корни моего рода, вотъ вѣтви, кои, пышно раскидываясь, своими подвигами все еще меня осѣняютъ.“ — Вы, въ беззаботномъ дѣтствѣ,

могли играть на колѣняхъ матери, могли здѣсь покоиться на груди матери, не были покинуты, изгнаны въ пустыню, васъ не опшоргла мать отъ груди своей, васъ не бросилъ отецъ на берегу горнаго попока. Вы опкровенно и свободно могли сказать милой вашего сердца: *люблю тебя!* Счастливыцы! . . .“
 воскликнулъ онъ въ избыткѣ горести: „вамъ улыбалась жизнь; вамъ, какъ цвѣтамъ, и утро и вечеръ приносили живительную росу — мнѣ минувшее и будущее приносятъ однѣ слезы!“ —

„Но прочь, прочь, малодушныя посланницы унынія, холодныя слезы!“ произнесъ онъ съ жаромъ: „доспигаешь высокаго — ешь благороднѣйшее стремленіе человѣка, изъ глубины взбираешься на вершину горы — цѣль неуспрашимаго; — ее обрѣсти — мое пвердое, непоколебимое;“ — — и когда проходилъ онъ между рядами портретовъ и еще разъ привѣщивовалъ взоромъ почтенныхъ рыцарей и женъ, ему померещилось, будто они ласково, но горестно ему улыбаются. — „Ахъ!“ промолвилъ онъ тихо: „чувшвовашь, что имѣешь нужду въ состраданіи, для груди истиннаго человѣка тягостно!“ —

7.

Насильственный поступокъ жителей Праж-

скихъ, выбросившихъ Имперскихъ сановниковъ изъ оконъ дворца, сильно взволновалъ умы, и когда, по кончинѣ Императора *Матвея*, избранный ими уже прежде, Король *Фердинандъ* не хотѣлъ безусловно принять ихъ безмѣрныя пререкованія, они опъ него опложились, и на мѣсто его избрали юнаго *Фридриха*, Курфирста *Пфальцкаго*. Въ немъ, какъ въ Главѣ Уніи и въ зяпѣ Короля Англійскаго, *Иакова I*, они надѣялись найпи сильную поддержку; ибо онъ шакже принялъ ученіе Кальвина, и сверхъ того, ему предшествовала слава правосуднаго, крошкаго Государя: радость Богемцевъ была неописанна, когда юный Король, вспупивъ въ предѣлы своего новаго Государства, приближался къ столицѣ.

Старцы и юноши суешливо занимались пригоповленіями къ его торжественной встрѣчѣ; вездѣ возвышались шріумфальныя вороша. Въ Спрагевскомъ предмѣстьѣ коврами украшены были дома, мимо коихъ ему надлежало проѣзжать ко дворцу, и, какъ будипо на канунѣ годоваго праздника, народъ уже заранѣе предавался необузданной радости, бродилъ по улицамъ, пѣлъ, шумѣлъ, и явно обнаруживалъ свое восхищеніе о томъ, что наконецъ

увидишь на престолѣ единовѣрнаго Монарха.

Съ наступающею ночью шумъ мало по малу утихъ, улицы опустѣли, каждый возвратился домой, дабы и шамъ, какъ въ пестрой толпѣ народной, предаваться радостному чувству, о сверженіи ига Езуитовъ и возстановленіи кропкаго Правительсва. Никто не предчувствовалъ, что сіе мечтательное счастье будетъ столь кратковременно, что мишное пріобрѣтеніе древнихъ преимуществъ, и столь драгоценная для нихъ свобода вѣроисповѣданія, вмѣстѣ съ симъ днемъ, столь пламенно желаннымъ, падутъ въ могилу, какъ они теперь въ объятія сна.

Сколь могущественно властвуетъ надъ душою человека сонъ, когда онъ нисходишь къ нему на крылахъ ночи: умолкаетъ бурная радость, умираетъ кипящая жизнь, утихаетъ мятежъ спрассей; спрадалецъ, успокоенный тихимъ вѣяніемъ его усалыхъ крылъ, чувствуешь себя счастливымъ среди сладостныхъ, обольстительныхъ грезъ. Въ часы ночи, въ объятіяхъ сна, нищій равень Царю; кому достаётся очаровательнѣйшая греза, шопъ всѣхъ счастливыхъ. — Одно только сокрушенное сердце, покинутое надеждою, одна

лишь несчастная любовь не обрѣшаетъ усладительнаго покоя. Крошкѣй, макомъ увѣнчанный богъ, не можетъ сомкнуть имъ горяція вѣжды, не можетъ ниспослать чарующіе сны; слезы горести не дають вздремать очамъ, и для нихъ медленно шивутся часы полуночи.

Тамъ, гдѣ немногими годами позже, *Альбрехтъ Валленштейнъ* создалъ свой испанскій дворець, спояло въ то время древнее, обширное зданіе, въ которомъ жилъ *Гейнрихъ Шликъ*, Графъ Пассаунскій, дѣятельный начальникъ Моравской пѣхоты. Изъ окна, обращеннаго въ садъ, мерцалъ еще слабый свѣтъ лампы, блѣдно и тускло, какъ свѣтъ надежды, которая зажгла ее. Подлѣ лампы сидѣла дѣвушка, занятая чтеніемъ псалтыря, насупротивъ ее спарушка, дрожащею рукою кружившая верепено. Русыя кудри дѣвушки длинными косами упали на голыя плечи, узенькій корсетъ облекалъ ея спройный станъ, а темно-голубые глаза, неподвижно устремленныя на книгу, казалось, ничего не видѣли вокругъ себя, кромѣ мертвыхъ буквъ псалтыря.

„*Сидонія*,“ сказала наконецъ спаруха, оположивъ въ спорону верепено: „не пора ли

ложись спать, ужь за полночь?" — Дѣвушка покачала головою въ знакъ отрицанія.

„По крайней мѣрѣ накиньте манжилью; закройте голыя плечи и шею, — ночь холодна — да оставьте псалмы. Вы теперь вѣдь не читаете съ набожнымъ, благоговѣйнымъ сердцемъ.“ — При сихъ словахъ *Сидонія* взглянула на старуху, какъ будто хотѣла спросить: почему ты это знаешь? —

„Конечно, мое дитяшко!“ продолжала та: „я знаю всѣ твои сокровеннѣйшія чувства; вѣра въ борьбу съ твоимъ сердцемъ, а это не годится. Ты желала бы довѣрять Небу, а сомнѣнія совращаютъ тебя съ пути истиннаго. Не допытывайся того, что Господь скрываетъ, иди смиренно своей стезею; поелику та, которою идешь, ведетъ тебя къ цѣли.“ —

— Въ самомъ дѣлѣ уже за полночь? — спросила дѣвушка.

„Давно уже,“ возразила старуха.

— Такъ онъ сегодня не будетъ, — сказала она и сложила книгу: не случилось ли съ нимъ несчастія? —

„Судьба его написана въ книгѣ живописной!“ отвѣчала старуха: „куда она ведетъ его,

шуда онъ долженъ иди; лучше, еслибъ она никогда не сводила его опять съ побою; я предчувствую несчасіе.“

— *Барвара*,—прервала ее дѣвица: и моя судьба давно уже написана; ни ты, ни я, ничего не можемъ въ ней перемѣнить; и шакъ спокойно ожидай ее и не сокрушайся. — — Тутъ, вдругъ она оспановилась и начала вслушиваться. — *Барвара!*—шепнула она: мнѣ кажется, что я слышу шорохъ шаговъ въ саду! .. — Она вскочила и подошла къ окну. — — Точно шакъ, милая *Барвара*, видишь ли? памъ шевелился тѣнь; вѣрно онъ идетъ.—Только сегодня въ послѣдній разъ будь ко мнѣ свисходительна, и проводи меня въ садъ—право, въ послѣдній разъ! —

„Почему же нейдешь одна?“—спросила спаруха спрогимъ голосомъ.

— Какъ, ты еще можешь спрашивать, маминька? прервала ее *Сидонія*: могу ли безъ шебя, могу ли одна иди къ нему? —

„Та дорога не богоугодна, по которой чловѣкъ не можетъ иди одинъ, а сердце, которое само себѣ не довѣрлетъ, не укрьпилось еще въ вѣрѣ и добродѣтели!“—*Сидонія* молчала, смотрѣла внимательно въ садъ, и вслушивалась въ тихіе шаги, которые чушь,

чуть доходили до ея слуха.—,Это онъ “ вскричала она быстро: „если ты думаешь, что сердце мое еще не укрѣпилось въ вѣрѣ и добродѣтели, думаешь, что оно не опважится, бросишься одно въ опасность, то оспавайся здѣсь. Я иду!—Сказавъ сіе, она набросила на себя манпилью и вышла изъ комнашы.

Варвара посмотрѣла въ слѣдъ ей. „Помилуй ее Господи!“ воскликнула она и пошла за нею.

8.

Старуха нашла ее въ безлиственной буквой бесѣдкѣ, однако не у возлюбленнаго; подлѣ нее сидѣлъ отецъ, котораго она вѣсь здѣсь встрѣшить не ожидала.

„Ба, и ты здѣсь, *Варвара!*“ воскликнулъ Графъ *Шликъ*: „ты вѣрно пришла пожелаешь мнѣ добраго вечера?“

— Я пошла за барышнею,—возразила *Варвара*, кланяясь: и опѣ искренняго сердца желаю моему повелителю добраго вечера. —

„Кого же вы сюда ожидаете?“ продолжалъ Графъ.—Обѣ молчали. „Ты вѣрно уже узнала, что Графъ *Турнъ* возвратился съ молодою супругою, и потому ждешь *Рихарда*. — По истинѣ, еслибъ облака не заволокли луну, я

увидѣлъ бы, что дочь моя краснѣесть отъ стыда.

— Этого ты не увидѣлъ бы, папинька, еслибъ и солнце теперь сіяло: что я дѣлаю, того не стыжуся,—возразила *Сидонія*.

„Не стыдишься своей позорной любви? не стыдишься сего ночнаго свиданія?“ сказалъ Графъ съ упрекомъ.

— Папинька,—продолжала *Сидонія* умоляющимъ, смиреннымъ голосомъ: ты знаешь мое сердце; я не ушла отъ тебя моей привязанности къ *Рихарду*, помнила всегда свое негодованіе, боролась съ сердцемъ, и не могла одержать надъ нимъ побѣду. Но чтобы не погибнуть въ сей мучительной борьбѣ, я, вооружась мужествомъ, просила *Рихарда* при послѣднемъ съ нимъ свиданіи у Графа *Турна*, еще разъ прийти сюда въ темноѣ ночи. Я намѣрена была расстаться съ нимъ на вѣки.— Воля моя, папинька, тебѣ подвластна, надъ сердцемъ моимъ я сама безсильна. Я просила добрую *Варвару*, идти за мною, и хотя она на меня и сердилась, что я, не осведомясь о гербѣ и родословной *Рихарда*, его полюбила, однако жъ она пошла за мною; не гнѣвайся на нее; она со вѣмъ невиновата! — —

„Неужь-ли ты хопъла видѣшь его въ послѣдній разъ, *Сидонія?*“ — спросилъ опецъ спокойнѣе.

— Я никогда тебя не обманывала! — Сегодня я хопъла видѣшь его въ послѣдній разъ, если судьба противъ воли моей не сведетъ меня съ нимъ. — Но забышь его, переспашь его любинь, папинька, эшого я не въ силахъ. —

— Не пребуйше невозможнаго опъ дочери, подхвашила *Варвара*, увидя на лицѣ его признаки сильнаго гнѣва.

„Всѣ мои намѣренія разрушаетъ швоя глупость,“ сказалъ Графъ *Шликъ* послѣ кратагок молчавія: „теперь, когда прибудетъ сюда новый Король, когда сошни рыцарей изъ Шфальца и всѣхъ Протестантскихъ земель окружатъ престоль его, когда дворянство изъ Богеміи, Моравіи и Силезіи соберетъся въ Прагу, когда для меня столь нужно, какимъ нибудь знатнымъ союзомъ родства утвердиться въ милости новаго Монарха, — шеперь, швоя безумная спраситъ уничтожаетъ всѣ мои планы. Но знай, доколь смертъ не сомкнетъ очей твоего отца, ты будешь разлучена съ прошлецемъ, который осмѣлился возымѣшь на шбя виды. Повѣрь моимъ словамъ, и шеперь поди!“ примолвилъ онъ повели-

пельнымъ голосомъ: „поди въ свою комнату; сегодня онъ вѣрно сюда не явится: *Дампьеръ* захватилъ его; онъ въ плѣну, и попому не будешь мнѣ болѣе въ тягость!“ —

Сидонія вздрогнула при семъ извѣстїи, но оправаясь сказала спокойно: „Богъ защищаетъ его.—Доброй ночи, папинька!“ — Она удалась, *Варвара* хотѣла идти за нею. „Останься!“ сказалъ Графъ: „мнѣ нужно поговорить съ побою.“ —

„Ты, мнѣ кажется, во зло употребляешь мою довѣренность къ тебѣ;“ продолжалъ онъ, оставшись наединѣ: „ты хотя не пощаешь глупоспьямъ моей дочери, однако не довольно сильно имъ пропивишься. Ты знаешь мой образъ мыслей; тебѣ извѣстно, что для *Сидонїи* неприличенъ бракъ съ человѣкомъ, за котораго простой гражданинъ Праги не отдалъ бы своей дочери. — За чѣмъ не поступаешь ты спрже, за чѣмъ не употребляешь власти, копорую имѣешь надъ ея сердцемъ, чтобы возвратить ее на путь здраваго разсудка? — Ошвѣчай мнѣ, *Варвара!*“ —

— Поднесите магнитъ къ желѣзу, а потомъ велише, чтобы онъ опшолкнулъ его.— За чѣмъ познакомили вы дочь свою съ семей-

спвомъ Графа *Турна*? Я предостерегала васъ, когда еще было время; теперь поздно. — Я знаю, съ какою цѣлью вы это сдѣлали. Вы не достигли ее—вѣрная любовь и путь положила вамъ непреодолимую преграду; но со вчерашняго дня, въ который Графъ *Турнь* вмѣстѣ съ супругою возвратился въ родительскій домъ, вы вѣрно отказались отъ своихъ плановъ.—Бы поступили не такъ какъ отцу должно: и за то Богъ покаралъ васъ. Взгляните на лице вашей дочери: розы на щекахъ ея поблекли; огонь въ глазахъ поухъ; змѣя гложетъ ей сердце; безнадежная любовь питаетъ вѣчную борьбу разсудка съ сердцемъ. Всему этому виною ваши замыслы, ваше знакомство съ Графами *Гардегомъ* и *Турномъ*. Кто посылалъ васъ въ Прагу?“ —

„Ты этого не понимаешь,“ прервалъ Графъ болпливую старушку, которая у дочери заступала мѣсто матери: „не принужденъ ли я держаться за всякую соломенку? Не вездѣ ли я пытался? Не служилъ ли Императору, Испаніи, Савоіи, Герцогамъ Брауншейгскому и Нейбургскому? Вездѣ была работа, но вездѣ меня отпускали, какъ скоро не за кого было проливать мою кровь. Воинъ теперь

принадлежитъ всему Свѣту: кто плашитъ ему, тому онъ служитъ. Загремѣлъ барабанъ, зазвучала труба—и я гошовъ! Громъ раздался въ землѣ Богемской, и я полетѣлъ сюда изъ Ипаліи, чтобы еще разъ попытать своего счастья.“ —

—Такъ-то вы вмѣстѣ съ собою увлекаете въ вихрь Свѣта и жалкую дочь свою, которая спокойно жила со мною въ уединенномъ домикѣ на берегу Молдавы.—Теперь, когда и она увлечена симъ вихремъ, вы гнѣваеесь, и думаете, что ваша воля можетъ потушить пламя любви. Вы ошибаетесь, сударь; кропка *Сидонія*, смиренна какъ Ангелъ, но тверда, непоколебима, какъ скоро увѣрена, что на ея сторонѣ справедливость; она отъ него откажется, но и погибнетъ вмѣстѣ съ любовью; захочетъ одержать верхъ надъ сердцемъ, но она разорветъ его. Вспомните о вашей супругѣ, и въ дочери уважайте ея память.

„Что жь мнѣ дѣлать, *Варвара*; какой советъ ты мнѣ дашь?“ —

— Я не знаю другаго, какъ уповать на Господа Бога. *Сидонія* также хорошо, какъ вы и я, видите прощасъ, которая разлучаетъ ее съ возлюбленнымъ; она знаетъ, что не

сѣсть, не можетъ черезъ нее перешагнуть. Только не поступайте снрого, не приведите ее въ опчаяніе, не погасите послѣдней искры надежды, которая еще плѣшетъ въ ея сердць. Впрочемъ, не безпокойтесь о какомъ либо безразсудномъ шагѣ; довѣряйте вашей благородной дочери. Сверхъ того, вы сами знаете, что малѣйшій непріязненный поступокъ противъ молодаго человѣка, можетъ возбудить вражду между вами и Графомъ *Турноль*. Вы при каждомъ шагѣ взвѣшиваете свою выгоду, слѣдственно, будьте и тутъ оспорожны, а паче всего щадите вашу дочь, вашу единственную дочь; теперь меня оппустите къ ней; бѣдная вѣрно поминся въ своей комнаткѣ; ей теперь нужно ушѣшеніе.— Не дождавшись опвѣта, она удалилась.

9.

Весело взошло осеннее солнце въ 31 день Октябрия 1619 года; не было ни малѣйшаго облачка надъ Прагою; башни ея, озаренныя яркими лучами солнца, великолѣпно сіяли. Гордо и шумно текла Молдава подъ сводами высокаго моста, черезъ который шѣстились необъянныя шолпы народа въ праздничной одеждѣ, на встрѣчу юному Монарху, компо-

рый въ этотъ день, изъ загороднаго дворца долженъ былъ имѣть торжественный въездъ въ свою столицу.

Въ радостной надеждѣ стояли граждане Праги, ожидая минуты, въ которую явится вождьленный Монархъ. Знамена города весело развѣвались въ воздухѣ; вокругъ ихъ поспирены были вооруженныя дружины Гусситскихъ гражданъ; опрядъ изъ 400 воиновъ, въ полномъ вооруженіи, какое употреблялось во времена Циски, выстроился передъ дворцемъ для встрѣчи Короля. На нихъ были черныя лапы и древніе шлемы того достопамятнаго времени. Съ алебардами въ рукахъ, съ длинными широкими боевыми мечами на бедрѣ, коими предки ихъ содѣлались споль спрашны, съ огромными щипами, они стояли вокругъ Цискова знамя, на коемъ видѣлись чаша и хлѣбъ святыя Вечери; они напоминали о пѣхъ кровавыхъ временахъ, въ кои Богемцы, ужась сосѣдовъ, поражали враговъ своихъ подъ симъ побѣдоноснымъ знаменемъ вѣры.

Другая дружина, подъ начальствомъ молодого Графа *Турна*, поспиренная передъ дворцемъ, соспояла изъ 300 юныхъ дворянъ, которые по знаменитости рода, по богатству

и пригожесиву могли служить украшеніемъ Двору Царскому.

Вдругъ засуешились во дворецъ; царскія лошади подведены, пѣлохранители соупствовавшіе Королю, сѣла на коней; Пфальцкіе рыцари Королевской свиты примкнули къ ея рядамъ; подъѣхала великолѣпная Королевская карета, и при громогласномъ крикъ: *Vivat Fridericus Rex!* Монархъ, ведя свою супругу, сошелъ съ широкой лѣспницы, проводилъ ее до кареты, сѣлъ на коня и спалъ осмаприваитъ дружины. Когда подъѣхалъ онъ къ вооруженнымъ доспѣхами древнихъ Гуссишовъ, по вышелъ изъ среды брадашый сѣарець. „Милостивѣйшій Государь и повелитель!“ сказалъ онъ: „мы надѣмся, что ты будешь защищать нашу вѣру, за которую и мы спанемъ сражаться, какъ пѣ мужи, доспѣхами коихъ днесъ вооружились.“ — Король обѣщаль защищать ихъ вѣру, — и радостные клики огласили воздухъ.

Шествіе пронудось. Орудія загремѣли, колокола торжественно загудѣли, повсюду раздавался голось живѣйшей радости. Впереди несли значки цѣховъ, за ними ѣхалъ Графъ *Турнь* съ дворянскою дружиною и ея много-

численными служителями, попомъ шлохранители Короля, спашные, съ головы до ногъ вооруженные кирасиры. Далѣ слѣдовали Королевскіе Совѣтники, Директоры Богемскихъ Чинновъ, за ними Герцогъ Минсбербергскій и юный Князь *Христианъ* Ангальпскій, между ними Герцогъ Виртембергскій, наконецъ, передъ самымъ Королемъ, братъ его Пфальцграфъ *Филиппъ Лудовикъ* и старый Князь Ангальпскій.

Самъ Король, въ шемной, серебромъ вышитой одеждѣ, ѣхалъ на ворономъ Андалузскомъ жеребцѣ, украшенномъ богатою сбруею; за нимъ непосредственно слѣдовала Королева въ парадной каретѣ, за нею Королевскіе спрѣлки; воины Цисковы заключали шествіе.

Когда Король вступилъ въ предмѣстіе, радость была всеобщая. Опъ ворошъ до самаго дворца спояли по обѣимъ сторонамъ вооруженные граждане; повсюду раздавался радостный крикъ: „да здравствуетъ *Фридрихъ*, Король Богемскій!“ — Когда высокіе пушешвенники подѣхали ко дворцу, дѣвицы различныхъ сословій вспрѣшили Королеву. Юная дѣвица, прелестная и нѣжная, какъ ангелъ, но блѣдная, подобно бѣлой розѣ, опъ имени

подругъ своихъ, подама Царспвенной супругъ вѣнокъ изъ цвѣшовъ, и, запинаясь, произнесла нѣсколько словъ. Королева благосклонно приняла вѣнокъ съ бархашной подушки, и внимашельно разсмашривала подашельницу. „Милое дшпя мое!“ сказала она ласково: „благодарю тебдя; сей даръ меня радуешъ; я желала бы, чшобы и твои глаза пакже весело смошрѣли на меня, какъ мои глаза на швой подарокъ.“

Тущъ дѣвшка возвела свои большіе, темноглубые глаза на Королеву; горешъ, глубоко скрышая горешъ была въ нихъ живо написана.

„Кшо ты?“—спросила Королева, сильно пораженная ея шоскою.

— Я дочь Графа *Шлика*,—ошвѣчала дѣвшка.

При сихъ словахъ Королева всмошрѣлась въ нее еще внимашельнѣе, потомъ сказала ласково: „Надѣюсь, вскорѣ съ вами увидѣшься, Графиня!“ дала ей поцѣловашь свою руку и пошла въ свои внушрenniе нокои.

И *Сидоніа* возврашисась въ свою уединенную комнашкю, гдѣ даже добрая *Барвара* не могла ее успокоишь. Она видѣлась во дворцѣ съ Графомъ *Турномъ*, и вѣспъ, которую онъ ей

сообщила, обрадовала ее и вмѣстѣ огорчила. Что судьба споль неожиданно соединила ее подругу съ возлюбленнымъ, что она счастлива: это было ей пріятно; но когда въ то же время услышала отъ Бернгарда *Турна* подтвержденіе извѣстія, что *Ришардъ* полоненъ Имперцами—сердце ее спѣснилось невыразимою горестью.—Холодное равнодушіе, съ которымъ Графъ сообщилъ ей бѣдственное приключеніе своего друга, было ей больно; его замѣчаніе, что *Ришардъ*, пожертвовавъ собою, сполько заплапиль за благодѣянія, коими пользовался въ ихъ домѣ, до того возмушило ее душу, что она не могла воздержаться отъ горькаго вопроса: „спѣдственно онъ спеперь уже не должникъ вашъ?“—Все сіе, равно какъ и сцена минувшей ночи, сильно ее разспроили, и благоволеніе Королевы не послужило ей ни малѣйшимъ утѣшеніемъ.

Безмолвна, задумчива, сидѣла она у окна, и слезный взоръ ее неподвижно устремленъ былъ въ темноту ночи.—Изъ дворца еще раздавались звуки трубъ и лишавръ, дикій шумъ слышался со стороны стараго города, гдѣ народъ густыми толпами шѣснился по ярко-освѣщеннымъ улицамъ: пошѣшныя выстрѣлы

гремѣли въ воздухѣ, ракеты взлетали, болѣе ста судовъ, освѣщенныхъ безчисленными огнями, пылали на Молдавъ, а на широкомъ, ярко освѣщенномъ мосту едва помѣщались необъяшныя толпы народа, копорыя, подобно приливу и опливу, валили взадъ и впередъ. Старый и малый ликовали, какъ будио сошелъ къ нимъ ангель съ неба; всѣ сердца бились, пымали радостію; вездѣ раздавался крикъ: „да здравствуешъ Король!“ Воспоргъ былъ неописанный.

Но въ груди *Сидоніи* умерла радость. Наспупила полночь, все пише спановилел шумный воспоргъ, а ночь все пемнѣе и пемнѣе, но и на сей разъ сонъ бѣжалъ ошъ очей *Сидоніи*.—Сшарушка *Варвара*, держа въ рукѣ псалшырь, сладко вздремала въ своихъ креслахъ. *Сидонія* съ умиленіемъ посмотрѣла на единственную упѣшишельницу, единственнаго друга свосго расперзаннаго сердца. Оспорожно взявъ у нее книгу изъ рукъ, она подложила ей подъ голову подушку, и папечатлѣла тихій поцѣлуй на челѣ своей доброй воспитательницы.—„Почивай сладко, добрая спарушка,“ сказала она тихо, и подошла къ опкрытому окну. Тупъ показалось ей, будто

слышавъ въ низу шорохъ; она спала вслушиваясь, сердце у нее забилось — по былъ вечерній вѣтеръ, кошорый колыхалъ осеннюю зелень. Ей показалось, будто видипъ вдали темную пѣнь—по была сосна, кошорая, качаясь опъ вѣтра, обманывала желанія ея сердца.

„Ахъ, онъ не придетъ!“ сказала она со вздохомъ: „онъ далеко, далеко отсюда!“—Она подняла взоръ къ звѣздамъ, изрѣдка мелькавшимъ сквозь темныя облака. — „Не уже ли здѣсь нѣтъ ни одной звѣзды надежды?“ молвила она тихо и погрузилась въ мрачную задумчивость.—„Священная, безмолвная ночь!“ воскликнула она,—„ты, ты мрачными крылами своими навѣваешь спокойствіе на встревоженное сердце чловѣка, ты нѣжно смыкаешь слезныя вѣжды его, и ниспосылаешь утѣшительныя грезы.—За чѣмъ же не мнѣ? Не уже ли я одна опчуждена опъ твоего спокойствія, опъ твоего волшебнаго міра сновидѣній? Не уже ли моимъ только глазамъ суждено не смыкаться, когда сонъ, твой благодушельный посланникъ, посѣщаетъ усталыхъ?—Ахъ, гдѣ колеблется вѣра, гдѣ воцаряется безнадежность, и сердце, любящее сердце препещетъ только опъ страха и же-

ланія, шуда не являешся пы, смыкашь ус-
палыя очи, шамъ благодѣтельная роса твол
спановишся горячею слезою горести.—Когда
сердце сокрушено, ты успалому страннику
не можешь быть упѣшительницею!

„Боже милосердый!“ воскликнула она, упавъ
на колѣни: „озари спезою, по которой суж-
дено мнѣ идти; озари ее хотя одною
искрою Твоей премудрости и благости,
дабы найти мнѣ цѣль моего странствія!“ —
Подкрѣпясь молитвою, она вспала, но сонъ
не смыкалъ успалыхъ зѣницъ ея; утро за-
стало её неспящею.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМѢ КНЯГИНИЪ Е. С. Х.

Клянусь вамъ, въ свѣтлое Христово Воскресенье,
Что вашъ Нелединскій Поэтъ
Не правъ, ей Богу вѣтъ!

Возможно ль: „по, что насъ приводитъ въ удивленье
И въ восхищенье,

О помъ ужъ намъ и не судишь (*)?

Лишь дамамъ могутъ такъ Поэты говорить.

(*) За день предъ симъ, когда получилъ я отъ Княгини ея альбомъ, услышалъ я отъ нея изрѣченіе незабвеннаго Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго: *On ne juge pas ce qu'on admire.* *Примъ. Сов.*

Хотя и я Поэтъ, хоть дамамъ удивляюсь
 И ими восхищаюсь (*);
 Однако же я ихъ сужу
 И всѣ достоинства ихъ ясно докажу.
 Вы, напримѣръ, Княгиня . . .
 Богиня!
 А почему?
 Да по всему:
 По благородству, по уму;
 Богиня красою,
 Богиня доброю,
 Любезностью — у васъ богиниъ почпо правъ.
 Вы насъ приводите не только въ удивленье
 И восхищенье,
 Но и въ невольное припомъ благоговѣнье.
 Не правъ, по истинѣ не правъ
 Нелединскій, угодникъ дамамъ льстивый:
On vous admire, mais on vous juge.
 Тожъ скажете и Герой супругъ вашъ, или мужъ;
 А всѣ вы знаете—Герои справедливы (**).
 Тверь 2 Апрѣля 1827.

А. Измайловъ.

(*) Не многими: иныхъ, какъ язвы, удаляются. *Прим. Сов.*

(**) По сему случаю покойный Ю. А. Нелединскій-Мелецкій написалъ къ Княгиниъ прозою, которая несравненно лучше моихъ стиховъ. Выписываю въ подлинникъ, что бы не обезобразить переводомъ. „*On ne juge pas ce que l'on admire. Je l'ai dit et je crois avoir bien dit. Pur juger, il faut être froid et l'est-on lorsqu'on admire? Juger, c'est entrer dans les détails, tandis que l'admiration n'a pas le tems de les examiner: elle est toute captivée par l'ensemble de son objet. Au reste, comme cette discussion ce fait à votre sujet, e'est aussi à vous de choisir ce que vous aimez mieux: d'être jugée, ou bien admirée. Quant à moi, si j'étais une jolie femme, je voudrais n'être jugée, que par mon vieux confesseur.*“

КЪ ЭЛБИРЪ.

(Изъ Ламартина, посвящено П. Н. Ж.л.б.вой).

Такъ! Апіо средь скалъ Тибура
 О милой Цинтіи поднесь еще твердишь;
 Въ долинахъ, гдѣ Воклюзъ журчишь,
 Еще присутствуетъ Лаура;
 Вѣкамъ Феррара передасть
 Пѣвца Ринальдова къ Элеонорѣ спрась!
 Счастлива красота, воспѣвая Поэтомъ!
 Счастлива смертная, любимая Пѣвцомъ! . . . .
 Пусь время гибельнымъ серпомъ
 Его любезную-разлучишь съ здѣшнимъ свѣтомъ:
 Онъ имя милое павѣки сохранишь
 Въ потомствѣ опъ забвенья,
 И въ храмъ безсмертія съ ней вмѣстѣ возлещишь
 На крыльяхъ вдохновенья! . . .

*

Когда бъ попушный въпръ къ желаннымъ берегамъ
 Примчалъ мой уплый чолнъ, носимый по волнамъ,
 Когда бъ опраднаго свѣпила
 Лучи блеснули падо мной,
 И опъ гавы моей, слезами и шоской,
 Подруга нѣжная мракъ смерти опдалила:
 Тогда бы я, бышь можешь, уравнилъ
 Со страстью пламенной поэша дерзновење,
 И, лиръ передавъ восторгъ и уносье,
 Неплѣнный памятникъ любви соорудилъ!
 Такъ спраивникъ опдохнушь, полдневною порою
 Подъ пѣнь густыхъ березъ садися на горѣ,
 И опправляясь въ путь знакомою спезею,
 Черпишь свое памъ имя на корѣ.

*

Смотри, какъ въ мѣрѣ все проходишь, умираешь!

Земля лишается плодовъ,

Срываетъ въпрѣ листья съ лѣсовъ;

Рѣка струи свои въ волнахъ морей перелетъ;

И осень, вѣспница мятсмей, непогодъ,

Къ намъ зиму хладную ведешь!

Сатурнъ, какъ исполнитъ, мечемъ вооруженный,

Неся на плечахъ смерть, паритъ;

Косою мепкою въ нупи своемъ разитъ,

И измѣняя видъ вселенны,

Во мракъ забвенія уносишь все съ собой!

Такъ съ лѣта быспраго вънецъ его злапой

Серпы блестящїе снимаютъ;

Такъ съ виноградныхъ лозъ въ кошницы упадаютъ,

Осеннею порой, румяные плоды!

Такъ вы погибнете, вы жизни сей цвѣты!

Любовь и молодость и блескъ красы мгновенной,

Красы, на краткїй срокъ опъ неба данной намъ!

Такъ вы погибнете, коль лирой вдохновенной

Пѣвецъ не дастъ безсмертья вамъ!

*

На юность пылкую брось взоръ ты состраданья:

Какъ чашу радости спъшишь испить она!

Когда жь осушишь всю до дна, —

Что ей останетъся? — едва воспоминанье!

Могила тѣсная ея поглотитъ прахъ,

И время слѣдъ любви заporошитъ забвеньемъ!

Тебѣ жь другой удѣлъ назначенъ Провидѣшемъ:

Ты будешь въчю жить, Эльвира въ сихъ спихахъ!

Сіановъ.

К Р И Т И К А.

З А М Ъ Ч А Н І Я

На Исторію Русскаго народа, сочиненную
Николаемъ Полевымъ. Москва, 1829 года.

15.

На стр. 63. говоритъ Авторъ ИРН. „Финны, прозябая неподвижно на мѣстахъ, издревле ими занимаемыхъ, даже и нынѣ могутъ ли бытъ почтены народомъ, входящимъ въ составъ гражданскаго нашего общества? Ни мало; это волчцы и дикія травы и проч.“

Любопытно однако жъ знать: гдѣ Финны издревле неподвижно прозябали? И Сочинитель ИРН. на 32 стр. уведомляетъ, что въ древнѣйшія времена Финскими народами заселена была Европа.—А что такое Европа? И Авторъ ИРН. на стр. 31 толкуетъ, что Европа есть проспраншво, примыкающее къ Россіи тремя великими своими частями: Скандинавіею Германіею и Греціею; слѣдственно: Греція, Германія, Скандинавія и прочія страны до Атлантическаго Океана, занимались издревле неподвижными и донинѣ Финнами. Вѣришь ли? Вѣришь ли, что Греческихъ и Германскихъ Финновъ вѣра есть Шаманское Идолослуженіе, и такая же, какъ у Тунгузовъ? Пусть извинишь меня Сочинитель ИРН.; но мнѣ кажется, что это нелѣпица.

На стр. 83. „Немедленно,“ говоритъ Авторъ ИРН. „по основаніи *Рурика* въ Новгородѣ, лѣтописи повѣствуютъ о походѣ Варяговъ на югъ. Но сіи Варяги были не *Руриковой* дружины; два новые Варяга дѣлающіяся намъ извѣстными: *Оскольдъ* и *Диръ*.“

Въ лѣтописи (стр. 13) напечатано: „И блѣсна у него (*Рурика*) два мужа не племени его, ни боярина и та испросиспаса ко Царю-граду съ родомъ своимъ—Иде *Оскольдъ* и *Диръ* на Греки.“—По чему же у Автора ИРН. *Оскольдъ* и *Диръ* называются новыми Варягами, и почему они не принадлежали къ дружинѣ *Рурика*, когда въ лѣтописяхъ сказано именно, что они были у *Рурика* и просились у него въ Царь-градъ? Всего удивительнѣе то, что Авторъ ИРН. обезобразилъ здѣсь текстъ совершенно безъ причины, единственно для того, чтобы повторить громкое слово: *Намъ*.

Авторъ ИРН. на стр. 89, восклицаетъ: „Имя Руссовъ въ первый разъ поразило слухъ Грековъ, съ ужасомъ слышали они, что

„Руссы приплыли изъ сѣвера въ челнокахъ
„по морю: явленіе новое и неслыханно.“

И подлинно явленіе новое и неслыханное:
въ челнокахъ приплыли изъ Днѣпра въ Кон-
спаншинополю; видно, что тогда Черное мо-
ре было не шире Ильменя. Припомъ, откуда
взялъ Авпоръ ИРН. слова: *въ первый разъ?*
Греки слышали о Руссахъ (хотя не о Днѣ-
провскихъ), много разъ на Соборахъ еще съ
VIII столѣтія и, вѣроятно, ранѣе.

18.

Въ примѣчаніи, на стр. 96 помѣщенномъ,
Авпоръ ИРН. говоритъ: „Съ 678 года въ Бул-
„гарскомъ царствѣ велась династія Аспаруха.“

Трудно ли было Авпору ИРН. взглянувши
на родословную Булгарскаго Царства, къ IV-й
Часпи *Шприттеровыхъ* извѣстній приобщен-
ную? Тамъ увидѣлъ бы онъ ясно, что Родо-
начальникомъ Царей Булгарскихъ былъ *Ку-
вратъ*, а не *Аспарухъ*, котораго родъ кон-
чился на внучкѣ имени неизвѣстнаго. Написан-
ное Авпоромъ ИРН. о династіи *Аспаруха* и не-
справедливо и для Русской Исторіи не нужно;
онъ выискиваетъ случай, сказать что нибудь
и гдѣ нибудь, только бы сказать не пакъ,
какъ у людей.

„Слѣды разноспи,“ говоришь Авпоръ ИРН. на сп. 76, — „Скандинавскаго и Славянскаго языковъ оспавались долго, и дошли до насъ въ названіяхъ урочищъ и городовъ, изъ коихъ многіе носили вмѣстѣ Славянское и Скаидинавское имя.“

Смѣемъ ли спросить: Какіе города въ Россіи назывались двояко, т. е. по Скандинавски и по Славянски? Мнѣ не посчастливилось опыскапъ ни одного такого города. Въ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ находятъ нѣсколько словъ древне-Готскихъ напр., *Гулфорси*, *Аейфаръ*, *Струбунъ* и проч.; но возможно ли, чпобы Славяне и мнимые Скандинавы, подъ однимъ названіемъ Руси еще некрещеной вообще и, слѣдственно, не употреблявшей писменъ, въ одно время, въ одномъ войскѣ прошедъ нѣсколько разъ пороги, дали имъ (однимъ только порогамъ) разныя названія, дошедшія съ тѣмъ различіемъ къ Византіянамъ? Мнѣ кажется, что пороги получили названія Готскія отъ Готевъ, съ IV столѣтія занимавшихъ немалую часть нынѣшней Европейской Россіи и оспававшихся въ Крыму до XIII столѣтія, т. е. до *Рубри-*

кїя, нашедшаго ихъ памъ еще значное количество. По Славянски же начали называться сіи пороги со времени заселенїя окрестностей ихъ Славянами. Для меня все равно: изъ Скандинавіи ли былъ *Рурикъ*, съ береговъ ли противоположащихъ Скандинавіи, съ береговъ ли Черноморскихъ; я утверждаю единственно то, что о Скандинавскомъ его происхожденїи ни въ Русскихъ, ни въ иностранныхъ современныхъ лѣтописяхъ рѣшишельно нѣтъ ни одного свидѣтельства, кромѣ новѣйшихъ комментарій, основанныхъ чисто на однихъ догадкахъ.

20.

Почти шупъ же, на стр. 76, Авторъ ИРН. говоритъ: „Мы почти не видимъ слѣдовъ „Скандинавской религїи въ немногихъ преданїяхъ первобытныхъ Руссовъ.“

Это почти правда; жаль, что въ слѣдующихъ спрочахъ самимъ Авторомъ ИРН. сія правда обезображена. Въ доказательство сей истины, разумѣется, необезображенной, я перевелъ изъ одного классическаго шворенїя Скандинавскую мїеологїю. Авторъ ИРН. въ Моск. Телеграфѣ, разбранивъ, какъ нельзя больше Автора Словаря, переведенной мною

Скандинавской мифологии, извѣспилъ своихъ читателей, что сей словарь *Маллетова* времени, вѣроятно, Автору хошлось сказать *Маллетова* сочиненія.—Посмотримъ, *Маллетовъ* ли это словарь! Такъ точно: есть *Маллетовъ* словарь, напечатанный въ Женевѣ въ 1788 году въ дополненіе такого жъ словаря, соч. *Чарнера*, изданнаго въ Нёшатель въ 1778 году. Какой же это словарь? Не Шведскій, но Швейцарскій (non Sueonum, sed partim Sueonum); и не мифологическій, а историко-политическій: за что же Авторъ ИРН. разругалъ бѣдную книжонку, за что обезобразилъ истину?

21.

На стр. 64, Авторъ ИРН. пишетъ: „Осмѣливаюсь замѣнить, что *Карамзинъ* сдѣлалъ „большую ошибку: онъ перенесъ народныя „повѣрья наши нынѣшнія и извѣстія о за- „падныхъ Славянахъ позднѣйшихъ къ древ- „нимъ Славянамъ.“

Трудно сыскать у Исторіографа, какоенибудь извѣстіе безъ ссылки, безъ свидѣтельства. При описаніи Идолослуженія Славянъ во Вступленіи къ его исторіи государства Россійскаго, ссылался онъ на *Прокопія*, *Гельмольда*, *Саксона Грамматика*, *Адама Бре-*

менскаго, Козму Пражскаго и другихъ. Но когда жили сіи лѣтописатели, когда на островѣ Ругенѣ существовала Аркона съ храмомъ *Святovidовымъ*, когда въ Ресрѣ молились *Радегасту*, въ Виннетѣ *Триглаву*, въ Кіевѣ *Перуну* и проч.? Теперь пусть объявитъ самъ Авторъ ИРН.: изъ какого писателя IX столѣтія взялъ онъ и внесъ въ текстъ своей исторіи (ср. 202) драгоценное извѣстіе а): что Владиміръ былъ Первосвященникомъ Кіевлянъ языческихъ? Изъ *Доленги-Ходаковскаго*. А въ какомъ вѣкѣ, въ какомъ году, и при какомъ языческомъ храмѣ скончался *Доленга*? Можетъ быть, что Авторъ ИРН. называетъ ошибкою Исторіографа то, что онъ въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа открывалъ иногда слѣды древняго Славянскаго богослуженія, не упуская однако нигдѣ приводить на то свидѣтельства. Если въ семъ случаѣ Исторіографъ ошибался; то, почему не ошибается Авторъ ИРН. (ср. 207), приписывая глубокую древность присловьямъ, присказкамъ, поговоркамъ, пословицамъ, кои слышалъ онъ отъ стариковъ разсказчиковъ? Откуда знаетъ онъ, что на пиршествахъ *Владиміро-*

а) Это точныя слова Автора.

выхъ раздавались пѣсни Бардовъ Славянскихъ (спр. 206), которые (спр. 116) сопровождали въ Царь-градъ *Олега*, воспѣли походъ его въ своихъ поэмахъ, и именовали себя тогда еще Скальдами? Опъ кого свѣдалъ онъ, что у Скандинавовъ пѣснопѣвцы назывались Скальдами? Гдѣ провѣдалъ онъ, (спр, 206 и 207), что Славяне VI вѣка пойманы были Греками съ гуслями, разумѣется, о желѣзныхъ спрунахъ, когда сами сїи Славяне говорили Римлянамъ и Императору, что они родились въ спранѣ, гдѣ о желѣзѣ понятія не имѣютъ (in regione ferri nescia pati), и какъ они могли препоясаться, или привязать къ поясу гусли? (nullo ferro, uel gladio accincti, sed citharis tantum modo Instrumenti); почему наконецъ не ошибочны суевѣрія, описанныя Авторомъ ИРН. въ 50 примѣчаніи, тѣ самыя, за кои онъ упрекаетъ Исторіографа? Поговоримъ еще, хотя и не по порядку, о кришикѣ Автора ИРН. на Исторіографа; она поунищельна.

22.

Карамзинъ написалъ, что „*Ольга* въ 960 году, отправивъ къ *Оттону* пословъ, можетъ быть, хотѣла, чтобы сей Государь свѣдалъ о знаменитости ея народа.“ Авторъ ИРН.

на 169 стр. возражаетъ: „На что пишу *можетъ быть*, когда Нѣмецкія лѣтописи говорятъ именно, что Русскіе послы приходили просить у *Оттона* Епископовъ.“ —

А по моему мнѣнію слова: *можетъ быть*, пишу необходимо нужны: ибо *Ольга*, въ 955 году (см. стр. 366) крестившись въ Царьградѣ у Воспочнаго духовенства, не могла въ 960 году просить Епископовъ Западной церкви Отецъ *Григорій*, духовникъ Вел. Княгини *Елены*, вѣроятно, умѣлъ различить Воспочную церковь отъ Западной.

23.

При словахъ: Плакашась (по *Олегъ*) вси плачемъ великимъ, Исторіографъ прибавилъ: что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго?—Авторъ ИРН. (стр. 133) возражаетъ; что „это была обыкновенная форма лѣтописцевъ: ибо, объ *Олегъ* и *Изяславъ* сказано по же, изъ коихъ послѣдняго рѣшительно любить было не за что.“

Немногіе вѣки могутъ похвалиться какими Царицами, какова была *Ольга*; что жъ принадлежитъ до *Изяслава*; но, не только по смерти насильственной, но еще при жизни

его, вѣроятно, добродѣшельные граждане проливали о немъ слезы (см. Испорію Р. Г. Т. II, стр. 86): онъ два раза былъ изгнанъ невинно, лишень престола, всего достоянія, и къмъ? Народомъ, всегда ему любезнымъ; скипался въ чужихъ земляхъ, искалъ соспрандія иноплемениковъ, всю жизнь переносилъ бѣдспвія и никому не причинилъ оныхъ, всю жизнь периглъ обиды и никогда не думалъ о мщеніи.— Противорѣчіе въ семъ случаѣ Испоріографу; противорѣчіе слезамъ вѣрныхъ подданныхъ, съ моею спороны, я почелъ бы явнымъ нечеспіемъ.

24.

На стр. 247, Авпоръ ИРН. говоритъ: „*Генрихъ II* началъ войну съ *Болеславомъ* не храбрымъ, какъ говоритъ *Карамзинъ*; ибо симъ именемъ (Smialy) называли другаго Болеслава, царствоваващаго съ 1058, по 1080 годъ, но великимъ (Wielki).“

Кпо жь эпо сказалъ? Не *Доленга м Ходаковскій* выкопалъ въ Русскихъ курганахъ? Смѣю увѣрять, что въ Польскихъ и даже въ Нѣмецкихъ древнихъ лѣтописяхъ *Болеславъ I*, современникъ *Оттона III*, назывался Храбрымъ (Chrobri) а *Болеславъ II* (Smiali) Смѣ-

лымъ; (см. розысканіе *Гарткноха* о первыхъ Короляхъ Польскихъ—*Helmoldus Lib. I. Chr. Slav. c. 15. Boleslaum I, Chrobri appellat Regem Christianissimum*). Что мѣшало Авпору ИРН. взглянуть на таблицу *Страсса*? Тамъ написано: „*Болеславъ I, Храбрый; Болеславъ II, Смѣлый*. Такова почти вся криптика на Испориографа, таковы почти все примѣчанія на исторію Русскаго государства; они не достойны не только разбора, но и чтенія.

24.

Все сіи недоспадки, все нецѣлосудіе ИРН., Авпоръ ея искупаешь увлекашельнымъ повѣствованіемъ о кончинѣ *Рурика*: (стр. 82) *Рурикъ* скончался не прежде 879 года. — (стр. 394) Смерть *Рурика* въ 879 году. — (стр. 100) *Рурикъ* скончался въ 878 году. Къ довершнню всехъ сихъ смертей, въ родословной—въ 879 году поставленъ надъ *Рурикомъ* черный крестъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ шакого же креста, водруженнаго имъ въ 1020 году надъ *Ильею Юрьевичемъ*, сыномъ *Ярослава*! Послѣ сего, кто дерзнетъ усомниться, что *Рурикъ* умеръ въ 879 году? Этому не вѣришь только самъ Авпоръ (см. стр. 8), да

опъ и правъ: у него (см. стр. 81) 100 не 100, а 40 не 40!

тб.

На стр. 109, сочинитель ИРН. гласитъ:
 „Радимичи плашили Хазарамъ по шлягу. Чшо
 „значитъ это слово (стр. 110)? Монету шил-
 „лингъ, шкиллингъ, опвѣчаетъ *Кругъ*. Сомнѣ-
 „ваемся; если не принятъ, чшо шлягъ озна-
 „чалъ условное количество мѣховъ.“

Да развѣ шиллингъ—мѣхъ?—И прямо такъ;
Арицыбышевъ шлягъ признаетъ шкурою, а Ком-
 пиляпоръ ИРН. называетъ шелгъ не одною
 шкурою; но условнымъ количествомъ мѣховъ,
 вѣроятно, шумаковыхъ (стр. 108). Но на чемъ
 все это основано? Вѣроятно, на Нѣмецкомъ
 словѣ *schlinge*, пепля, связка. Вѣроятно, Ав-
 поръ умолчалъ объ источникѣ столь счаст-
 ливой находки для того, дабы не обнаружилъ,
 чшо на пространствѣ нынѣшней Россіи еще
 до прихода *Рурика*, или мнимыхъ Скандина-
 вовъ, уже употреблялись Нѣмецкія или Готт-
 скія слова. Мнѣ кажется, чшо вопросъ о шлягъ
 всякой Русской крестьянинъ, даже безграмотный,
 можетъ разрѣшить удовлетворительно. Спро-
 сите деревенскаго мальчика: чшо значитъ
 шелгъ, и онъ вамъ по своему изъяснитъ,

что шелехъ есть всякая металлическая монета, старая, негодная, изъ употребленія вышедшая.

27.

На стр. 112, Авторъ ИРН. пишетъ: „Вежи Угровъ въ 896 году явились подъ Кіевомъ;“ — на стр. 113: „сіи-шо Угры были основателями Государства Венгерскаго;“ — и на той же страницѣ въ примѣчаніи: „съ 895 года Угры поселились въ нынѣшней Венгріи.“

И такъ, по мнѣнію Автора ИРН., Кіевскіе Угры поселились въ Венгріи прежде, нежели вежи ихъ спояли подъ Кіевомъ; слѣдственно, эшо поселился авангардъ Кіевскихъ Угровъ, а я смѣю увѣришь его, что сей авангардъ былъ изъ Гунгаровъ или Унгаровъ а), коихъ обитанія еще въ 791 году *Карль Великій*, пришедъ въ Паннонію опустошилъ огнемъ и мечемъ.—Такъ не ошибаюшся и самые посредственные историки.

28.

На стр. 137, Авторъ ИРН. говоритъ: „Религія Христіанская рѣшишельно прошиву-

---

а) *Венгры*, слово, произносимое Поляками вмѣсто: *Угровъ* или *Унгаровъ*: ибо у нихъ у измѣняется на ея. напр. они говорять вмѣсто: рука, *ренка*.

„положна была вѣрѣ и мнѣніямъ Скандинав-
 „скаго происхожденіа, коихъ опцы за 100
 „лѣтъ разбѣйничали на моряхъ и были ужа-
 „сомъ Христіанамъ.“ —

По моему мнѣнію, морскіе разбой мнимыхъ Скандинавовъ суть настоящая басня: война Нордманновъ была обыкновенная война за вѣру, и за то, за что предавались всякимъ опасностямъ всѣ, даже славнѣйшіе завоеватели и больше ничего. Нордманны кажутся слишкомъ жестокими поному, что они не имѣли ни испориковъ, ни даже письменъ и описаны ярко одними ихъ непріятелями.

29.

На стр. 147, Авторъ ИРН. называетъ *Улсба* и *Якуна Игоревъли* племянниками; но въ договорѣ, изъ котораго взято сіе извѣстіе, на стр. 347, сказано: *Нети*, а нетій на Славянско-Церковномъ языкѣ значитъ не племянникъ, а дядя. Можно отыскать, что ошибкою напечатано и племянникъ; но нужно ли толковать: чему должны слѣдовать писатели?

30.

На стр. 127, въ примѣчаніи, Сочинитель ИРН. говоритъ: „Кляшася оружіемъ своимъ,
 „(какъ естествененно для дикаго Нормана!) и

„Перуномъ, Богомъ своимъ и Волосомъ, скопскимъ Богомъ.“

Эпо какъ не еспественно для мнимыхъ Скандинавовъ, которые оружіемъ не клялись, и ни Перуну, ни Волосу не поклонялись! Язычники-Скандинавы имѣли своихъ особыхъ боговъ.

31.

На стр. 129, въ примѣчаніи же, Авторъ ИРН. гласитъ: „Литра, испорченное слово „опъ Римскаго либра (libra).“

А по моему мнѣнію, *Литра* произошла изъ испорченнаго Греческаго слова: *Литра*; пошому что Греки имѣли вѣсъ и мѣру тогда, когда исторія и о существованіи Рима не упоминаетъ. Не смотря на превращенность сего замѣчанія Автора ИРН., оно драгоцѣнно (разумѣется, для его созданія), пошому что вмѣстѣ съ тумаковыми мѣхами, на стр. 108 упоминаемыми, составляетъ всю древнюю Русскую нумизматику. Просимъ насъ извинить въ томъ, что она слишкомъ коротка, древніе законы по важнѣе нумизматики; да и они (стр. 80) умѣщены въ ИРН. на двухъ спрокахъ съ половиною. Какъ опечески пожурить Издашель Моск. Телеграфа—Г. Профессора *Кайдинова* за одно только упоминаніе о *Русской Правдѣ*, которая при

Ярославъ I будпо бы еще не существовала! Да почему же? Пошому, говоритъ Авторъ ИРН. (спр. 272), что основаніе ея гораздо древнѣе. А что же значатъ слова: „*Ярославъ* „давъ правду, ушавъ и грамошу рече: по се- „му ходише и держише, яко же списахъ вамъ?““ Все сіе, по увѣренію Автора ИРН., относится ко льготнымъ грамошамъ, коихъ никпо не читывалъ и не видывалъ. Надѣмся, въ другой разъ, при удобномъ случаѣ поговоримъ о семъ предметѣ обстоятельнѣе.

32.

На спр. 135, 155 и 201, Авторъ ИРН. удѣльную систему, называя аристокрашіею, явно показываетъ, что ему смыслъ слова: аристократія, не весьма извѣстенъ.

33.

На спр. 105, Авторъ ИРН. говоритъ: „Не- „медленно спавишь *Олега* въ землѣ Сѣверской „Черниговъ на Деснѣ, другой въ бо верспахъ „южнѣ Кіева Переяславль на Трубержѣ.““

Кпо жъ изъ древнихъ лѣтописателей его о семъ уведомили? И Авторъ ИРН. на спр. 111 разрѣшаетъ, что это вѣроятность; но тупъ нѣтъ ни вѣроятности, ни правдоподобія, потому что, если бы сіи города построилъ *Олега*, то, безъ сомнѣнія, упомянулъ бы о томъ *Несторъ*.

На стр. 107, Авторъ ИРН. продолжаетъ:
 „Въ лѣтописяхъ вовсе нѣтъ слѣдовъ власни
 „Кіевскаго Князя надъ Новгородомъ до при-
 „бытія въ 947 году *Ольги*.“

Неправда! Новгородцы, со времени *Олега*
 до *Ярослава*, платили дань по 500 гривенъ;
 Князья, присылаемые изъ Кіева (см. стр. 238),
 были Вождями Кіевскихъ дружинъ, и собира-
 ли подаши. Не видно: кто были сіи Князья?
 но не видно также: гдѣ Княжили *Улебъ* и
Якупъ дяди, или, по мнѣнію Автора, племян-
 ники *Игоревы*, упоминаемые въ договорѣ сего
 Князя съ Греками.

На стр. 111, Авторъ ИРН. въ текствѣ напе-
 чаталъ: что въ 903 году *Олего* избралъ супругу
Игорю Ольгу изъ Пскова, и на той же самой
 страницѣ въ примѣчаніи: Псковскую родину
Ольги, какъ сомнительную, неизвѣстную и
 основанную на однихъ саняхъ а) ея, самъ оп-
 вергаетъ. Къ чему годится такое самому се-
 бѣ противорѣчіе? И почему Авторъ не слѣ-

а) Въ подлинникѣ у Автора напечатано: „Кажется, что
 „путешествіе *Ольги* въ 947 году, когда являющія сани
 „ея во Псковъ (непонятное слово лѣтописца) ввело
 „Псковъ въ женитьбу *Игоря*.“

дуетъ собственному своему правилу, на стр. 205 имъ изложенному: „Исторія не касается „пого, что сомнительно?“ Поному, какъ и думаю, что Авторъ самъ себя не въришь. И далѣе.

36.

На стр. 125, Авторъ ИРН. разсуждая о ключѣ, говоритъ: „Лучше принять вѣроятное; нежели вовсе невозможное.“

Для исторій, которую Авторъ называетъ прагматическою, не годится ни то, ни другое. Чего Авторъ рѣшитъ не можетъ: то, до времени, долженъ оставить неразрѣшеннымъ.

37.

На стр. 128, Авторъ ИРН. спрашиваетъ у самаго себя: „*Ингельдъ* (посланникъ *Олеговъ*), „не значить ли Англичанинъ?“—Почему же?— Потому: „что Англичане бродили тогда повсюду; въ Царь-градѣ, особливо послѣ Гаспингской битвы, находилось множество Англичанъ.“

Слѣдственно, по мнѣнію Автора, *Олеъ* одного изъ первыхъ пословъ своихъ завербовалъ изъ Цареградскихъ бродягъ Англичанъ, коихъ тогда (въ 911 году) въ Визанціи, по Византійскимъ извѣстіямъ, еще не было. Это забавно, Гаспингская битва происходила позднѣе

сего ровно ста пятидесятью пятью годами, т. е. 1066 года 14 Октября!!!... Надо бы отдать справедливость Г. *Полевому*: его хронология самая оригинальная; такой нѣтъ ни у *Тьерри* на стр. 16 и 20 упоминаемаго, у коего Гаспюнгская битва означена также 1066 года Окт. 4 числа, ни у *Робертсона*, ни у *Карамзина*!

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

~~~~~

ВОЛШЕБНИЦА и ВѢДЬМА.

— Какая разница между волшебницей и вѣдьмой? —

Иная женщина въ двадцать лѣтъ бываетъ волшебницей, очаровательницей, а въ шестьдесятъ становится настоящею вѣдьмою.

П.

~~~~~

ПОХВАЛА.

Нѣкто, объявляя о близкой своей женитьбѣ, говорилъ: „Я нашелъ превосходную невѣсту; превосходную во всякомъ отношеніи, въ физическомъ и моральномъ: въ физическомъ — она красавица, въ моральномъ — за нею двѣсти тысячъ приданаго.“

П.

~~~~~

С П О Р Ъ.

Лекарь. Что вы чувствуете?

Больной. Я чувствую ознобъ.

Лекарь. Неправда, вы чувствуете жаръ!

Больной. Извините, я зябну, я дрожу.

Лекарь. Быть не можетъ, вы чувствуете жаръ, а не ознобъ!

Больной. Увѣряю васъ, что чувствую ознобъ, а не жаръ.

Лекарь. Это совершенно невозможно. Я вамъ далъ такое лекарство, которое должно производить жаръ.

*

Кто изъ нихъ правъ? Больной ли, который чувствуетъ, или лекарь, который по наукѣ своей знаетъ силу, даннаго имъ лекарства? Какъ часто случается намъ видѣть, что чело-вѣкъ, утверждаясь на системѣ, основанной на легкихъ умозрѣнiяхъ и догадкахъ, хочетъ убѣдить въ своемъ мнѣнiи того, кому вѣр-ныя наблюденiя доказали противное.

И. Пальминъ.

